К 09
И 907

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА

с древнейших времен до конца XIX века

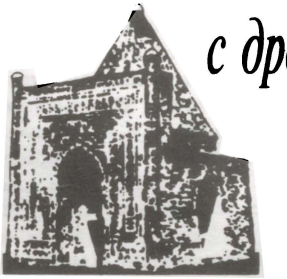

ФОНД «СОРОС-КЫРГЫЗСТАН»

ПРОГРАММА

Трансформация гуманитарного образования
в Кыргызской Республике

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА

с древнейших времен до конца XIX века

Фонд Сороса-Кыргызстан
Кыргызстан-Сорос Фонду

БИШКЕК-1996

Данное издание представляет собой оригинальную авторскую рукопись, подготовленную в рамках программы "Трансформация гуманитарного образования в Кыргызской Республике", осуществляемую Фондом Сороса–Кыргызстан совместно с Министерством образования и науки Кыргызской Республики.

Спонсором программы является известный американский финансист и философ ДЖОРДЖ СОРОС.

Фонд Сороса–Кыргызстан будет благодарен за отзывы, замечания и предложения в адрес данной книги.

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для вузов. – Бишкек, 1995. – 368 с.

Учебник подготовлен группой ученых Института истории Национальной академии наук и педагогов Бишкекского гуманитарного и Ошского государственного университетов Кыргызской Республики.

Предложен нетрадиционный подход к структуре и логике изложения курса; раскрывается связь истории Кыргызстана с историей сопредельных стран и мировой историей; по-новому, на основе самоанализа и самокритики, несовместимых ни с идеализацией, ни с очернительством, свободных от политической конъюнктуры, устаревших догм, раскрываются основные этапы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Кыргызстана.

Основное место отводится освещению малоизвестных страниц национальной истории, широко представлены дискуссионные проблемы, предложены новые сюжеты, раскрыты новые грани деятельности выдающихся исторических личностей.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Кыргызской Республики 2008 г.

793

Авторский коллектив:

Чотонов У. (руководитель авторского коллектива), к.и.н., доц. (введение, гл. 4 (в соавт.), раздел "Важнейшие события и даты"); *Бедельбаев А.*, к.и.н., доц. (§ 1 гл. 11); *Караев О.*, д.и.н., проф. (гл. 3, 4 (в соавт.), 5, 6, 7); *Кененсариев Т.*, к.и.н., доц. (гл. 10); *Мокрынин В.П.*, к.и.н., доц. (§ 1 гл. 2); *Плоских В.М.*, д.и.н., проф. (гл. 8); *Сулайманов Э.*, к.и.н., доц. (§ 2 гл. 11;, *Ташбаева К.*, к.и.н., доц. (гл. 1;, *Усенбаев К.*, д.и.н., проф. (гл. 9); *Худяков Ю.С.*, д.и.н., проф. (§ 2 гл. 2).

История как наука

Как возникла историческая наука? Зачем нужна историческая наука? Как историческая наука познает общественные процессы? История Кыргызстана – составная часть всемирной истории. Предмет и задачи курса "История Кыргызстана". Логика и структура курса.

История изучает прошлое человеческого общества во всем его многообразии и конкретности с целью осмысления настоящего и определения перспектив развития. Наряду с другими науками об обществе история исследует факты, события и процессы на базе исторических источников и на их основе формирует научные представления о закономерностях общественного развития.

История – в переводе с греческого – рассказ о прошедшем. Еще древние называли историю "наставницей жизни". Люди всегда интересовались своим прошлым, обращались к историческому опыту. Сначала это были устные предания, легенды, сказания, мифы. С появлением письменности открылась более совершенная форма передачи знаний об обществе.

Древнейшие представления об истории античного мира даны в сочинениях "отцов истории" Геродота и Фукидида. В древнем Китае развивалась своя историческая традиция в виде династийных хроник. Мифическая традиция как своеобразное представление об истории сотворения мира и развития человеческого общества заложена в священных книгах "Авеста" и "Веды" индоиранского населения, "Талмуд" древних

евреев, "Пятикнижие" народов Передней Азии и т.д. Исторические взгляды древности и средневековья были тесно связаны с религиозным мировоззрением.

С позиций господствующих классов историки прошлого объясняли ход исторического процесса: или как следствие "божественного провидения", особенно на ранних этапах развития человечества (отсюда термин "провиденциализм" – ход истории определяется богом), или как результат действий отдельных полководцев и правителей. Со становлением буржуазного строя на смену объяснению исторического развития как совершающегося по воле небес пришли земные причины и прежде всего – воля всемогущего человеческого разума.

Место *провиденциализма* занял *рационализм* (от лат. *ratio* – разум, ум). В XVIII в. исторические знания начали складываться в науку. Ход истории стали объяснять в зависимости от природно-климатических факторов, уровня просвещения общества, системы законов, нравов, обычаев и т.п. Внимание историков привлекли промышленность, финансы, торговля.

Появление на мировой арене пролетариата вызвало переворот в науке об обществе. Наряду с *идеалистическим* убеждением людей, основанным на утверждении, что идеи определяют развитие общества, появилось *материалистическое* понимание истории, в основе которого лежит положение о том, что условия материальной жизни общества, общественное производство являются определяющей силой развития человечества. По марксизму, историческая наука исходила из целостности исторического процесса, из того, что общество в своем развитии проходит через закономерную, последовательную смену определенных стадий или фаз – общественно-экономическую формацию. С течением времени аргументы историков-марксистов были поколеблены под напором фактов и исторических явлений. Три кита – историческая необходимость как выражение объективных законов развития человечества, определяющая роль бытия по отношению к сознанию, роль собственности как основной политической и экономической категории исторического процесса,– на которых держалось марксистско-ленинское понимание истории, постепенно уходят в прошлое [1].

---

[1] *Койчуев Т., Брудный А.* Независимый Кыргызстан: Третий путь. – Бишкек, 1993. – С. 43.

Устройство жизни общества в соответствии с идеологическими установками одного учения показало в конечном счете ошибочность такого опыта. Общественно-экономические системы, созданные по коммунистическому образцу, распались.

Ныне обществоведы, в том числе историки, берут на "методологическое вооружение" весь накопленный багаж общественной мысли, опираются на разумное, рациональное во всех учениях. Они постепенно отходят от диктата марксизма-ленинизма как все и вся охватывающего учения, как учения в абсолютной инстанции. Но отход от эпигонского марксизма вовсе не означает, что вообще марксизм-ленинизм как течение в общественной мысли нужно отбросить. Это учение, как и любое другое, должно оставаться объектом исследования и анализа, все ценное в нем в общечеловеческом плане, в плане улучшения социально-экономического и политического устройства общества должно использоваться в общественной практике.

Знание истории воспитывает уважение к труду, любовь к Родине, чувство общности с народами мира.

Знание истории необходимо филологу и психологу, журналисту и философу, юристу и экономисту, каждому, кто обращается к фактам далекого прошлого, отыскивая в них подтверждение своим идеям или аргументы для возражения оппонентам.И те, кто занимается политической работой профессионально, для кого государственная и партийная деятельность определяют круг повседневных забот и интересов, ощущают связь с историей постоянно, а достоверная информация о прошлом в глазах политического деятеля столь же важна, как и достоверная информация о текущих событиях. Поэтому для государственных и политических деятелей знание истории составляет непременный элемент государственной мудрости и политической проницательности. Многие выдающиеся мыслители с древности и до наших дней не только сами уделяли большое внимание познанию прошлого, но и горячо отстаивали важность и необходимость его изучения.

Полезность исторического познания состоит прежде всего в удовлетворении потребности формирования социального самосознания различных общностей людей, для осознания ими себя как особой этнической общности, отличной от других, как особой целостности, в удовлетворении потребности в социаль-

ном воспитании. (Например, поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, темы разрешения определенных конфликтов, ведущие к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, со временем становясь эталонами, дают обоснование нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения).

Сохранить в памяти деяния отцов и дедов для потомков как источник подражания или предмет для размышления и извлечения исторического опыта, а также написать подлинную историю своего народа, являлось осознанной целью подавляющего большинства историков.

Студентам об отечественной истории. Вы начинаете изучать полный курс "Истории Кыргызстана с древнейших времен до наших дней".

Кыргызы – один из древнейших народов, населяющих Центральную Азию. В своем развитии кыргызы, преодолев сложный путь в историческом времени и пространстве, сквозь толщу веков прорвались на орбиту современной цивилизации. Ранние этапы их этнической истории восходят к племенным союзам саков, усуней и гуннов.

Почти с VI в. кыргызы вместе с тюрко- и ираноязычными племенами – карлуками, уйгурами и другими – составляли один из основных компонентов населения тюркских феодальных государств. Позже кыргызская государственность достигла небывалого взлета на берегах Енисея. О кыргызах, об их экономическом благосостоянии, войсках, дипломатических связях с соседними странами, культуре уже в VI-VII вв. уважительно писали историки Византии и Китая, арабы и персы.

Своеобразно сложились и развивались кыргызская народность, ее государственность на Тянь-Шане. С VII по XIII в. Кыргызстан был административно-политическим полем ряда сменяющих друг друга тюркских государств: Западно-Тюркского, Тюргешского, Карлукского и Караханидского каганатов.

Древнетюркская государственность на Тянь-Шане, как и на Енисее, была разрушена нашествием полчищ Чингисхана. Путь кыргызов к последующей своей государственности был необычайно труден и долог.

Позже кыргызы были завоеваны Кокандским ханством, а затем входили в состав Российской империи.

Воплотить народные мечты об объединении кыргызов в единое государство удалось только в советский период. Со дня образования Кара-Кыргызской автономной области кыргызы находились в составе СССР. И только 31 августа 1991 г. обрели независимость и образовали суверенное государство – Кыргызскую Республику. Почти весь XX век кыргызы шли к этой своей заветной мечте.

Национальная государственность кыргызского народа в годы советской власти, даже при том, что она в значительной мере действительно была категорией декларативной, имела громадные положительные последствия. Главное, именно этот период стал предысторией (новейшей) настоящей истории суверенного кыргызского государства.

Кыргызы изустно – от дедов к отцам, от отцов к сыновьям – в поэтической форме передавали сказания о жизни, о военных походах кыргызов в древности и средневековье, о борьбе за независимость, о быте, нравах и обычаях народа-кочевника. Так постепенно сложился эпос "Манас", являющийся выдающимся вкладом кыргызского народа в мировую культуру, 1000-летие которого отмечалось в августе 1995 г.

Антропологически кыргызы принадлежат к южно-сибирскому типу монголоидной расы, кыргызский язык относится к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков.

На конец 1924 г. в Кыргызской автономной области проживало 610 тыс. кыргызов, по данным переписи 12 января 1989 г. – 2 229 663 кыргыза (приблизительно 89% кыргызов СССР), это 52,4% от общей численности населения республики. По-братски деля радости и тревоги, кыргызы живут в республике бок о бок с представителями более чем 80 национальностей и народностей, в том числе: более 917 тыс. русских, 550 тыс. узбеков, 108 тыс. украинцев, более 101 тыс. немцев, 37 тыс. казахов, около 37 тыс. дунган, столько же уйгуров, 34 тыс. таджиков, 5,6 тыс. евреев и др. [1].

Проживают кыргызы в странах СНГ, КНР, Афганистане и Турции. История Кыргызстана – составная часть всемирной истории человеческого общества. На примере изучения его

---

[1] Советская Киргизия. – 1990.– 22 мая.

истории явственно прослеживаются общие закономерности исторического процесса.

История Кыргызстана изучает становление и развитие человеческого общества на его территории как естественно-объективный процесс, исследует взаимосвязь и взаимообусловленность всех сторон общественной жизни (экономика, социальные отношения, политический строй, международные связи, культура, идеология и т.д.). Она опирается на всю накопленную сумму знаний в области общественных наук.

Как известно, классовый подход к анализу исторических явлений, марксистско-ленинское учение как "единственно верная и правильная" методологическая основа научных исследований полностью игнорировали возможность научного плюрализма, полярных точек зрения на исторические события и явления. Не случайно большинство исторических исследований как две капли воды были похожи друг на друга: изменялись лишь имена, даты, названия, но содержание мало чем отличалось.

При изучении истории Кыргызстана широко используются данные различных наук. Геология, палеонтология, палеоботаника и палеозоология, располагающие точными методами исследования, дают возможность историку определить характер географической среды и ее изменения и датировать продолжительность отдаленных эпох в истории человечества.

Антропология дает сведения о развитии физического облика человека, о возникновении и расселении человеческих рас. Успехи антропологии привели к тому, что на основе найденных при раскопках древних черепов и скелетов появляется возможность восстановления внешнего облика как первобытных людей, так и выдающихся исторических деятелей позднейшего времени.

Одной из важнейших основ исторической науки является археология. В Кыргызстане в годы советской власти велись широкие и планомерные археологические исследования. Так, были открыты стоянки первобытных охотников, кочевников-скотоводов с их орудиями труда, скромные могилы общинников и пышные погребения племенных вождей, укрепленные поселки земледельцев, древние оросительные каналы, крепости и городища.

Археология раздвигает границы исторического знания, по-

зволяя воссоздать историю кыргызов, не имевших письменности, и сделать более доступным изучение той далекой эпохи, от которой не осталось никаких других свидетельств, кроме памятников материальной культуры.

Вещественный материал археологии получает истолкование при сопоставлении с данными этнографии. Описание жизни народов, сохранивших в силу неравномерности исторического развития черты далекого прошлого, позволяет значительно полнее представить как хозяйственную деятельность, так и семейный быт, обычаи и обряды древних племен.

Фольклор и народное изобразительное искусство, хранящие элементы далекого прошлого, также помогают исследованию истории народа.

Важным источником сведений об исторической судьбе кыргызов являются данные истории их языка. Принадлежность к тюркской языковой семье, богатство словарного запаса, заимствования из других языков или, наоборот, влияние на языки других народов – все эти вопросы, изучаемые лингвистами, очень важны и для историков.

История кыргызов рассматривается в тесной связи с историей народов ближнего зарубежья, раскрывается роль народов Кыргызстана во всемирно-историческом процессе.

О логике курса. Предлагаемый учебник – первая попытка изложить курс "История Кыргызстана" исходя из требований перехода вузов республики на новую систему преподавания гуманитарных и социально-политических дисциплин, призванную обеспечить гуманитаризацию образования, овладение фундаментальными научными знаниями, достижениями мировой и отечественной культуры, свободное самоопределение студенческой молодежи в мировоззренческих позициях, духовных интересах и ценностях.

Введение нового курса "Истории Кыргызстана" обусловило потребность в новых программах, учебных пособиях и учебниках для вузов. Их пока нет. Фактически не было потребности в них, а имеющиеся академические издания морально устарели. В сущности курс "История Кыргызстана" введен в вузах лишь после распада СССР, со времени обретения суверенитета Кыргызской Республикой. Авторы настоящего учебни-

ка стремились выйти за пределы устаревших представлений и сложившихся советских традиций.

Данный учебник отличается определенной новизной, в нем предложен нетрадиционный подход к структуре и логике изложения курса, раскрывается связь истории Кыргызстана с историей сопредельных стран и мировой историей; по-новому, на основе самоанализа и самокритики, несовместимых ни с идеализацией, ни с очернительством, свободных от политической конъюнктуры и устаревших догм, изложены основные этапы социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Кыргызстана, его связи с внешним миром.

Определенное место в учебнике отводится освещению малоизвестных страниц национальной истории. На основе новейших данных письменных источников, археологических открытий, архивных материалов, извлечений из сочинений авторов зарубежных стран, нумизматических находок раскрываются главные вопросы этногенеза кыргызов, истории и культуры Кыргызстана с древнейших времен до наших дней.

Опираясь на имеющиеся объективные факты, авторы старались освободить курс от искажений, замалчиваний, упрощений и субъективного комментаторства, поднять его на современный уровень доказательности и убедительности.

Как известно, в силу определенных обстоятельств в годы перестройки "историками" становились если не все, то многие: журналисты, драматурги, кинорежиссеры, телерепортеры, даже звезды эстрады — кто угодно, кроме профессиональных историков. Они так усердно заполняли "белые пятна" прошлого, что народ рисковал остаться не только без "белых пятен", но и без прошлого вообще. Учитывая это, авторы данного учебника критически отнеслись к статьям и публикациям этих "непрофессиональных историков".

В учебнике широко представлены дискуссионные проблемы. Предложены новые сюжеты. На базе новых материалов активно включены персоналии, раскрыты новые грани деятельности выдающихся исторических личностей. В годы коммунистического режима истинные герои зачастую пребывали в тени или же были попросту выброшены на свалку беспамятства. Теперь мы узнаем о таких выдающихся личностях кыргызской истории, как Алымбек-датка, Курманжан-датка,

Шабдан, Ормон, Байтик, Жусуп Абдрахманов, Абдыкадыр Орозбеков, Касым Тыныстанов и другие, деятельность которых в годы господства коммунистической идеологии трактовалась как исключительно или преимущественно враждебная народу.

Новые, существенно более высокие требования к учебнику предъявила сама жизнь – глубокие качественные перемены последних лет в общественном строе, в историческом сознании масс. С учетом этого авторы предлагают не новые факты сами по себе, а новые мысли и идеи, не пересказ, а рассуждения, не оправдания, а убедительные ответы на жгучие, острые вопросы истории и современности. Фактический материал – основа и фундамент любого исторического исследования, на котором строится здание исторических обобщений. Авторы старались подчинить это обобщение выявлению основных внутренних противоречий изучаемого периода и на этой основе дать его целостную, а не мозаичную картину. Примеривая на себя будущее, размышляя о дне сегодняшнем, студенты, как и вся молодежь, все пристальнее вглядываются в зеркало прошлого. Поэтому, избегая односторонних оценок и суждений, авторы стремились объяснить прошлое убедительно и доказательно.

Авторы едины в том, что предлагаемый учебник может работать во имя познания исторического прошлого, как оно было, может сыграть определенную роль в формировании мировоззрения, нравственного становления, развития кругозора, повышения политической культуры и социальной активности студентов. Надеемся, что материалы, изложенные в учебнике, помогут убедить читателей в том, что обращение к прошлому дает возможность во всей полноте оценить достижения современности, преобразовательную деятельность и подвиг народов Кыргызстана.

Учебник пропагандирует принцип единства, мира и согласия народов Кыргызстана, идеи консолидации кыргызов вокруг своей истории, что позволит им оторваться от идеалов родо-племенных и феодальных отношений и войти в мировую цивилизацию как нации интеллектуально развитой.

В данном издании впервые сделан акцент на права человека, на его благополучие – на том венце развития, к которому устремлены демократическое, правовое государство Кыргызстан и его внутренняя и внешняя политика.

Словом, авторы старались создать живой, особенностный, национально-культурный, социально-экономический, общественно-политический, духовно-нравственный портрет кыргызов и народа Кыргызстана.

В учебнике излагается, разумеется, определенная сумма знаний, которую должен усвоить каждый изучающий историю Кыргызстана. Но не менее, а быть может, более существенно то, что изучение истории – это школа, которая позволяет воспитывать культуру разумного мышления, умение свободно оперировать историческими терминами и понятиями, выдвигать, обосновывать и подвергать критике те или иные суждения, отделять существенное от второстепенного, раскрывать взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим, выявлять и анализировать противоречия исторического процесса.

Учебник адресован прежде всего молодежи, призванной достойно продолжить дело предков, бережно хранить память о своем народе, родном крае, об отцовском доме. Он призван сыграть немаловажную роль в активизации молодежных движений за восстановление исторической памяти своих народов, лишаясь которой, человек теряет себя, становится манкуртом, рабом, бессловесным исполнителем чужой воли, а народ, теряющий свои корни, наработанные веками механизмы преемственности культуры и образа жизни, обречен на ассимиляцию и последующее исчезновение с этнической карты.

Учебник адресован и преподавателям отечественной истории, а также тем, кто стремится глубоко знать историю и уважать традиции кыргызского народа, его благородные качества.

Авторы с благодарностью примут конструктивные замечания и пожелания.

Раздел I

КЫРГЫЗСТАН С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX в.

ГЛАВА 1

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ. ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ

§1. Каменный век. Формирование первобытнообщинного строя

Ранний палеолит. Территория современного Кыргызстана была заселена еще в древнейший период истории человечества – в эпоху раннего палеолита, в ашельское время [1]. Это время характеризуется становлением человека и человеческого общества, появлением первых орудий труда. Необходимо понять те условия, при которых появились древнейшие обитатели Тянь-Шаня и соседних регионов и каковы основные черты геологической истории края перед появлением человека в конце третичного времени (в неогене) и в последующее четвертичное время (антропогене). Антропоген – время появления и развития человека и его материальной культуры.

В начале антропогена территория Средней Азии и Казахстана представляла собой равнинную поверхность с влажным и теплым климатом, богатой субтропической растительно-

[1] Палеолит делится на ранний, средний и поздний (или на нижний и верхний). Ранний палеолит включает в себя олдувайскую и ашельскую эпохи, средний палеолит – это мустьерская эпоха.

стью, где водились и паслись бизоны, носороги, крупные лоси и олени, лошади и верблюды. На месте современного горного массива Тянь-Шань простирались обширные равнины, окруженные невысокими горами и холмами, где росли хвойные и лиственные леса.

В это время в Евразии шел грандиозный по масштабам процесс горообразования, в результате чего возник ряд горных систем — Альпы, Кавказ, Памир, Гималаи, Тянь-Шань и др. Процесс этот шел неравномерно: то замедленно, то ускоренно и различными темпами в разных частях огромного пространства. Для этого времени также характерна серия похолоданий, которые привели к возникновению оледенения. То же самое происходило и на территории Кыргызстана. Горные хребты поднимались все выше и охватывали все большее пространство. При этом снеговая линия понижалась, увеличивалась область накопления ледников. Ледники начинали медленно сползать с субарктических гор в долины и низины и вскоре заняли почти всю территорию Внутреннего Тянь-Шаня, кроме Иссык-Кульской котловины.

Наступление сурового климата ледниковой эпохи значительно изменило природу Тянь-Шаня, его растительный и животный мир. Стали исчезать теплолюбивые лиственные породы. Появились новые виды животных — волосатый слон, мамонт и шерстистый носорог, которые распространились вплоть до Ферганской котловины.

Затем холодный и влажный климат ледникового периода сменился более теплым климатом межледниковья, характеризующимся интенсивными тектоническими процессами. Горы продолжали расти и расширяться, в то время как равнины и котловины сокращались, образовывались многочисленные предгорные возвышенности — адыры, прорезанные речками. В результате тектонических процессов образовалось и озеро Иссык-Куль. Ледник медленно отступал, а вслед за ним по долинам рек продвигалась лесная и луговая растительность. Новое похолодание опять вызвало рост ледника, однако размер оледенения был меньшим и не обусловил столь сильных изменений, как в первую ледниковую эпоху.

На фоне этих грандиозных процессов начала четвертичного

периода и появляются первые люди на территории Кыргызстана. Памятников этого времени обнаружено не так много. Одной из первых находок было каменное орудие, найденное в 1953 г. в береговом обрыве р. Он-Арча (Тянь-Шань) А.П.Окладниковым. Это была массивная, тяжелая галька, один конец которой был оббит и превращен в острое лезвие. Здесь же были найдены грубые каменные отщепы и примитивное скребловидное орудие, выполненное также методом скола. Подобные галечные орудия называются чопперами.

Точно такие же галечные орудия были обнаружены на территории Ошской области в бассейне р. Ходжа-Бакырган-Сай и в некоторых других местах.

Одним из значительных памятников раннего палеолита Тянь-Шаня является комплекс Саламат-Булак на западной оконечности оз. Иссык-Куль, в 3 км к югу от г. Балыкчы (Рыбачье). Он состоит из трех археологических памятников – Боз-Бармак, Ак-Олен и Саламат-Булак. Здесь на поверхности четвертичных террас было обнаружено около тысячи древних орудий. Большинство из них из темно-коричневого порфирита и представляют собой массивные короткие и широкие отщепы и орудия из них. Множество заготовок разных форм.

Многочисленность изделий, найденных в местности Саламат-Булак, говорит о том, что этот благоприятный район был заселен древними людьми длительное время. Здесь, видимо, кроме охоты и собирательства первобытный человек мог заниматься и рыболовством.

Таким образом, появление древних людей на территории Кыргызстана приходится на первую половину раннего палеолита, судя по находкам археологов. Вероятно, в это время начали таять и отступать льды первого оледенения, многочисленные горные потоки несли свои воды вниз, откладывая вдоль русел толщи галечника. Вдоль этих русел обитали небольшие группы первобытных людей, добывая пропитание охотой на диких животных и собиранием растительной пищи.

Люди ашельской эпохи уже окончательно выделились из мира животных. Это были синантропы. Они имели вертикаль-

ную походку, руки их были приспособлены к труду. По своему физическому облику они значительно отличались от своих предшественников питекантропов. Судя по находкам, они умели изготавливать каменные орудия и делали их в немалом количестве. Очевидно также, что они пользовались огнем, который согревал их и защищал от хищников. Но искусственно добывать огонь они еще не умели. Это была первая стихия природы, которую человек покорил в своей извечной борьбе за существование и поставил себе на службу.

Наступившее похолодание заставляло человека приспосабливаться к суровым природным условиям. Начинается заселение пещер, изготовление одежды из шкур животных. При подобном образе жизни первобытные люди не могли существовать в одиночку. Они объединялись в небольшие коллективы для совместного поиска пищи, не только путем собирания плодов и кореньев растений, но и охоты на мелких и крупных животных, а также защиты от врагов. Иными словами, совместная трудовая деятельность сплачивала первобытных людей, способствовала установлению общественных связей между ними. Начальным этапом такого общественного объединения было первобытное человеческое стадо, которое, постепенно развиваясь, приобретает форму первобытной общины.

Средний палеолит — огромный промежуток времени (100— 40 тыс. лет тому назад), представленный в основном мустьерской эпохой. В этот период как следствие более высокой ступени развития древнего человека произошли существенные изменения в технологии изготовления каменных орудий и образе его жизни. Архантропы сменились палеоантропами (или неандертальцами). Ныне в разных частях света обнаружено достаточное для антропологических заключений число костяков палеоантропов.

Палеоантроп, как и его предшественники, отличался покатым лбом, мощными надбровными дугами, низким сводом черепной коробки, имел массивные челюсти, крупные зубы, подбородочный выступ был слабо развит. Он был невысокого роста (150—160 см) и сильного сложения. Развитие мозга приближало неандертальца к современному человеку — его

объем достигал уже 1200–1600 см^3. Однако внутренняя структура мозга во многом была примитивной, о чем говорит слабое развитие лобных долей. В Средней Азии известно знаменитое погребение неандертальского мальчика, открытое А.П.Окладниковым в гроте Тешик-Таш, на юге Узбекистана.

В это время происходит переход к более прогрессивной технике обработки камня. Суть ее в том, что каменная заготовка скалывалась так, чтобы одна или обе ее стороны приобрели ровную площадку. Затем с ровной площадки откалывали удлиненные массивные пластины, использовавшиеся для изготовления различных орудий. Новый прием обработки камня получил название техники леваллуа. В этот период распространяются и специальные орудия – остроконечник и скребло. Остроконечник, по-видимому, использовался в качестве ножа и наконечников для копий или дротиков. Скребла употреблялись для обработки шкур животных. Продолжали существовать и развиваться и старые формы каменных изделий.

В эпоху мустье происходит более интенсивное заселение почти всей территории Кыргызстана. Наряду с освоением пещер первобытный человек начинает сооружать и первые искусственные жилища – полуземлянки и шалаши. Несколько таких жилищ образовывали стоянку. Памятники эпохи мустье обнаружены во многих местах на территории Кыргызстана. Наиболее значительные из них – стоянки Тосор и "Георгиевский Бугор" на севере и Капчигайская каменоломня-мастерская на юге республики.

Стоянка Тосор находится на южном побережье оз. Иссык-Куль, на террасе правого берега р. Тосор, и занимает значительную площадь. При раскопках здесь найдено свыше 3 тысяч разных каменных изделий – нуклеусы, остроконечники, скребла, отщепы, пластины. По предположениям исследователей, стоянка одновременно являлась и мастерской по изготовлению орудий труда.

Стоянка "Георгиевский Бугор" расположена на левом берегу р. Чу, неподалеку от г. Бишкек. Здесь также собрано свыше 4 тысяч разнообразных изделий из камня: скребла, скребловидные орудия, остроконечники, нуклеусы и др.

793
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Кыргызской Республики 2008 г.

Особый интерес представляет каменоломня-мастерская в урочище Капчигай Ошской области. Это самое богатое находками – остатками деятельности древнего человека – местонахождение. Здесь разрабатывались выходы кремния для изготовления орудий. Орудия труда более разнообразные и отличаются высокой техникой обработки. Труднодоступность и обширность Капчигайского местонахождения, где кремень был превосходного качества, определили ему роль "мастерской" по изготовлению разнообразных и прочных орудий труда для широкой округи.

Что касается занятий неандертальцев, то основными видами их были охота и собирательство. Охота, которая была возможна только при участии большого коллектива, определенно сплачивала человеческое стадо и подготавливала формирование нового родового общества, связанного производственными и кровнородственными узами. В мустьерской общине, видимо, существовало уже естественное половое и возрастное разделение труда. В этот период происходит и формирование идеологических представлений, зарождается магия. Об этом свидетельствует погребение в Тешик-Таше, где вокруг останков мальчика были уложены рога горного козла.

Поздний палеолит (40-12 тысяч лет тому назад). С этой эпохой связано появление человека современного вида и начинается подлинно человеческая история. Древних людей, типа неандертальцев, сменяет человек, названный "кроманьонцем" (по первой находке костных останков в пещере Кро-Маньон во Франции). Для человека кроманьонского типа характерно развитие лобных долей мозга, регулирующих тормозные реакции. У него прямой лоб, высокий свод черепа, выраженный подбородочный выступ. Он высокого роста (168–194 см), с резко выраженными мускулами. Развитие подбородочного выступа, вероятно, связано с совершенствованием речевого аппарата.

В период позднего палеолита человек расселяется почти по всем климатическим зонам Земли, начинают формироваться расы и расовые группы. Получает дальнейшее развитие материальная и духовная культура человеческого общества того

времени. Все это непосредственно связано с прогрессивным развитием общественных отношений, с процессом формирования родовой общины как первой специфической формы общественной организации человеческого коллектива. В родовой общине главенствующее положение занимает женщина. Счет происхождения и родства ведется по женской линии. В идеологических представлениях верхнепалеолитических людей возникает культ женщины – родоначальницы и хозяйки домашнего очага. Таким образом, верхний палеолит – время расцвета матриархата и родовой общины как прогрессивной формы социальной организации общества.

Хозяйство родовых общин было коллективным. Средства труда и запасы пищи являлись собственностью всего рода. Члены родовой общины жили вместе в одном или нескольких жилищах, составлявших родовое поселение. Мировоззрение человека верхнего палеолита значительно усложнилось. Получил распространение культ охотничьей магии, а вместе с ним появляется и первобытное искусство в виде росписей растительной краской в пещерах, а также в виде скульптурных и резных фигур животных и женщин. В целом резко усложняется вся культура человека. Значительно совершенствуется и техника изготовления каменных орудий. Появились разнообразные по назначению орудия труда – скребки, резцы, острия с затупленным краем, скобели, ножи, острые и легкие наконечники для копий и дротиков. Наряду с камнем стали широко употребляться кости, рога, из которых изготовляли шилья, иглы, наконечники, гарпуны и копьеметалки. Человек научился шить одежду из шкур животных.

Основным способом добывания пищи продолжала оставаться охота. Получает распространение загонная и облавная охота, которая была возможна при больших коллективах родовых общин. При этом сохраняется и рыболовство, собирательство растительной пищи.

Все эти существенные изменения, происходившие в человеческом обществе в период верхнего палеолита, были характерны и для Кыргызстана. Крупным памятником этого времени является стоянка Ходжа-Гор в долине р. Исфара. Орудия верхнепалеолитического облика найдены и в извест-

ном уже урочище Капчигай, в пещерах близ поселков Хайдаркан, Кадамджай и Охна, Ничке-Сай в долине Кетмень-Тюбе и др.

Верхний палеолит сменяется эпохой мезолита – среднекаменным веком (XII–VI тыс. до н.э.). Ландшафт и природная среда в это время стабилизировались и стали близкими к современным условиям. Изменился и животный мир. Исчезли крупные животные, на которых в основном охотились в палеолитическое время. Теперь объекты охоты – более мелкие животные и птицы. Наряду с коллективной охотой становится возможной и индивидуальная охота.

Эта эпоха ознаменовалась двумя крупными событиями: изобретением лука и стрел и появлением микролитов – миниатюрных пластин в форме треугольников, ромбов, трапеций и сегментов. Изобретение лука и стрел явилось огромным достижением в истории человечества, которое облегчило охотничий промысел. Теперь можно было охотиться на птиц и мелких животных. А появление микролитов увеличило набор орудий труда и дало возможность производить более тонкие и точные работы. Миниатюрные пластинки, отделяемые от нуклеуса, могли служить наконечниками для стрел и для изготовления вкладышевых орудий, т.е. вставлялись в костяную или деревянную основу и образовывали острое лезвие в виде ножей, серпов.

Памятники эпохи мезолита наиболее распространены на территории Кыргызстана. Так, стоянки и стойбища эпохи мезолита найдены в большом количестве в Ферганской долине, в ее равнинной части и в предгорьях. Наиболее значительные из них – группа гротов Обишир I–V, расположенных в верховьях р. Сох, и грот Ташкумыр, расположенный на левом берегу р. Кара-Су, в 0,5 км выше впадения ее в р. Нарын (ныне оставшийся в зоне водохранилища).

Особую группу, по всей вероятности, составляли мезолитические племена, обитавшие в высокогорных районах Тянь-Шаня, где также обнаружен ряд памятников со своеобразным набором каменных орудий.

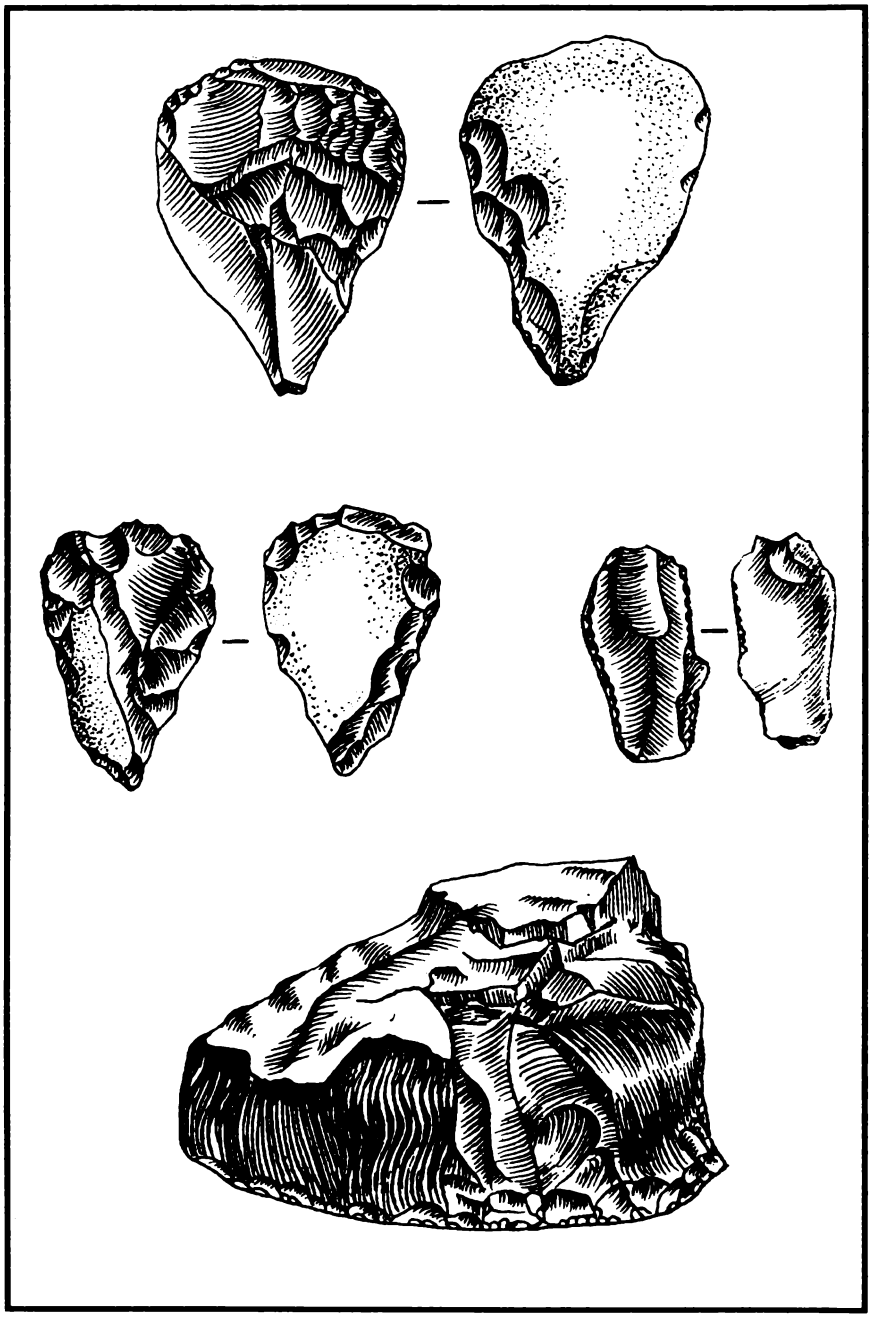
Период неолита (VI–IV тыс. до н.э.) характеризуется дальнейшим развитием производительных сил, возникновением

новых форм трудовой деятельности и совершенствованием человеческих отношений. В это время появляются новые технологические приемы обработки камня: шлифование и сверление. Стали изготовляться каменные топоры, мотыги, зернотерки и др. Впервые появляется глиняная посуда.

Происходят значительные изменения и в хозяйстве. Наряду с охотой, рыболовством и собирательством зарождаются примитивное земледелие и начальное скотоводство. Это типы так называемого *производящего хозяйства*, пришедшего на смену присвоению готовых продуктов природы. Скотоводство явилось следствием охоты, а земледелие возникло из собирательства. Дальнейшее развитие получают формы общественной организации. Образуются племена или племенные объединения, которые состоят из нескольких родовых общин, объединенных кровнородственными связями и однородным характером хозяйства.

Памятники неолита на территории Кыргызстана еще слабо изучены, хотя и обнаружены в ряде мест. Судя по материалам с неолитических стоянок, здесь была распространена культура, очень близкая к гиссарской культуре Юго-Западного Таджикистана. Помимо временных стоянок под открытым небом, открыты и поселения в пещерах. Одно такое поселение обнаружено в гроте Теке-Секирик близ г. Нарын, другое – на р. Сары-Джаз.

Пещера Ак-Чункур на р. Сары-Джаз представляет особый интерес. На поверхностях свода и стен пещеры обнаружены рисунки, нанесенные красной краской. К сожалению, многие рисунки погибли под воздействием природных сил. До наших дней сохранилось 14 рисунков, где изображены козлы, быки, змеи, женские фигуры родоначальниц и мужские фигуры древних охотников. Это древнейшие и редчайшие в Кыргызстане наскальные рисунки. Есть мнение, что пещера Ак-Чункур не служила местом обитания, а была святилищем, местом для совершения культовых обрядов.

Каменные орудия. Неолит. Алай.

§ 2. Разложение первобытнообщинного строя

Памятники энеолита, или меднокаменного века, на территории Кыргызстана пока не обнаружены. Эпоха представлена только древнейшей частью рисунков, выбитых на камнях урочища Саймалы-Таш, – изображения архаичных повозок, запряженных быками, и некоторые другие, выполненные в битреугольном стиле. Это наиболее интересная, реалистичная и загадочная группа изображений Саймалы-Таша. Других памятников, характеризующих быт и культуру людей, оставивших эти рисунки, пока не обнаружено.

Именно в это время, в III тыс. до н.э., человек кроме камня, кости и глины научился использовать и металл. Сначала это была самородная медь, а затем и бронза – сплав меди и олова, иногда сурьмы, мышьяка или свинца. Производственное освоение палеометаллов значительно ускорило развитие человеческого общества. Теперь на смену каменным и костяным орудиям труда приходят более твердые и острые бронзовые орудия, что значительно повышает производительность труда. Каменный век, длившийся сотни тысячелетий, закончился и началось новое время в истории человечества – **бронзовый век** (II – нач. I тыс. до н.э.).

Дальнейшее развитие получают производящие виды деятельности, наметившиеся еще в неолитическую эпоху. Так, в некоторых областях субтропиков развивается ирригационное земледелие и возникают соответствующие цивилизации. В степях и предгорьях Евразии формируется комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. В эпоху энеолита и бронзы в этих районах продолжается одомашнение животных, которые становятся объектом специального разведения. К этому времени относится приручение лошади и верблюда.

Возникновение скотоводства ознаменовало новый этап в развитии производительных сил общества и привело к выделению скотоводческих племен из массы остальных. "Это было первое крупное общественное разделение труда", – писал Ф.Энгельс.

Постепенно роль скотоводства возрастает, оно занимает ведущее место в хозяйстве населения горно-степных областей. В конце II – начале I тыс. до н.э. большинство населения этих районов переходит к новой специализированной форме хозяйства – кочевому и полукочевому скотоводству.

Развитие земледелия и скотоводства, этих двух отныне основных отраслей хозяйства, приводит к крупнейшим изменениям в жизни общества.

Во-первых, новый подъем производительных сил коренным образом изменил порядок разделения труда между полами (мужчинами и женщинами). Скотоводство, да и пахотное земледелие, становится сферой преимущественно мужского труда. Металлургическое производство, получившее теперь огромное общественное значение, также являлось исключительно мужским занятием. Труд женщины постепенно ограничивается рамками домашнего хозяйства. Все это привело к усилению роли мужчины в обществе и в конечном счете – к смене материнского рода отцовским – к патриархату.

Во-вторых, с развитием производящего хозяйства и металлургического производства, давшего разнообразные орудия труда и оружие, происходит значительный рост производительных сил. Рост производительности труда обеспечивал получение устойчивого избыточного продукта и его превращение в прибавочный продукт. Наличие такого продукта дает возможность отчуждения его в пользу отдельных общин или даже семей. Происходит обособление отдельных семей, появляется семейная собственность, растет имущественное неравенство внутри родовой общины, что приводит к разложению первобытнообщинной формации. Это был сложный и длительный процесс, повлекший значительные изменения в культурном и хозяйственном развитии общества.

Пастушеско-земледельческие племена степной бронзы. В эпоху бронзы территорию Кыргызстана населяли скотоводческо-земледельческие и древнеземледельческие племена, имевшие разные истоки происхождения.

На территории Северного Кыргызстана получила распространение культура типа степной бронзы, условно названная андроновской. Племена андроновской культуры занимали

огромную территорию, включавшую степные пространства Сибири, Приуралья, Казахстана и северную часть Средней Азии.

Это были скотоводческо-земледельческие племена, основой жизни которых было скотоводство, а земледелие и охота играли подсобную роль. Андроновцы селились в местах, удобных для выпаса скота и занятия земледелием, т.е. по берегам рек с широкими пойменными лугами. Они разводили овец, коз, лошадей и использовали сезонные перекочевки.

Памятники эпохи бронзы Северного Кыргызстана представлены поселениями, могильниками и кладами бронзовых орудий труда и изделий. Поселения состояли из жилищ, имевших вид полуземлянок. Рядом с поселениями располагались загоны для скота. Такие поселения обнаружены в Чуйской и Кетмень-Тюбинской долинах.

Основными же памятниками пастушеских племен Кыргызстана являются могильники, найденные почти повсеместно. Погребальные комплексы андроновских племен исследованы в Таласской, Чуйской, Кетмень-Тюбинской долинах, в Иссык-Кульской котловине и в высокогорной Нарынской зоне. Могильники состоят из каменных оградок, располагающихся довольно правильными рядами. Оградки бывают округлой или прямоугольной формы, часто с "пристройками". Захоронения совершались в грунтовой яме, редко — в яме с каменной облицовкой. Существовало два обряда захоронения: трупосожжение и трупоположение. При трупосожжении в захоронениях встречаются только остатки сгоревших костей. Огонь, по представлениям тех людей, очищал тело от скверны, защищал от злых духов. Культ огня, видимо, был широко распространен в эпоху бронзы. При трупоположении — умершего укладывали в скорченном положении, рядом помещали глиняные сосуды с пищей, украшения, орудия труда и оружие.

Судя по находкам, полученным при исследовании памятников эпохи бронзы, у племен андроновской культуры были хорошо развиты и домашние промыслы. Важным из них было гончарное производство. Появившись впервые в эпоху неолита, в бронзовом веке гончарное производство достигает зна-

чительного расцвета. Достаточно распространены были ткачество, обработка кожи и дерева, каменотесное ремесло.

Важную роль в жизни племен эпохи бронзы наряду со скотоводством и земледелием играли горное дело и металлообработка. Андроновцы научились добывать и плавить медную руду, олово, свинец, золото. Из меди и олова выплавляли бронзу, из которой изготавливали орудия труда и оружие более совершенных форм, предметы быта и украшения. Мастерам были известны многие технические приемы: литье, ковка, чеканка, гравировка и др.

В последние годы при изучении металлургического производства и металлообработки в рамках общности андроновского типа выделяется семиреченский локальный вариант культуры эпохи развитой бронзы. Он характеризуется интенсивной местной металлообработкой, появлением ряда специфических форм бронзовых орудий труда, оружия и других изделий.

Основное металлургическое производство Семиречья хорошо характеризуют клады бронзовых предметов, найденные на территории Кыргызстана. В составе кладов различные орудия труда (вислообушные топоры, долота, серпы, кельты, ножи, крючки), оружие (копья, кинжалы, секиры) и другие изделия. Археологические материалы указывают на то, что в эпоху бронзы уже существовали широкие связи и контакты населения разных территорий, иногда очень отдаленных.

Древнеземледельческие племена чустской культуры. Равнинные и предгорные районы юга Кыргызстана занимали древнеземледельческие племена чустской культуры. Условия предгорных равнин с небольшими горными саями, регулирование вод которых было под силу небольшим общинным группам, способствовало возникновению и развитию здесь оседлого земледелия. Поселения чустской культуры открыты в различных местах Ош-Карасуйского, Узгенского и Наукатского районов. Наиболее крупные и характерные поселения Чуст, Дальверзин, Ошское, Чимбай и др. Обособленных могильников здесь пока не обнаружено, о погребальном обряде известно очень мало.

Население этой эпохи строило свои поселения на надпой-

менных террасах, на конусах выноса рек, а также на склонах гор. Поселения окружали глинобитные стены, внутри которых располагались жилища. Особенно интересно Ошское поселение, расположенное на склонах горы Тахт-и Сулейман. Оно кольцом окружало центральную вершину горы. Поселение имеет террасовидную планировку. Жилища в виде землянок различались по размеру и количеству хозяйственных ям. Несколько соединявшихся землянок образовывали, по-видимому, общинный дом. В чустской культуре появились более сложные архитектурные формы. Например, открытие цитадели и культовой постройки на Дальверзин-тепе свидетельствует о высоком уровне развития древнеземледельческих общин Ферганского оазиса и о близости их к достижениям ранних цивилизаций Древнего Востока.

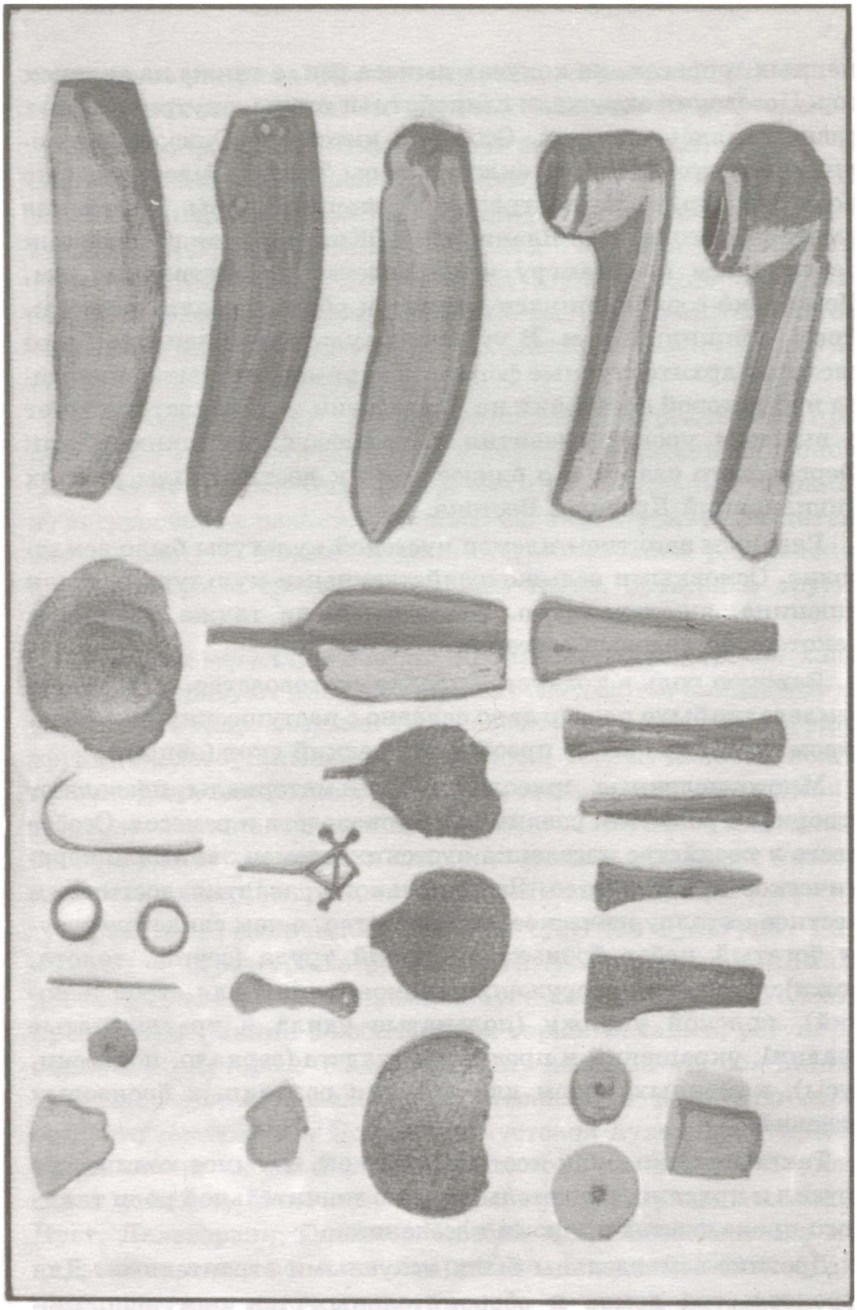
Главным занятием племен чустской культуры было земледелие. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, просо. Известны были также бобовые и некоторые плодовые растения.

Важную роль в хозяйстве играло скотоводство. Орошаемое земледелие было неразрывно связано с пастушеским скотоводством. В составе стада преобладал мелкий скот (овцы).

Многочисленные археологические материалы позволяют говорить о развитии различных производств и ремесел. Особое место в хозяйстве населения чустских племен занимало керамическое производство. Значительного развития достигло и местное металлургическое производство, о чем свидетельствует богатый набор бронзовых орудий труда (серпы, долота, ножи), предметы вооружения (наконечники для стрел и копий), конской упряжи (польчатые удила и трехдырчатые псалии), украшений и предметов туалета (зеркало, подвески, бусы), каменных формы для отливки различных бронзовых изделий.

Такие находки, как костяной челнок, большое количество грузил и пряслиц, свидетельствуют о значительной роли ткацкого производства в жизни населения.

Древние земледельцы были искусными строителями. Для строительства домов и оборонительных стен они использо-

Шамшинский клад. Бронза.
Кочкорская долина. II тыс. до н.э.

вали сырцовые кирпичи, пахсовые блоки и комья глины (гуваляк).

Для чустских поселений характерны три вида жилищ: полуземлянки, наземные глинобитные дома и легкие каркасные постройки типа шалаша. Некоторые крупные поселения, такие, как Дальверзин и Чуст, были окружены мощными оборонительными стенами из пахсы и сырцового кирпича. Эти поселения свидетельствуют о высоком уровне оседлого земледельческого хозяйства, имущественном расслоении в обществе и об усилении вооруженных столкновений между племенами земледельцев и скотоводов.

Культура. В эпоху бронзового века наряду с достижениями материальной культуры значительное развитие получили духовные формы культуры. Наиболее примечательными из них являются наскальные изображения. Теперь уже гроты и пещеры не украшались росписями древних "живописцев", рисунки выбивались на отдельных валунах или больших скальных поверхностях и были распространены почти повсеместно.

Самым значительным и известным памятником наскального искусства является комплекс петроглифов урочища Саймалы-Таш, вблизи перевала Кёк-Арт в Ферганском хребте, на высоте более 3000 м над уровнем моря. Здесь на поверхности сотен тысяч камней выбиты различные рисунки, древнейшая часть которых восходит к III и II тыс. до н.э.

Саймалы-Таш – это грандиозный культовый центр и богатейший источник, хранящий в себе колоссальные данные о всех сторонах жизни и быта населения Тянь-Шаня и Приферганья с эпохи энеолита и бронзы и вплоть до средневековья. Это комплекс, спрессовавший несколько временных пластов изобразительного искусства древнего населения, обитавшего здесь длительный период, и показавший высокий уровень его художественного творчества.

О развитии художественного творчества свидетельствуют не только наскальные изображения, но и декоративно-прикладное искусство древнеземледельческих и степных племен эпохи бронзы.

Ярким примером этого является керамическое производство. Глиняная посуда украшена орнаментом, выполненным в различной манере в силу различных культурных традиций тех или иных племенных групп. У пастушеско-земледельческих племен андроновской общности сосуды украшены различным нарезным орнаментом, тогда как керамика племен чустской культуры покрыта росписью черной краской по ярко-красному фону. Орнаментированная и расписная керамика этих племен – результат высокоразвитого эстетического восприятия и художественного творчества населения эпохи бронзы.

Не менее выразительны и продукты металлургического производства. Так, боевые кинжалы прекрасной литой формы, рукоятки которых украшены фигурками животных, свидетельствуют об уровне художественного мастерства древних металлургов. Так же искусно выполнены орудия труда: топоры, долота, ножи. Ювелирные изделия – кольца, браслеты, бляхи, серьги, бусы – привлекают своим совершенством. Нередко они покрывались позолотой и простым орнаментом.

Роль и значение древних культур Кыргызстана повышается с открытием металлургии, с интенсивным производством бронзовых изделий. Многие из них обнаруживают широкие художественно-культурные связи, взаимодействие и синтез культурных традиций Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и даже более отдаленных территорий.

Идеологические представления и верования племен эпохи бронзы связаны с культом предков и с верой в потустороннюю жизнь как продолжение земной. Поэтому забота об умершем проявляется в том, что в могилу ставили сосуды с пищей, клали оружие, орудия труда, предметы туалета и украшения. Сама могила представляла собой имитацию жилища.

У племен эпохи бронзы существовали культы, связанные со скотоводством, земледелием и охотой, о чем свидетельствуют наскальные рисунки. Поклонялись они солнцу и верили в очистительную силу огня. Символы солнечного божества можно видеть на наскальных изображениях и орнаментах на глиняных сосудах. Культ огня ярко выразился в погребальном обряде с трупосожжением. В этот период возникает ритуал

жертвоприношения различным божествам, духам-хранителям.

В эпоху бронзы в Средней Азии не только происходили значительные изменения в материальной культуре, хозяйстве и общественных отношениях, но и было положено начало этническим процессам, имевшим в дальнейшем большое значение для истории развития ряда стран и народов Центральной Азии. Основная роль в этнических процессах этого времени принадлежит индоиранским или индоевропейским племенам.

Носителей андроновской и других подобных ей культур обычно считают ариями или индоиранцами, часть которых впоследствии явились предками основного населения, обитавшего здесь с начала I тыс. до н.э. и до раннего средневековья: саков, согдийцев, бактрийцев, парфян, хорезмийцев и др.

§3. Племенные союзы эпохи раннего железа и становление классового общества

В начале I тыс. до н.э. на территории Кыргызстана начинается новая эпоха, связанная с открытием железа. Освоение технологии производства железа способствовало дальнейшему ускорению производительных сил, в целом прогрессу общества.

С развитием металлургии железа усложнились и другие ремесла, требовавшие все больших трудовых затрат, умения и опыта, что привело ко второму крупному общественному разделению труда — отделению ремесла от земледелия.

Одновременно началом этой эпохи явился переход от пастушеско-земледельческих форм хозяйствования племен бронзового века к кочевому и полукочевому скотоводству. Этот переход имел исключительные по своему значению последствия, повлиявшие на все стороны хозяйственной и культурной жизни населения.

Соответственно изменился и образ жизни. Он стал более подвижным, что расширило возможности внутри- и меж-

племенных контактов. Устанавливаются торговые и культурные связи кочевников с соседними племенами и народами.

Это была героическая эпоха ранних кочевников. В результате беспрерывной борьбы за пастбища и угодья вся организация кочевого общества приобретает военный характер. Возникают большие союзы племен, объединившихся с целью нападений или защиты. Все это вело к миграциям, передвижению больших этнических массивов. Выдвигались сильнейшие союзы племен, которые создавали первые политические объединения.

Завершался процесс разложения первобытнообщинного строя и происходил переход к раннеклассовому обществу.

Эпоха раннего железа знаменательна и тем, что впервые историю племен и народностей этого времени начинают освещать письменные источники. Поэтому I тыс. до н.э. принято считать началом исторического периода в жизни всей Евразии, в том числе горно-степной зоны Средней Азии.

Саки. Первые сведения о кочевом населении Средней Азии содержатся в древнеперсидских клинописных текстах, высеченных на Бехистунской скале, на рельефах гробницы Накш-и Рустем около Персеполя и др. Эти источники свидетельствуют, что азиатские кочевники именуются общим термином "саки". Среди них выделяются несколько племенных групп, подвластных Ахеменидам : саки заморские (заречные), саки-хаомаварга, саки-тиграхауда (острошапочные), саки, "которые за Согдом". Упомянуты также племена дахов.

В сочинениях греко-римских авторов (Геродот, Ксенофонт, Ктесий, Арриан, Плиний Старший, Птолемей, Страбон и др.) также имеются сведения, касающиеся кочевого населения Средней Азии. Чаще всего они называли его "скифы", иногда, уточняя, "азиатские скифы". Но в этих источниках есть и другие имена, не встречающиеся в ахеменидских клинописях: массагеты, савроматы (сарматы), аргипеи, аримаспы, ассии, пасианы, сакараулы (сакарауки) и др. Нет единого мнения в вопросах локализации в персидских и античных источниках тех или иных групп племен на обширной территории их

распространения. Так, на территории Тянь-Шаня и Семиречья одни исследователи размещают саков-хаомаварга (или же саков амюргийских – по греческим авторам; в состав амюргийских саков входили, видимо, и саки, "которые за Согдом"). Другие исследователи размещают здесь саков-тиграхауда (они же массагеты – по греческим источникам). Более поздние китайские хроники семиреченских саков именуют "сэ", "сак", когда упоминают об изгнании их усунями. Усуни явились непосредственными продолжателями сакских традиций в Семиречье и Тянь-Шане.

Саки были воинственными племенами, играли активную роль в политических событиях Центральной Азии I тыс. до н.э. Еще в VI в. до н.э. они успешно отразили походы персидских царей, стремившихся покорить и привлечь на свою сторону воинственные племена саков. И только Дарию I со второго похода удалось подчинить отдельные племена саков, и то не тяньшаньских, а прияксартских, более оседлых. Саки бесстрашно отстаивали свою независимость. В источниках сохранились рассказы об эпизодах борьбы саков с врагами, о героических подвигах женщин-воительниц, иногда возглавлявших целые войска. Греческий историк Полиен оставил рассказ о подвиге пастуха Ширака, который, порезав себя ножом, "перебежал" к персам. Затем, якобы желая отомстить своим соплеменникам, вызвался сопроводить персидское войско, но завел его в пустыню и обрек на гибель.

Кочевые сакские племена были грозной силой, которую не удалось сломить и Александру Македонскому. Во второй половине IV в. до н.э. армия Александра Македонского, завоевав владения древней Персии, вторглась в Среднюю Азию. Однако здесь завоеватели встретили упорное сопротивление и после длительной борьбы им удалось подчинить только отдельные оседлые народы Средней Азии, в основном Согд. Но подчиненные народы продолжали борьбу против захватчиков. Известно крупное восстание во главе со Спитаменом, изрядно потрепавшее войска греко-македонян. Сакские же племена, жившие за Яксартом (Сырдарьей), отстояли свою независимость.

Кочевой образ жизни и военная организация общества наложили свой отпечаток на все стороны жизни и идеологии

саков. Культура ранних кочевников, или скифо-сакская культура, уже в сложившихся формах существует с VIII в. до н.э., когда на огромной территории евразийских степей шел процесс сложения единой культуры скотоводов, который также охватил Тянь-Шань и Семиречье. Однако культура раннесакских племен (VIII–VI вв. до н.э.) мало изучена. Этот этап представлен в основном отдельными случайными находками бронзовых изделий. Большей частью это предметы конской сбруи: стремячковидные удила, различные подпружные пряжки и бляшки ранних форм.

Основная масса памятников характеризует культуру сакских племен V–III (II) вв. до н.э.

Курганы саков встречаются практически по всей территории Кыргызстана. Чаще всего они располагаются компактно, составляя могильники из 15–20 и более курганов.

Под центром насыпи кургана находятся грунтовые могильные ямы прямоугольной или овальной формы, вытянутые по линии запад – восток. Могильные ямы часто имели перекрытия из бревен или из крупных каменных плит. Погребенные лежали головой на запад, на спине в вытянутом положении. Рядом располагался инвентарь, как правило, глиняные сосуды с пищей, предметы быта и украшения, иногда вооружения. В каждой могиле находилось по два-три, иногда до пяти–восьми сосудов.

В последние годы на территории Внутреннего Тянь-Шаня были обнаружены крупные, "царского" типа, курганы с очень своеобразной и сложной конструкцией наземных частей погребальных сооружений. Насыпи таких крупных курганов были выложены в виде плотного каменного панциря, в основании имеют квадратную или прямоугольную форму. Вокруг насыпей – кладки-ограды из камней в один или два ряда. Затем на некотором расстоянии шла сложная система кольцевых выкладок из очень крупных валунов и ряд других ритуальных конструкций. Эти очень внушительные и интересные комплексы свидетельствуют о сложных архитектурных особенностях курганных памятников ранних кочевников Тянь-Шаня, о применении точных расчетов при сооружении грандиозных гробниц. Один из таких хорошо сохранившихся

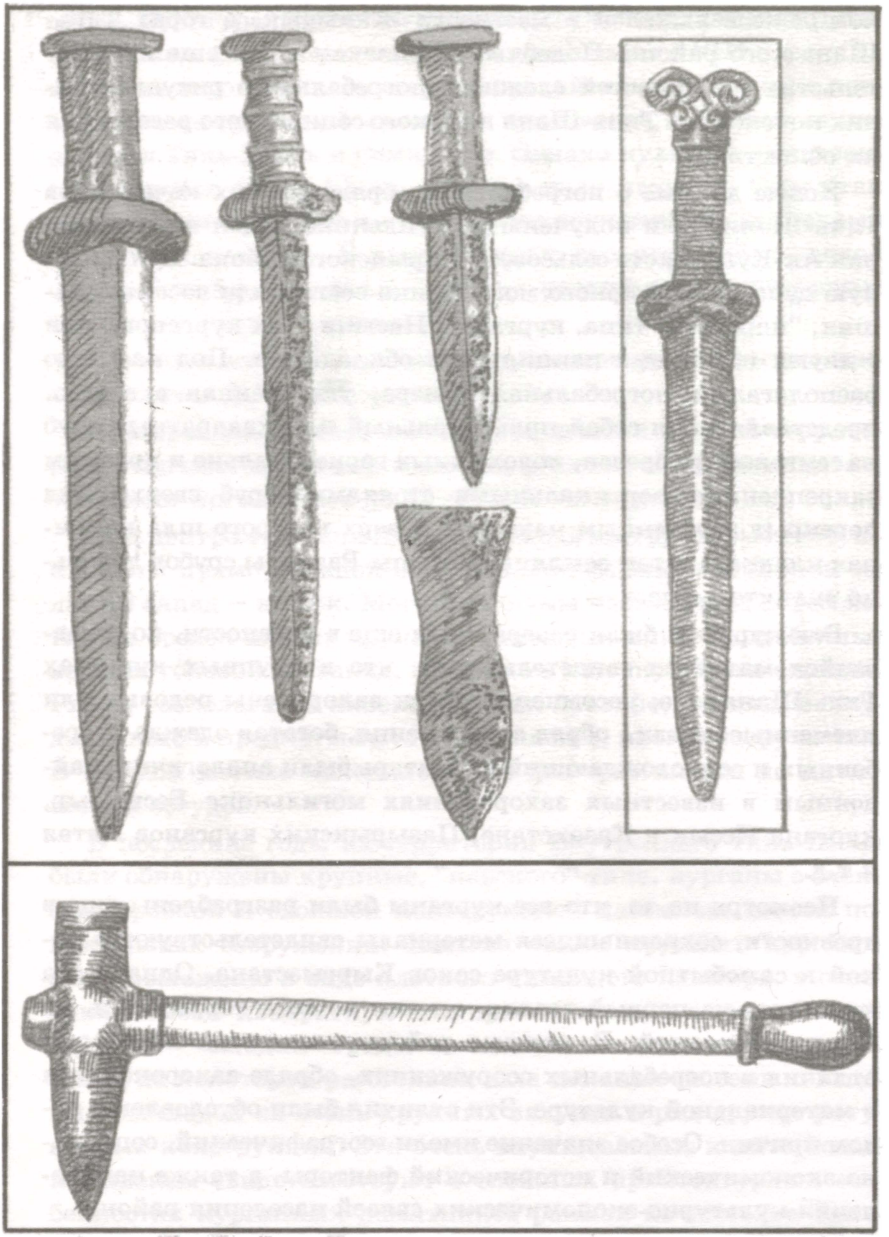
комплексов выявлен в местности Жапырык, в горах Тянь-Шаньского района. Подобные комплексы – это еще и свидетельства особенностей сложного погребального ритуала ранних кочевников Тянь-Шаня и резкого социального расслоения их общества.

Новые данные о погребальном обряде ранних кочевников Тянь-Шаня были получены в могильнике Кеден на территории Ак-Кудукского сельсовета Нарынского района. Центральную цепочку обширного могильника составляли восемь больших, "царского" типа, курганов. Насыпи этих курганов были с двумя или тремя панцирными обкладками. Под насыпью располагалась погребальная камера, углубленная в землю, представляющая собой прямоугольный или квадратный сруб из семи-восьми бревен, положенных горизонтально и по углам закрепленных вертикальными стояками. Сруб сверху был перекрыт деревянным накатом, поверх которого шла каменная кладка и затем земляная насыпь. Размеры срубов довольно значительные.

Эти курганы были разграблены еще в древности, но оставшийся материал свидетельствует, что в крупных курганах Тянь-Шаня, где, несомненно, были захоронены родовые или племенные вожди, обряд захоронения, богатая одежда погребенных и сопровождающий инвентарь были аналогичны найденным в известных захоронениях могильника Бесшатыр, кургана Иссык в Казахстане, Пазырыкских курганов Алтая и т.д.

Несмотря на то, что все курганы были разграблены еще в древности, сохранившиеся материалы свидетельствуют о яркой и самобытной культуре саков Кыргызстана. Однако эта культура, на первый взгляд, единая по всей территории, не была однородной. В каждом районе она имела некоторые отличия в погребальных сооружениях, обряде захоронения и в материальной культуре. Эти отличия были обусловлены рядом причин. Особое значение имели географический, социально-экономический и исторический факторы, а также направления культурно-экономических связей населения района.

Культура сакских племен долины Кетмень-Тюбе, например, значительно отличается не только от синхронных памят-

Оружие сакского времени.

ников на территории Кыргызстана, но и от подобных культур Средней и Центральной Азии. Это позволило выделить здесь особую культуру, названную джал-арыкской (по наиболее крупному и выразительному памятнику – могильнику Джал-Арык II).

Культура саков Кетмень-Тюбе отличается особым разнообразием глиняных сосудов, их формами (миски, чаши, кувшины, горшки, кубки), оформлением (крашеные, чернолощеные, расписанные геометрическим или иным орнаментом). Сосуды лепные или сделанные на гончарном круге. Нигде в других комплексах не встречается такого разнообразия и богатства форм. Погребальный обряд ранних кочевников Кетмень-Тюбе на протяжении длительного времени оставался неизменным.

Видимо, и хозяйство ранних кочевников Кетмень-Тюбе было несколько отличным от хозяйства населения других районов. Горно-долинный характер местности обусловил развитие здесь не чисто кочевого, а полукочевого скотоводства в сочетании с оседлостью. Благоприятные же климатические условия, близкие к ферганским, позволяли заниматься земледелием, имевшим традиционные корни еще с эпохи бронзы. Несомненно, существовали и тесные связи с соседней земледельческой Ферганой, откуда попадали станковые сосуды, продукты земледелия, что в целом и наложило особый отпечаток на все своеобразие культуры саков Кетмень-Тюбе.

Помимо курганных памятников культура саков Тянь-Шаня представлена и отдельными случайными находками бронзовых предметов – оружия, конской сбруи, котлов, жертвенников, а также кладами, состоящими из нескольких предметов. Такие случайные находки известны почти во всех районах Кыргызстана. Однако наиболее богат находками район озера Иссык-Куль – это огромные бронзовые котлы, прекрасные светильники, жертвенные столы и другие предметы, наиболее ярко характеризующие сакскую культуру Тянь-Шаня. Это предметы прекрасной работы, часто украшенные фигурками различных животных или целыми сценами борьбы зверей. Большое количество бронзовых изделий, особенно крупных котлов и жертвенно-поминальных комплексов, –

результат наибольшего развития металлургического производства в это время, в котором особая роль принадлежала Иссык-Кульскому центру.

Хозяйство, быт и верования саков. Основную отрасль хозяйства саков составляло скотоводство. Разводили коней, овец, крупный рогатый скот. Скот являлся одновременно средством производства у ранних кочевников, орудием труда и продуктом труда, основным средством существования и обогащения. Главная забота кочевников сводилась к сохранению и увеличению поголовья скота и пастбищных угодий. На территории Кыргызстана с его горно-долинным рельефом местности, скорее всего, был распространен так называемый вертикальный способ кочевания: с зимовок в долинах — на летовки в высокогорные урочища и обратно. Такой способ хозяйства часто сочетался с земледелием, видимо, богарного характера. Не исключено, что в некоторых районах было распространено и поливное земледелие, как, возможно, в Кетмень-Тюбе, в предгорьях Ферганской долины.

Саки жили, вероятнее всего, в войлочных юртах, возможно, на зимовках строили дома. Одежда их была приспособлена к условиям кочевой жизни. В быту преобладали изделия из кожи, шкур, войлока, шерсти. Изготовлением предметов домашнего обихода занимались в основном женщины. Глиняные сосуды были круглодонные, приспособленные к условиям кочевания.

У саков были развиты литейное, кузнечное, оружейное, ювелирное и другие ремесла. Изделия их широко представлены в разнообразных предметах материальной культуры саков. Однако большинство ремесел носило характер домашнего производства. Обособление ремесла находилось еще в начальной стадии.

Было много общего в верованиях саков и соседних кочевых и оседлых народов, а также скифов и савроматов Запада. Многое в их представлениях восходило еще к индоевропейскому прошлому. Так, сохранился и получил развитие культ предков, в особенности предков вождей, о чем свидетельствуют грандиозные гробницы с богатым и особым ритуалом захоронения.

Саки обожествляли и поклонялись силам и явлениям природы. Главенствующее положение занимал культ солнца, других небесных светил, культ небесного коня и домашнего очага, с которым связаны находки жертвенников, светильников. У саков продолжали существовать и древнейшие религиозные представления.

Наиболее ярким и значительным достижением сакских племен Тянь-Шаня и Семиречья явилось их прикладное искусство в своеобразной изобразительной форме, называемой звериным стилем. Основной темой было изображение зверей, животных, зооморфных образов, украшавших котлы и жертвенники, рукоятки кинжалов, некоторые предметы домашнего обихода, одежды и туалета. Изображались как одиночные фигуры, так и целые композиции. Среди находок немало предметов, являющихся высоким образцом ювелирного искусства ранних кочевников, одновременно отражающих космологические и мировоззренческие представления саков.

Предметы, выполненные в зверином стиле, наряду с особой формой сакского оружия — коротких кинжалов-акинаков и наконечников стрел и конской сбруей, составляют так называемую сакскую (скифскую) триаду, которая наиболее ярко характеризует культуру ранних кочевников.

Выразительными памятниками сакского изобразительного искусства являются петроглифы — наскальные изображения, распространенные почти повсеместно. Эти рисунки относятся к разным историческим периодам — от эпохи энеолита и бронзы вплоть до средневековья, но самый мощный и яркий из них — это сакский пласт. Он выделяется особым стилем изображения и сюжетами.

Наиболее значительные скопления наскальных рисунков этого времени известны в урочищах Саймалы-Таш, в районе г.Чолпон-Ата, в Таласской, Алайской, Кетмень-Тюбинской долинах. Наскальные изображения особым образом отражают многие сферы жизни и деятельности саков, особенности их мифологических представлений, культовые обряды и верования.

Гунны (хунну). Усуньское государство. Во второй половине I тыс. до н.э. в среде кочевников степного пояса Евразии

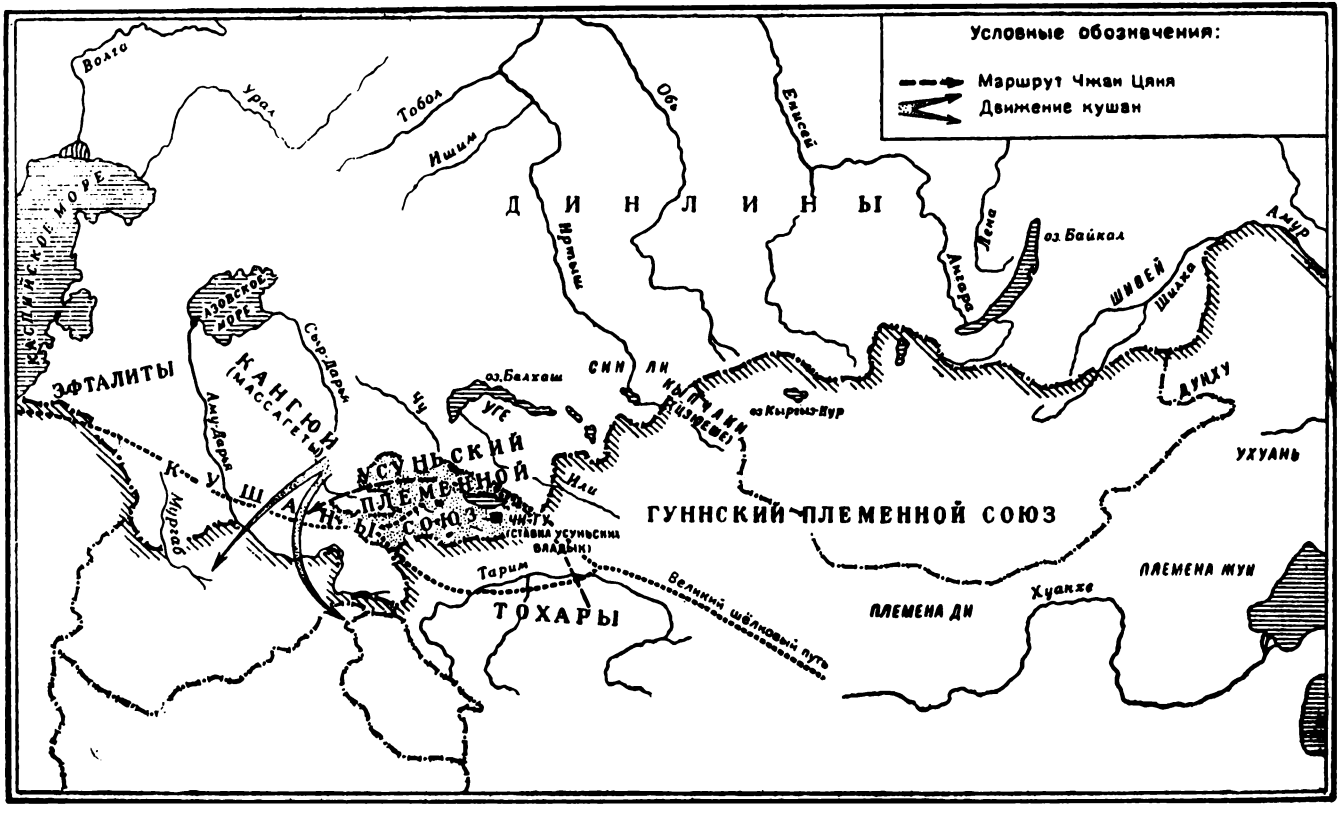
происходят крупные социально-экономические изменения. Возникают первые государственные образования. В это время особо усиливаются кочевые племена Центральной Азии. Здесь кочевали разные племена, занимавшиеся преимущественно скотоводством. Хунну (или гунны, сюнну) – одно из таких племен, с которым связаны бурные события, происходившие в последние века до нашей эры в Центральной Азии. Возвысившись из среды местных, разных в этническом отношении кочевых племен, хунну создали могущественное объединение племен. Произошло это в последнее десятилетие III в. до н.э. Хуннская держава была первым в истории Центральной Азии государственным объединением, явившимся прообразом ряда государств, возникших здесь в последующее время, таких, как сяньбийское, тюркское, уйгурское, кыргызское и другие. Хуннская держава занимала обширную территорию от Хингана на востоке и до Тянь-Шаня (Тенгир-Тоо) на западе, от Байкала и Саян на севере и до Гоби на юге.

В середине I в. н.э. в результате внутренних социально-экономических, а также политических причин держава хуннов разделилась на южных и северных. Южные хунну были вынуждены принять подданство Ханьской империи. Северные же хунну некоторое время сохраняли свою независимость. В конце I в. н.э. из восточных племен усилились сяньбийцы, которые в 93 г. н.э. нанесли северным хунну окончательное поражение.

После разгрома северные хунну двинулись на запад, покоряя и втягивая в орбиту своего движения другие племена и народности. Этот процесс постепенно нарастал и длился более трех веков – до тех пор, пока в IV в. огромная масса кочевников, этнически разнородных, но известных европейцам под общим именем "гунны", не достигла степей Восточной и Центральной Европы и затем не потерпела здесь окончательного поражения. Этот процесс получил название "великого переселения народов", которое в значительной мере изменило этническую и политическую карту Казахстана, Средней и Передней Азии, а также Европы.

В Центральной Азии в первой половине II в. до н.э. по соседству с племенами юечжей и хунну обитали и кочевые

КЫРГЫЗСТАН В III в. ДО Н.Э. – IV в. Н.Э.

племена усуней, бывшие подвластными хуннам. Но где находились исконно усуньские земли, точно не установлено. В войне с юечжами усуни потерпели поражение, и около 160 г. до н.э. двинулись на запад. Достигнув Семиречья, усуни подчинили местные сакские племена и образовали независимое политическое объединение во главе с вождем, носившим титул "гуньмо". В состав усуньского объединения вошли покоренные племена саков и остатки юечжей. Владения их стали обширны. На востоке они граничили с хунну, на юге – с оседлыми владениями Восточного Туркестана, на юго-западе – с Ферганой, а на северо-западе, в долинах рек Чу и Талас, – с Кангюем. Усуньское государство было разделено на уделы, которыми управляли сыновья владетеля. Сам гуньмо управлял центральной частью страны и держал верховную власть. Ставка усуней (город Чигу) располагалась на берегу Иссык-Куля.

Вопрос об этнической принадлежности усуней, как и хунну, остается до сих пор открытым. В объединение усуней входили различные племена, основную часть которых составляли как потомки ираноязычных сакских племен, так и пришлые центральноазиатские племена древних тюркоязычных этносов.

История усуней полна междоусобных распрей, борьбы за верховную власть. Союзнические отношения с другими государствами усуни устанавливали главным образом посредством заключения брачных союзов. Усуни были воинственным народом. Ханьская империя и хунну, заинтересованные в союзе с ними, выдавали своих принцесс замуж за усуньских гуньмо. В результате сложных политических интриг и неоднократных военных действий усуни сыграли немалую роль в разгроме северных хунну, выступив в союзе с Китаем.

В сложной ситуации они сумели сохранить политическую независимость, хотя постепенно, в результате междоусобной борьбы и войн утеряли свою силу и мощь как единое государство. В первой половине I тысячелетия в письменных источниках усуни упоминаются редко. В середине VI в. они вошли в состав Тюркского каганата.

Усуни были кочевым народом. Их богатства исчислялись прежде всего количеством лошадей. Китайские источники

сообщают, что "богатые содержат их от 4000 до 5000 голов". Разводили также овец, коров, верблюдов, коз. Однако усуни не были чисто кочевым народом. Для них было характерно полукочевое скотоводство, определившее все их культурное и экономическое развитие. Часть населения вела оседлый образ жизни в поселениях. Поселения усуньского времени открыты в Чуйской, Кетмень-Тюбинской долинах, в Иссык-Кульской котловине и ряде других мест.

Наряду со скотоводством развивалось и земледелие, что подтверждается археологическими находками и данными письменных источников.

Имущественное неравенство во владении скотом и пастбищами вело к сосредоточению власти в руках наиболее богатых родов. Сосредоточение богатств в руках господствующей верхушки обусловило усиление социального расслоения общества и формирование отношений, характерных для раннеклассового общества. Однако оно еще не достигло законченных форм; в нем еще сильны были патриархально-родовые институты. В усуньском обществе основным производителем являлся свободный общинник.

Усуньский период характеризуется сложной политической ситуацией на Тянь-Шане и в Семиречье и появлением здесь этнически разных племен, оставивших разнообразные памятники. В связи с этим существует ряд трудностей в классификации археологических памятников и их интерпретации. Для этого времени характерны две основные группы памятников. Продолжают бытовать могильники с захоронениями в грунтовых ямах, видимо, принадлежащие сакским племенам, поскольку в усуньское время они еще составляют значительную часть населения Тянь-Шаня и Семиречья. Появляется вторая группа памятников — с захоронениями в подбоях и катакомбах, существовавших вплоть до V—VI вв. н.э. Вероятно, они принадлежат пришлому населению. Эти памятники были также оставлены разными группами племен. В разных районах они отличаются некоторыми конструктивными особенностями погребальных сооружений и подразделяются в свою очередь на две группы — кенкольскую и карабулакскую.

Кенкольская культура. Могильник Кенкол расположен в

верховьях р.Талас на левом берегу одноименного притока. Территориально эта культура была широко распространена в Таласской, Кетмень-Тюбинской и Чаткальской долинах, в Западной Фергане. Она характеризуется курганами с земляными насыпями, длинным дромосом и камерой-катакомбой, расположенной перпендикулярно длинной оси дромоса. Захоронения были одиночными и коллективными, хоронили в гробах, долбленых колодах, на дощатом ложе или подстилке из кошмы или камыша. У большинства погребенных была отмечена искусственная деформация черепа. По мнению А.Н.Бернштама, Кенкольский могильник был оставлен хуннами в начале их движения на запад. Однако это вызвало ряд споров и сомнений среди ученых. Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего памятники в подбойно-катакомбных захоронениях, остается открытым по сей день.

В Чуйской долине в ущелье Шамши было случайно обнаружено самое богатое погребение кенкольской культуры, датируемое IV–V вв. н.э. Останки женщины находились в арчовом гробу. На голове у нее была богатая диадема, лицо закрыто маской из листового золота с сердоликовыми вставками в глазницы. Череп деформирован. На женщине было множество украшений: медальон, браслеты, кольца, подвески. Рядом были золотая кружка, деревянная чаша, серебряная ложка и ряд других предметов. Женщина была знатного происхождения: на ней было шелковое одеяние, а рядом находилась богатая утварь. Это погребение дает наиболее полное представление о погребальном ритуале населения этого времени, а также позволяет судить о культурных связях его с соседними регионами (часть вещей привозного характера).

Карабулакская культура. Эта культура была распространена на юге Кыргызстана, в Баткенском и Ляйлякском районах. Могильник Кара-Булак, как и Кенкол, самый известный, "эталонный" памятник первых веков нашей эры. В нем свыше 900 курганов с захоронениями в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах, несколько иной конструкции. Захоронения были одиночными. В некоторых курганах сохранились мумифицированные останки погребенных. Среди находок оказались не только предметы вооружения, украшения, посуда, но даже

ткани и одежда погребенных, которые сохранились благодаря консервирующим свойствам местной почвы. Здесь найдены уникальные образцы привозных вещей: зеркало с фигуркой индийской танцовщицы, изделия из шелковых тканей, стекла.

Находки из катакомбных и подбойных погребений, среди которых много привозных предметов, свидетельствуют о развитии культурно-экономических связей населения Тянь-Шаня с другими народами и странами. С этого времени по территории Кыргызстана проходит Великий шелковый путь, связавший страны и народы Запада и Востока и вовлекший в сферу международной торговли кочевников Тянь-Шаня и Семиречья.

Государство Давань. Оседлые области Средней Азии (Бактрия, Парфия, Маргиана, Согд, Хорезм) в VI–IV вв. до н.э. попали в зависимость от ахеменидского Ирана, что наложило отпечаток на развитие здесь однородной культуры. Фергана выпадала из этого круга, сохраняя свои традиции и политическую независимость.

Китайские источники сообщают о сильном самостоятельном государстве Давань (по персидским источникам – Паркана) в Ферганской долине во II–I вв. до н.э., которое, по всей вероятности, возникло много раньше, возможно, к середине I тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют однородные археологические памятники шурабашатского типа, возникшие здесь в IV–I вв. до н.э.

Китайские источники довольно подробно освещают историю и культуру Давани II–I вв. до н.э. Давань описывается как густонаселенная страна с большим количеством городов и крупных поселений (более 70), с сильным войском. Главным городом был Эрши.

Даваньское государство имело четкую политическую структуру. Во главе государства стоял правитель из местной династии. Давань была самостоятельным и процветающим государством, имевшим тесные отношения с кочевыми племенами усуней.

Давань описывается как страна развитого земледелия.

Здесь имелись большие виноградники. Население изготовляло вино, на полях сеяло люцерну.

Особенно славились ферганские кони, ставшие объектом поклонения и почитания в Китае, который стремился заполучить их для укрепления своей конницы.

Ханьская империя в это время представляла собой сильное централизованное государство, которое вело непрерывные захватнические войны. Ханьский Китай пытался ослабить и покорить Даваньское государство. Принято считать, что в Китае о существовании владений Западного края узнали только после поездки Чжан Цяня во II в. до н.э. Однако имеются данные, что культурные связи между Средней Азией и Китаем существовали еще раньше. Эти связи имели регулярный характер и поддерживались дипломатическими миссиями.

Одна из таких миссий была отправлена для приобретения знаменитых даваньских лошадей. Отказ даваньцев дать лошадей и убийство непочтительного китайского посла послужили поводом для объявления войны. Народу Давани пришлось выдержать тяжелую многолетнюю войну с Ханьской империей. В 104 г. до н.э. в Давань было отправлено китайское войско, состоявшее из 60 тыс. конницы. Однако китайская армия, не добившись успеха, вернулась назад. Затем был второй поход, еще более многочисленный. Даваньцы под руководством своего правителя Мугуа храбро сражались с захватчиками. И хотя они понесли большие потери и был убит сам Мугуа, даваньцы не сдались. Ханьские войска вынуждены были уйти. Фергана в союзе с другими среднеазиатскими народами противостояла ханьской экспансии и отстояла свою независимость.

Культура Ферганы на протяжении всей ее истории отличалась своеобразием и самостоятельным развитием. Однако она не была изолирована и, естественно, испытывала влияние соседних культур. Особо важная роль в этом принадлежит Великому шелковому пути, проходившему через Фергану и связывавшему страны Востока и Запада. Ферганский торговый путь — один из древних. Археологический материал свидетельствует о тесных культурных и торговых связях на-

селения Ферганы с народами Индии, Афганистана, Восточного Туркестана, Китая.

В этническом отношении ферганцы были родственны другим народам Средней Азии. В их материальной и духовной культуре прослеживается много общих черт.

Имеющиеся материалы позволяют судить о некоторых сторонах идеологических и религиозных представлений древних ферганцев. В их верованиях особое место занимал культ коня, тесно связанный с поклонением солнцу. Представляют интерес в этом плане наскальные изображения коней в местности Айрымач-Тау, недалеко от г.Ош, и на Араванской скале. Здесь изображены породистые даваньские кони с поджарым телом, стройными ногами, длинной, плавно изогнутой шеей, небольшой головой. Культово-магическое значение этих мест было столь велико, что они стали объектом поклонения не только кочевников, но и земледельцев.

Данные о религиозных верованиях земледельцев древней Ферганы отличаются большой пестротой. Поклонение силам природы, прежде всего солнцу, культ коня и предков, идолопоклонничество, обожествление огня – все это составные части аграрно-магического культа, который мало отличался от религиозных представлений родственных древним ферганцам кочевых племен.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Время появления древних людей на территории Кыргызстана.
2. Основные памятники эпохи палеолита.
3. Андроновская культура эпохи бронзы. Чустская культура эпохи бронзы. Территория их распространения и основные отличия.
4. Появление горного дела и металлообработки. Виды ремесел в эпоху бронзы.
5. Второе общественное разделение труда.
6. Саки: расселение, общественное устройство, военное дело, хозяйство и культура.
7. Основные племена и народы Центральной Азии первой половины I тыс. н.э. и "великое переселение народов".
8. Хунну в истории Центральной Азии.
9. Усуни и их государственное образование.
10. Государство Давань: политическая и социальная структура.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Прииссыккулья: — Фрунзе, 1975.

Археологические памятники Таласской долины: — Фрунзе, 1963.

Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // Известия АН Кирг. ССР. Серия обществ. наук. Вып. 3. — Фрунзе, 1961.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). — Фрунзе, 1962.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. — Л., 1940.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26. — М.; Л., 1952.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1—3. — М.; Л., 1950—1953.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории. — М., 1988.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. — М., 1992.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, 118. — М.; Л., 1962.

Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. — Вишкек. — 1995.

История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1984.

Кетмень-Тюбе: Археология и история. — Фрунзе, 1977.

Кожомбердиев И.К. Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня. (По материалам курганных могильников VI в. до н. э. — VII в. н. э. долины Кетмень-Тюбе). — Л., 1986.

Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // УСА. — 1972. — № 1.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — М.; Л., 1966.

По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982.

Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1975.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая // Вопросы хронологии и локальных вариантов. — Л., 1987.

Урстанбеков Б.У. Археология терминдеринин орусча-кыргызча сөздүк — справочниги. — Фрунзе, 1985.

Урстанбеков Б.У., Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы: кыскача энциклопедиялык сөздүк. — Фрунзе, 1990.

Юнусалиев М.В. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине — Георгиевский Бугор // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1982.

ГЛАВА 2

РАННЕТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА (VI – X вв.)

§1. Древнетюркские государства

Первое евразийское государство – Тюркский каганат (552–744 гг.) – сложилось в середине VI в. в Центральной Азии. Оно сыграло большую роль в истории Кыргызстана. Самое раннее упоминание этнонима "тюрк" (китайская форма согдоязычного "тюркют" – "туцзюе") в китайских летописях относится к 546 г. Персы и византийцы новых "повелителей степей" именовали "турк"; самоназвание народа, если судить по руническим текстам, – "тюрк". Первоначально термин "тюрк" ("сильный", "крепкий"), скорее, имел социальное, чем этническое, значение: тюрками именовали исключительно представителей высшей знати. Позже это название перешло не только на племя, во главе которого стояла знать, но и на многочисленные подчинившиеся им родственные народы.

Ядро племени тюрк сложилось в среде центральноазиатских гуннов (III – середина V в.). Оно считало своим предком мифического сына волчицы Ашина. В середине V в. тюрки подчинились Жуань-жуаньскому (Аварскому?) каганату, господствовавшему в Центральной Азии, и поселились на Алтае. Здесь они освоили богатые рудники и начали выплавку железа в таких масштабах, что им выплачивали даже дань жуань-жуани. Энергичные вожди тюрок Асань-шад, Туу и Бумын, с большим размахом используя возможности рудокопов, плавильщиков и кузнецов, одели свою конницу в латы и менее чем за столетие подчинили все алтайские племена. С алтайцами Бумын в 546 г. присоединил к своим владениям многочис-

ленный народ теле (тегрег), который занимал Джунгарию. С этого времени тюрки из данников превратились в соперников жуань-жуаней в борьбе за первенство в Центральной Азии.

Тюркский каганат. Выискивая предлог для схватки, престарелый Бумын потребовал себе в жены дочь жуань-жуаньского кагана Анахуана (520–552 гг.). Каган, пребывающий в могуществе и славе, отказал ему в оскорбительной форме. Вождь тюрок на это и рассчитывал: есть повод для войны. В 552 г. он нанес сокрушительное поражение жуань-жуаням. Анахуан покончил жизнь самоубийством. Победитель принял титул жуань-жуаньского государя – "илиг-каган" и перенес ставку на Орхон (Северная Монголия), которая стала административно-политическим центром новой державы – Тюркского каганата. В начале 553 г. основатель тюркской династии Ашина илиг-каган Бумын умер.

Коренные земли тюрок на Алтае, согласно степному праву, достались младшему брату Бумына – Истеми (умер в 575 г.). Еще до смерти брата он присоединил к своему владению объединение племен он ок бодун ("народ десяти стрел"), которое занимало Семиречье, Центральный и Западный Тянь-Шань. После этого Истеми принял титул кагана десяти племен. Каган западной части государства лишь номинально зависел от своих племянников, унаследовавших власть Бумына на востоке, и проводил самостоятельную внешнюю политику. Если илиг-каган Мухан (553–572 гг.) подчинял Южную Сибирь и Северный Китай, то объектом притязаний десятиплеменного кагана Истеми стали Средняя Азия и степи Казахстана. В то время в Средней Азии господствовали эфталиты, этническая принадлежность которых остается неясной. Они делились на белых и красных хионов. К красным относилась часть тюркоязычных племен он ок бодун, населявших Кыргызстан. Самоназвание народа было "хион" ("хон").

Сасанидский Иран, начиная со второй половины V в., выплачивал эфталитам огромную дань. Естественно, он стал искать контакты с Истеми, чтобы освободиться от непосильного бремени. В 555 г. между ними был заключен союз, скрепленный браком шаха Ирана Хосрова Ануширвана (531–579 гг.) с дочерью кагана Истеми. Союзники тщательно гото-

вились к решающей схватке. Западные тюрки, стремясь обезопасить свои тылы, прогнали за Волгу враждебных вархонитов (псевдоавар), кочевавших в Приаралье. В промежутке между 563 и 567 гг. войска Ирана с запада и конница тюрок с севера разгромили эфталитов. Границей между победителями стала р. Амударья. Присоединив среднеазиатские земли, десятиплеменный каган Истеми присвоил и титул поверженного царя эфталитов — ябгу (джабгу).

Однако сразу же после разгрома эфталитов между союзниками начались раздоры. По степным обычаям шах Хосров Ануширван, зять кагана, считался младшим родственником, с чем властитель Ирана, разумеется, не хотел примириться. Кроме того, Истеми потребовал, чтобы дань, которая ранее выплачивалась эфталитам, теперь вносилась в тюркскую казну, чего Иран не выполнил. За политическими амбициями кагана и шаха стояли серьезные причины: противоречия, связанные с доходами от торговли по Великому шелковому пути.

После разгрома жуань-жуаней и эфталитов тюрки унаследовали значительную часть этого пути — от Китайской стены до Амударьи, где располагались крупные городские торговые центры с богатой и влиятельной купеческой прослойкой. Тюркская знать и ее подданные — согдийские купцы решили максимально использовать выгоды своего географического положения — непосредственные контакты с производителем шелка — Китаем. К тому же в VI в. согдийцы уже научились выделывать свои шелковые ткани. В связи с этим согдийские купцы пытались потеснить персидских торговцев, наживающихся на посреднической торговле с богатой Византией. Иран, отстаивая интересы своих купцов, препятствовал прямым связям тюрок и согдийцев с византийскими владениями и не пропускал торговые караваны через свои владения.

Тюрки направили два посольства в Иран, но Хосров Ануширван был непреклонен. Обстановка накалилась из-за гибели членов второго посольства. Истеми не поверил ссылкам персов на слишком знойный для тюрок климат Ирана и справедливо решил, что его послов просто отравили. Западные тюрки и Иран стали готовиться к войне. Глава согдийцев

Маниах предложил Истеми заключить союз с извечным врагом Ирана Византией. Кружным путем, обходя владения Ирана через северный Прикаспий и Кавказ, посольство тюрок во главе с Маниахом прибыло в 568 г. в Константинополь. Император Юстин II благосклонно принял послов. Для заключения антииранского союза к Истеми было отправлено ответное посольство во главе с видным военачальником Земархом.

Византийское посольство повторило путь Маниаха и прибыло в долины Таласа и Чу, которые уже тогда назывались "местностями согдийцев". Отсюда Земарха препроводили в ставку кагана у горы Актаг на Тянь-Шане, где византийцев ждал пышный прием. Союз был заключен, и войска тюрок подступили к границам Ирана. Дальнейшие события излагаются летописцами скупо и противоречиво. Тюрки захватили иранскую провинцию Джурджан, но их натиск не был поддержан Византией с запада.

Хосров, опасаясь войны на два фронта, поспешил заключить мир с Истеми, по условиям которого Иран обязался выплачивать тюркам прежнюю "эфталитскую" дань. Очевидно, была устранена и первопричина разрыва — вопрос о торговле шелком. Мир с тюрками дал Ирану возможность нанести ряд поражений Византии и Месопотамии. После победы над Ираном западные тюрки утратили интерес к союзу с греками. Неоднократные попытки Константинополя восстановить союз были безрезультатны, а в 576 г. удельный правитель тюрок Турксанф напал на владения Византии и Причерноморье и взял Боспор. В 580 г. тюрки вторглись в Крым и осадили Херсонес.

В своей внешней политике западные тюрки во главе с умным и энергичным каганом Истеми достигли больших успехов, но закрепить их помешала междоусобная борьба в каганате. В 575 г. умер Истеми-каган, авторитет которого среди степняков был непререкаем. А вскоре скончался и верховный владыка Тюркского каганата Таспар (572–581 гг.), который крепко держал в своих руках бразды правления громадной разноплеменной державой. За престол каганата боролись сразу четыре претендента, которые затеяли яростную братоубийственную войну, в результате трое из них погибли,

и Тарду Боке-каган, наследник Истеми на западе, в 587 г. занял престол тюркских владык.

Но распри продолжались вплоть до 593 г. Междоусобная война обескровила и ослабила Тюркский каганат и резко ухудшила его внешнеполитическое положение. За это время раздробленный Китай, плативший тюркам тяжелую дань, был объединен династией Суй (581–618 гг.). Другой данник каганата – Иран – в 588 г. под Гератом нанес поражение западным тюркам, а к 590 г. Византия отняла у тюрок Боспор. После смерти Тарду Боке-кагана в 603 г. произошел официальный раздел тюркской державы на Восточный и Западный каганаты.

Западнотюркский каганат. Сами западные тюрки называли свое государство "он ок эли" ("государство десяти стрел"). Официальными титулами западных государей из династии Ашина были "тюркский джабгу-каган" или "каган народа десяти стрел". Названия государства и титулов каганов свидетельствуют: ведущее положение в Западнотюркском государстве занимал "он ок бодун" – "народ десяти стрел", который состоял из двух крупных объединений: пять племен входили в конфедерацию "нушиби" и занимали территорию от Сырдарьи до р. Чу, другие пять под общим названием "дулу" рассеялись по территории от р. Чу, включая Алтай и Джунгарию. Западнотюркский каганат объединял богатые земледельческие области Восточного Туркестана, Средней Азии, степи Приаралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Административно-политическим центром государства стала сначала Таласская долина, где была летняя ставка Мин-Булак (район современного с.Боо-Терек), а затем – Чуйская. Начиная с 618 г. столицей западнотюркских каганов становится г. Суяб (развалины Ак-Бешим близ г. Токмок).

От последствий междоусобия западные тюрки оправились только во время правления Тон джабгу-кагана (618–630 гг.), которому современники давали высокую оценку как политическому и военному деятелю: "Он храбр и предусмотрителен. Каждое его сражение венчалось победою". Тон джабгу-каган вел активную антииранскую политику и отнял у Ирана Тохаристан, занял Афганистан и часть Северной Индии. Заключив

союз с византийским императором Ираклием, каган напал на закавказские владения Ирана и взял города Дербент, Тбилиси и Пратав.

Тон джабгу-каган провел важную административно-политическую реформу, уравняв в правах кочевую и оседло-земледельческую знать оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана, что существенно ограничило незаконные поборы в пользу степных аристократов. Для надзора за правителями вассальных владений и для сбора налогов назначались наместники — тутуки.

Внешние политические успехи тюрок достигались колоссальным напряжением внутренних сил. Постоянные войны и далекие походы, обогащая верхушку, мало что давали простому народу. К тому же каган ограничил власть кочевой знати и, "полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились". Один мятежный феодал, внезапно напав на ставку, убил Тон джабгу-кагана.

Этот акт уронил авторитет династии Ашина не только среди "народа десяти стрел", но и в зависимых владениях Средней Азии и Восточного Туркестана. Вновь начались междоусобные войны, сопровождавшиеся частой сменой каганов и усилением раскола. Вожди "народа десяти стрел" вынудили Ышбара Эльтериш Шир-кагана (634—639 гг.) провести реформу, предоставившую фактическую независимость от центральной власти племенным объединениям дулу и нушиби, что усилило влияние их знати. Распри и междоусобицы не остановила даже угроза иноземного вторжения.

В первой трети VII в. усилилась династия Тан (618—907 гг.). Феодальная верхушка Китая, руководимая императором Тайцзуном, одной из важных задач поставила захват Великого шелкового пути. В 630 г. танские войска в союзе с кочевыми племенами тогуз-огузов разгромили Восточнотюркский каганат. Силами различных тюркских отрядов в 640 г. Тай-цзун захватил государство Гаочан (Турфанский оазис) и на его территории создал наместничество Аньси. Оно-то и стало базой для нападения на Западнотюркский каганат. Тюрки в союзе с народами Восточного Туркестана долго сдерживали натиск

врагов, но в битве на р. Или (656 г.) китайский полководец Су Динфан наконец разбил войска Ышбара-кагана (651–657 гг.). Тот с боями отступил в Чуйскую долину, где в 657 г. потерпел окончательное поражение и погиб.

Не имея возможности установить реальную власть над отдаленными территориями Тянь-Шаня, танский император поставил во главе "народа десяти стрел" представителей западной ветви династии Ашина. Эти марионеточные каганы не пользовались авторитетом у народа, который не прекращал борьбу с захватчиками. Упадок каганата продолжался, и двадцать третий каган из династии Ашина стал последним: его убили тюргеши в городе Кулане (близ современной ст. Луговая) в 704 г. К власти в Семиречье и на Тянь-Шане пришла династия тюргешских каганов.

Тюргешский каганат. Официальные титулы каганов из династии тюргешей зафиксированы легендами на монетах и в рунических текстах. Их величали "божественный тюргеш-каган" или "тюргеш-каган". Соседи по-прежнему называли их государство "народом десяти стрел" или "народом десяти племен". Тюргеши входили в конфедерацию дулу десятиплеменного народа и занимали междуречье Чу и Или. Они делились на "желтые" и "черные" роды, верхушка которых соперничала между собой.

Родоначальником новой династии стал вождь "желтых" тюргешей Уч-Элиг-каган (704–706 гг.). Он занял город Суяб и учредил в нем главную ставку. На землях, подвластных тюргешам и простиравшихся от среднего течения Сырдарьи до верховьев Иртыша, существовало двадцать уделов, каждый из которых мог выставить семитысячное войско.

При преемнике Уч-Элига, его сыне Сакал-кагане (706–711 гг.), положение государства было сложным: с юга угрожали войска династии Тан, с востока – восстановившие свой каганат тюрки, с юго-запада – арабы. Чтобы предупредить агрессию, Сакал-каган в 709 г. напал на Аньси, сломил сопротивление китайских войск и убил наместника. Потом тюргеши перебросили войска в Среднюю Азию и вместе с согдийцами окружили под Бухарой удачливого арабского полководца Кутейбу ибн Муслима. Тому удалось посеять рознь

между союзниками и выйти из казалось бы безвыходного положения. Однако главная опасность угрожала тюргешам со стороны Второго тюркского каганата.

Восточные тюрки во главе с одним из членов династии Ашина в 679 г. подняли восстание и сбросили иго империи Тан. Наивысшего могущества каганат достиг при Капаган-кагане (691–716 гг.), который создал огромную и сильную армию. Опираясь на нее, тюркская знать предприняла попытку восстановить государство в границах, существовавших при их первопредках – каганах Бумыне и Истеми.

Осуществлению этих претензий мог помешать тройственный союз – объединившиеся в 710 г. танский Китай, Кыргызский и Тюргешский каганаты. Летом 711 г. союзники собирались выступить, однако Капаган-каган решил упредить удар. С Китаем он заключил мир.

Затем, перевалив зимой Саяны, восточные тюрки разгромили на Енисее кыргызов. Не теряя времени, Капаган, по бездорожью, скрытно, перебросив войска через Алтай, форсировал Иртыш. За один переход к западу от Иртыша он наголову разбил многочисленную армию тюргешей, взял в плен и казнил Сакал-кагана. Земли тюргешей вошли в состав Второго тюркского каганата. В 716 г. вместо убитого Капагана на трон возвели его племянника Бильге-кагана (716–734 гг.), который заявил, что глава тюргешей – "мелкий владетель и притом тюркский вассал".

Однако вскоре тюргеши добились полной независимости. Их главой стал предводитель "черных" родов – Сулук Чабыш-чор (716–739 гг.). Будучи незаурядным дипломатом, новый каган в 717 г. отправился в Китай, где был очень хорошо принят. Вслед за этим заключается брачный союз с тремя опасными для тюргешей владетелями: Сулук Чабыш-чор женился на дочери потомка западной ветви династии Ашина, второй его женой стала дочь Бильге-кагана, третьей – дочь царя Тибета. Свою дочь каган выдал за сына Бильге. Дипломатические успехи тюргешей на востоке позволили активизировать военные действия на западе.

Арабские наместники багдадского халифа в Хорасане, воспользовавшись поражением тюргешей, сумели подчинить

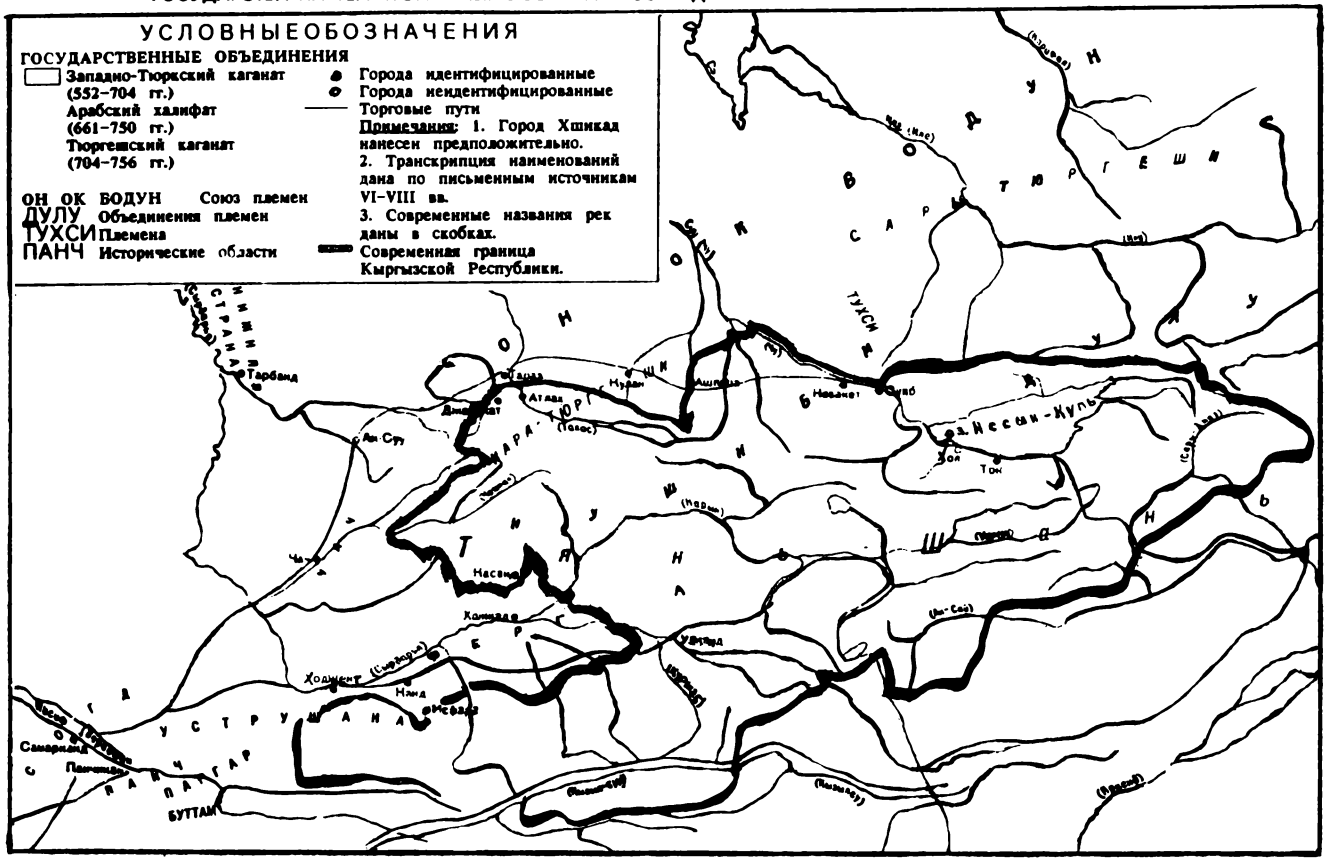
Согд, часть Тохаристана и Хорезм. Начиная с 720 г., каган Сулук Чабыш-чор совершил несколько походов против арабов. В ходе борьбы сложился антиарабский союз, в который вошли Фергана, Чач (Ташкентский оазис) и Тюргешский каганат. Их антиарабские выступления поддерживал восставший народ Согда. В результате арабы потерпели ряд поражений и в 728 г. вынуждены были покинуть Согд.

Тогда арабские феодалы объявили газават ("священную войну против неверных"). Сильная армия арабов в 729 г. переправилась через Амударью и двинулась к Бухаре. К ней присоединились согдийский царь Гурек с войсками. Навстречу им выступили войска тюргешей, ферганцев и чачцев под командованием кагана Сулука Чабыш-чора. Сражения в окрестностях Бухары, однако, не выявили победителей. Перелом внес сильный отряд согдийцев, который перешел на сторону кагана. Объединенные силы осадили арабов в одной из крепостей и после длительной осады захватили ее.

Раздосадованный неудачами багдадский халиф сменил наместника и направил в Среднюю Азию значительное подкрепление. На первых порах новый властитель добился некоторых успехов, но в 731 г. потерпел сокрушительное поражение, и до 734—735 гг. арабы не предпринимали никаких попыток захватить Согд. В 734 г. на сторону союза среднеазиатских государств, возглавляемого тюргешами, перешел видный арабский полководец Харис ибн Сурейдж с частью арабов, недовольных правлением халифов из династии Омейядов: они якобы не соблюдали чистоты ислама. Харис совершил важный политический акт: он вступил под покровительство кагана Сулука Чабыш-чора, который пожаловал ему на "кормление" подати с города Фарьяб. Войска мятежного полководца, объединившись с силами владения Хутталь (Южный Таджикистан) и с тохаристанскими карлуками, напали на арабов, одержали победу, но затем были разбиты и отступили. Арабский наместник вторгся в Хутталь, тогда владетель его призвал на помощь кагана.

Тюргеши во главе с Сулуком Чабыш-чором выступили из Чуйской долины налегке и за 17 дней достигли Хутталя, где разбили арабов. Те отступили в Хорасан. Решив, что разоб-

ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ в VI–1-й ПОЛОВИНЕ VIII вв.

щенные войска противника могут стать легкой добычей, каган зимой 737 г. с небольшими силами вторгся в Хорасан. Однако перед лицом опасности арабские войска быстро сконцентрировались и нанесли тюргешам сокрушительное поражение. Сулук Чабыш-чор едва не попал в плен, и тюргеши возвратились в Чуйскую долину.

Это поражение стоило Сулуку жизни. Тюргешская знать обвинила его в больших людских и материальных потерях. Желая предотвратить мятеж, каган одарил беков табунами коней, но не сумел умерить их алчность. Разбитого параличом кагана ночью убил один из его военачальников. Гибель Сулука Чабыш-чора положила начало длительной борьбе за верховную власть между "желтыми" и "черными" родами тюргешей. В нее включились владетели Ферганы, Чача и Кеша, китайский наместник в Кашгаре. Междоусобицы окончательно подорвали мощь Тюргешского каганата и он пал под натиском карлукских племен, что создало благоприятные условия для окончательного подчинения среднеазиатских владений арабами.

Государство карлуков. "Карлук бодун" ("народ карлуков") или "уч карлук" ("три племени карлуков") – так древнетюркские рунические памятники именовали сильный союз кочевых племен, которые занимали территорию от Монгольского Алтая до озера Балхаш к югу и северу от хребта Тарбагатай. В состав карлукского объединения входили три крупных племени: булак, чигиль (себек) и ташлык, но уже в ранний период истории наметились территориальная и политическая разобщенность карлукского союза. Глава той части карлуков, которая во второй половине VI в. или начале VII в. находилась на территории Тохаристана, принял титул джабгу и был в зависимости от западнотюркских, а затем – тюргешских каганов. Эти карлуки сыграли видную роль в борьбе с арабскими завоевателями. Другая же часть карлуков оставалась далеко на востоке – в монгольских степях.

Карлуки, населявшие районы Тарбагатая, – основное ядро народа – имели сильную армию. Живя на стыке границ Восточного и Западного тюркских каганатов, они подчинялись то тому, то другому. Надо заметить, что это были очень

беспокойные и мятежные подданные. В первой четверти VIII в., например, они, по меньшей мере, три раза восставали против восточнотюркских каганов. В середине VIII в. карлуки сыграли одну из главных ролей в падении Второго тюркского и Тюргешского каганатов, что положило конец целой эпохе в истории Центральной и Средней Азии. В 744 г. объединенные силы басмылов, уйгуров и карлуков сокрушили Второй тюркский каганат. Новую степную державу – Уйгурский каганат (744–840 гг.) – возглавил вождь уйгуров, который принял тронное имя Элетмиш Бильге-каган (744–759 гг.). Уйгуры входили в сильное объединение тогуз-огузских племен. После победы над восточными тюрками они распространили свою власть на территорию от Алтая до Маньчжурии.

Вождь карлуков считал себя обойденным, так как получил лишь титул "джабгу" и попал в зависимость от своего бывшего союзника. Произошли столкновения, и под давлением уйгуров карлуки в 746 г. переселяются в Семиречье, где политическая обстановка была очень сложной. Тюргешские каганы из-за непрекращающихся распрей утратили реальную власть.

Воспользовавшись этим, в 748 г. китайская армия вторглась в Чуйскую долину, заняла и разрушила г. Суяб. В следующем году китайцы пленили, а затем казнили владетеля Чача (Ташкента).

Арабы не могли допустить столь дерзкого вмешательства империи Тан в дела Средней Азии, и войска во главе с Зиядом ибн Салихом двинулись против китайцев. Узнав об этом, китайский полководец Гао Сяньчжи со стотысячной армией выступил из Суяба навстречу арабам. Обе армии встретились в июле 751 г. у города Атлах (развалины севернее с. Покровка Манасского района) и четыре дня стояли друг против друга, не решаясь перейти реку. На пятый день в тыл танской армии ударила сильная конница карлуков, с фронта ее поддержали арабы. Не выдержав двойного натиска, танские войска дрогнули и побежали, ища спасения в теснине ущелья р. Талас. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу. По сведениям средневекового историка Ибн ал-Асира, в битве под Атлахом китайцы потеряли 50 тыс. убитыми и 20 тыс. пленными. Эта победа имела большое значение в истории народов

Средней Азии: китайские войска примерно тысячу лет не появлялись у ее границ, что обеспечило развитие мусульманской культуры в регионе.

Карлуки, сыграв важную роль в разгроме китайских войск, значительно упрочили свое положение, тем более, что арабы не смогли удержаться в Семиречье. Однако карлукской знати предстояла длительная борьба за политическую гегемонию. Главной задачей карлукские джабгу считали борьбу с Уйгурским каганатом за господство в степи. К 751 г. им удалось создать антиуйгурский союз, в который кроме карлуков вошли остатки тюрок, кыргызы и племена чиков, но действовали они несогласованно и нерешительно. Когда перебежчики сообщили уйгурам о враждебных намерениях членов антиуйгурского союза, Элетмиш Бильге-каган, проявив качество недюжинного полководца, разгромил союзников поодиночке. Карлуки, как 40 лет назад тюргеши, потерпели поражение в местности Болучу, на левом берегу Иртыша. Через год карлуки в союзе с тюргешами и басмылами совершили поход в глубь степей и достигли сердца Уйгурского каганата — Отукенской черни, где уйгуры разбили басмылов, а на р. Ичюй — объединенные отряды карлуков и тюргешей. Карлуки еще не раз нападали на уйгуров, но всегда отступали, терпя поражение и урон.

Одновременно джабгу боролись за политическое верховенство в Семиречье. Главными их соперниками были огузы, входившие в конфедерацию "десятистрельного народа". В легендах и преданиях об Огуз-кагане прародиной народа названы территории Прииссыккулья и Таласской долины. Борьба длилась с перерывами около двадцати лет и завершилась победой карлуков, которые только в 766 г. сумели занять города Суяб и Тараз. Значительная часть огузов покинула Семиречье и в степях Приаралья основала свое государство.

В Семиречье, Тянь-Шане, Фергане и Восточном Туркестане племена карлуков, чигилей и ягма расселялись чересполосно; среди них находились и племена, входившие ранее в состав "народа десяти стрел". Властвовала здесь феодальная верхушка карлуков во главе с джабгу. Однако государство это было

"заплаточным" и состояло из разрозненных владений как карлукских, так и "десятиплеменных" феодалов, которыми джабгу не распоряжался: верхушка кочевых племен владела не только пастбищными угодьями, но и селениями и даже городскими центрами. Суябом, например, владел брат "тюркского кагана", селением Хут Куял – Баглила, по происхождению тюргеш, городом Беклиг – некий тюрок с титулом йинал-тегин.

Значительную информацию о государственном устройстве карлуков содержит колофон манихейской рукописи "Священная книга двух основ". Судя по официальному титулу одного из чигильских князей – "хан золотого Аргу-Таласа и Кашу" – правитель Ордукента и Чигильбалыка, (манихейский) правитель "великих тюрок", этот вассал был практически независим от карлукского джабгу и объявил себя продолжателем великотюркской традиции.

Укрепившись в Семиречье и на Тянь-Шане, карлуки в союзе с тибетцами продолжили борьбу с уйгурами и за Восточный Туркестан и Джунгарию. Сначала им сопутствовал успех, но в 791 г., а затем в 812 г. уйгуры нанесли союзникам тяжелые поражения. Последнее из них вынудило джабгу признать верховную власть уйгурского кагана. Воспользовавшись бедственным положением карлуков, в том же 812 г. против них выступили арабы. Полководец Фадл б. Сахл под Отраром разбил войска карлуков и взял в плен семью джабгу, который бежал в страну кимаков.

В середине IX в. в Средней и Центральной Азии произошли важные события, которые отразились на судьбе государства карлуков. Непрекращающаяся борьба народов Средней Азии с арабскими завоевателями в конце концов привела к захвату власти выделившейся из местных феодалов династией Саманидов. В Центральной Азии после двадцатилетней ожесточенной борьбы енисейские кыргызы в 840 г. сокрушили Уйгурский каганат. Только небольшая часть уйгуров, отстояв свою независимость, образовала в Турфане и в районе Ганьчжоу два мелких независимых государства.

В 840 г. саманидский наместник Самарканда Нух ибн Асад объявил "священную войну" тюркам. Ему удалось взять город

Исфиджаб (близ совр. Чимкента) и закрепиться в нем. В 893 г. Саманид Исмаил ибн Ахмед предпринял поход на карлуков и осадил город Тараз (совр. Джамбул). Каган Огулчак Кадыр-хан после длительной осады сдался. Исмаил распространил свою власть на всю территорию Таласской и часть Чуйской долины, вплоть до г. Мерке. Тем самым Саманиды сделали эти земли центром распространения ислама и получили богатые серебряные рудники в области Шельджи (верховья р. Талас). Огулчак Кадыр-хан, перенеся ставку в Кашгар, остановил дальнейшее продвижение Саманидов на восток. Столетие в тюркских племенах Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана зрели те силы, которые сплотились вокруг возвысившейся династии Караханидов, опрокинули Саманидов и завоевали Среднюю Азию.

§2. Каганат енисейских кыргызов

События древней и средневековой истории кыргызов, связаннные с их проживанием на Енисее, имеют важное значение для понимания процесса этно- и культурогенеза современного кыргызского народа и многих других народов Евразии. Кыргызы - один из древнейших тюркоязычных народов. Впервые они упоминаются в ханьских источниках в конце III в. до н.э. В последующие столетия они были активными участниками многих войн с кочевыми империями древности и средневековья в Центральной Азии. Выдержав натиск тюрок и уйгуров, в конце I тыс. н. э. кыргызы, сокрушив Уйгурский каганат, подчинили обширные пространства Центральной Азии, создав мощное государство – Кыргызский каганат. Это было время невиданного взлета кыргызского военного искусства, государственности, культуры, настоящий "звездный час" кыргызской истории, справедливо названный крупнейшим специалистом по истории кыргызов академиком В.В.Бартольдом "кыргызским великодержавием". Благодаря своим военным успехам кыргызы оказали решающее влияние на ход исторических событий в Центральной Азии. Этнические группы кыргызов приняли участие в этнических процес-

сах, приведших к формированию многих тюркоязычных и монголоязычных народов.

Эпоха "великодержавия" привела к появлению кыргызов в Восточном Туркестане и стала важным этапом в их продвижении на Западный Тянь-Шаня. Однако обширные завоевания обусловили распыление кыргызского этноса на огромной территории, что повлекло за собой распад каганата, разделение единого этнического массива на отдельные группы. Ослабленные кыргызы не могли оказать сопротивления активности монголоязычных кочевников киданей и найманов, а в начале XIII в. были завоеваны монголами. Отдельные группы кыргызов оказались разбросанными по разным местам обширной Монгольской империи. В середине II тыс. н. э., по мере усиления междоусобных войн между потомками Чингисхана, усиливались кыргызы в Восточном Туркестане. В XV в. они переселились на Западный Тянь-Шань и составили этническое ядро современного кыргызского народа.

Кыргызские княжества просуществовали на Енисее до начала XVIII в., когда кыргызы были уведены джунгарами в Джунгарию. После разгрома Джунгарского ханства маньчжурами часть кыргызов была переселена в Маньчжурию, а часть вместе с калмыками бежала в Поволжье, войдя в состав современных народов Поволжья и Урала.

События истории кыргызов уже не одно столетие привлекают внимание ученых Европы, России, Китая. Большой вклад в изучение истории кыргызов внесли Н.Ф.Миллер, В.Шотт, В.Радлов, В.В.Бартольд, С.В.Киселев, А.Н.Бернштам, С.М.Абрамзон, А.Байтур и другие ученые. В последние десятилетия все большую роль в изучении исторического прошлого кыргызов играют ученые Кыргызстана. В 1950–1980 гг. решение сложных проблем этнической истории кыргызов приобрело особенно острый характер с связи с попытками некоторых хакасских ученых, прежде всего Л.Р.Кызласова, вычеркнуть имя кыргызов Енисея из истории, приписав их исторические деяния и культуру мифическим "древним хакасам". Эти антинаучные попытки вызвали категорические возражения со стороны О.К.Караева, Н.А.Сердобова, С.Е.Яхонтова, Ю.С.Худякова. Научное сообщество от-

вергло мифическую "древнехакасскую цивилизацию". Позже, в 90-х годах, попытки "обосновать" правомерность употребления термина "древние хакасы" были продолжены И.Л.Кызласовым. Ему аргументированно возражали С.Г.Кляшторный, С.Е.Яхонтов, В.Я.Бутанаев. Суть возражений критиков концепции Л.Р. и И.Л. Кызласовых сводится к одному: ни в одном средневековом источнике не упоминается особый народ "хакасы", в них говорится только о кыргызах. Само слово "хакасы" есть китайская транскрипция этнонима "кыргызы".

Несмотря на существующие сложности, кыргызоведение в последнее десятилетие сделало большой шаг вперед. Значительно расширился ареал изученных кыргызских памятников, охвативший многие районы Северной и Центральной Азии. Активизировался анализ письменных, этнографических и фольклорных источников по истории кыргызов. Обретение Кыргызской Республикой независимости способствовало устранению негативного воздействия идеологии на научные исследования в области кыргызоведения. Интерес к историческому прошлому в связи с ростом самосознания значительно возрос, что должно способствовать пониманию исторических закономерностей прошлого кыргызского народа.

Впервые кыргызы под названием *гяньгунь* (*цзяньгунь*) упоминаются в китайских источниках династии Хань в конце III в. до н.э. в числе племен, покоренных шаньюем Модэ. Среди других племен, покоренных хуннами, упоминаются динлины, которые наряду с юэчжами и усунями стали основными соперниками хуннов в борьбе за господство над западными районами Центральной Азии. После ослабления и распада хуннской державы земли гяньгуней в 49 г. до н.э. подверглись нашествию орды северных хуннов Чжичжишаньюя. В источнике указано, что гяньгуни жили в 7000 ли западнее ставки шаньюев и в 5000 ли севернее Чеши. По соседству с гяньгунями обитали динлины. На протяжении I–II вв. н. э. динлины вели войны с хуннами и сяньби. В середине I тыс. н.э. кыргызы известны в источниках под названием *хэгу* или *цигу*, а динлины – под именами *гаогюй* и *теле*. В этот период кыргызы входили в состав телесского

объединения (гаогюйских динлинов) и могли, как об этом говорится в источниках, частично "перемешаться" с ними. Есть сведения, что кыргызы находились в зависимости от сяньби, а позднее – от жужаней. В V–VI вв. н. э. жужане вели постоянные войны с теле, в ходе которых могли подчинить гяньгуней. В источниках этого времени нет каких-либо сведений о культуре гяньгуней. Однако в период раннего средневековья кыргызы описываются как европеоидные, у них был распространен обычай татуировки лица и тела. В источниках подчеркивается сходство языка и культуры у кыргызов и уйгуров, т.е. кыргызы говорили на языке тюркской языковой семьи.

В VI в. один из представителей тюркского правящего рода Ашина, носивший имя Цигу (Кыргыз), стал царствовать "между реками Афу и Гянь" (Абаканом и Енисеем) в Минусинской котловине. В этот период по всей территории Минусы распространяются памятники кыргызской культуры. Местное население было частично ассимилировано или вытеснено на периферию минусинских степей в таежную зону. Таежные племена попали в вассальную зависимость от кыргызов, находясь в их государстве на положении кыштымов (рабов-иноплеменников). В VI в. кыргызское государство на Енисее добилось независимости во время тюркского восстания против жужаней. Однако с образованием Тюркского каганата кыргызы попали в зависимость от тюрок. В 555 г. тюркский каган Мухан "на севере покорил Цигу". Кыргызы стали поставлять тюркам в качестве дани "оружие крайне острое". На Енисее была создана база по изготовлению оружия, обеспечившая в дальнейшем успехи кыргызов в войнах с кочевниками Центральной Азии. После распада Тюркского каганата в 581 г. кыргызы добились независимости. В VII в. они подчинились Телесскому каганату, возглавляемому племенем сейяньто. Однако с падением каганата кыргызское государство вновь стало самостоятельным. В этот период кыргызский правитель Сылифа Шибокюй Ачжань совершил дипломатический визит ко двору империи Тан. В последующие годы кыргызы неоднократно направляли посольства в Китай, пригоняли лошадей для обмена.

С образованием Второго Восточнотюркского каганата в конце VII в. кыргызы приняли активное участие в борьбе с тюрками за гегемонию в Центральной Азии. Тюркский каган Капаган после неудачного похода через Саяны был вынужден признать за кыргызским правителем Барс-бегом право принять титул кагана и выдал за него дочь кагана Кутлуга, младшую сестру тегинов Могиляна и Кюль-тегина. Таким образом, кагану Барс-бегу удалось уравнять кыргызское государство с тюркским. В 707–711 гг. кыргызские посольства неоднократно приходили в Китай. Зимой 710–711 гг. тюркское войско под командованием полководцев Тоньюкука, Могиляна и Кюль-тегина предприняло тщательно подготовленный поход через Саяны, в земли кыргызов. Тюркское войско, внезапно обрушившись на кыргызов, нанесло им жестокое поражение в черни Сунга. В этом сражении погиб и кыргызский каган Барс-бег, " а народ его стал рабынями и рабами". В Минусинской котловине разместились тюркские войска. На Енисее появились памятники древнетюркской культуры.

Однако тюрки не уничтожили кыргызской государственности. Во главе государства остался кыргызский правитель. Кыргызские посольства продолжали прибывать в Китай.

После падения тюркского государства серьезную угрозу для кыргызов стал представлять Уйгурский каганат. В 751 г. кыргызы, в союзе с другими племенами, выступили против уйгурского кагана Моюн-Чура. В 758 г. уйгуры завоевали кыргызское государство. Кыргызский правитель утратил титул кагана. На целое столетие кыргызы оказались отрезанными от южных стран.

В 795 г. в связи со сменой династии в Уйгурском каганате кыргызы восстали. Однако кагану уйгуров Кутлугу удалось подавить это выступление, причем столь жестоко, что на кыргызской "земле [не стало] живых людей". После карательного похода Кутлуга в Минусе появились памятники уйгурской культуры. Но и это поражение не уничтожило кыргызского государства.

В 820 г., воспользовавшись ослаблением Уйгурского каганата, кыргызы вновь восстали. Началась война, длившаяся около 20 лет. Ей предшествовала централизация власти в

кыргызском государстве, создание "десятичной системы" войска, подчинение таежных племен на периферии Минусы. В орбиту кыргызского влияния попали племена бома. Для объявления войны был выбран момент, когда уйгуры "начали упадать", в Уйгурском каганате обострились внутренние распри. За годы войны на уйгурском престоле сменилось шесть каганов. Одновременно с кыргызами усилили натиск на уйгуров тибетцы. Военные действия затянулись: "хан двадцать лет продолжал войну". Постепенно военное счастье стало склоняться на сторону кыргызов. Кыргызский правитель Ажо, окрыленный победами, говорил: "Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи".

Военные неудачи усилили нестабильность в Уйгурском каганате. В 739 г. министр Гюйлофу совершил переворот и посадил на престол несовершеннолетнего кагана Кэси-торе. Обострилась и экономическая ситуация: "В тот год был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, отчего пало много овец и лошадей". Против Гюйлофу восстал полководец Гюйлу Мохэ, что открыло кыргызам дорогу на уйгурскую столицу Орду-Балык. "Хойхуский хан не мог продолжать войны. Наконец, его же полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо в хойхускую орду". В решающем сражении под Орду-Балыком кыргызская армия разгромила уйгуров. Город был взят, разрушен и сожжен; "хан был убит в сражении и его Дэлэ рассеялись"; "Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны". Был разгромлен и окружавший столицу земледельческий район. Кыргызам досталась богатая добыча. "Хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и взял в плен Тай-хо царевну; после сего он перенес свое пребывание на южную сторону гор Лао-Шань". Уйгуры и другие телесские племена в панике бежали из Монголии. "Хойху поколения рассеялись". Каганат распался. Уйгуры бежали в Забайкалье, Маньчжурию, в Прииртышье. Большая часть уйгуров и телесцев бежала к границам империи Тан и в Восточный Туркестан. Кыргызский каган, сочтя, что разгром

уйгуров закончен, перенес свою ставку в Монголию. Захваченную в плен жену уйгурского кагана – китайскую принцессу Тайхэ, дочь императора Сяньцзуна, он отправил в 841 г. на родину в сопровождении военного отряда. Очевидно, таким образом кыргызы хотели уведомить императора, что власть в степи теперь принадлежит им. Однако уйгуры, осевшие у границ империи Тан во главе с каганом Уцзе, сумели перехватить кыргызское посольство и задержали Тайхэ. Кыргызы выслали на ее поиски военный отряд. В погоне за уйгурами кыргызские войска проникли в Восточный Туркестан и в долину р.Эдзин-гол к югу от пустыни Гоби. По наущению китайцев кыргызское войско во главе с министром Або совершило поход в Южную Маньчжурию, захватило уйгуров и разгромило племена шивэй. Между кыргызским каганом и танским императором велась активная дипломатическая переписка по поводу устранения уйгурской угрозы. Китайцы, хотя и поощряли борьбу между кыргызами и уйгурами, боялись усиления кыргызов. Кыргызские каганы стремились удержать свою власть над Центральной Азией, поддерживали дипломатические контакты с империей Тан. В связи с активизацией уйгуров в конце IX в. кыргызские войска вновь совершают походы в Восточный Туркестан, захватывают города Пенчул и Аксу, доходят до Кашгара. Союзниками кыргызов были тибетцы, также воевавшие с уйгурами. Однако "хягяс не мог совершенно покорить хойху" – уйгурские княжества в Туфане и Ганьчжоу сохранили свою самостоятельность.

Разгром Уйгурского каганата и завоевание обширных пространств Центральной Азии привели к созданию Кыргызского каганата на всей территории. Это было время небывалого подъема кыргызской государственности, военного искусства, культуры. В каганате получили распространение руническая письменность и мировые религии. Кыргызские каганы пытались ввести в государстве денежное обращение, поощряли градостроительство и земледелие. Памятники кыргызской культуры широко распространились за пределы Минусинской котловины по всей Центральной Азии.

Однако период "кыргызского великодержавия" был непро-

должительным. Истощенные многолетней войной, большими людскими потерями, расселенные на огромной территории кыргызы не могли оказать сопротивления новым завоевателям — монголоязычным кочевникам, киданям. В начале X в. кидане совершили ряд походов в Монголию, подчинив ее вплоть до Алтая. Кыргызы сохранили за собой Саяно-Алтай и ряд районов Восточного Туркестана. Единый кыргызский этнический массив был разделен надвое. Вероятно, кыргызы в Южной Сибири попали в зависимость от киданей. К середине X в. между киданями и кыргызами уже не было общей границы. Иногда кыргызы еще присылали послов ко двору империи Ляо.

В XI—XII вв. наметился отток кыргызов из Монголии и Тувы в Минусу и Причулымье. Монгольские степи заселяются с востока монголоязычными кочевниками. В кыргызскую культуру проникает ряд новаций из монгольской культуры. Кыргызское государство на Енисее распадается на ряд княжеств.

Восточнотуркестанские кыргызы под влиянием соседей мусульман утратили часть своих прежних обычаев, культурно обособились от енисейских кыргызов. "У кыргызов в обычае сжигание своих умерших; они утверждали при этом, что огонь очищает и делает их чистыми. Таков был их обычай в прошлом, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых".

В XII в. восточнотуркестанские кыргызы подверглись натиску кара-киданей во главе с Елюем Даши. В середине XII в. кыргызы испытали давление со стороны найманов.

В начале XIII в. монгольский хаган Чингис послал на завоевание Саяно-Алтая войско во главе со своим сыном Джучи. Кыргызские князья, сознавая угрозу уничтожения своего народа, подчинились без боя. Основным условием подчинения была обязанность поставлять воинов в монгольскую армию. В 1218 г. во время восстания туматов монголы потребовали от кыргызов войско для подавления его, но те не только не дали войска, но и сами восстали. Джучи пришлось снова покорять Южную Сибирь. Монгольское войско прошло через Туву, Минусу и Алтай. Часть кыргызского населения была

покорена, часть бежала в таежное Причулымье. Во второй половине XIII в. кыргызы оказались втянутыми в междоусобные войны потомков Чингисхана, претендентов на его престол. В ходе этих войн кыргызские земли на Енисее были включены в империю Юань, восточнотуркестанские кыргызы оказались в Чагатайском улусе. В процессе междоусобиц кыргызов неоднократно переселяли из Саяно-Алтая в Монголию, Маньчжурию, Китай. Минусинские степи обезлюдели. На пустующих землях расселились кыштымы. Монголы, видимо, пытались противопоставить кыштымов и кыргызов. В этот период появляются памятники кыштымской знати, где встречаются оружие и дорогие предметы. Количество кыргызских памятников в Минусе сокращается. В Саяно-Алтае создаются поселения из монголов, уйгуров и китайцев.

С падением империи Юань кыргызские земли на Енисее стали ареной борьбы западных и восточных монголов, ойратских и халхасских ханов. Так продолжалось до начала XVIII в., когда джунгары под давлением русских угнали кыргызов в Джунгарию. Восточнотуркестанские кыргызы вплоть до середины II тыс.н.э. были "лесным племенем" в горах Моголистана. С этого времени они представляли собой этническое ядро для формирования современного кыргызского народа, в состав которого были включены многие тюркоязычные и монголоязычные племена Тянь-Шаня и Семиречья.

В период обитания на Енисее кыргызы создали и развивали богатую и оригинальную культуру (достижения именно этой культуры Л.Р.Кызласов и И.Л.Кызласов пытались приписать мифическим "древним хакасам").

Памятники кыргызской культуры VI—VIII вв. сосредоточены на территории Минусинской котловины. Это курганы "чаа-тас" ("камень войны"). Они имеют округлую или квадратную каменную ограду со стелой, сложенной из каменных плит. В могилах хоронили сожженные кости умерших, рядом оставляли сосуды с питьем, мясо. В курганах встречаются тайники с разнообразными вещами, дорогой посудой, конской сбруей, украшениями. Это погребения богатых кыргызов. Рядовых людей хоронили под небольшими насыпями, без вещей. Детей погребали не сжигая. Могилы рабов-кыштымов

были в насыпях или вокруг стен чаа-тасов. Из памятников этого периода известны также поселения, крепостные сооружения, клады, наскальные рисунки, тамги, рунические надписи.

Наиболее характерным элементом кыргызской культуры VI–VIII вв. является гончарная посуда, известная под названием "кыргызские вазы". Встречается и лепная посуда разных форм.

Найдены также железные стрелы, берестяные колчаны, кинжалы с однолезвийным клинком. К эпохе "чаа-тас" относятся двулезвийные мечи, копья, топоры, панцирные пластины, предметы конской сбруи, пояса и украшения. Среди находок есть серьги, бусы, бронзовые китайские монеты. Встречаются бронзовые амулеты с головами коней и скульптурки баранов, покрытые золотой фольгой.

На поселениях найдены орудия труда, бытовые предметы, следы железоделательного ремесла.

В комплексах встречаются привозные украшения, монеты из Китая, попавшие на Енисей в результате торговли. В культуре кыргызов есть элементы, характерные и для культуры тюрок и уйгуров.

В IX–X вв., в эпоху "великодержавия", памятники кыргызской культуры широко распространяются по территории Северной и Центральной Азии. Они обнаружены в Минусе, Туве, на Алтае, в Западной и Восточной Сибири, в Восточном Казахстане, Монголии, Восточном Туркестане. Основная масса их сосредоточена в Туве. Это небольшие округлые каменные курганы с крепидой и стелой, на которых есть тамги и рунические надписи. В неглубоких ямках встречаются сожжения, кости домашних животных, сосуды, предметы вооружения, сбруи, поясного набора.

В состав кыргызов в этот период вошли союзные племена, что отразилось на обрядности. На территории каганата проживали многочисленные кочевые и охотничьи племена, отличающиеся от кыргызов, тюрки, уйгуры и др. На некоторых из исследованных в Минусе кыргызских поселениях зафиксированы следы железоделательного ремесла. К этому времени

могут относиться глинобитные постройки (вроде "уйбатского замка"), свидетельствующие о попытках кыргызских правителей строить долговременные сооружения и поселения городского типа. К эпохе "великодержавия" относятся основная часть кыргызских рунических надписей, некоторые петроглифы и клады.

В предметном комплексе произошли существенные изменения. Выходит из употребления керамическая посуда и распространяется металлическая. Встречается дорогая пиршественная посуда из золота и серебра.

В эпоху "великодержавия" происходит невиданный расцвет оружейного ремесла. У кыргызов появляются на вооружении палаши, сабли, пики, боевые топоры, кинжалы, луки и стрелы самой разнообразной формы. Особенно велико количество бронебойных наконечников. Для защиты использовались шлемы, панцири, кольчуги, щиты, накладные щитки. Специальной защитной попоной защищали и боевого коня. У кыргызов впервые появилась в качестве особого рода войск панцирная кавалерия. В IX–X вв. по уровню вооружения кыргызы заметно превосходили другие кочевые народы Центральной Азии, что воплотилось в победах кыргызских войск на полях сражений с уйгурами.

Весьма разнообразны были сбруя и воинское убранство. Эпоха "великодержавия" была временем расцвета кыргызской торевтики. Седельные, уздечные, поясные ремни богато украшались бронзовыми разнообразно орнаментированными бляхами, нередко покрывались позолотой. В комплексах встречаются различные украшения, бытовые вещи, орудия труда. Установление непосредственных контактов с империей Тан, Восточным Туркестаном и Средней Азией способствовало притоку импортных вещей. Особенно велико количество находок китайских монет и зеркал. На некоторых монетах есть рунические надписи, что может свидетельствовать о попытке введения денежного обращения.

Изменения в культуре имели разнонаправленный характер. В области оружейного и ювелирного ремесла кыргызская культура приобрела общекочевнические черты, утратив свой периферийный характер. Оружие, поясная и сбруйная фурни-

тура, дорогая посуда, украшения, характерные для дружинной культуры, достигли высокого разнообразия, стали ориентиром для других кочевых культур.

Кыргызы проявили интерес к мировым прозелитарным религиям, манихейству и буддизму, что нашло отражение в письменных памятниках и предметах торевтики.

Стремительный взлет кыргызской культуры в IX–X вв. был достигнут дорогой ценой – большими людскими потерями и расселением на огромной территории, которую невозможно было удержать. Под давлением киданей кыргызы утратили государственное и этническое единство. Культура восточно-туркестанских кыргызов остается совершенно не исследованной.

Памятники кыргызской культуры XI—XIV вв. довольно хорошо изучены в Минусе и Причулымье. Встречаются они и на Алтае, в Туве, в Ачинско-Мариинской лесостепи.

Изменения в культуре коснулись погребальной обрядности, производства оружия, сбруи, торевтики. Кыргызские курганы XI–XIV вв. – кольцевые каменные насыпи с погребениями по обряду кремации на горизонте. Встречаются остатки тризны, жженные кости, железные предметы вооружения и сбруи, побывавшие на погребальном костре. Иногда в курганах хоронили боевых собак.

Поселения этого времени изучены в Минусе. К периоду развитого средневековья относятся крепости – убежища на вершинах и увалах гор. Возможно, в XI—XII вв. продолжал существовать глинобитный "замок" на р. Уйбат. В начале II тыс. н. э. кыргызы утратили руническую письменность. К этому времени относятся некоторые клады.

В предметном комплексе произошли большие изменения. Почти полностью исчезла керамика. Видимо, шире стала применяться металлическая посуда. Продолжало развиваться производство вооружения. Кыргызские воины были вооружены палашами, саблями, копьями, боевыми топорами, луками и стрелами (наиболее распространенными были плоские железные наконечники). Для защиты использовались шлемы, чешуйчатые и пластинчатые панцири.

Дальнейшее развитие претерпело конское убранство. Особенно это заметно на предметах торевтики. Была освоена новая технология их изготовления – ковка по железу с серебряной аппликацией. Изменилась и орнаментация предметов: от сложных, преимущественно растительных форм – к геометрическому орнаменту.

На памятниках встречаются украшения, бытовые предметы, орудия труда.

Изменения в обрядности и инвентаре носят стадиальный характер. Они связаны с освоением новой технологии в торевтике и влиянием монголоязычных кочевников.

В XIII–XIV вв. значительных изменений в культуре енисейских кыргызов не произошло. Сократился ареал распространения памятников, которые сосредоточены в Минусе и Причулымье. Погребальные памятники этого времени не имеют существенных отличий от предшествовавших. Это кольцевые курганы с сожжениями на горизонте и железными предметами вооружения и конской сбруи.

Поселения монгольского времени не изучены. Предметный комплекс мало отличается от предшествующего. Из оружия известны палаши, луки и стрелы, панцири. Своеобразием отличается орнаментация сбруйных накладок. Встречаются предметы быта и орудия труда. Очень редки китайские монеты.

Изменения в культуре носят эволюционный характер. Значительного влияния монгольской культуры на кыргызскую не наблюдается.

Культура енисейских кыргызов раннего и развитого средневековья явилась значительным явлением в культурном развитии Центральноазиатского региона. Ей принадлежит ряд достижений в области материального производства, военного дела и прикладного искусства. Являясь неотъемлемой частью древнетюркского культурного мира, кыргызская культура сохранила ряд своеобразных, оригинальных черт и развила традиционные элементы многих кочевнических культур, внеся свой вклад в культурогенез.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. О термине "турк".
2. Образование Тюркского каганата.
3. Западнотюркский каганат. Истеми-каган.
4. Образование Тюргешского каганата.
5. Внутренняя и внешняя политика его правителей.
6. Образование Карлукского государства.
7. Внутренняя и внешняя политика его каганов.
8. Исследователи об енисейских кыргызах.
9. Древние енисейские кыргызы в письменных источниках.
10. Образование каганата енисейских кыргызов.
11. Кыргызское "великодержавие".
12. Енисейские кыргызы в XI—XV вв.
13. Культура енисейских кыргызов.
14. Восточнотуркестанские кыргызы X—XIV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Киргизы // Соч. Т. II, ч. 1. — М., 1963.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. — М.; Л., 1950.

Введение в историю кыргызской государственности: Курс лекций для вузов. — Бишкек, 1994.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993.

Кара уулу Өмүркул. Көөнө түрктөр тарыхы. — Бишкек, 1994.

Караев О.К. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 4.

Кляшторный С.Г. О статье И.Л.Кызласова "О самоназвании хакасов" // Этнографическое обозрение. — 1992. № 2; *Яхонтов С.Е.* Слово "хакас" в исторической литературе // Там же; *Бутанаев В.Я.* Вопрос о самоназвании хакасов // Там же.

Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI—XII вв. // Народы Азии и Африки. — 1968. — № 4.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX—X вв. —Новосибирск, 1974; *Он же.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск, 1989.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. — Новосибирск, 1982; *Он же.* Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. — Новосибирск, 1980; *Он же.* Кыргызы на Енисее. — Новосибирск, 1986; *Он же.* Кыргызы на просторах Азии. — 2-е изд., исправл. / Отв.ред. Т.Чоротегин. — Бишкек, 1995.

Яхонтов С.Е. Древнейшее упоминание названия "киргиз" // Сов. этнография. — 1970. — № 2.

ГЛАВА 3

КАРАХАНИДСКИЙ КАГАНАТ (X – нач. XIII в.)

§ 1. Население Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в X в. Династия Караханидов: этническое происхождение

В X в. на территории Центрального Тянь-Шаня и Семиречья обитали различные племена и их группы, которые сыграли основную роль в образовании каганата Караханидов.

В письменных источниках указываются районы расселения карлуков в IX–X вв. в Центральном Тянь-Шане и прилегающих к нему местностях. Так, Кудама ибн Джафар (IX–X вв.) упоминает о зимних пастбищах карлуков в местности Касра-Бас. Ибн Хаукаль (X в.), говоря о р. Барак (Чирчик), притоке р. Шаш (Сырдарья), пишет, что часть ее вытекает из Бискема, другая – из Джидгала, но в основном она течет из страны карлуков – тюрок. Следовательно, в верховьях современных рек Пскема и Чаткала и на территории между ними обитали карлуки. Абу Дулаф (X в.), путешествовавший по стране карлуков в течение 25 дней, упоминает о серебряном руднике на их земле в горах Таласа.

В сочинении неизвестного персидского автора (X в.) "Худуд ал-алам" перечислены города, деревни, местности, горы и озера, принадлежавшие карлукам. Так, в нем говорится, что в Чуйской долине находились поселения Кулан, Мирки (совр. Мерке), Нункат; в Иссык-Кульской котловине – Урун-Арч, Барсхан.

Таким образом, по данным восточных авторов, основная масса карлуков в IX–X вв. жила в Центральном Тянь-Шане и на сопредельных с ним территориях. Некоторая их часть

обитала между долиной Таласа и городами Исфиджаб (совр. с.Сайрам близ Чимкента), Фараб (Отрар), а также в ряде других районов Азии. Следует отметить, что на территориях, занимаемых карлуками в Центральном Тянь-Шане и Семиречье, жили также подвластные им племена – тухси, чигиль, аргу и др. Впоследствии карлукам принадлежала важная роль в образовании государства Караханидов. В первой половине X в. карлукские племена уже не играли, как раньше, решающей роли в политической жизни в Центральном Тянь-Шане. Правда, ябгу карлуков все еще номинально считался главой страны, но фактически власть в городах и районах перешла в руки владетелей местных карлукских и других племен, что подтверждается данными письменных источников. Так, во главе чигилей стоял тексин, столица которого г. Яр находилась на южном берегу озера Иссык-Куль; правитель Тараза именовался айлас, а Суяба – ялан-шах; владетели племени тухси и карлукского колена лабан носили титул куртекин и т.д. Эти города и владения имели свои военные отряды и могли выставить против врага по нескольку тысяч воинов.

Крупным племенем в рассматриваемое время были ягма. Основная масса их в IX-X вв. обитала в Центральном и Западном Тянь-Шане, соприкасаясь на севере, по р. Нарын, с карлуками. Махмуд Кашгари считал, что ягма наряду с другими племенами жили в долинах рек Или и Талас. Передвижение части ягма на север, в Семиречье, можно связывать с завоеваниями этого края Караханидами.

Другим племенем, игравшим значительную роль в образовании Караханидского каганата, являлись тюргеши. Автор сочинения "Худуд ал-алам" и Гардизи (XI в.) подразделяют тюргешей на две группы – тухси и аз. В.М.Минорский, анализируя сведения Гардизи, приходит к выводу, что тухси и аз находились западнее перевала Кастек в Заилийском Ала-Тоо, однако на карте помещает их западнее перевала Курдай. Махмуд Кашгари называет тухси тюркским племенем и считает, что наряду с другими народами они проживали в долине р.Или.

Чигили, являвшиеся одной из значительных частей населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в X в.,

играли решающую роль в составе государства Караханидов. В письменных источниках содержится ряд сведений о расселении чигилей в Центральном Тянь-Шане и Семиречье. Автор "Худуд ал-алам" упоминает на занимаемой ими территории г. Сикуль (Иссык-Куль). Другие сообщения этого автора о чигилях очень противоречивы, хотя в целом показано, что расселены они были в пределах современного Кыргызстана.

До сих пор нет единого мнения об этническом происхождении династии, стоящей во главе Караханидского каганата. Ж.Дегинь, Х.Д.Френ и другие исследователи относили Караханидов к уйгурам, Ф.Гренер и Э.Шаванн – к карлукам, В.В.Григорьев – сначала к уйгурам, а затем к карлукам, Ахмед Зеки Велиди Тоган – к алтайским тюркам. По мнению О.Прицака, Караханиды вышли из среды карлуков, в конфедерацию племен которых входили чигили и ягма. В.В.Бартольд первоначально высказал гипотезу о происхождении династии Караханидов из среды ягма. Однако впоследствии он выделил три народности – карлуков, ягма и чигилей, из которых, по его мнению, могли выйти правители государства Караханидов. Анализ ряда фактов и данных, содержащихся в трудах Махмуда Кашгари (XI в.), Юсуфа Баласагуни (XI в.) и в других письменных источниках, подтверждает одно из предположений В.В.Бартольда о происхождении династии Караханидов из среды чигилей.

Это предположение В.В.Бартольда базируется на данных восточных авторов – о расселении чигилей на оз. Иссык-Куль, в долине Или. Впоследствии они составляли военную силу Караханидов. В XI в. название "чигиль" применялось к большому числу тюркских народностей. Известно, что огузы называли чигилями всех тюрок, обитавших к востоку от Амударьи. В пользу этого предположения В.В.Бартольда можно привести следующие малоизвестные исторические факты.

В поэме Фирдоуси (IX–X вв.), современника возвышения и соперничества в Средней Азии династий Караханидов и Газневидов, неоднократно упоминаются чигили. Приведем два примера:

"К царю Гурсара стража притащила, -
Дрожал от страха тюрок из Чигила".

"Воевода Карахан, четвертый сын, явился к отцу (т.е.Афрасиабу).
Ему передал [отец] тюрков чигилей тридцать тысяч воинов, достойнейших поля брани,
[А также] таразских, огузских и халлаховских конниц, тридцать тысяч испытанных конниц"[1].

Фирдоуси здесь "осовременил" события древних эпических времен, назвав чигилей, карлуков и огузов – туркмен воинами легендарного Афрасиаба. Так, термин "туркмен" впервые упоминается в письменных источниках только в X в. (в долине р. Чу). В приведенных строках Фирдоуси особый интерес представляет информация о том, что половина войска, отданная Карахану, состояла из чигилей, а другая – из представителей нескольких племен – огузов, карлуков и жителей г. Тараза. А это значит, что чигили составляли основное ядро войска принца.

Другое сообщение Фирдоуси можно назвать прямым, конкретным свидетельством в пользу происхождения династии Караханидов из чигилей. Описывая сражение войск иранского и туранского (тюркского) владык, он пишет:

"Воссел на престол он (гоштасп, иранский владетель. – *О.К.*) и мыслью потом
Вернулся к сражениям с туранским царем (эрджаспом. - *О.К.*)"[2].

Здесь надо сказать, что в оригинале вместо слова "туранский" написано "чигильский" [3]. Вряд ли это случайно. Приведенные и ряд других строк стиха о той войне принадлежат саманидскому поэту Дакики, а Фирдоуси позже включил их в "Шах-наме" (Дакики был убит около 980 г.). В это время образовался Караханидский каганат в Центральном Тянь-

[1] *Фирдоуси.* Шах-Наме. Кн.2 / Перев. с перс. (фарси) В. Державина и С.Липкина. – М., 1964. – С. 396.
[2] *Фирдоуси.* Шах-Наме. Т.IV / Перев. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути. – М., 1969. – С. 89.
[3] Там же. – С. 418.

Шане, о военных успехах которого было известно саманидскому двору. В связи с этим вполне вероятно, что Дакики при изложении древних эпических событий использовал современные ему факты из жизни Караханидов, связывая их правящий дом, происходивший из чигилей, с потомками легендарного Афрасиаба.

Одна из столиц государства Караханидов Баласагун называлась не только Куз-Орду, но еще и Куз-Улуш. Примечательно, что Улуш, как писал Махмуд Кашгари, на языке чигилей обозначает название деревни. По-видимому, не случайно, когда хакану или эмирам сообщают о приходе к ним посетителя, говорят на языке чигилей "алтэгиди"; на этом же языке трон, престол назывался "шин", распоряжение, приказ хакана – "ярлыг".

Кроме перечисленных выше племен или их групп в различных районах Центрального Тянь-Шаня и Семиречья обитали согдийцы, огузы – туркмены, кыпчаки, канглы, кенжеки, аргу, якабу и кыргызы, которые играли второстепенную роль в составе государства Караханидов.

Термин "Караханиды" введен в науку В.В.Григорьевым по титулу первого из правителей этой династии, принявшего ислам, Сатука Абд ал-Керима Кара-хана. Титул "кара-хан" или "кара-хакан" впоследствии носили многие представители династии.

Другое название этой династии (а вместе с тем и созданного ею государства) – "илекханы" впервые введено в науку европейскими нумизматами К.И.Торнбергом и Б.А.Дорном на основе одного из специфических титулов многих караханидских правителей. Первую часть данного термина, встречающегося в мусульманских письменных источниках и в надписях того времени, ученые расшифровывали по-разному: "илик", "илек" и "елик". Третий вариант названия рассматриваемой нами династии – "елик" – появился в научной литературе в результате исследования поэмы "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагуни. В.В.Радлов по этому поводу пишет, что по начертанию названного слова в "Кутадгу билиг" правильнее читать титул Караханидов как "елик". Распространенными и почетными титулами караханидских правителей

являлись имена животных – "бугра" (двугорбый верблюд-производитель) и "арслан" (лев) в сочетании с термином "хан".

Термин "тегин-тигин" (или "текин-тикин") являлся самым популярным титулом царевичей династии Караханидов, а словосочетанием "ука тэг" обозначались младшие сыновья ханов.

§ 2. Возникновение и начало политического подъема государства Караханидов. Первый и второй походы в Бухару

Образование и первые политические успехи государства Караханидов обусловлены во многом принятием ими и обращением населения Центрального Тянь-Шаня в мусульманство. Как уже говорилось, первым из Караханидов принял ислам Сатук Бугра-хан Абд ал-Керим. Самые ранние известия об этом приводятся в сочинениях Ибн ал-Асира (XIII в.) и Джамаля Карши (XIII в.). Согласно легенде, Сатук родился в 333/944 г. и умер в 429/1037–38 гг., прожив девяносто шесть лет. По данным же Карши, Сатук умер в 344/955–56 гг., что представляется близким к исторической действительности. Похоронен он в селе Артуч (совр. Артыш, в 60 км на северо-восток от Кашгара).

О генеалогии Сатука Бугра-хана сообщает Карши. Деда его звали Билга Кадыр-хан, он имел двух сыновей – Базир Арслан-хана (отца Сатука) и Огулчак Кадыр-хана. О правлении первого из них Карши ничего не говорит. Огулчак Кадыр-хану посвящен целый рассказ, который начинается сообщением, что именно к нему перешло управление областями тюрок. Из дальнейшего изложения следует, что резиденцией Огулчак Кадыр-хана был Кашгар.

Согласно Карши, Сатук жил и воспитывался у своего дяди Огулчака. В возрасте около 25 лет он с пятидесятью приближенными тайно принимает ислам и бежит из Кашгара, затем отбирает власть у дяди. Других сведений о нем нет. Из слов Карши ясно, что у Сатука было два сына: Муса (тюркское имя Байташ) и Сулейман. В письменных источниках также отсут-

ствуют какие-либо данные об их деятельности. По сообщению Карши, сын Сулеймана Али умер в конце месяца мухаррам (март-апрель) 388/988 г. и похоронен в Кашгаре. Карши называет Али шахидом (мучеником) и хариком (сожженным). Эти эпитеты говорят о том, что Али погиб в одной из войн против "неверных".

Караханидам долгое время не удавалось подчинить себе Хотан и Яркенд и это нашло отражение в легендах о Бугра-хане. Натолкнувшись на упорное сопротивление южных соседей, Караханиды решили испробовать силы на севере. Они без труда овладели Баласагуном, стратегическим городом Чуйской долины. Провозгласив этот город одной из своих столиц и закрепившись в северной части Кыргызстана, Караханиды стали продвигаться в северо-восточные районы. В "Словаре" Махмуда Кашгари сообщаются отдельные факты, имеющие отношение к завоеваниям Караханидами Семиречья.

В одном из стихов того же автора говорится о битве Караханидов с ограками:

"Взметнулось красное знамя,
Поднялся черный прах.
Подоспело [племя] оград.
Сражаясь с ними, мы задержались"[1].

В то время в долине Или жили басмылы. В союзе с якабу и джумулами они вели войны против Караханидов. Об этом Махмуд Кашгари пишет:

"Сожжем-ка мы бека басмылов,
Пусть теперь собираются юноши (йигиты).
Басмылы подняли свое войско,
Все пришли [и] собрались.
Они направились к Аруслану.
От страха у них кружится голова"[2].

На севере Караханиды вели борьбу с племенами йемеков. По поводу подготовки йемеков к войне с Караханидами у Махмуда Кашгари читаем:

---

[1] *Стеблева И.В.* К анализу типа повествования в поэтических текстах из "Диван лугат ат-турк" Махмуда ал-Кашгари. –Л., 1976. – С.323.

[2] *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI в. – М., 1971.– С.249, 253.

"Йемаки с реки Иртыш
Засучивают рукава,
Сердца у них смелые,
Они собираются прийти"[1].

На северо-востоке врагами Караханидов являлись джумулы (или чумулы), которые в союзе с другими боролись против Караханидов. По этому поводу Махмуд Кашгари пишет:

"Они (т.е. союзники врагов Караханидов)
заключают письменный договор
и дают крепкую клятву (присягу),
просят у хана (йабаку, главного организатора союзников) помощи (покровительства).
Басмылы [и] джумулы собираются"[2].

Главным противником Караханидов на северо-востоке были племена йабаку. Махмуд Кашгарский пишет о победе армии мусульман под предводительством Арслан-тегина над войском йабаку под началом Бука-Будража. В "Словаре" Махмуда Кашгари много стихов, посвященных битвам между йабаку и Караханидами. Например:

"И Будрач разъярился,
Он собрал своих богатырей,
Снова повернул свое войско,
Он собирается прийти.
Он (враг) хотел перейти реку Иртыш...
Враг сдался мне в плен.
Испытывая муки, он рыдал.
Он порицал [себя] за содеянное"[3].

Караханиды на Востоке вели войну с уйгурами, что подтверждают следующие строки Махмуда Кашгари:

"Сев в лодки,
Переправились мы через реку Или.
Направившись в сторону уйгуров,
Мы завладели страной Мынглак.
Мы напали (на них ночью)"[4].

---

[1] *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI в. – М., 1971.– С.249, 253.
[2] Там же. С.249, 253.
[3] Там же. С.248, 249, 251.
[4] Там же. С.247.

До обращения в мусульманство население Центрального Тянь-Шаня и Семиречья исповедовало манихейство, буддизм, христианство, а в идеологии кочевых племен даже после распространения ислама значительную роль играл шаманизм. Естественно, новую религию Караханиды распространили силой. При этом они оправдывали свои походы лозунгом "священной войны" за религию и вели борьбу с другими верованиями. Махмуд Кашгари об этом пишет:

"Мы хлынули [на них] (т.е. на уйгуров. - *О.К.*), как поток.
Мы появились у городов.
Мы разрушили буддийские храмы"[1].

В "Словаре" Махмуда Кашгари имеются отдельные сведения о границах распространения ислама на востоке. Так, он пишет, что р.Усми-Тарим вытекает из мусульманских городов в сторону земли уйгуров, а на западной границе земли последних упоминаются оз.Юлдуз, местность Тарим, город и местность Куми-Талас (последний город находился в пределах Семиречья).

На основе данных Махмуда Кашгари можно определить восточную границу Караханидского каганата. На северо-востоке владения Караханидов не выходили за оз.Балхаш, Сасык-Куль и Ала-Куль. По мнению В.В.Бартольда, местность Чугучак "оставалась в XII в., как и в XI в., вне влияния ислама". На юго-востоке владения Караханидов простирались до Черчена. Эти земли Караханиды завоевали в основном во второй половине X в., а некоторые районы, особенно юго-восточные, были заняты ими в течение первой четверти XI в. Укрепившись в Центральном Тянь-Шане и Семиречье, Караханиды устремились на запад.

В это время государство Саманидов находилось в состоянии глубокого кризиса. Крупные феодалы тюркского происхождения Абу Али и Фаик не признавали власти саманидского эмира Нуха II ибн Мансура (976–997 гг.). Они призывали Харуна Бугра-хана ибн Сулаймана напасть на Бухару и разделить владения Саманидов.

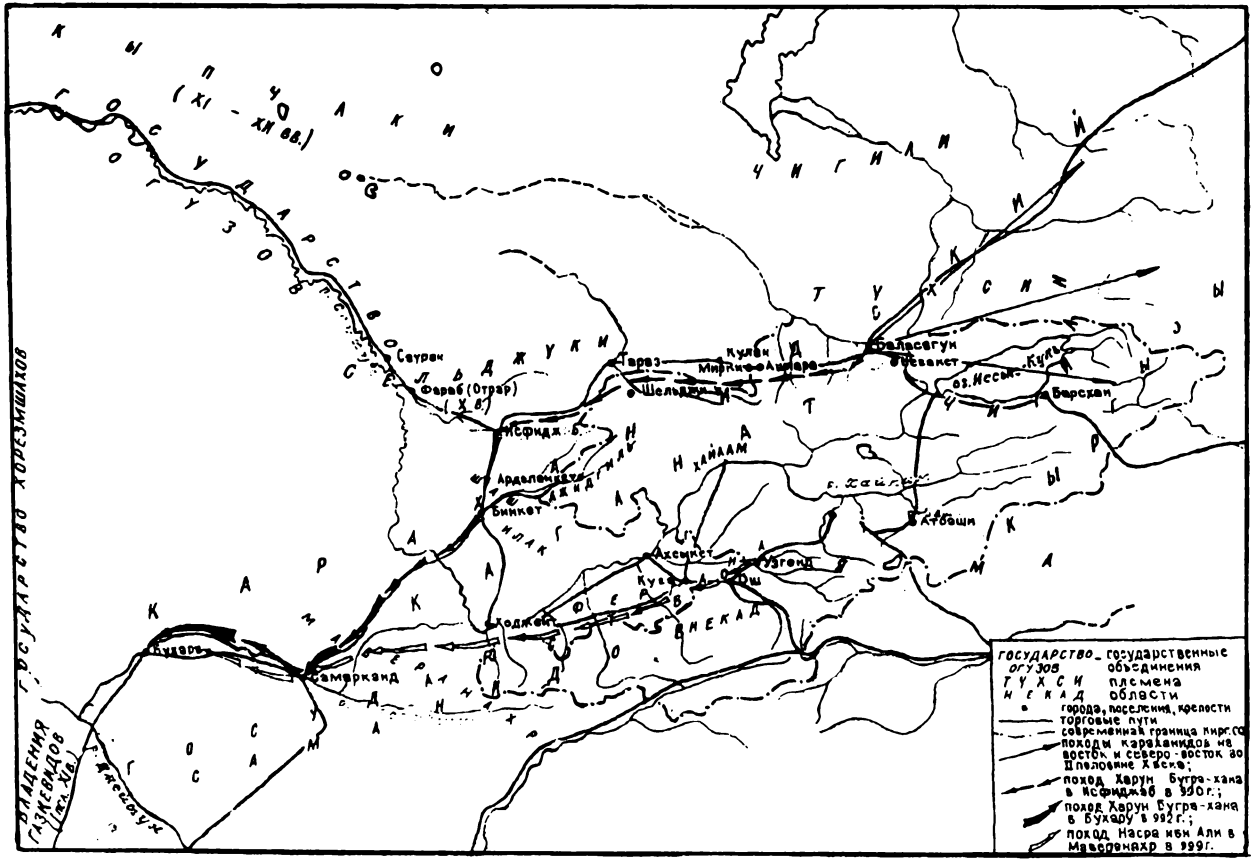
[1] *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI в. – С.247.

В 992 г. Харун Бугра-хан направился с "великой ратью" на Бухару. Потерпев поражение при Харджанге (к западу от Кермине), Нух II покинул Бухару и переправился через Амударью в Амуль. Харун без сопротивления занял столицу Саманидов, но вскоре заболел и вынужден был возвратиться. По-видимому, причиной быстрого возвращения Караханидов в Семиречье была не столько болезнь Харуна, сколько враждебное отношение к завоевателям населения: когда Харун покидал Бухару, горожане преследовали его войско, убивали отставших, грабили их имущество. 12 августа 992 г. Нух II возвратился в столицу. Харун умер в 992 г. в местности Кочкор-Баши. Так безуспешно закончился первый поход Караханидов в Мавераннахр.

Борьба между придворными вельможами в последние годы династии Саманидов достигла своего апогея. Так, в результате распрей Саманид эмир Мансур ибн Нух (997-999 гг.) в начале февраля 999 г. был низложен и ослеплен. Владетель Ферганы Элик Наср ибн Али под предлогом защиты эмира Мансура решил покончить с династией Саманидов. 10 октября 999 г. он занял Бухару. Последний эмир из Саманидов Абд ал-Малик ибн Нух был взят в плен и отправлен с родственниками в Узгенд. Элик Наср, прожив некоторое время в столице Саманидов, вернулся в Узгенд. Он оставил в Бухаре своего наместника Джафар-тегина, а в Самарканде – Тегин-хана с отрядом.

Один из сыновей Нуха II, Абу Ибрахим Исмаил, бежал из заключения. Добравшись до Хорезма, он собрал войско и объявил войну Караханидам. Ему удалось отвоевать Самарканд и Бухару, за что его стали величать "Мунтасир" ("Победоносный"). Элик Наср выступил с многочисленным войском из Узгенда против Мунтасира, который, трезво оценив свои возможности, отступил за Амударью. Позже Мунтасир трижды возвращался в Мавераннахр, он до самой смерти (1005 г.) вел безуспешную борьбу с Караханидами.

ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ (IX—XII вв)

§ 3. Караханидский каганат в первой половине XI в. Восточный и Западный Караханидские каганаты

Покончив борьбу с последним Саманидом – Мунтасиром, Элик Наср поставил перед собой задачу завоевать Хорасан. В 1006 г., воспользовавшись уходом Газневида султана Махмуда в Индию, он послал войско за Амударью. Махмуд, узнав о нашествии, спешно вернулся из Индии и разгромил караханидские отряды.

После этих неудач Наср начал готовиться к новому походу на Хорасан, обратившись за помощью к своему родственнику Юсуфу Кадырхану ибн Харуну – владетелю Хотана. Сорокатысячное войско союзников направилось в Балх. В начале 1008 г. караханидское и газневидское войска встретились в степи вблизи Балха. Применив атаку боевых слонов, султан Махмуд одержал победу. Караханиды после этого поражения больше не предпринимали попыток завладеть территорией за Амударьей.

После смерти Насра ибн Али и его братьев номинальное главенство в 415/1024–25 г. перешло к другой семье Караханидов – к Юсуфу Кадыр-хану, сыну Бугра-хана. Юсуф Кадыр-хан, как свидетельствуют данные на монетах, владел Кашгаром уже в 396/1005-06 г.

После того как Юсуф Кадыр-хан стал номинально главой каганата Караханидов, между ним и газневидским султаном Махмудом возникли союзнические отношения на почве совместной борьбы с Караханидом Али-тегином (Али ибн Хасаном), который к этому времени очень возвысился в Мавераннахре. Походы Юсуфа Кадыр-хана и Махмуда против него оказались безуспешными. Центральный Мавераннахр вновь оказался в руках Али-тегина и он решил подчинить не признавших власть сельджуков-туркменов, во главе которых были Дауд Чагырбек и Мухаммед Тогрулбек. Али-тегин сначала безуспешно пытался заманить последних к себе и захватить их, затем он с целью вызвать раскол среди вождей сельджуков-туркменов пригласил на службу Юсуфа ибн Мусу –

племянника Дауда и Мухаммеда, присвоил ему титул "инанч-ябгу" и назначил его главой всех его соплеменников в Мавераннахре. Однако и это не принесло Али-тегину ожидаемых результатов. Тогда он велел эмиру Алп-Кару убить Юсуфа, что послужило причиной начала военных действий. В декабре 1029 г. и в начале следующего года конница Дауда и Мухаммеда нанесла поражение войскам Али-тегина и Алп-Кара. Однако Али-тегин собрал многочисленные войска и в следующей битве разбил противников. Сельджуки, по сообщению Ибн ал-Асира, вынуждены были покинуть свои кочевья и направиться в Хорезм, а затем в Хорасан.

Али-тегин до конца своей жизни пытался овладеть не только Хутталаном, но и другими пограничными областями Газневидов. Газневидский султан Масуд ибн Махмуд в борьбе против Али-тегина стремился привлечь на свою сторону восточнокараханидских правителей. Сразу же по вступлении на престол в 1031 г. он направил посольство в Кашгар для установления дружественных отношений с Юсуфом Кадыр-ханом. Масуд уверял Юсуфа Кадыр-хана в дружбе, просил его дочь себе в жены, а дочь его сына — в жены своему сыну Маудуду.

Когда султан Масуд убедился, что при помощи восточнокараханидских правителей невозможно покончить с Али-тегином, он принял решение заставить своего вассала — хорезмийского Алтунташа — организовать поход на Мавераннахр. Газневидский двор получил известие о выступлении хорезмийцев и послал в помощь им пятнадцатитысячный отряд. Али-тегин, узнав о переправе противников через Амударью, покинул Бухару и отступил к крепости Дабуси (по дороге из Бухары в Самарканд). Алтунташ, взяв Бухару, направился к Дабуси, где состоялось сражение. Вряд ли только смертельное ранение Алтунташа явилось причиной установления мира между воюющими. В этой битве газневидско-хорезмийское войско оказалось в трудном положении и поэтому везир Алтунташа поспешил заключить договор с Али-тегином.

В 429/1037–38 г. активно выступил на политической арене Ибрахим ибн Наср, который появился в Узгенде, бежав из

плена от сыновей Али-тегина. Сначала он носил скромное имя – Бури-тегин. В 1038 г. пытался установить дружественные отношения с Масудом газневидским и добился определенного успеха. Затем собрал отряд из кумиджиев и грабил с ним области Хутталан и Вахш. Вскоре вынужден был оставить эти области и вернулся к кумиджиям. Масуд собирался покончить с Бури-тегином, сам возглавил поход против него, но обеспокоенный выступлениями сельджуков, вернулся назад. Этим весьма успешно воспользовался Бури-тегин, грабивший его обозы, а затем захвативший область Саганиан. Начало 431 г. ознаменовалось для Бури-тегина удачными сражениями с сыновьями Али-тегина. Он активно участвовал со своим отрядом в разгроме в мае 1040 г. газневидских войск сельджуками-туркменами при Денданакане. Бури-тегин командовал передовым отрядом, составленным из представителей разных присоединившихся к сельджукам-туркменам народов, и еще до начала основной битвы он с тысячью конников напал на противника, разбил его и угнал много верблюдов.

В 1040 г. Бури-тегин при помощи сельджуков-туркменов установил свою власть в еще не захваченных областях Мавераннахра, изгнав оттуда сыновей Али-тегина. В конце 50-х годов XI в., воспользовавшись междоусобицей восточнокараханидских правителей (см.ниже), он отобрал у них ряд областей и городов (Шаш, Узгенд и др.). Ибрахим ибн Наср (Бури-тегин) в возрасте семидесяти лет был парализован и умер в 460/1067-68 г. Еще при жизни он отказался от власти в пользу своего сына Шамс ал-Мулька Насра. Однако против того выступил его брат Шуайс. Борьба между братьями закончилась победой Шамс ал-Мулька Насра в год смерти их отца.

Глава восточных Караханидов Тогрул Кара-хан решил воспользоваться междоусобицей сыновей Ибрахима ибн Насра и вернуть прежние владения (Фергану, Шаш и др.). Он вместе со своим родственником Бугра-ханом на рубеже 1069 и 1070 гг. начал войну с западными Караханидами и отвоевал у них ряд владений. Был заключен мирный договор, согласно которому пограничным пунктом между владениями восточных и западных Караханидов стал Ходжент. Имеющиеся на монетах того периода сведения подтверждают, что с этого

времени Шаш и Илак вновь оказались в составе Восточного Караханидского каганата. Договор, заключенный в начале 1070 г. между главами западных и восточных Караханидов, следует считать "юридическим оформлением" фактически уже существовавших двух каганатов.

Здесь следует сказать, что в Западном Караханидском каганате имел место конфликт между ханами и духовенством. Возник он еще при Ибрахиме ибн Насре и продолжался во времена его преемника Шамса ал-Мулька. Наибольшей остроты он достиг при внуке последнего – Ахмеде. Духовенство обратилось за помощью к могущественному сельджукскому султану Мелик-шаху. В 1089 г. Мелик-шах занял Бухару и Самарканд, Ахмеда лишил власти и отослал в Исфахан, а сам направился в Узгенд, куда по его требованию с выражением покорности явился восточнокараханидский правитель. После этого Мелик-шах возвратился в Хорасан. (Следует отметить, что зависимость кашгарского хана Караханидов от сельджукского султана в отличие от мавераннахрского правителя была чисто формальной).

Вскоре после ухода Мелик-шаха чигильский гарнизон Самарканда поднял восстание. Предводитель восставших призвал на помощь из Ат-Баши Якуб-тегина – брата верховного кагана восточных Караханидов. Якуб-тегин прибыл в Самарканд, но, не поладив с главой чигилей, убил его, чем оттолкнул от себя чигилей. Мелик-шах с войском вновь направился в Мавераннахр, а Якуб-тегин бежал в Ат-Баши. Мелик-шах занял Бухару, Самарканд и дошел до Узгенда. После этого направил послов к восточнокараханидскому кагану с требованием выдать Якуб-тегина. Брат Якуб-тегина после некоторого колебания, опасаясь Мелик-шаха, схватил Якуба и отослал к султану, приказав своему сыну, приставленному к пленнику, ослепить его в пути. По прибытии в одну из крепостей царевич готовился выполнить приказ отца, когда явился гонец с сообщением, что владетель Барсхана Тогрул ибн Йинал взял в плен его отца-кагана и разграбил казну. Царевич спешно возвратился, а невредимого Якуба отправил к Мелик-шаху. Султан сельджуков не решился выступить против Тогрул ибн

Йинала. Освободив Якуба, он приказал вести борьбу с владетелем Барсхана, а сам вернулся в Хорасан.

В 485/1092–93 г. Мелик-шах по неизвестным причинам вернул престол Ахмеду. Однако разногласия между Ахмедом и духовенством еще больше обострились. На этот раз победило духовенство: благодаря предательству одного из военачальников Ахмед был схвачен, обвинен в ереси и в начале 1095 г. приговорен к смертной казни.

В начале XII в. главой Западного Караханидского каганата был Мухаммед ибн Сулайман, воспитанный при дворе Сельджукидов. В последние годы жизни каган был парализован, а при его дворе возник заговор. В происходящее вмешался Сельджукид султан Санджар. Ранней весной в 1130 г. после непродолжительного штурма Самарканд был занят его войсками. Больной Мухаммед был перевезен в Балх к дочери, жене Санджара, где он и умер через два года.

В.В.Бартольд пишет, что после Мухаммеда ибн Сулаймана на самаркандском престоле сидели его брат Ибрахим, затем другой член династии Караханидов – Абу-л-Маали ал-Хасан и, наконец, сын Мухаммеда ибн Сулаймана Махмуд, при правлении которого в Мавераннахр вторглись кидане.

Каган Восточного Караханидского каганата Сулейман ибн Кадыр-хан Юсуф, занявший трон после смерти отца в 1032 г., был набожным и слабовольным, чем и воспользовался его брат Мухаммед – правитель Тараза (совр. Джамбыл). По свидетельствам восточных авторов, в 488/1056–57 г. он отнял трон у брата и заключил того в темницу. Мухаммед своим наследником объявил сына Хусейна Джагры-тегина. Это разгневало молодую жену кагана, у которой от него был другой сын. Отравив мужа, она приказала убить его ближайших родственников, в том числе и бывшего кагана Сулеймана. На трон был возведен Ибрахим ибн Мухаммед. По настоянию матери он выступил против владетеля Барсхана Йинал-тегина, но потерпел поражение и был убит.

О правлении восточного верховного кагана Тогрул Караханa сына Кадыр-хана ничего, кроме того, что он на рубеже 1069 и 1970 гг. предпринял поход на Мавераннахр, и того, что в течение 16 лет он царствовал в Баласагуне, не известно.

Ссылаясь на Ибн ал-Асира, В.В.Бартольд пишет, что преемник Тогрул-хана Тогрул-тегин правил два месяца, а после него 29 лет троном владел Бугра-хан (умер в 469/1101–03 г.).

§ 4. Борьба Караханидов против киданей и хорезмшахов

В 1125 г., когда чжурчжени практически положили конец империи киданей, часть племен киданей во главе с членом правящего дома Елюй-Даши двинулись на запад. Данные письменных источников о пути следования киданей и времени их прибытия на восточную границу владений Караханидов противоречивы. По рассказу Ибн ал-Асира, в 1128 г. во главе с гурханом (титул правителя киданей) они появились на границе Кашгара, но были разбиты войском Ахмеда ибн Хасана – кагана Восточного Караханидского каганата. Киданне (по свидетельству Джувейни (XIII в.), были многочисленными, а по другому источнику, их было 80 человек) во главе с каким-то гурханом вынуждены были покинуть свою страну. Подойдя к границам владений кыргызов, кидане напали на них, но, встретив сильное сопротивление, направились в Эмиль, где и оставались до занятия ими позже г. Баласагун.

Другие восточные авторы сообщают, что Елюй-Даши, бежав от чжурчженей с немногочисленным войском, на Орхоне собрал 20-тысячный корпус воинов-ветеранов в крепости Хотунь, пополнив его за счет беженцев-киданей, прибыл в Бэйтин (Бешбалык). Здесь при помощи семи областей и 18 племен собрал еще 10-тысячный кавалерийский корпус и объявил себя гурханом.

Между 1130 и 1131 гг. чжурчженскому двору стало известно о прибытии Елюй-Даши в район Хэчжоу (Гаочана) в Восточном Туркестане. Как говорится в источниках, часть киданей где-то в начале 1130 г., пройдя через Уйгурию, достигла благодатной долины р. Эмиль. Здесь Елюй-Даши пребывал несколько лет, к нему присоединились многочисленные тюрки и численность его подданных составила 40 тысяч домов.

В это время в Караханидских каганатах (особенно в Вос-

точном) усилились центробежные силы. По свидетельству Джувейни, карлуки и канглы вышли из повиновения баласагунскому хану и тот вынужден был обратиться за помощью к гурхану киданей. Воспользовавшись этим, Елюй-Даши занял Баласагун, а затем лишил его правителя высокого титула, присвоив ему сан "элик тюрок". Затем гурхан киданей организовал серию походов с целью завоевания других городов и местностей Восточного каганата. Сначала он отправил отряд в Кашгар и здесь ему сопутствовал успех. В это время верховным каганом, преемником Ахмеда, был его сын Ибрахим (Карши называет его "мучеником веры", т.е. погибшим в войне против "неверных").

Как рассказывает Джувейни, гурхан киданей после покорения Кашгара и Хотана "послал войско к пределу киргиз, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык". На основе этого факта В.В.Бартольд пришел к предположению об участии енисейских кыргызов в событиях, происходивших на территории уйгуров в Восточном Туркестане. Но более правдоподобно, что гурхан направил отряд для наказания кыргызов, кочевавших поблизости от Бешбалыка, за их прежнее противодействие. Кыргызы не случайно упомянуты Джувейни наряду с г. Бешбалык, расположенным южнее Восточного Тянь-Шаня. Согласно данным восточных историков-географов, часть кыргызов в период существования государства Караханидов жила на Тянь-Шане. Приведем несколько фактов. Автор сочинения "Худуд ал-алам" помещает кыргызов на север от чигилей. В этом же сочинении сказано, что между территорией кыргызов и карлуков живут чигили и тюрки. "Пенчул (т.е. Уч-Турфан. – *О.К.*), – пишет автор "Худуд ал-алам", – расположен в стране каллук, но раньше он управлялся от имени тогуз-огузов, а теперь занят киргизами". Путешественник Ван Яньдэ сообщает о кыргызах в Восточном Тянь-Шане в конце X в. среди подвластных племен гаочанских уйгуров. В восточных хрониках имеются сведения о занятии кыргызами в 842–843 гг. областей Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), Давань и пяти других.

После того, как кидане заняли владения восточных Караханидов, они в середине 1137 г. нанесли поражение под

Ходжентом войскам хана Мавераннахра Махмуда. Однако этим успехом для окончательного завоевания владений западных Караханидов они не воспользовались, не преследовали побежденных, а вернулись в Чуйскую долину.

В начале 40-х годов XII в. произошел конфликт между каганом Западного Караханидского каганата и вождями карлуков. Последние обратились за помощью к киданьскому гурхану, а Махмуд ибн Мухаммед – к своему сюзерену – сельджукскому султану Санджару. 9 сентября 1141 г. в степи Катван (вблизи Самарканда) состоялось кровопролитное сражение, окончившееся победой киданьского войска над объединенными силами Махмуда и Санджара, которые вынуждены были бежать в Термез. Кидане заняли Самарканд и Бухару. Во второй половине XII в. они захватили Термез и Балх. На этом продвижение киданей на запад закончилось.

Степень зависимости областей и городов, завоеванных киданями или ставших их данниками, была различной. По мнению В.В.Бартольда, власть Караханидов была ликвидирована в Баласагуне, где стал править сам Елюй-Даши. Он мог быть непосредственным властителем Чуйской, Таласской, Кочкорской, Сусамырской, Чаткальской долин, а также Иссык-Кульской котловины, в которой обосновалась основная часть киданей.

Из боязни сепаратизма Елюй-Даши не давал приближенным владеть иктой и под начало эмира выделял не более ста всадников.

Во всех, кроме перечисленных выше, завоеванных киданями областях у власти оставались прежние или назначались новые местные правители. По свидетельству Ибн ал-Асира, "каждый из царей, что подчинялись им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, что им подчиняется". Гурханы киданей не вмешивались во внутренние дела завоеванных или вассальных владений, а ограничивались взиманием дани. Они всячески поощряли удельную раздробленность во владениях Караханидов, соперничество и независимость их правителей друг от друга (например, бухарского садра от самаркандского хана).

Фактическая власть в Бухаре оставалась в руках представителя прежних правителей из "семьи Бурхана", носившего

духовный титул "садр" ("столп веры"). Елюй-Даши на самаркандский престол посадил Ибрахима ибн Мухаммеда, брата Махмуда, бежавшего вместе с Санджаром после катванской битвы в Термез. По сообщению ибн ал-Асира, Ибрахим был слабым правителем, карлуки обвинили его в дурных поступках. В 550/1155–56 г. (по Карши – в 551/1156–57 г.) он был убит в местности Келлябад под Бухарой. Первым владетелем, принявшим вассальную зависимость от киданей, в Узгенде мог быть представитель Караханидов Хусейин ибн Хасан. Впоследствии в Самарканде и Узгенде правили его потомки или другие члены династии Караханидов.

В первой половине XII в. Фергана с Узгендом и Мавераннахр с Самаркандом были в руках двух семей дома Караханидов. Самаркандский хан по-прежнему считался верховным правителем Западного каганата, но отражалось это только в "цене" сравнительной значимости титулатуры, так как вообще монетный чекан в Фергане осуществлялся без упоминания самаркандского государя даже в качестве сюзерена.

Крупные события в Средней Азии произошли в начале XIII в. После 1205 г. шах Хорезма Мухаммед ибн Текеш отказался платить дань гурхану и вступил в борьбу с ним за Западный каганат. Джувейни писал, что шах Хорезма, возгордившись своими военными успехами, в течение двух-трех лет не платил дань киданям. Гурхан через посла потребовал выплатить условленный долг, что было исполнено. Однако хорезмшах направился в Мавераннахр, а затем с самаркандским ханом Осман ибн Ибрахимом выступил в поход на восток. Около Тараза они встретились с войсками киданей, после решительной битвы обе стороны вынуждены были отступить. На обратном пути войска гурхана грабили собственные владения; когда они подошли к Баласагуну, горожане закрыли перед ними ворота. После шестнадцатидневной осады город был взят.

Несколько раньше описываемых событий в восточной части владений Караханидов среди населения началось брожение, вызванное, как пишет В.В.Бартольд, ослаблением власти гурхана, усилением произвола его сборщиков дани и религиозным возбуждением мусульман против успехов христиан.

Движение началось с восстания хотанского владетеля. Восстание местных караханидских правителей вспыхнуло после переселения в Восточный Тянь-Шань и Семиречье остатков разбитых Чингисханом в 1208 г. на берегу р. Иртыш войск меркитов и найманов. Предводитель последних Кучлук поступил на службу к гурхану. Вскоре по разрешению гурхана он собрал рассеянных соплеменников и других кочевников для подавления антикиданьских восстаний. Однако на самом деле Кучлук не предпринимал никаких мер для пресечения беспорядков в северо-восточной части владений гурхана, но делал все, чтобы отнять трон у своего покровителя.

Кучлук, обосновавшись в Семиречье, совершал грабительские набеги на отдельные районы киданьских владений. Гурхан киданей потребовал помощи от вассальных правителей, в том числе и от Османа ибн Ибрахима – владетеля Самарканда. Но Осман, который перед этим получил отказ на бракосочетание с дочерью гурхана, открыто перешел на сторону хорезмшаха и объявил себя его вассалом. В ответ на это гурхан послал тридцатитысячное войско на Самарканд, однако вскоре оно было отозвано, так как Кучлук вновь добился успеха.

После битвы в 1210 г. у Тараза с киданями хорезмшах вернулся к себе в Мавераннахр, с ним прибыл и султан Осман. В то время Мухаммед установил свой сюзеренитет над Западным каганатом. Известны монеты Османа, выпущенные в 606/1209–10 г. и 607/1210–11 г., как вассала Мухаммеда.

В Хорезме Осман женился на дочери своего сюзерена. По требованию матери шаха Туркан-хатун и согласно тюркским обычаям он должен был остаться на год при дворе тестя. Весной 1211 г. Мухаммед прибыл с войском в Самарканд в связи с подготовкой похода на киданей. Почувствовав враждебное отношение к себе горожан, шах приказал отпустить Османа с женой раньше срока.

По рассказу Ибн ал-Асира, Осман вернулся в Самарканд в сопровождении отряда хорезмийцев, которые вскоре своими бесчинствами вызвали всеобщее недовольство горожан. В 1212 г. при поддержке своих подданных Осман поднял восстание против хорезмшаха. Получив известие о восстании, Мухаммед с многочисленным войском направился в

Мавераннахр, взял Самарканд и отдал его на трехдневное разграбление. Осман по настоянию жены, дочери хорезмшаха, был казнен, вместе с ним были умерщвлены все его родственники. Мухаммед заменил неугодных местных властителей и их чиновников своими людьми. В Самарканде и "по всей стране" (в Западном каганате Караханидов) стали править, как пишет Ибн ал-Асир, наместники хорезмшаха.

Сведения о восточных Караханидах при киданях почти отсутствуют, за исключением отдельных фактов. Так, Карши перечисляет их правителей. Судя по его данным, первым вассалом киданей стал сын Ибрахима ибн Ахмеда, Мухаммед; сведений о нем и его преемнике Абу-л-Музаффар Юсуфе, умершем в раджабе 601 г. (февраль—март 1205 г.), нет. Но сын Юсуфа Абу-л-фатх Мухаммед поднял восстание, по-видимому, против киданей, за что был заключен ими в темницу.

По рассказу ан-Нисави (XV в.), владетель Каялыка и Алмалыка карлукский Мамду-хан заключил с Кучлуком договор и стал подстрекать его к выступлению против гурхана. В конце концов они направились на юг и в пределах Кашгара захватили в плен гурхана, который формально оставался верховным правителем, но фактическая власть перешла в руки Кучлука.

Как считает В.В.Бартольд, пленение гурхана произошло не позже первой половины 1211 г. По одним данным, гурхан умер через два года своей смертью после пленения, по другим — был казнен или скончался в темнице. Чтобы удержаться на троне, Кучлук должен был опираться не только на найманскую верхушку, но и прежде всего на киданьскую. Именно с этой целью от стал носить одежду киданей, принял их обычаи и религию.

По рассказу Ибн ал-Асира, Кучлук предложил хорезмшаху разделить между собой владения киданей, на что тот ответил грубым отказом и угрозой войны. Тогда Кучлук выступил с войском и расположился поблизости от лагеря войск хорезмшаха, который, почувствовав недостаточность сил, уклонился от генерального сражения и ограничился нападением мелких отрядов на районы Западного Тянь-Шаня. Кучлук упрекал его за такое ведение войны, но и сам вел борьбу подобным образом.

Хорезмшах, опасаясь нашествия Кучлука, проводил лето в Самарканде, а жителям части Ферганы, Шаша (Ташкент), Исфиджаба (Сайрам), Касана и других областей приказал переселиться в Мавераннахр и разрушил их города, чтобы они не достались найманскому царевичу.

Кучлук одновременно вел борьбу с мятежными владетелями Кашгара и Хотана. Три или четыре года подряд он совершал опустошительные набеги на Кашгар, заставив в конце концов мятежников подчиниться, а затем разместил свой отряд в домах горожан в Кашгаре, стал преследовать мусульман. По сообщению Карши, Кучлук уничтожил многих жителей, видных лиц и князей Кашгара. Из этого города он направился в Хотан, взял его, предприняв жестокое гонение на мусульман.

Кучлук вел борьбу с владетелем Алмалыка Бузаром (или Узаром), несколько раз предпринимал походы против него. Бузар, чтобы не подчиниться Кучлуку, покорился Чингисхану. Однажды во время охоты Бузар был захвачен Кучлуком, который затем безуспешно осаждал город Алмалык. На помощь городу шел монгольский отряд. При его приближении Кучлук снял осаду, убил Бузара и вернулся в Кашгар. Монгольский отряд во главе с Чжэбэ-нойоном, заняв Алмалык, Баласагун, вступил в Кашгар. Кучлук бежал без боя. По прибытии монгольских отрядов местное население перебило расквартированных воинов Кучлука. Сам же он был настигнут и убит в районе Бадахшана. В скором времени монголы заняли всю Среднюю Азию и Казахстан.

§ 5. Политический строй, социально-экономические отношения и хозяйственная жизнь

В некоторых горных и степных районах государственного объединения Караханидов и киданей преобладало скотоводство, носившее экстенсивный полукочевой, отгонный и кочевой характер.

Так, в IX–XII вв. скотоводство было основной отраслью в долине р. Или, где условия были неблагоприятны для земледелия. В Прииссыккулье, Центральном и Западном Тянь-Шане, в ряде высокогорных районов, в Чуйской и Таласской долинах, на северных склонах Каратау в связи с более благоприятными географическими и климатическими условиями земледелие сочеталось со скотоводством. В Шашском (Ташкентском) и Отрарском оазисах и на левобережье Сырдарьи оседлость и земледелие получили более широкое распространение. Неизвестный автор сочинения "Худуд ал-алам" богатством ягма, карлуков, чигилей, тухси и кыргызов называл овец, коров, коней. Как пишет этот автор, население Чаткальской долины держало овец больше, чем лошадей. И это было характерно для многих районов Центрального Тянь-Шаня и Семиречья. Караханидские тюрки занимались также разведением крупного рогатого скота, верблюдов, коз и яков, что подтверждается отдельными фактами из "Словаря" Махмуда Кашгари. На развалинах городов и поселений государства Караханидов обнаружен богатый остеологический материал. Письменные источники и археологические находки свидетельствуют, что в скотоводческом хозяйстве населения территории от Отрарского оазиса до Прииссыккулья и долины р. Или преобладало разведение мелкого рогатого скота. По свидетельству Ибн Хаукаля (X в.), протяженность одного селения Ферганы достигала дневного перехода из-за обилия пастбищ для скота. (Автор имел в виду оседлые и полуоседлые населенные пункты этого региона, жители которых занимались земледелием в сочетании со скотоводством).

В X–XII вв. переход к оседлости и земледелию в Средней Азии, Южном Казахстане шел довольно интенсивно. Археологические исследования подтверждают, что в государстве Караханидов получила развитие оседло-земледельческая культура.

В письменных источниках содержится ряд данных о земледелии. По сообщению ал-Мукаддаси, в окрестностях г. Атлаха, расположенного в долине р. Таласа, выращивался виноград. Абу Дулаф пишет, что пищу чигилей составляли ячмень и горох, а карлуков – кроме того, чечевица и просо. В сочинении "Худуд ал-алам" говорится о развитии сельского

хозяйства у племен ягма, карлуков, у жителей Кулана и Тузунбулака. Одним из ранних очагов земледелия в Семиречье была долина р. Чу, где зарегистрировано около 80 поселений, многие из которых возникли в X–XII вв. Некоторые города этого региона являлись крупными ремесленно-торговыми центрами, остальные – их хозяйственными округами, где ремесленное производство и торговля сочетались с занятием сельским хозяйством. Другим развитым очагом оседло-земледельческой культуры в XI–XII вв. была долина р. Таласа, где земледелие сочеталось с интенсивным скотоводством. Остатки оросительных каналов и водопроводов свидетельствуют о том, что во время господства династии Караханидов население Чуйской и Таласской долин сооружало ирригационные системы и занималось поливным земледелием. В Центральном и Западном Тянь-Шане, где позволяли климатические условия, было распространено и богарное земледелие.

Хозяйство караханидских тюрок во многих случаях имело комплексный характер. Земледелие сочеталось со скотоводством и наоборот, хотя их хозяйственная ориентация была разной. На территории от Тараза до Отрара обнаружены развалины свыше 130, а на левом берегу Сырдарьи – 12 древних городов и поселений. Большинство их существовало при владычестве Караханидов. Письменные источники и археологические находки подтверждают существование в X–XII вв. оседло-земледельческой культуры у жителей региона между Таласом и средним течением р. Сырдарьи. В государстве Караханидов оседло-земледельческая культура была наиболее развита в Фергане и Мавераннахре. Как пишет Якут (XIII в.), Фергана была изобильным краем, имела обширные сельские районы. В одном из документов Ибрахима Тамгач-хана упоминаются виноградники, огороды и тока около Самарканда.

В государстве Караханидов существовало несколько форм земельной собственности.

Одна из них – феодальный институт икта – представляла собой пожалование права на получение части или всей суммы ренты.

Другая форма земельной собственности – так называемые султанские (хаканские) земли, поместья, недвижимое имуще-

ство Саманидов и их сторонников, т.е. перешедшие в руки правителей-Караханидов. Эти личные владения (амлак-и-хасс) династии Караханидов являлись одним из фондов раздачи икта, но вместе с тем они постоянно пополнялись землями, купленными или приобретенными другими способами. За собственность "хасс" не платили государственный поземельный налог (харадж) и все доходы с нее поступали в пользу владетелей.

В государственные земли (дивани) входили те площади, которые еще не были переданы лицам в условное или постоянное владение и вакф. Эта форма землевладения служила главным источником налоговых поступлений в казну и фонды раздачи в икта.

При господстве Караханидов стало больше завещанных с благотворительной целью состояний, т.е. вакфных земель и различного движимого и недвижимого имущества медресе, мечетей. Это привело к росту экономического могущества и усилению влияния духовных сословий на светскую власть. Источником фонда этой формы феодального землевладения и имущества были султанские (хаканские), государственные и частновладельческие земли и дары правителей и состоятельных лиц. Вакфные владения освобождались от государственного налога и все доходы распределялись согласно завещанию вакфодателей.

В государстве Караханидов существовали и мелкие частновладельческие земли.

Одновременно с распространением условного землевладения утратил былые экономические и политические позиции господствовавший до этого в стране Саманидов так называемый класс дехкан. Безусловно, Караханиды приняли насильственные меры против них, сторонников прежней династии, и конфисковали их земли. Остальная часть дехкан, перешедшая на сторону Караханидов, в новой экономической и политической обстановке растворилась в массе новых земледельцев.

В X-XII вв. на территории государства Караханидов основными антагонистическими классами были, с одной стороны, феодалы, владевшие средствами производства, с другой –

эксплуатируемые ими массы бесправных крестьян и кочевников.

В "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагуни встречается термин "будуны". Эта категория людей по имущественному достатку делилась на богатых (байлар), средних (орто) и бедняков (чыгайлар).

Юсуф Баласагуни массу людей называет раиятами (подданными, населением), которые должны были уважать правителя, быть врагом его врагам и платить свой долг (налог) государству. Судя по содержанию поэмы, к этой категории людей следует отнести всех трудящихся.

В документе, принадлежащем перу Ибрахима ибн Насра, малоземельные и безземельные крестьяне, обрабатывавшие его участки в селении Чарма, в окрестностях Самарканда, названы аккарами (земледельцами, крестьянами). Они работали как издольщики и на участках, относящихся к другим категориям земельной собственности.

В X-XII вв. в документах из Бухары упоминаются земледельцы - кадивары, которых государство облагало феодальной рентой. В раннефеодальном обществе так называли зависимых крестьян-общинников.

В письменных источниках упоминаются аййары (в значении "бродяги", "бездельники"). Так, скорее всего, именовали представителей обездоленных слоев городского населения, различного рода деклассированные элементы. Не случайно поэтому в источниках они упоминаются как активные участники волнений и грабежей, как наиболее дерзкая и взрывоопасная сила общества.

В различных местах "Кутадгу билиг" говорится о рабах и рабынях, которые были бесправными людьми, беспрекословно выполнявшими любую работу на своих хозяев.

Сведения о выступлениях трудящихся масс против феодалов в государстве Караханидов очень скудны. Одной из причин недовольства населения восточных пограничных владений гурхана киданей являлся произвол сборщиков податей. Известно о восстании раиятов Мавераннахра в конце 30-х годов XI в. В результате жестокой эксплуатации в 1207 г. бухарские ремесленники и окрестные крестьяне вос-

стали против садра Бурхан ад-дин Мухаммеда, имевшего огромное количество вакфных земель и богатства. Мухаммеда за его жадность подданные называли не "садр джахан" ("столп мира"), а "садр-и джаханнам" ("столп ада").

Самым крупным городом в Чуйской долине являлся Баласагун – одна из столиц государства Караханидов. По-видимому, Баласагун находился в районе башни "Бурана". Здесь проведены и продолжаются раскопки, найдены остатки мавзолеев и жилые постройки, что подтверждает мнение о существовании в X–XII вв. на этой территории крупного города.

Ставками удельных правителей Восточного Караханидского каганата были города (или крепости) Барсхана (на южном берегу оз. Иссык-Куль), Кочнгар-Башы (в долине современного Кочкорского района), Атбаш (Кошой-Коргон в долине Атбаш). В долине Чаткала зарегистрированы и обследованы городища Уу-Балык, Чанчархан и Кюльбесхан, которые подобно другим городам Средней Азии состояли из цитадели, шахристана и рабада.

Крупным городом на северо-западной границе владений Караханидов был Отрар. Интенсивный рост его в XI–XII вв. подтверждают археологические данные. Городище имело шахристан с цитаделью и рабадом, которые были окружены стенами. Общая площадь его составляла 200 га.

Археологические материалы подтверждают и быстрое развитие в XI–XII вв. Узгенда – стольного города Караханида Насра ибн Али, а затем Ферганского удела.

Самыми крупными городами в государстве Караханидов являлись Самарканд и Бухара. Самарканд – столица западных Караханидов – в XI–XII вв. настолько интенсивно рос, что часть южного рабада города превратилась во внешний шахристан, окруженный кольцом стен.

На территории Караханидского каганата обнаружены и обследованы остатки многочисленных городов и селений, существовавших в X–XII вв. Археологические находки подтверждают, что ремесленники этих городов в то время изготовляли не только посуду различной формы, но и строительные материалы – жженый кирпич, облицовочные терракотовые плитки, водопроводные трубы и др. Отличительная черта

керамики XI–XII вв. – преобладание ремесленной посуды, сделанной на гончарном круге, особенно это характерно для районов Западного каганата.

Представляет интерес тот факт, что в такой высокогорной долине, как Чаткальская, уже в X–XI вв. действовал своего рода горно-металлургический комплекс, где осуществлялись обогащение и плавка медных руд, а в Арделанкете (центре округа) трудились ремесленники различных профессий, здесь и в долине Суусамыра керамические материалы изготовлялись как на гончарном круге, так и вручную.

Археологи зарегистрировали целые кварталы с остатками печей для обжига на Александровском, Сокулукском, Ак-Бешимском, Краснореченском, Сретенском городищах, остатки винодельни – на Краснореченском городище и в Ак-Тюбе в Чуйской долине. Следы металлургического производства обнаружены на городище Шельджи, остатки печей IX–XI вв. по выплавке серебряно-свинцовых руд – в Орловке, в Таласской долине. В Ташкентском оазисе и в Чуйской долине найдены серебряные украшения X-XII вв., выполненные на высоком художественном уровне.

Значительное место в ремесле как у оседлых жителей, так и кочевников занимали промыслы, связанные с обработкой продуктов животноводства и земледелия. Это подтверждается и наименованиями товаров, приведенными в "Словаре" Махмуда Кашгари. Это, например, излик – обувь правителей из сыромятной кожи животных, карс – верхняя одежда из верблюжьей и овечьей шерсти, кимишка – разноцветная кошма, войлок, ялма – верхняя одежда из хлопка, абрин – войлочная подкладка под седло, чек – хлопчатобумажная ткань и т.д. Во всех населенных пунктах имелись кузнецы и столяры. В Кашгаре и Барсхане отливали колокола, котлы и другую посуду из металла, харсини, качество которых зависело от умения мастеров и их искусства. Махмуд Кашгари указывает предметы, относящиеся к этим ремеслам: скобы для скрепления разбитых чаш, корук – кузнечный мех, устам – украшения для седел, ремней.

Одним из распространенных ремесел в Средней Азии и Южном Казахстане в X – начале XII в. являлось стекольное

производство, что подтверждается многочисленными археологическими находками. Они свидетельствуют о разнообразии в то время изделий из стекла — столовой посуды, предметов быта, украшений, а также совершенствовании технологии и улучшении их качества. И наконец отметим, что Юсуф Баласагуни в своей поэме "Кутадгу билиг" воспевает кузнецов, художников и других ремесленников.

Перечисленные выше и другие находки мастерских кузнечных, медных и ювелирных дел свидетельствуют о развитии металлургии, горного дела в государстве Караханидов. Это подтверждается также отдельными сообщениями восточных авторов.

Главой государства Караханидов считался верховный каган (хан ханов). Власть его была деспотической, передавалась по наследству представителям правящего дома. Центральный административный аппарат при каганах-Караханидах, как и при Саманидах, делился на дергах (дворец) и диван (канцелярия). Верховный правитель имел главного хаджиба — улуг хаджиб. По свидетельствам Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари, хаджибы исполняли при дворе роль посредников между каганом и его подданными. Однако хаджибы являлись не столько посредниками, сколько советниками верховного кагана или удельных правителей. С утверждением Караханидов в Мавераннахре в Западном каганате тюркские названия должностей постепенно были вытеснены саманидскими. Как отмечает Махмуд Кашгари, с распространением термина "хаджиб" соответствующий ему по значению термин "таяну" вышел из употребления. В восточном владении Караханидов произошли подобные изменения, но там сохранились и преобладали прежние тюркские названия, что можно объяснить этническим составом населения. На востоке население говорило в основном на тюркском, на западе — преимущественно на таджикском языке. Во дворце кагана имелись такие должности, как агачы — хранитель шелковых одежд (в поэме "Кутадгу билиг" эта должность называется "казначей двора"), бирук — управляющий по делам приема гостей, ашчы — кухмистер, битигчи — писарь, ылымга — секретарь, кушчи — сокольничий и т.д.

Центральные канцелярии подчинялись везирю, которого Махмуд Кашгари называет "юргуш" и ставит на вторую ступень иерархии после верховного кагана. Юсуф Баласагуни в своей поэме термин "юргуш", очевидно, заменил новым, заимствованным Караханидами у Саманидов словом "везирь".

Важная роль в государстве Караханидов отводилась канцелярии начальника гвардии. Не случайно Юсуф Баласагуни предлагал правителю одарить воинов, чтобы упрочить свое положение и заинтересовать их в войне. Он указывает подразделение армии государства Караханидов: черик (войско, солдат), юз (сотня) и минг (тысяча). Высшую ступень в иерархии Караханидского каганата занимали военачальники — су башлар, исфахсалар. Об этом свидетельствует тот факт, что они воспеваются в поэме Юсуфа Баласагуни сразу после везиря. Отдельные описания восточных авторов подтверждают также функционирование в Караханидском государстве канцелярии по иностранным делам. Юсуф Баласагуни называет посла "ялавач" (Махмуд Кашгари — "ялафар") и посвящает ему в своей поэме специальный раздел. Канцелярия мушфира (контролера-наблюдателя по финансовым делам) имела широко разветвленную сеть, ибо целью ее был своевременный и полный сбор различных повинностей и налогов с населения каганата. Сборщика налогов и казначея Махмуд Кашгари называет "имга". Канцелярия почты должна была заботиться о быстрой доставке правительственных распоряжений, известий и других документов к месту назначения. Для этой цели были организованы пикеты с полной почтовой экипировкой — улаг. Владения Караханидов делились на эл, вилайеты (области, провинции), которыми управляли беки-тарханы. Последний термин на языке аргу употреблялся, как отмечает Махмуд Кашгари, еще до распространения ислама.

Во главе общин и селений стоял староста (аксакал; у Юсуфа Баласагуни — кокчин сакал). Его помощник назывался "чубан". Правителем города в Фергане и Мавераннахре, как и у Саманидов, был реис, назначаемый из представителей знати. Вполне вероятно, что начальник города в Восточном каганате носил прежнее тюркское наименование. Большим почетом в государстве Караханидов пользовалось духовенство.

В государстве Караханидов использовалось сирийское, уйгурское и арабское письмо, последнее было широко распространено во всем каганате. Государственной религией являлся ислам.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Гипотезы о происхождении династии Караханидов.
2. Население Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX-X вв.
3. Сатук Абд ал-Керим Кара-хан — основатель Караханидского каганата, принятие им ислама.
4. Продвижение Караханидов на север от Кашгара.
5. Продвижение Караханидов на запад, их первый поход на Бухару.
6. Второй поход Караханидов на Бухару, их вторжение за Амударью.
7. Взаимоотношения Юсуфа Кадыр-хана и султана Махмуда, их борьба с Али-тегином.
8. Победа Али-тегина над сельджуками-туркменами.
9. Возвышение Ибрахима ибн Насра.
10. Образование двух Караханидских каганатов.
11. Походы султана Санджара на Мавераннахр.
12. Верховные каганы восточных Караханидов Сулейман и Мухаммед ибн Юсуф.
13. Вторжение киданей в Среднюю Азию.
14. Переселение найманов в Семиречье. Царевич Кучлук.
15. Борьба Кучлука с Мухаммед-шахом.
16. Осман — последний западнокараханидский хан.
17. Земледелие.
18. Социальный состав каганата. Города. Ремесла.
19. Административное устройство каганата.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Кара-китаи // Собр. соч. Т. 5. — М., 1968.

История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе, 1984. — С. 290–319.

Караев О.К. История Караханидского каганата (X—нач. XIII вв.). — Фрунзе, 1983; *Он же.* Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983.

Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — нач. XIII вв. — Фрунзе, 1981.

Пиков Г.Г. Кидани. — Новосибирск, 1989.

Чоротегин Т. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени. — Бишкек, 1995.

ГЛАВА 4

КУЛЬТУРА КЫРГЫЗСТАНА В VI–XII вв.

Раннесредневековая культура Кыргызстана создавалась на базе своеобразной культуры ранних кочевников и многовековых традиций оседло-земледельческой Ферганы. Носителями новых культурных традиций, сыгравших важную роль в становлении феодальной культуры региона, явились пришлые кочевые племена тюрок. Основу оседлой культуры в Семиречье заложили переселившиеся сюда согдийцы. Массовое оседание тюрок-кочевников способствовало интенсивному росту городов и селений Семиречья, а также ускорило процесс взаимопроникновения и взаимовлияния двух культур. Это привело к тюркизации в XI–XII вв. не только скотоводческой периферии, но и городского населения.

К этому времени территория современного Кыргызстана стала местом сосуществования различных религиозных систем: буддизма, манихейства, христианства и других, каждая из которых привнесла сюда свою письменность и идеологические воззрения. Древнетюркские племена, творчески перерабатывая различные культурные влияния, достигли высокого уровня развития культуры, венцом которой явилось создание собственной письменности (VII в.).

В X в. караханидские ханы принимают ислам. Семиречье становится северо-восточным форпостом мусульманской культуры и учености. Выходцы из семиреченских городов Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари создали в XI в. первые литературные и научные труды, которые вошли в сокровищницу мировой культуры.

§ 1. Культура кочевого населения

Домашний быт. Обычаи. Семья. Быт тюркских кочевых племен определялся нуждами их главного занятия – скотоводства. Хозяйственная необходимость веками совершенствовала их жилище – разборную юрту. Письменные источники донесли до нас ее описание. Остов юрты делали из ивы. Богатые кочевники окрашивали его в яркие цвета (например, голубой). В больших юртах обод дымохода (түндүк) поддерживался вертикальным шестом. Все жилище покрывалось войлоком. Пол застилали кошмами и шкурами, в центре устраивали очаг. Вход в тюркскую юрту всегда был с восточной стороны.

Знать, не довольствуясь только юртой, жила также в больших шатрах. Роскошные шатры кагана Истеми поражали воображение даже придворных византийского императора. Они были сделаны из красочных шелков, свод поддерживали покрытые золотом деревянные колонны. Опорой золотого трона кагана служили четыре золотых павлина. Приемный шатер кочевого владыки украшали золотые сосуды, кропильницы, бочки, а также "многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые у нас". Один из тронов кагана был приспособлен к кочевой жизни – он устанавливался на двух колесах и был так легок, что в него впрягали одну лошадь. Не менее роскошными были шатры кагана Тон джабгу.

С непомерно богатым жилищем знати резко контрастировали шалаши из камыша и лачуги из глины и дерева, в которых жили обедневшие кочевники на зимовках.

Одежду шили из шкур и кож домашних и диких животных, шерстяной ткани и тонкого войлока. Богатые использовали для этой цели привозные хлопчатобумажные и шелковые ткани, о чем свидетельствуют археологические материалы из курганов Кочкорской и Таласской долин. По археологическим находкам, а также по каменным изваяниям можно судить о покрое одежды, об обуви и головных уборах. Мужчины носили длиннополый облегающий кафтан с двумя

треугольными отворотами и узкими рукавами. Полы обшивали кантом другого цвета. Этнографическим отличием тюрок являлся кафтан, правая пола которого запахивалась поверх левой. На большинстве древнетюркских изваяний Кыргызстана полы верхней одежды запахнуты справа налево.

Халаты были однотонные – белого, красного или желтого цвета. Отвороты сделаны из полихромной ткани. Сохранились остатки ее с изображением крылатых коней, а также горных баранов. Например, Тон джабгу-каган, по описанию Сюань Цзана, был одет в атласный халат зеленого цвета. Его свита, состоявшая из двухсот человек, была в халатах из парчи. Одежда тюргешского кагана Кюль-чор бага-тархана (Курсуля) была сшита из дибаджа (шелка среднеазиатского производства). Воины и простой люд носили одежду, изготовленную из шерсти и шкур животных, и лишь некоторые – еще и шелковую головную повязку.

В талии кафтан стягивали простым ремнем или нарядным с наборными бляхами поясом. На территории Кыргызстана найдено четыре поясных набора с бронзовыми накладными и подвесными бляхами, один из них – в местности Боз-Бешик (Прииссыккулье). Набор состоял из бронзовых с позолотой квадратных, серцевидных и сложной формы ажурных литых блях-накладок, украшенных растительным орнаментом – побегами. На пряжке поясного набора изображены геральдические рыбки в волнах-завитках. Лировидная подвесная бляха украшена изображением хвои и кедровых шишек. На многих бляхах сохранилась позолота. Наборные пояса в зависимости от количества блях и ценности металла являлись показателями социального ранга, знаком отличия древнего тюрка. Высшая знать носила пояса с золотыми бляхами.

Головные уборы, судя по каменным изваяниям, представляли собой шлемы-шишаки, шлемы — "мисюрки" с мысиком над переносицей, малахаи. В одном из погребений Кочкорской долины найден головной убор из ткани в виде башлыка. Караханидские тюрки в XI в. носили высокие меховые шапки (калансува). На одной из каменных скульптур караханидского времени, найденной у г. Кара-Балта, была изображена чалма, накрученная поверх цилиндрического колпака.

Волосы мужчины заплетали в косы. Иногда в них вплетали украшения из самоцветов.

Женщины поверх платья и кафтана надевали накидку без рукавов, отороченную мехом или тканью другого цвета, иногда украшенную бантами.

Сапоги у женщин и мужчин, видимо, были одного покроя: мягкие, со слегка загнутыми вверх носками. Голенище косо срезано: передняя часть его была выше задней. В тюркском кургане в Таласской долине найдены остатки обуви – бескаблучные простеганные подошвы из 5–9 слоев кожи, носки заострены и слегка загнуты вверх.

И мужчины, и женщины носили серьги, ожерелья (грины), браслеты, перстни и кольца. Образцы их найдены в погребениях кочевников VI–XII вв., изображены они и на каменных изваяниях.

Основными продуктами питания скотоводов были мясо и молоко. В древнетюркских погребениях обнаружены остатки ритуальной пищи. В подбойных и катакомбных погребениях Таласа и Баткена, относящихся частично к древнетюркскому времени, кроме костей барана найдены лепешки, груши, орехи.

Согласно обычному праву тюрок, самыми дерзкими преступлениями считались бунт, измена, убийство, прелюбодеяние, похищения спутанной лошади. Совершивший их осуждался на смерть. За нанесение ран платили различные штрафы – в зависимости от тяжести увечья. Уличенные в воровстве возмещали стоимость похищенного в десятикратном размере.

Во время празднеств одевались в нарядные платья, пели песни, стоя лицом друг к другу. Различались мужские и женские подвижные игры. В Согде знать тюргешей научилась игре в нарды.

Семья у рядовых кочевников носила патриархальный характер, хотя роль женщины в ней была относительно велика.

Инициатива сватовства принадлежала мужчине. За жену выплачивали калым. Случалось, что дочерей выдавали замуж без выкупа. Но подобное бескорыстие, видимо, было настолько

редким, что заслуживало быть специально упомянутым в одной из эпитафий.

Семья являлась моногамной: многоженство было распространено лишь в среде богатых и знатных. Вдова могла выйти замуж за младшего брата мужа или его сына от другой женщины. Система родства была классификационной, при которой одним термином называли целую группу родственников и строго отличали в наименованиях старших и младших родственников (например, старшие и младшие братья или сестры назывались различными терминами).

Некоторые сведения о семейных отношениях у тюргешей содержатся в таласских рунических памятниках. Часто в одном тексте упоминаются глава семьи, сын-наследник и жена, оставшаяся вдовой. Так, в памятнике № 1 названы три брата, а в памятнике № 2 – шесть отделившихся сыновей и младшая сестра, что свидетельствует о довольно многодетном составе семьи. О классификационной системе родства свидетельствуют термины: инилери – младшие братья и вообще младшие родственники по мужской линии; эчи, ача – мать, тетка, старшая сестра; синил – младшая сестра и другие младшие родственницы. В таласских текстах приведено около пятнадцати мужских имен, которые нередко повторяются как эпитеты, являясь персонифицированными прозвищами. Большинство имен простые: Агуш, Кыйаган, Туган, Удун, Кутлуг. Но встречаются и сложные: Кара-Барс, Огул-Барс, Кюч-Юге. Так же, как и у других древнетюркских племен, мужчины тюргеши имели минимум два имени. Первое они получали при рождении, второе – "почетное", "геройское" – по возмужании.

Письменность. Процессы образования государства и появления письменности взаимосвязаны. Письменность необходима для регулирования внутренних и внешних государственных функций. Вначале в тюркском каганате для этих целей использовалось согдийское курсивное письмо. После находки Бугутской стелы (Монголия), на которой эпитафия одного из представителей каганского рода (582–583 г.) была написана по-согдийски, едва ли можно сомневаться, что и дипломатические послания западнотюркских каганов в

Константинополь, выполненные "скифскими письменами", были на том же языке. Однако каганат нуждался в собственной системе письменности.

Ученые полагают, что древнетюркский алфавит возник не раньше VII в., возможно, в первой половине его. Рунические тексты "старше" второй половины VII в. еще не обнаружены.

Проблема происхождения древнетюркской руники пока не решена. В науке существует несколько точек зрения. Наиболее обоснованная из них — согдийский вариант арамейской письменности. Он основан на близости форм рунических и согдийских графем. В.А.Лившиц установил, что прототипом для большинства рун послужило согдийское курсивное письмо и только небольшая часть их могла быть изобретенной. Культурно-исторический фон, на котором шел процесс становления древнетюркской рунической письменности, а именно: тесные экономические и культурные связи тюрок и согдийцев — подкрепляет такое решение вопроса.

Древнетюркский рунический алфавит состоял первоначально из 37 или 38 знаков геометризированных очертаний и в отличие от согдийского прототипа был хорошо приспособлен для фиксации на камне, дереве, металле. Руника достаточно точно передавала фонетические особенности тюркского языка. Большая часть согласных знаков имела два варианта начертания, в зависимости от того, с каким гласным (переднего или заднего ряда) этот согласный употреблялся.

Памятники древнетюркского письма были открыты в долине Енисея в 1721—1722 гг. Д.Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и сопровождавшим его пленным офицером Э.Таббертом (Страленбергом). Из-за внешнего сходства в начертании со скандинавскими рунами они назвали вновь открытое письмо руническим. Письмо это было распространено на обширных территориях Центральной и Средней Азии, Казахстана, Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, населенных тюркоязычными племенами.

Основные рунические тексты, составившие базу рунологии, — надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, надпись Тоньюкука, Онгинский, Карабалгасунский памятники, Селенгинский камень, Суджинская надпись и другие — были

открыты русскими учеными на территории Монголии в конце XIX – начале XX в. В 1968–1975 гг. они пополнились согдиязычной Бугутской надписью, Севрэйской и Терхинской надписями, открытыми советскими и монгольскими учеными.

Первые находки рунических памятников в Средней Азии были сделаны в 1896–1898 гг. в долине р. Талас. Три валуна с рунами обнаружил близ с.Дмитриевское (ныне г. Талас) местный краевед В.А.Каллаур. В 1898 г. в том же месте (урочище Айртам-Ой) еще два валуна обнаружила финская экспедиция Г.Гейкеля. В 1932 г. в шурфе древней выработки М.Е.Массоном была найдена деревянная палочка с рунами, а в 1961 г. в том же урочище П.Н.Кожемяко и Д.Ф.Винник открыли еще четыре валуна с надписями. В последние годы в Таласской долине был найден еще один камень с рунами. В общей сложности здесь было обнаружено одиннадцать сравнительно крупных надписей. Были зафиксированы они также на Иссык-Куле, Алае, в Фергане. Всего в Средней Азии открыто около 40 сравнительно небольших рунических надписей на камнях, скалах, керамике, металле. Самыми значительными из них остаются таласские. Они близки енисейской эпитафийной рунике, однако уступают ей в литературном отношении. О содержании таласских эпитафий можно судить по надписи № 2 (перевод И.А.Батманова):

"Защитники [верные друзья] тридцати огланов – юношей. В год обезьяны шестнадцатого года [случилось]. Мое геройское имя – "Черный Чур". Почетное имя "Черноту не минует". [У] шести родов мать одна, затем младшая сестра, ынал умерли.

Черный Чур. Моя лошадь саврасая... Черноту не минует. Черный Чур от вас, от твоих родственников отделился. Имя его отца – Туган, имя сына – Огом, Ша...".

Датируются таласские тексты разными авторами с разрывом в 700 лет (от V до XII вв.). Представляет интерес датировка всей группы таласских памятников, предложенная С.Г.Кляшторным. На основе анализа терминов, упомянутых в надписях, с учетом истории западных тюрок, он полагает, что вероятный промежуток времени, к которому относятся таласские эпитафии, приходится на 716–766 гг. И.В. Кормушин же связывает таласские памятники с кыргызами IX в.

Изобразительное и прикладное искусство. К произведениям искусства кочевников можно отнести художественные поделки из металла, гравировку по кости, каменные изваяния и наскальные рисунки.

Характерной чертой раннесредневекового искусства кочевников становится преобладание орнаментального начала. Для выражения этого движения кочевники заимствуют новые орнаментальные мотивы – растительный побег и различные системы плетеных линий. Они превалируют при орнаментации бронзовых литых блях и подвесок, которыми украшали наборные пояса и конскую сбрую. Формы накладных блях геометрические: подпрямоугольные, лунницы, сердцевидные, лировидные, полукруглые. Размещенные на расстоянии друг от друга по всей длине ремня благодаря однотипному орнаменту, они создают впечатление единого ансамбля.

Преобладание орнаментализма не означало исчезновения зооморфных мотивов. Наиболее ярким примером орнаментации этого типа являются серебряные с позолотой наременные бляхи, найденные в Кочкорской долине (VIII–X вв.). Накладки украшены причудливым сплетением растительных побегов, животных, птиц и мифических чудовищ-масок. Сложная ажурная плетенка симметрична относительно воображаемой вертикальной оси. Основным мотивом орнамента являлись своеобразные изображения грифонов и птиц.

Такой орнамент характерен для бронзовой с позолотой пряжки от полного поясного набора, найденного на Иссык-Куле. Щиток ее украшен двумя парами рыб в зеркальной симметрии, резвящихся среди ажурных волн-завитков. Исключительная изобретательность в плетении линий, изощренная моделировка животных, гармоническая композиция разнохарактерных элементов – отличительные черты искусства кочевников средневековья. Судя по идентичности блях, найденных на Александровском городище (Чуйская долина) и в Пенджикенте (Согд), часть художественного материала кочевников могла принадлежать согдийским мастерам. Распространение орнамента в виде различных плетенок в кочевой среде произошло не раньше рубежа VII–VIII вв. На поясных бронзовых накладках VI–VII вв., найденных в долине

р. Кара-Куджур, геометрические узоры сочетаются с натуралистично воспроизведенными головами вепрей. Растительные мотивы отсутствуют. Изредка поясные или уздечные бляхи дополнены подвесками в виде человекоподобных личин.

Завершая краткий обзор художественной обработки металла, следует упомянуть о находках двух золотых брактеатов, оттиснутых со штампов явно местного производства. Один из них найден в районе с. Красная Речка, другой – у с. Кенбулунь в Чуйской долине. На них представлены погрудные изображения мужчин в пышных головных уборах.

В новом "степном" изобразительном искусстве дальнейшее развитие получило иллюстративное направление, когда пейзаж, животные и люди скомпонованы в сцены.

Богатое наскальное искусство Кыргызстана изучено пока недостаточно полно. К древнетюркскому времени бесспорно можно отнести лишь изображения горных козлов, некоторые сцены охоты, тамгообразные знаки.

Образы своих современников древнетюркские мастера запечатлели в каменных изваяниях. По стилистическим особенностям они подразделяются на несколько категорий: схематичный плоскостной рисунок; сочетание плоскостного рисунка с объемно выраженной головой; слабый рельеф; фигура, приближающаяся к объемной скульптуре. Большинство изваяний древних тюрок не дают никакого пластического образа. Это специально подобранный удлиненный окатанный валун, на котором выполнена схематическая личина, иногда дополненная деталями одежды. Изобразительные средства здесь сводятся к врезной контурной бороздке. Наиболее совершенные образцы несли на себе признаки пластического понимания формы, в которых ощущается объем головы, плеч, бедер. Однако и здесь можно констатировать лишь приближение к подлинной скульптуре, так как многие детали (руки, чаша, оружие) переданы барельефом.

Кроме скульптур человека в искусстве древних тюрок известны каменные скульптуры животных. На стеле из Бугута (VI в.) изображена волчица; у храмов в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (VIII в.) установлены парные фигуры львов и баранов. Два небольших изображения льва найдены у поми-

нального сооружения в Туве. Из всех разновидностей каменных скульптур животных в древнетюркское время на территории Кыргызстана найдено лишь изваяние черепахи (с. Юрьевка, Чуйская долина). Прорисовка деталей скупа, четко просматриваются только геометрические фигуры, передающие панцирь. На нем выбит паз и гнездо для шипа, по-видимому, от стелы, которая когда-то была установлена на этом пьедестале.

Искусство средневековых кочевников Кыргызстана было тесно связано с искусством как кочевников евразийских степей, так и оседлых народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Творческое восприятие различных влияний на основе культуры ранних кочевников придавало искусству скотоводов Тянь-Шаня самобытный характер.

Мифология. Религиозные верования. Погребальные обряды. В период господства тюркских каганатов официальной общегосударственной религии на территории Кыргызстана не было. Здесь находили пристанище и развивали миссионерскую деятельность представители различных религиозных систем и их еретических толков — от буддизма до христианства. Судя по письменным источникам, верхушка тюркских племен во главе с каганами пыталась утвердить в среде своих подданных ту или иную религиозную систему. Однако попытки эти были неудачны. Основная масса древнетюркского общества была привержена своим, веками выработанным религиозным представлениям.

Систему религиозных воззрений древних тюрок трудно реконструировать полностью вследствие немногочисленности и фрагментарности сохранившихся сведений. Религия собственно тюрок была языческой. Она включала древнейшие формы религиозных верований, вновь возникающие родовые (племенные) культы и элементы культовых представлений мировых религиозных систем.

Древние тюрки были политеистами. В настоящее время известны имена нескольких божеств древнетюркского пантеона. Верховное божество — Тенгри (небо) принадлежало к верхнему миру. Оно — бог неба, творец, созидатель Вселенной. На востоке каганата культ Тенгри был связан с культом рек.

Жертву богу неба ежегодно в средней декаде пятой луны на реке приносил сам тюркский каган. Предполагают, что Тенгри посвящали храмы, где молились о даровании победы тюркскому оружию. Населением западной окраины каганата божество Тенгри представлялось в виде "чудовищно громадного героя" и "дикого исполина". Здесь культ его связывался с культом деревьев, посвящаемых Тенгри, ему приносили в жертву коней. Кровью жертвенных животных поливали землю вокруг этих деревьев, головы и шкуры вешали на сучья. В честь Тенгри возводили капища. Анализ древнетюркских текстов позволил установить, что атрибутом верховного божества было указание на мужское начало. В его компетенцию входили созидательная, покровительствующая, карающая функция и функция распорядителя человеческих судеб.

Другое божество, упомянутое в рунических текстах, — Умай — олицетворяло женское начало, считалось покровительницей плодородия. Существует предположение, что иконография Умай была заимствована в Средней Азии или Иране. Древние тюрки изображали ее в виде женщины в трехрогом головном уборе и мантии-накидке. Умай вместе с Тенгри покровительствовала воинам. Очевидно, существовал миф о божественной супружеской чете Тенгри и Умай, земной ипостасью которой была царская чета: каган своим обликом был подобен Тенгри, а его супруга (катун) — Умай. Культ Умай у многих тюркских народов, в том числе у кыргызов, сохранился вплоть до конца XIX в.

Идук Йер-су — божество земли и воды — принадлежало к среднему миру. Вода почиталась, в честь земли слагали и пели гимны. Судя по древнетюркским текстам, божество Йер-су наделялось благодетельной и карающей функциями, иногда оно выступало в значении родины. К культу Йер-су примыкал культ гор. Одна из таких гор именовалась "покровителем страны" и находилась где-то западнее Алтая. Упоминается "священная" гора тюрок где-то в окрестностях Суяба (близ Токмака).

Составной частью религиозных воззрений древнетюркских племен был погребальный обряд. Умерших тюрки хоронили по древнему ритуалу. Покойника помещали в юрту, рядом с

ней родичи клали жертвенный скот, затем семь раз объезжали юрту верхом по кругу. Проезжая перед входом, каждый раз "ножом надрезают себе лицо и производят плач". Личные вещи и верхового коня сжигали вместе с покойным. Через полгода после кремации пепел погребали, сооружали каменную ограду, имитирующую храм в честь покойного (барк), где ставили изваяние умершего (бедиз). На восток от изваяния тянулась вереница вертикально поставленных камней (балбалы), символизировавших врагов, убитых покойным при жизни либо "подаренных" ему во время похорон другими лицами. Современники отмечали, что "у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи". У храма в честь Кюль-тегина было 169 балбалов. Тюрки верили, что убитые лично или "подаренные" души врагов будут служить им в потустороннем мире. При погребении каганов иногда в жертву приносились люди. Так, при поминках по Истеми-кагану было убито несколько пленных. Они также должны были "служить" покойному в "нижнем мире". Со временем погребальный обряд изменился. Умерших вместе с конем и личными вещами не сжигали, а хоронили в ямах, поверх которых насыпали курган.

Археологические памятники средневековых кочевников на территории Кыргызстана представлены погребальными курганами, поминальными оградками, каменными изваяниями и рунической эпиграфикой. Они полностью подтверждают сведения письменных источников о наличии заметных этнографических различий среди скотоводческих племен Кыргызстана в VI – начале XIII в.

К ним относятся могильники, состоящие из курганов с небольшой каменной или каменно-земляной насыпью, погребения под которой совершали в грунтовой яме, в подбоях или катакомбах. Сюда же следует отнести наземные погребения в каменных или сырцовых склепах, которые засыпали землей. Такие погребения обнаружены только в Чаткале. Все отмеченные типы погребений появились в предшествующий период, что указывает на сохранение сакских и усуньских традиций в период средневековья. Завоевательные походы тюрок привели к распространению характерных для них памятников. К

Несторианские намогильники.
Краснореченское городище. VII–VIII вв.

Каменные изваяния. VII–X вв.

ним относятся подкурганные погребения с конем, поминальные оградки с балбалами и изваяниями, рунические письмена. На археологических памятниках можно проследить взаимовлияние и взаимопроникновение культур местного и пришлого населения. В Таласской долине, Кетмень-Тюбе и в Центральном Тянь-Шане встречены погребения с конем (инновация) в катакомбных и подбойных погребальных сооружениях (традиция).

Как видим, типы погребальных сооружений у скотоводов в период сложения тюркских государств совершенно различны, что свидетельствует не только о разнородности племен, входивших в состав "десятистрельного народа", но и о большой вариабельности их идеологических воззрений, связанных с погребальным обрядом.

На территории Кыргызстана найдено большое количество каменных изваяний, связанных с древнетюркским погребальным обрядом. Они обычно изображали умершего знатного тюркского воина с чашей в правой руке и с оружием в левой. Изваяния устанавливались у восточной стенки каменной оградки лицом на восток.

В среде среднеазиатских кочевников велась миссионерская пропаганда мировых религиозных систем: зороастризма, буддизма, христианства несторианского толка, манихейства, ислама. Для VI–X вв. можно отметить лишь частные успехи этой миссионерской деятельности, о которых имеются отрывочные сведения.

Абу Дулаф (X в.) сообщал, что среди чигилей имеются христиане. Колофон "Священной книги двух основ" свидетельствует, что в среде тех же чигилей и чаруков велась манихейская пропаганда. Однако в IX-X вв. карлуки, кочевавшие в окрестностях среднеазиатских оазисов, еще до официального принятия ислама Караханидами стали мусульманами.

Военное дело. Развитие металлургии в алтайский период истории тюрок и более позднее время позволило каганам создать отборные, хорошо вооруженные части тяжелой латной кавалерии. Эти привилегированные ударные отряды назывались "бёри" (волки). Оборонительные доспехи состояли из

длинного пластинчатого панциря, шлема с бармицей и наушниками, небольшого круглого щита. На вооружении у тюрок были луки с трехреберными и трехгранными стрелами, копья, сабли (палаши) и кинжалы. Сабли крепились к наборному поясу на двух ремнях в наклонном положении, кинжал – впереди, в горизонтальном положении, рукоятью вправо. Тюркский воин имел еще один – "стрелковый" – пояс. Слева к нему крепился лук в узком чехле, а справа – колчан, обычно расширяющийся книзу, стрелы в нем хранились острием вверх. Иногда вооружение тюркского всадника дополнялось топориком, булавой или кистенем на ремне. Тяжелая конница атаковала сомкнутым строем с копьями наперевес.

Легкая кавалерия тюрок обычно набиралась из средних слоев кочевников. Доспехи для нее изготовляли из кож и войлока. Легко вооруженные всадники осыпали противника дождем стрел, нападали с флангов, ложным бегством заманивали врага в засаду, преследовали разбитые части.

Большое внимание уделялось подготовке коней в поход. В восточной части Чуйской долины существовали заповедные пастбища. Их использовали только для откорма верховых животных на случай войны. Лошади тюрок, как сообщают средневековые авторы, "были хорошего сложения, исключительно ловки, способны к длительным переходам".

Детали сбруи верховых коней древних тюрок найдены в их погребениях. Седло имело деревянную основу с невысокой арочной лукой. В крыльях были сделаны прямоугольные прорези для крепления ремней стремян. Хорошей сохранности седло было найдено при раскопках тюркского погребения в Кара-Куджуре. Стремена были двух видов: восьмеркообразные и с прямоугольной петлей, отделенной от дужки стремени перехватом. Седло крепилось при помощи подпруги с железными и фигурными костяными пряжками. Спутывали коней ременными путами с костыльком из кости. Некоторые боевые кони, судя по изображениям на Аниковском блюде, были защищены специальными доспехами.

Арабские авторы отмечали высокое ратное мастерство тюркских всадников. Войска тюрок VI–XII вв. представляли собой прекрасно обученные дружины, способные к длитель-

ным рейдам и стремительным кавалерийским атакам. Пехоты как особого рода войск у тюрок не существовало. Очевидно, этим объясняются менее удачные их действия в пешем строю при осаде городов.

Календарь. Древние тюрки пользовались календарем, основанным на двенадцатилетнем животном цикле, то есть солнечные годы не нумеровались, а именовались по названиям двенадцати животных, расположенных в строго определенном порядке. Памятники древнетюркской письменности датируют события по годам цикла. На территории Кыргызстана известен только один датированный памятник из Таласской долины: на нем читается год обезьяны (пичин, бечин) – девятый год цикла.

"Кутадгу билиг" и "Диван лугат ат-тюрк". В VIII–X вв. в Средней Азии получает развитие научная мысль. Известные научные труды написаны на арабском языке. Многие из них отличало подлинно научное познание мира.

В конце X–XI вв. восточным форпостом мусульманской учености становятся города Баласагун и Кашгар. Здесь можно было получить глубокие знания по математике, астрономии, медицине, арабо-персидской литературе, теории рифмы. Здесь поэтом и мыслителем Юсуфом Баласагуни была создана первая тюркоязычная поэма "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание" или "Наука об управлении государством"). Какие-либо сведения об авторе в источниках отсутствуют. Юсуф был образованным человеком в области географии, истории, философии. Судя по содержанию поэмы, он родился в Баласагуне – одной из столиц Караханидского каганата – в 1015–16 г. К написанию поэмы приступил в возрасте 50 лет. Закончив поэму в 1069 г., преподнес ее в дар Тамгач Бугракарахакану Абу Али Хасану.

Поэма "Кутадгу билиг" написана под влиянием литературной школы, сложившейся в IX–X вв. в Бухаре. Тем не менее в ней нашли отражение местные тюркские традиции, связанные с кругом представлений, преданий, характерных для Семиречья и Восточного Туркестана – Чуйской и Таласской долин, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккулья.

В "Кутадгу билиг" воспевается правитель Кюн-Тогды-элик

("Восход солнца") и его везирь Ай-Толды ("Полнолуние"), описаны качества военачальников (су башлар, исфахсалар), главного хаджиба, хаджибов, посла (йалавача), дворецкого (капуг башы), казначея (азгычы), кухмистера (ашчы), сокольничего (кушчы), писаря (битигчи), секретаря (ыламга), богатых (байлар), средних (орто), бедняков (чыгайлар). Так, о купцах Юсуф Баласагуни пишет:

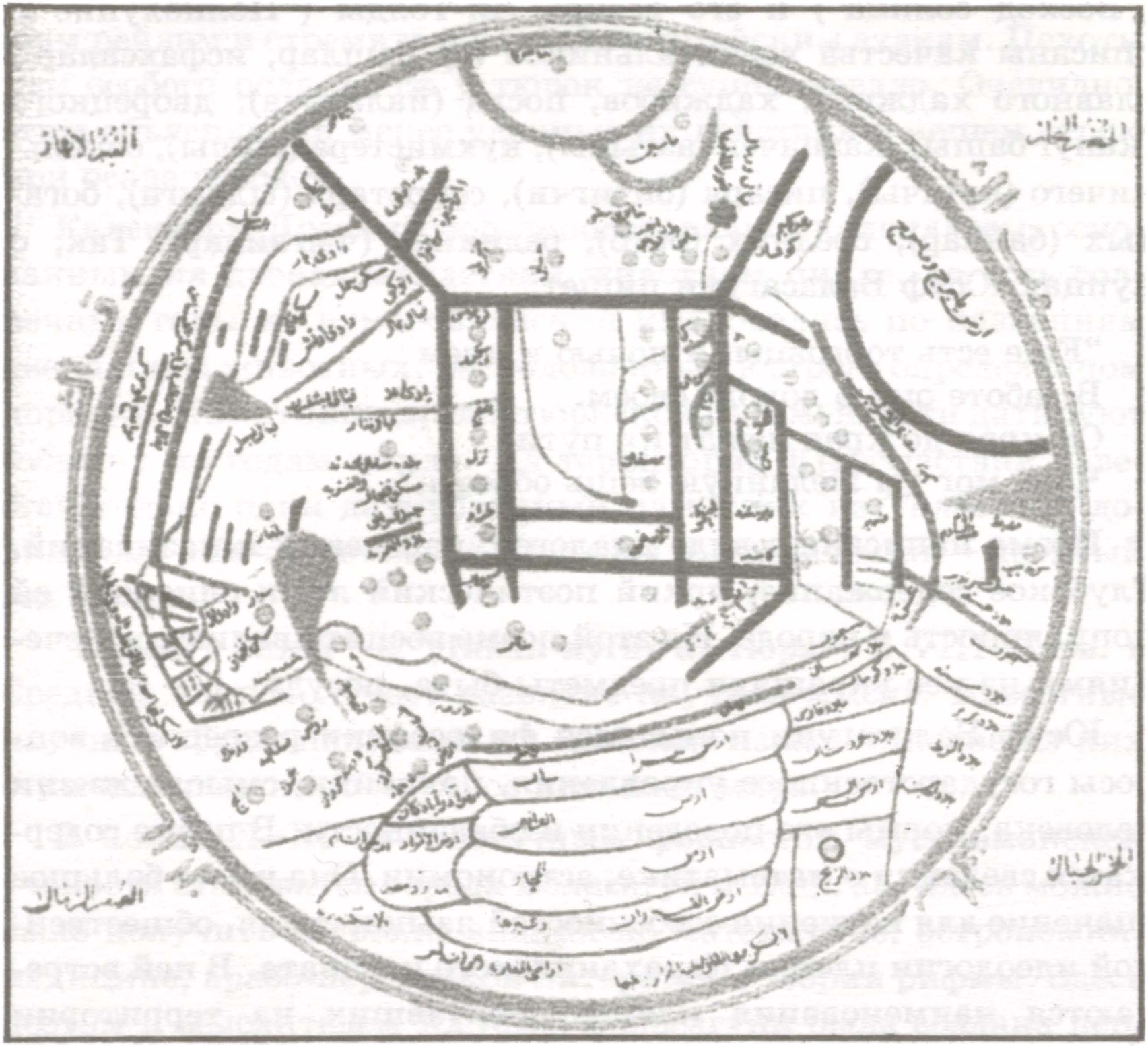
"Еще есть торговцы: и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.
От края до края лежат их пути,
Чтоб мог ты желанную вещь обрести".

Поэма написана в виде диалогов, изречений и назиданий. Глубокое содержание, яркий поэтический язык снискали ей популярность в народе. На этой поэме воспитывались, изречениями из нее украшали предметы быта, посуду.

Юсуф Баласагуни попытался философски разрешить вопросы государственного управления, политики, смысла жизни человека, нормы его поведения и обязанности. В поэме содержатся сведения о математике, астрономии. Она имеет большое значение для изучения особенностей языка, стиля, общественной идеологии племен Караханидского каганата. В ней встречаются наименования племен, обитавших на территории Кыргызстана и в городах. Автор широко использует народную мудрость – тюркский фольклор, пословицы, поговорки, крылатые слова. Юсуф Баласагуни был прекрасным знатоком человеческой души, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владеющим всеми тонкостями арабской, персидской и тюркской поэзии.

До нас дошло три рукописи поэмы: каирская, наманганская и гератская. Древнейшим считается каирский вариант.

О жизни и деятельности другого ученого – тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа Махмуда ибн Хусейна Кашгари – также известно очень мало. Судя по содержанию его "Словаря", он был из рода правителей-Караханидов. Отец Махмуда Кашгари – уроженец г. Барсхана (южное побережье оз. Иссык-Куль). Первоначальное образование Махмуд получил в

Круглая карта мира Махмуда Кашгари. XI в.

Кашгаре, продолжил его в Багдаде. Он отлично владел арабским языком, хорошо знал жизнь тюркских народов и писал о них не по книжным источникам, а на основании личного знакомства.

Из двух книг Махмуда Кашгари до нас дошел "Диван лугат ат-тюрк" ("Словарь тюркских наречий"), составленный между 464–469/1072–1077 гг. Его копия, переписанная в 1226 г. Мухаммедом ас-Сави, издана в Турции и переведена на другие языки, в том числе и на узбекский. В "Словаре" Махмуда Кашгари собран материал по языкам различных тюркских народов. Наиболее полно отражен словарный состав тюркских племен, входивших в состав государства Караханидов; большая часть образцов фольклора (образцов народной поэзии, пословиц, поговорок и т.п.) принадлежит также этим племенам. Кроме того, в "Словаре" Махмуда Кашгари имеются исторические и географические сведения о племенном составе тюрок, об озерах, землях, городах и населенных пунктах в пределах государства Караханидов.

Судя по содержанию "Словаря", в восточной части государства Караханидов в XI в. обитали чигили, ягма, согдаки, аргу, тухси, кыпчаки и другие племена и народности. Кыргызы как одно из тюркских племен упоминаются в пяти местах.

Представляет интерес круглая карта мира Махмуда Кашгари, на которой обозначены оз. Иссык-Куль, города Баласагун и Кашгар. Следует отметить, что на карте встречаются названия, которые в тексте "Словаря" отсутствуют, или, наоборот, не все географические наименования, упоминаемые в тексте, показаны на карте. Эти и другие противоречия говорят о том, что карта Махмуда Кашгари подвергалась изменению другим лицом.

В источниках упоминаются представители культуры и науки в таких городах Караханидского каганата, как Баласагун, Тараз, Узгенд, Шельджи, Джикиль, Куба, Шаш, Ахсыкет.

На границах государства Караханидов в Семиречье и Мавераннахре шел параллельный процесс становления тюркской литературы и развития литературы на дари (фарси), между

которыми существовала тесная связь. На тюркском языке написал поэму "Подарок истин" ферганец Ахмед Югнеки.

Следует отметить, что для многих поэтов того времени сочинительство являлось средством к существованию. Свои сочинения они нередко вынуждены были преподносить в дар знатным, о чем свидетельствуют следующие строки:

"Одному она из Баласагуна доставляет пропитание в Герат,
А другого ради куска хлеба гоняет до самого Баласагуна".

Все сказанное свидетельствует о том, что эпоха Караханидов в средневековой истории знаменовала собой высший подъем культуры местных народов. За ней последовал упадок, вызванный нашествием орд Чингисхана.

§ 2. Культура оседлого населения

Земледелие. На юге, по сообщениям исторических хроник, задолго до рассматриваемого периода, в сельском хозяйстве культивировались не только хлебные злаки, но и виноград, фруктовые деревья, люцерна. Многие средневековые письменные источники повествуют о расцвете земледелия и садоводства, основанных на искусственном орошении. На севере в VII в. возделывали просо, пшеницу, виноград, рис.

При археологических исследованиях в культурных наслоениях городища Ак-Бешим в слоях VII в. были найдены солома и зерна ячменя и пшеницы, косточки урюка, семена тыквы, дыни и арбуза.

Земледелие в крае было в основном поливным, о чем говорят следы древних арыков. Об этом же свидетельствуют сообщения авторов, подчеркивающих высокую урожайность поливных полей. Но есть сведения и о наличии богарных посевов. Природные условия в Кыргызстане благоприятны и для этого вида земледелия.

На том же городище Ак-Бешим найдена очень хорошей сохранности деревянная основа сохи, почти ничем не отличающаяся по своей конструкции от основы сохи, бытовавшей у кыргызов в дооктябрьский период. В других местах найдены железные сошники, серпы, садовые ножи. О широком разви-

тии земледелия и товарном производстве говорят частые находки больших мельничных жерновов, достигавших более 1,5 м в диаметре. Такие мельницы могли стоять только на крупных специально выведенных арыках или на речках, производительность их была значительной.

В предместье одного из крупных городов Чуйской долины (городище у с. Красная Речка) исследована мастерская винодела. Она состояла из трех комнат: в одной была давильня, отсюда сусло по гончарной трубе поступало в соседнюю комнату, где в пол были врыты большие глиняные сосуды – хумы, в которых происходил процесс сбраживания. Третья комната была хранилищем. Мастерская существовала в XI в.

Поселения. Вызванное упадком рабовладения (IV–V вв.) замирание городов в зоне древних земледельческих оазисов и переход общественно-политической жизни в сельскую округу привели к радикальным изменениям, которые отразились на характере сельских поселений и городов в их последующем развитии.

В сельскохозяйственных районах предгорной полосы Южного Кыргызстана на смену укрепленным патриархальным усадьбам, существовавшим в рабовладельческий период, приходят замки и крепости с мощными укреплениями, которые являлись цитаделями феодальных владык (часто контролировавших головные сооружения ирригационных каналов), а также выполняли роль крепостей-форпостов, защищавших оседлые оазисы. Основным типом поселений земледельческого населения все же оставались неукрепленные сельские поселения. Ремесленно-торговыми центрами для них были растущие феодальные города.

Наиболее отчетливо генезис феодальных поселений и городов в земледельческой полосе Южного Кыргызстана прослеживается на примере Ошского оазиса.

Многочисленные укрепленные усадьбы раннеклассовой эпохи, развалины которых (тобе, тепе) поныне существуют к западу от города Ош – по Наукатской дороге, к востоку от него – по Памирскому тракту, а также к северу – по дороге в Андижан, с развитием феодальных отношений пустеют. Вместо них возникают крепости и замки. Остатки последних

существуют и в наши дни. Это крепости Кургашин-тепе и Кашгар-Кишлакская к северо-востоку и к северу от Ош, крепость Ак-Буринская к югу от Ош, у выхода р. Ак-Буры из ущелья в долину, Шалтакская группа замков к юго-западу от Ош, охранявшая выход в долину из ущелья Талдык-Су. Эти крепости были владениями феодалов.

В связи с начавшимся процессом отделения ремесла от земледелия происходит постепенный рост города Ош, который, как и все города Ферганы, складывался по типу мавераннахрских городов и имел три элемента: цитадель, шахристан и рабад. Цитадель была наиболее укрепленной частью города, местом пребывания правителя города и округа с его военными слугами; находилась она на территории шахристана. Шахристан имел свои мощные укрепления, под защитой которых стояли дома феодалов, купцов и духовенства. Здесь были общественные и культовые сооружения, торговые склады и другие здания. Вокруг шахристана располагался рабад, то есть ремесленное предместье города, где отдельными группами размещались кварталы мастеров-ремесленников.

О городе Ош письменные источники сообщают следующее: "В Оше находятся: населенный внутренний город, населенная крепость и дом правителя, а в крепости — тюрьма; около города расположено предместье, окруженное стеной... в городе трое ворот: ворота ал-Джебель (горные), ворота ал-Маи (речные) и ворота Мугкадах; ворота города укреплены". Ош считался по величине третьим городом во всей Фергане. Археологически древний Ош нам совершенно не известен, так как он весь находится под постройками современного города и недоступен для археологических раскопок.

Вторым крупным городом на территории Южного Кыргызстана был Узгенд. При Караханидах он имел большое политическое значение. Здесь одно время была столица Мавераннахрского удела. Он также состоял из цитадели, шахристана и нескольких предместий — рабадов, в нем было четверо ворот. Узгенд был крупным пунктом торговли. От него шел караванный путь через перевал Ясы в Центральный Тянь-Шань и дальше в Семиречье и Восточный Туркестан.

Развалины древнего Узгенда прослеживаются и в настоящее время. Руины находятся на высоком правом берегу р. Карадарьи, прорезанном глубокими оврагами, и состоят из трех частей, каждая с самостоятельными укреплениями. Склоны берега реки и оврагов были искусственно подрезаны и использованы для усиления оборонительной линии города. Внутри оплывших городских стен просматриваются кварталы, ограниченные невысокими валами – остатками квартальных стен, а внутри кварталов различаются бугры оплывших построек и впадины дворов. На поверхности обильный керамический материал. В ряде пунктов видно устройство стен и башен, сложенных из пахсовых блоков и большемерного сырцового кирпича. Очень редко в кладке встречается обожженный кирпич. В город можно было попасть по длинным пандусам, которые в свою очередь были укреплены башнями. Рабад древнего Узгенда в большей своей части застроен современными городскими сооружениями. Его размеры известны относительно. В черте современного города Узгенда сохранились блестящие архитектурные памятники средневекового Узгенда – минарет и три мавзолея XI–XII вв.

Третьим по величине городом юга Кыргызстана был Медва, стоявший недалеко от Ош. От него ныне сохранились развалины наиболее укрепленной части с цитаделью, остальная территория былого города застроена современным кишлаком Мады. Холмы древних городских построек и сейчас видны на расстоянии около километра вдоль Памирского тракта, а бугор цитадели имеет высоту до 12 м.

Остатки более мелких городов и поселений феодального периода известны во многих пунктах юга Кыргызстана. Это обилие населенных мест подтверждается письменными источниками. Так, Мукаддаси сообщает, что в Фергане только имевших соборную мечеть городов и поселений было 40. Они входили в три области: Миян-и Рудан (междуречье Нарына и Карадарьи), Несайскую (к югу от Сырдарьи) и Вазгийскую (к северу от Сырдарьи), к последней относились область Джидгиль с городом Ардланкет (современная Чаткальская долина). Самостоятельной областью был Хайлам (современная котловина Кетмень-Тюбе).

В Северном Кыргызстане оседлость и земледелие возникли и получили развитие в основном с началом утверждения феодальных отношений (V–VI вв.).

Для конца рабовладельческого строя здесь известно одно небольшое полуоседлое поселение; продукты скотоводства еще составляли основу питания его обитателей, но жители занимались и земледелием. Это подтверждается находками зерен проса и значительного количества зернотерок. Жилища были с глинобитными стенами и плоскими перекрытиями.

Отсутствие развитой оседлости в пору рабовладения, безусловно, наложило отпечаток на процесс ее формирования в средневековье. Поселения возникали вокруг ставок феодализирующихся родоплеменных вождей, а также при стоянках и на зимовках богатых представителей кочевой знати. Их ставки в ряде случаев принимали вид укрепленных замков. Число находившихся при ставках обедневших кочевников, перешедших к занятиям сельским хозяйством и ремеслом, а также ремесленников из военнопленных рабов, постепенно росло. Они и были создателями первых оседлых поселений.

В сложении и развитии оседлости в Северном Кыргызстане сыграло свою роль еще одно обстоятельство – перенесение в VI–VII вв. в Семиречье и Тянь-Шань трассы торгового пути, связывавшего Дальний Восток с присредиземноморскими странами и Европой, проходившего ранее через Фергану и Алай. Изменение направления столь важной торговой магистрали было обусловлено установлением в Семиречье власти западнотюркских каганов и перенесением сюда их резиденции. Известно, что западнотюркские правители были заинтересованы получить право посредничества и контроля в этой транзитной торговле, сулившее немалые выгоды.

Известно, что в торговой деятельности, связанной с использованием этого торгового пути, активное участие принимали согдийские купцы. Обслуживанием постоялых дворов, караван-сараев на этой огромной по протяженности трассе было занято значительное количество выходцев из Согда и Шаша (Ташкентского оазиса), которые, безусловно, имели возможность заниматься земледелием и ремеслом. В отдельные исторические периоды имела место вынужденная эмиграция

населения Согда и Шаша в Семиречье. Так было в период завоевания Средней Азии арабами.

В тюркский период общность экономического и социального развития оседлой полосы Семиречья и Согда была ярко выражена. Вероятно, поэтому в летописи отмечается, что вся страна тюрок от Суяба до Амударьи носит одно название и жители имеют одни письменность, язык и одинаковую одежду. Это говорит о значительной роли выходцев из Согда и Шаша в жизни оседлых оазисов Северного Кыргызстана.

Однако в последующее время согдийские элементы были полностью поглощены местным тюркоязычным населением. Это важное явление в истории Семиречья подтверждается сведениями Махмуда Кашгари: "Согдак — группа людей, которая поселилась в Баласагуне. Они из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они приняли обличье тюрков и их обычаи".

Об активном участии и решающей роли местного тюркоязычного населения в процессе создания и развития оседлых центров говорят тюркские названия поселений, известные уже в VII—X вв., такие, как Сарыг, Джуль, Харран-Джуван, Баласагун и др.

Археологическими исследованиями установлено, что и в материальной культуре переселенцев из Шаша и Согда под влиянием местных племен со временем утрачивались их этнические черты.

В процессе становления и развития оседлости в Северном Кыргызстане значительную роль играло своеобразие расселения оседлых жителей и кочевников и их взаимоотношений.

В Фергане земледельческая полоса представляла собой территориально единое целое, с единым государственным аппаратом.

На севере же поселения и города являлись небольшими оазисами, окруженными со всех сторон кочевыми племенами. Политическая власть здесь принадлежала феодальной знати кочевых племен. Города были друг от друга независимы, но все подчинялись тюркам. Есть не очень ясные сведения о наличии каких-то союзнических отношений между ними. Но это еще не может служить достаточным основанием для изме-

нения суждения об их общем политическом положении, которое складывается по четкому и ясному свидетельству исторических хроник.

В результате археологических исследований накопилось большое количество наблюдений о времени возникновения и запустения, об общей планировке и размерах раннесредневековых городов и поселений Северного Кыргызстана, остатки которых сохранились до наших дней. Вместе со сведениями письменных источников они позволяют составить определенное представление о ходе их развития.

В V–VI вв. здесь возникли отдельные небольшие оазисы, жители которых занимались земледелием, торговлей и ремеслами.

В VI–IX вв. процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и города от деревни еще не завершился. Поэтому в поселениях жило и ремесленно-торговое и земледельческое население. Это можно объяснить еще и тем, что в Северном Кыргызстане не было условий для существования неукрепленных сельских поселений, таких, как на юге.

В ближайшей округе крупных населенных пунктов находились их укрепленные форпосты, а между поселениями — караван-сараи. Большая серия укреплений располагалась у выходов из ущелий самых крупных левых притоков Чу, стекающих со склонов Кыргызского Ала-Тоо; эти укрепления были рассчитаны на предотвращение опасности со стороны гор, но не исключена для них и функция охраны поймы реки как источника орошения.

В X–XII вв. во всей Средней Азии наблюдался подъем производительных сил. В этот период из группы городов с длинными стенами выделяются крупные городские центры, игравшие доминирующую роль в ремесленно-торговой жизни значительных районов. Но аграрные пережитки продолжали оставаться в них вплоть до начала XIII в., когда разрушительное монгольское нашествие нанесло жестокий удар оседло-земледельческой жизни в Северном Кыргызстане.

Часть укреплений, стоявших в округе крупных центров и в устьях ущелий, в период экономического подъема разрослась в значительные населенные пункты, как бы отпочковавшиеся

от поселений с длинными стенами. В некоторых из них были свои ремесленные производства. Другие же так и не вышли за рамки небольших укреплений.

Таким образом, города и поселения Северного Кыргызстана, начиная с VI–VII вв., являлись центрами ремесла и земледелия.

Горное дело и металлургия. В развитии ремесла в средневековых городах Кыргызстана имели большое значение горное дело и металлургия. Упомянутые выше свидетельства исторических источников о наличии у тюркских племен уже в VI–VII вв. металлургического производства дополняются данными более поздних арабо- и персоязычных источников, где говорится о широком развитии горнорудной промышленности в Кыргызстане в последующее время. Особенно большого развития, по этим сведениям, достигла добыча серебро-свинцовых руд в Таласской долине.

Свидетельства письменных источников подтверждаются многочисленными археологическими наблюдениями и материалами, характеризующими горное дело, металлургическое производство и кузнечное ремесло.

Обследования древних горных выработок, встречающихся почти во всех горных районах Кыргызстана, позволяют составить довольно четкое представление о горном деле раннего средневековья. Горные выработки были открытыми и подземными. Открытые имели самые различные размеры (в зависимости от мощности рудного тела) – от небольших ям до огромных карьеров, достигавших в длину нескольких сотен метров, в ширину – до 50 м и в глубину – до 20 м.

Техника горного дела, как и всякая техника феодального периода, отличалась крайней примитивностью и основывалась на тяжелом ручном труде. Основными горнорудными орудиями были железные кирки и кайла, каменные кувалды и молотки, деревянные и железные клинья. Для удаления мягких пород использовались лопаты и кетмени. При проходке твердых пород применялся огневой способ: в забое разжигали костер, а затем накаленные стенки обливали водой. От резкого охлаждения порода давала трещины, в которые забивали клинья и смачивали их водой. Разбухая, клинья откалывали

куски породы. Крепление кровли и боков проходки применялось очень редко, что, безусловно, приводило к частым катастрофам. Крепежными средствами были деревянные стойки, опоры из кусков породы и целики. Для освещения на больших глубинах использовались жировые светильники с матерчатым фитилем. На выработках преобладала естественная вентиляция, но известны и вентиляционные шахты.

Руду на поверхность доставляли в кожаных мешках, корзинах, деревянных ящиках на полозьях, из горизонтальных выработок — волоком, а из вертикальных — на канате через примитивный ворот (блок). Добытая руда проходила стадию обогащения, ее дробили каменными кувалдами или большими каменными жерновами, затем промывали и обрабатывали вручную.

Древние горные мастера, судя по наличию разведочных шурфов и характеру выработок, хорошо знали залегание рудных тел, обладали определенными маркшейдерскими навыками, о чем свидетельствует находка сланцевой плиты с выбитым на ней планом подземных выработок.

Добычей руды в основном занимались мужчины, но применялся также женский и детский труд. Дети вытаскивали руду из выработок по узким ходам. На рудниках широко использовали военнопленных — рабов. Крайняя примитивность техники, плохое освещение, несовершенство вентиляции или полное ее отсутствие делали труд средневековых горняков чрезвычайно тяжелым.

Обогащенная руда доставлялась в ремесленные центры, где производилась ее плавка. Обнаруженные на городище у с. Ак-Дёбё в Таласской долине печи для плавки металлов частично вкопаны в землю, а над поверхностью земли сложены из сырцового кирпича. Печи овальные в плане размером 2,2х1,6 м. В них через верхнее устье загружали слоями руду и топливо — до 4 м высотой. Железо получали так называемым сыродутным способом, который еще нельзя назвать плавкой металла. Из-за недостаточной температуры железо не плавилось, а восстанавливалось. Происходило такое химическое изменение: окислы железа (руда) теряли кислород и превращались в железо, которое в виде мельчайших лепестков опу-

скалось на дно плавильной печи, образуя тестообразную губчатую массу (крицу).

Другие металлы плавили иными способами. Например, свинец и серебро выплавляли в таких же печах — горнах, но в несколько этапов. Вначале получался черный свинец, повторной плавкой его очищали и только на третьем этапе серебро отделялось от свинца.

О масштабах металлургического производства можно судить по некоторым археологическим наблюдениям. В Таласской долине на десятках развалин средневековых поселений обнаружены следы различных видов металлургического производства: остатки печей, железные крицы, отвалы медных шлаков, шлаков от выплавки серебра и свинца. На городище Садыр-Коргон в Таласской долине отвалы шлаков в некоторых естественных промоинах наблюдаются сплошным слоем на протяжении до 200—300 м, толщина их иногда достигает 2-2,5 м. Шлаки в очень многих местах этого городища выходят на поверхность.

Ремесло. Из железа городские и сельские кузнецы изготовляли орудия труда, предметы быта, а также оружие. Археологические раскопки, к сожалению, не дают полного представления о всем ассортименте железных орудий, так как железо плохо сохраняется в земле. И все же получена большая серия их. Для нужд сельского хозяйства изготовлялись сошники, надевавшиеся на деревянную основу сохи, кетмени, серпы, садовые ножи, ножницы для стрижки овец, подковы, предметы упряжи рабочего скота, элементы повозок и арб. Из предметов быта делались железные сосуды, котлы, весы, гири, ножницы, ножи, ложки, вилки, замки, ключи, цепи и др.

Из инструментов ремесленников-кузнецов найдены молотки, клещи, из плотничных инструментов — топоры, чоты, долота, стамески, сверла, струги. Для обслуживания горного дела готовились кирки, кайла, кувалды, различные клинья. Из строительных деталей известны скобы, гвозди, костыли.

Предметы вооружения из железа те же, что и у кочевников: шлемы, панцири, мечи, сабли, наконечники для копий и стрел, кинжалы, шпоры и пр.

Мастера по металлу в городах и поселениях изготовляли

всевозможные украшения из цветных и драгоценных металлов. И в этом они достигли высокого совершенства. Ювелирам были известны все технические приемы того времени: фигурное литье, чеканка, зернь, скань, гравировка, позолота.

Археологические раскопки дали большое количество высокохудожественных изделий мастеров-ювелиров.

Художественное литье представлено большой серией бронзовых стволов (назначение которых пока не установлено) и бронзовых ступок. Стволы представляли собой цилиндры до 30 см высотой и 15 см в диаметре, покрытые гравированным орнаментом. Выделяются художественным исполнением два больших полых ствола, на их поверхности между двумя поясами, заполненными орнаментом (стилизованные растения, завитки, геометрические фигуры и надписи), расположено по четыре изображения идущих влево тигров, выполненных очень высоким рельефом.

О высоком развитии художественного литья и применении горячего способа позолоты свидетельствуют многочисленные бронзовые позолоченные ажурные прорезные бляхи, найденные в буддийском храме на городище Ак-Бешим (близ г. Токмака).

Из цветных и драгоценных металлов делали всевозможные украшения и принадлежности женского туалета: браслеты, серьги, перстни, бубенчики, амулеты-подвески в форме животных, зеркала. Большим художественным мастерством отличаются серебряные браслеты с разомкнутыми концами с городищ Шиш-Тобе и Краснореченского. Техника изготовления всех браслетов одинакова: три гладкие толстые серебряные проволоки свиты жгутом; в углублениях между толстыми проволоками проходят очень тонкие жгутики, свитые из двух серебряных проволочек. Концы браслетов утончаются, на них способом напайки из таких же тонких жгутиков выполнены сильно стилизованные головы животных.

Лучше всего изучено гончарное ремесло. Оно удовлетворяло подавляющую часть потребностей в посуде. Ассортимент гончарных изделий очень широк. Изделия из обожженной глины использовались также в строительном деле, при архитектурных оформлениях общественных и культовых зданий и, наконец, при отправлении религиозных обрядов. Развитие

гончарного производства происходило на протяжении VI–XII вв. в несколько этапов.

В VI–VIII вв. основную массу керамических изделий изготовляли дома, ручным способом. Посуду и светильники украшали примитивным налепным и процарапанным орнаментом или покрывали ее поверхность красной краской, а затем лощили. Очажные подставки иногда оформлялись в виде схематизированных головок животных.

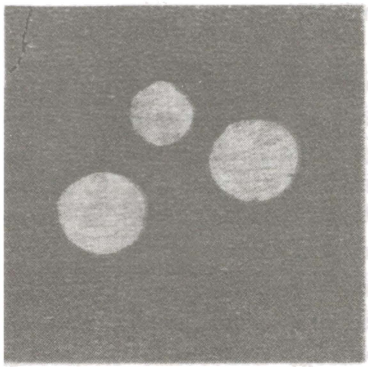
Ремесленными изделиями были и оссуарии – глиняные гробики для погребения костей умерших. Они нередко были художественно оформлены. Например, известны сложный врезной орнамент, налепы в виде штампованных фигурок человека и вылепленных фигурок животных. Городские ремесленники изготовляли также декоративные кирпичи, которыми оформлялись фасады зданий.

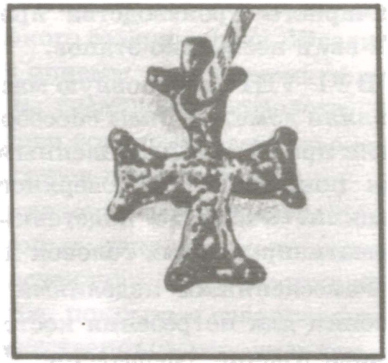
Гончары еще не всегда пользовались гончарным кругом. Преобладала лепная посуда, что объясняется, по-видимому, преимущественным изготовлением ее домашним способом.

В период VIII–X вв., характеризующийся дальнейшим развитием оседло-земледельческих поселений и ростом обмена между ними и кочевыми племенами, произошла стандартизация форм в результате производства изделий на продажу. Увеличивается количество станковой посуды, в ряде пунктов заметно ее преобладание. Однако и на этом этапе встречается еще довольно много лепной керамики.

В карлукский период наиболее распространено украшение некоторых видов керамических изделий врезным узором и орнаментирование штампом. Продолжают бытовать зооморфные украшения на крышках. Появляется первая поливная керамика с тусклой поташной поливой невысокого качества.

В X–XII вв. в городских поселениях существовали целые кварталы ремесленников-гончаров, о чем можно судить по открытым в результате раскопок остаткам обжигательных печей и мощным отвалам шлаков. Отличительной особенностью керамики этого периода является преобладание посуды, сделанной на ножном круге. В связи с растущими потребностями рынка, на который работали ремесленники-гончары,

Динары. Золото. XI–XIII вв. Несторианский крест. Бронза. Краснореченское городище. VIII в.

Буддийское божество. Серебро с позолотой. Краснореченское городище. VIII в.

Кувшин. Полихромная подглазурная роспись. Чуйская долина. XI–XIII вв.

еще большее выражение получили устойчивость форм и стандартизация. Широко применялись штампы для орнамента. Сосуды некоторых форм изготовлялись по частям отливкой в специальных матрицах. Многие изделия являются подлинными произведениями художественного мастерства ремесленников-гончаров. Это богато оформленные изделия, предназначенные для феодальной и купеческой верхушки. Здесь и тончайшие проработки стилизованных орнаментальных переплетений, и эпиграфический орнамент, и живопись, и рельефные изображения. Количество такой керамики по сравнению с предыдущим периодом увеличивается.

Гончары в XI–XII вв. производили не только посуду самых разнообразных форм и для самых различных нужд, начиная от миниатюрных сосудов до огромных хумов. Их продукцией были художественно оформленные открытые очажки для жилых помещений. Было налажено массовое производство керамических труб для водопроводов и канализации, строительных материалов: жженого кирпича и кровельной черепицы. Существовало производство высокохудожественных облицовочных материалов: резной терракоты и плиток. Среди них есть образец уникальной плитки, найденной в жилом доме XI–XII вв. На плитке 17,5x35,5x3,5 см, очень напоминающей по форме кирпич, рельефное изображение льва. Стоящий лев (размер его на всю длину плитки) обращен вправо. Но голова повернута к зрителю. Этот разворот надтиснут на изображение, изготовленное в форме, поэтому заметно, что рот обращен вправо, а не вперед. Во рту лев держит стебель с двумя цветками на концах.

Широкое применение получает покрытие посуды поливой и росписью. Роспись красной, белой, черной, желтой красками покрывалась сверху прозрачной стекловидной глазурью. Характер росписи различный. У одних сосудов по венчику – пояс стилизованной или украшенной коранической надписи или благопожелание, по стенкам – листья растений или геометрическое переплетение линий и фигур, на дне – вихревая розетка. Другие имеют только геометрический орнамент с включением волютообразных кривых. Реже изображались живые существа: человек, медведь, фазаны, лягушки.

Изделия из стекла (в основном сосуды) в раскопках встречаются часто. Это говорит о широком развитии стекольного дела. Обнаружение следов производства и брака говорит о местном производстве. Формы сосудов разнообразны: кувшинчики, бокалы, вазы и пр. Многочисленны стеклянные бусы, вставки в перстни и др.

Видное место среди других ремесел занимала в поселениях Кыргызстана обработка камня. Изделия каменных дел мастеров часто были настоящими образцами искусства. Известны каменная скульптура, архитектурные детали. На городище близ г. Таласа найдена колонна из цельного камня высотой 4,3 м. Ее сложный профиль, орнаментальное украшение требовали высокого умения в художественной обработке камня. О большом мастерстве каменотесов свидетельствуют части каменной скульптуры и архитектурных деталей, служивших, вероятно, для украшения внутренних частей культовых сооружений. Местные ремесленники изготовляли каменные сосуды (котлы и жаровни), мельничные жернова, каменные прессы. Материалом служил преимущественно песчаник.

По многим видам ремесла оседлого населения почти не имеется сведений в письменных источниках. Недостаточны и материалы археологических раскопок, чтобы более или менее полно охарактеризовать изделия и орудия труда ремесленников. Так, об обработке дерева можно судить по целым образцам изделий (соха) и остаткам строительных деталей (базы колонн, обугленные балки перекрытий) и по плотничьим и столярным инструментам (долота, стамески, струги, топоры). О распространении прядения и ткачества свидетельствуют частые находки пряслиц, а также остатков тканей. Очень мало мы знаем пока об обработке кожи и изделиях из кости.

Как видим, ремесленное производство в течение VI–XII вв. в Кыргызстане достигло высокой степени технического развития. Это, безусловно, предполагает глубокую профессиональную дифференциацию ремесленников. Об этом красноречиво говорит возникшая по вполне понятным в таких условиях причинам традиция клеймить свою продукцию специальным клеймом.

История ремесленных организаций в Средней Азии в средневековье изучена пока слабо из-за бедности сведений письменных источников. Поэтому клейма гончаров на керамических изделиях средневековых поселений Кыргызстана пока еще не могут быть причислены ни к отметкам отдельных мастеров, ни к цеховым знакам.

Домостроительство. Наиболее ранними жилыми сооружениями поры феодализма, изученными полностью, являются укрепленные усадьбы с жилой постройкой замкового типа, имевшей два, а возможно, и три этажа. Две такие постройки в усадьбах раскопаны на Краснореченском городище. Нижний этаж их представлял собой систему из 6–8 узких длинных комнат размерами от 15 до 26 м^2. Стены были мощные, до 2 м толщиной, глинобитные, надрезанные под блоки, из сырцового кирпича больших размеров или сложенные вперемежку из того и другого. Помещения были перекрыты сводами, возведенными из сырцового кирпича. Нижние этажи освещались через специальные люки в сводах или с помощью светильников. В некоторых замковых постройках нижние этажи не имели наружных выходов. Вход был по пандусу или перекидному мостику на второй этаж, а оттуда в комнаты нижнего этажа. К замку примыкал обширный двор, обнесенный глинобитной стеной. Иногда в одном из углов двора было семейное зороастрийское кладбище. Жилые постройки рядовых горожан начального этапа феодальной поры пока еще не известны.

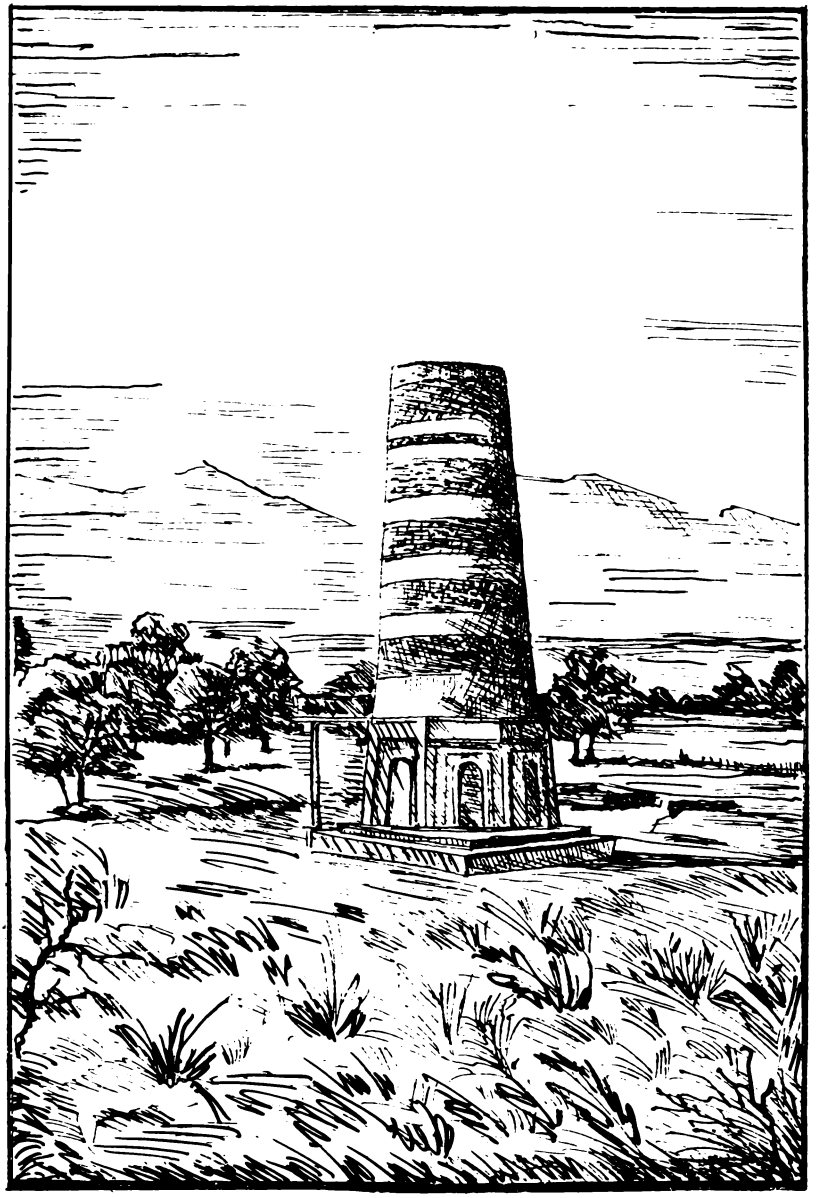
Строительство в эпоху развитого средневековья изучено лучше. Дом ремесленника X–XII вв. вскрыт также на Краснореченском городище. Здесь жилая постройка находилась внутри прямоугольного двора размером 15x17 м, ограниченного дувалом. Двор делился внутренней сырцовой стеной на две части: восточную, где располагались хозяйственные сооружения, и западную – с жилой постройкой. Жилой комплекс состоял из шести комнат. Толщина стен всех комнат 25 см, сложены они из сырцового кирпича размером 40x20x10 см. Три комнаты были жилыми. Они небольших размеров – от 4,5 до 8,5 м^2. В одной была печь обычного среднеазиатского типа (тандыр). Винодельческая мастерская занимала осталь-

ные три комнаты: в двух размещались производственные приспособления, третья являлась кладовой.

В X–XII вв. городская знать иногда возводила свои дома по старой архитектурной традиции в виде замков. Один из домов такого типа раскопан на городище Ак-Дёбё в Таласской долине. Расположенный в прямоугольной усадьбе размерами 40x60 м, он состоял из 6 узких длинных комнат размерами до 2,4x10 м, ориентированных в разных направлениях. Стены сложены из сырцового кирпича и пахсы. Дверные проемы арочные, выложены из сырца. Выход из помещений был только во двор усадьбы. Перекрытия были сводчатыми, из сырцового кирпича. Судя по мощности строительных завалов, постройка была одноэтажной. Здание имело богатое декоративное убранство. Со стороны двора по верху наружной стены сохранился фриз, выполненный гравировкой по сырой штукатурке. Мотив орнамента – сочетание узких полос стилизованных побегов и прямоугольников, заполненных геометрическим орнаментом типа плетенки. На внутренних стенах, вероятно, были росписи по штукатурке, фрагменты которых найдены в завалах.

Но в X–XII вв. на смену замковым постройкам приходят комфортабельные городские дома. Они имеют обширный центральный зал, вокруг которого расположено до 8-9 комнат разной величины. Общая площадь такого дома достигала около 200 $м^2$. Внутри помещения украшались резьбой по ганчу (гипсовой штукатурке), выполненной с большим мастерством. Ее содержанием являются и растительные побеги, и геометрическое переплетение, и изображения животных. Стены украшали резьбой по сырой глиняной штукатурке. Манера исполнения ее очень напоминает резную терракоту архитектурных сооружений того времени. Мотивы разнообразны: ряды треугольников, окружности, ромбы, волютообразные завитки, меандровое плетение, четырехлепестковые розетки с четырьмя лучами между лепестками, сетка из прямых, а чаще дугообразных линий, в местах сопряжений которых двулистники. Возможно, был и эпиграфический орнамент.

Минареты и мавзолеи. Расцвет архитектуры караханидского периода особенно наглядно иллюстрируется сохранившими-

Башня Бурана. X–XI вв.

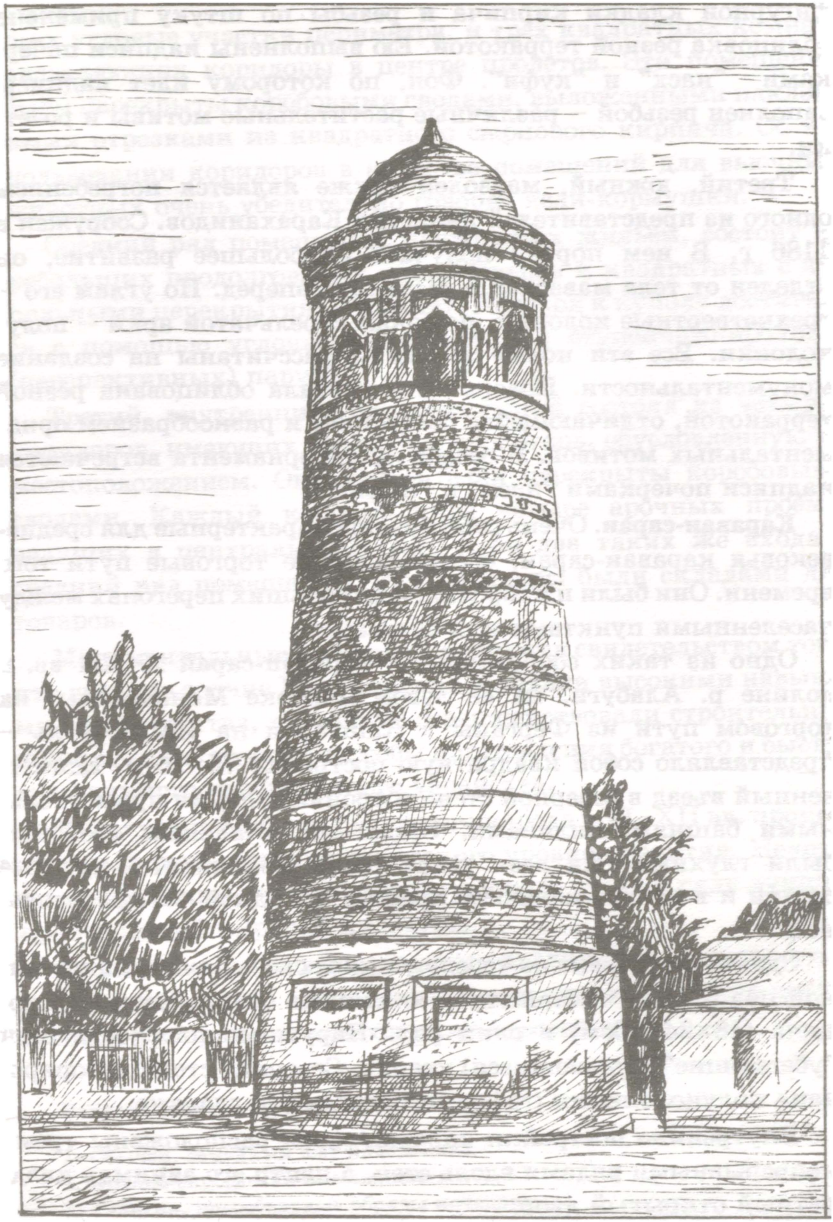
ся до наших дней мусульманскими культовыми сооружениями: минаретами и мавзолеями. Этот тип архитектурных сооружений характеризуется пышным величием, которое должно было иметь идеологическое воздействие на людей. К строительству привлекали самых талантливых зодчих, мастеров по декоративной резьбе, художников.

Один из минаретов, носящий ныне название "Башня Бурана", стоит в Чуйской долине близ г. Токмака, на территории большого городища. Это круглая в плане башня, стоящая на восьмигранном основании. Ее высота более 21 м, диаметр внизу около 9 м, вверху – 6 м. Внутри монолитной кладки из обожженного кирпича проходит узкая винтовая лестница. В минарете очень характерна декорация наружной поверхности. Отдельными кирпичами, выдвигавшимися в известной последовательности над общей поверхностью кладки, исполнялся своеобразный нарядный узор, составлявший несколько горизонтальных поясов.

Другой минарет находится на территории древнего Узгена. По конструкции он аналогичен Буране: круглый ствол на восьмигранном основании. Размеры приблизительно такие же. У обоих минаретов верхняя часть не сохранилась. Кирпичная декорация узгенского минарета еще более богата. Она состоит из одиннадцати поясов различной ширины. Мотив орнамента: сложная плетенка, меандр, розетки, ромбы с крестиками.

Из трех узгенских мавзолеев наиболее древним является средний, его сооружение относится к XI в. Квадратный в плане, со сторонами 8,5 м внутри, он был перекрыт куполом. Наружные плоскости стен были декорированы фигурной выкладкой кирпича. Кроме того, наружная и внутренняя плоскости стен украшались резьбой по штуку (алебастровая штукатурка) растительно-линейным орнаментом и куфическими надписями.

Северный мавзолей, построенный в 1152 г., является погребением одного из представителей династии Караханидов. Он также квадратный в плане, со сторонами внутри по 7,5 м, перекрыт куполом. Но в нем появляется новая архитектурная деталь – портал. Новое отмечается и в декоре, где кроме

Узгенский минарет XI в.

фигурной кладки кирпича и резьбы по штуку применена облицовка резной терракотой. Ею выполнены надписи почерками "насх" и "куфи". Фон, по которому идет надпись, заполнен резьбой – различные растительные мотивы и розетки.

Третий, южный, мавзолей также является погребением одного из представителей династии Караханидов. Сооружен в 1186 г. В нем портал получает наибольшее развитие, он отделен от тела мавзолея и выдвинут вперед. По углам его – трехчетвертные колонки, по бокам стрельчатой арки – полуколонки. Все эти новые элементы рассчитаны на создание монументальности. Поверхность портала облицована резной терракотой, отличающейся богатством и разнообразием орнаментальных мотивов. В резьбе кроме орнамента встречаются надписи почерками "насх" и "куфи".

Караван-сараи. Очень своеобразны характерные для средневековья караван-сараи, обслуживавшие торговые пути того времени. Они были и в городах, и на больших перегонах между населенными пунктами или оазисами.

Одно из таких сооружений – караван-сарай X–XII вв. в долине р. Алабуги, на ее левом притоке Манакельды, на торговом пути из Ферганы в Кашгар и на Иссык-Куль – представляло собой квадратную постройку 75×75 м. Единственный въезд в северной стене оборонялся двумя прямоугольными башнями-пилонами. Стены по остальным сторонам были глухими. На всех углах были монолитные круглые башни и в центре каждого пролета по одной четырехугольной.

Здание сооружено из чередующихся слоев пахсы, надрезанной под блоки, и кирпичной кладки из большемерного кирпича (48×24×10см) в один ряд. Наружные плоскости стен "убегающие" (сужающиеся) кверху. Северная стена декорирована полуколоннами (гофрами), остальные гладкие.

Внутренние постройки караван-сарая расположены тремя непрерывными рядами вдоль стен, а центр его занимал квадратный открытый двор.

Первый ряд помещений, идущих вдоль наружной стены, состоял из восьми коридорообразных помещений, занимаю-

щих угловые участки периметра, и трех квадратных комнат, разделяющих коридоры в центре пролетов. Эти помещения были перекрыты коробовыми сводами, выложенными наклонными отрезками из квадратного сырцового кирпича. Об использовании коридоров в качестве помещений для вьючных животных очень убедительно говорят ясли-кормушки.

Средний ряд помещений, служивших жильем, состоит из небольших продолговатых с коробовыми и квадратных с купольными перекрытиями комнат. Переход к куполу достигался с помощью угловых консольных и ступенчато-арочных (перспективных) парусов.

Третий, внутренний, ряд помещений состоял из четырех коридоров, имеющих форму прямых углов, обусловленную их местоположением. Они также были перекрыты коробовыми сводами. Каждый коридор имел четыре арочных проема, ведущих в центральный двор, и по два таких же входа в средний ряд помещений. Эти коридоры были складами для товаров.

Монументальные постройки являются свидетельством того, что древние зодчие Кыргызстана обладали высокими навыками строительства, постоянно совершенствовали строительные конструкции, а также способы изготовления богатого и быстро выполнимого декоративного убранства.

Культура предков кыргызского народа в VI–XII вв. прошла сложный путь, достигнув высокого уровня развития. Некоторые памятники искусства этого периода стоят в ряду лучших произведений мировой культуры.

Дальнейшему поступательному развитию культуры народов Средней Азии, в том числе Кыргызстана, нанесло жестокий удар вторжение монгольских завоевателей.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Обычаи, семейный быт кочевников.
2. Орхоно-енисейская письменность.
3. Религия, погребальные обряды кочевников.
4. Земледелие, поселение.
5. Ремесло, строительство.
6. Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари и их труды.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон С.М. Очерки культуры киргизского народа. – Фрунзе, 1945.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Собр. соч. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941.

Бернштам А.Н. Культура древнего Киргизстана. – Фрунзе, 1942.

Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М.; Л., 1950.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1-3. – Фрунзе, 1963-1987.

История Киргизской ССР. Т. 2. – Фрунзе, 1962.

Караев О.К. Народы Центральной Азии и государство Караханидов//Историко-культурные связи народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1983.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л., 1950.

ГЛАВА 5

КЫРГЫЗСТАН В XIII–XV вв.

§ 1. Чагатайский улус

Чингисхан весной 1226 г. разделил завоеванные им страны между сыновьями. Старший из них – Джучи – получил земли от Каялыга (город в долине р. Или) и Хорезма до тех мест, куда "достигали копыта татарских коней", Чагатай – от земли страны уйгуров до Самарканда и Бухары, Угэдэй – долины рек Эмиль и Кунак (Кобук), а Тулую достался коренной отцовский юрт. Между ними были разделены и монгольские войска: первому – 9, второму – 8, третьему и четвертому – по 5 тысяч всадников, которые и составили основной костяк их военной мощи.

В 1241 г. умер Угэдэй, а через некоторое время скончался и Чагатай. Согласно завещанию, престол Чагатайского улуса занял Хара-Хулагу – сын Мутугена, внук Чагатая. Но преемник и сын Угэдэя Гуюк (1246–1248) низложил Хара-Хулагу, объявив, что при жизни сына внуку нельзя наследовать трон. Он назначил главой Чагатайского улуса Есу-Мунке, старшего из оставшихся в живых сыновей Чагатая. После смерти Гуюка разгорелась борьба среди Чингисидов за всемонгольский трон. При помощи Батыя, сына Джучи, каганом стал сын Тулуя Мунке (1251–1259). Хара-Хулагу, находившийся в то время в Каракоруме, поддержал его, а Есу-Мунке оказался в числе противников нового хана. В связи с этим Мунке восстановил власть Хара-Хулагу в Чагатайском улусе и дал ему ярлык, в соответствии с которым тот должен был убить Есу-Мунке. Но Хара-Хулагу умер в пути где-то на Алтае.

Жена Хара-Хулагу Эргене-хатун сделала то, что не успел ее муж, – убила Есу-Мунке и стала править Чага-

тайским улусом от имени своего малолетнего сына Мубарек-шаха.

После смерти Мунке в 1259 г. одновременно два его брата были провозглашены всемонгольскими ханами: Хубилай – в Китае, а Арик-Бука – в Монголии. Арик-Бука назначил главой Чагатайского улуса Алгуя, внука Чагатая.

Ему было поручено обеспечить войска Арик-Буки оружием, провиантом и охранять западные границы от нападения Хулагу – монгольского хана в Иране. Алгуй с радостью отправился из Каракорума в Семиречье, где стал полновластным правителем Чагатайского улуса. Но он не прислал Арик-Буке того, что обещал, и открыто перешел на сторону Хубилая. К этому времени войска Хубилая вытеснили Арик-Буку из Монголии, который решил выступить против Алгуя и направился в Семиречье. В битве Алгуй потерпел поражение и бежал в Восточный Туркестан. Войска Арик-Буки захватили в Семиречье столько пшеницы, что всю зиму могли кормить ею своих коней. (Но это позже обернулось бедой: когда наступила весна и лошади были переведены на подножный корм, привыкшие к пшенице животные стали погибать). Кроме того, в Илийской долине наступили холода. Все это ухудшило положение Арик-Буки. Он, узнав о выступлении против него Алгуя, отослал к нему Эргене-хатун, а сам отправился с повинной к Хубилаю. Алгуй вновь стал главой Чагатайского улуса и женился на Эргене-хатун.

§ 2. Государство Хайду

Хайду, сын Хаши, внук Угэдэя, был воспитан при дворе великого хана. За участие в заговоре против хана Мунке был сослан на поселение на Тарбагатай. Во время борьбы Хубилая и Арик-Буки Хайду активно поддерживал последнего. Когда Арик-Бука помирился с братом, Хайду возглавил кампанию против Хубилая, ссылаясь на предание монголов, будто Чингисхан завещал своим потомкам не отдавать престола никому другому, пока останется в живых хотя бы один потомок Угэдэя. Во время изгнания в Тарбагатайские горы у Хайду "не

было ни одного отряда из наследия его деда". Благодаря своим способностям и при помощи Берке, брата Батыя, он сумел создать себе небольшое владение в долинах рек Эмиль, Тарбагатай и Черный Иртыш. В самом начале политической карьеры Хайду имел отряд из двух-трех тысяч человек.

Хубилай пытался пригласить Хайду к себе на курултай. Он понимал, что этот внук Угэдэя — самый сильный претендент на его престол. Хайду, предчувствуя опасность, под различными предлогами в течение трех лет после приглашения не ехал в Китай. В это время он готовился к войне с Хубилаем. Ему пришлось укрепить тылы и расширить свое владение. С этой целью Хайду начал борьбу с Алгуем, который в то время был занят войной с Беркаем. Хайду вместе с другими Джучидами сначала разбил отряд Алгуя, но во втором сражении потерпел поражение. Следующее их столкновение не состоялось, так как в конце 1265 г. или начале 1266 г. Алгуй умер.

По совету эмиров Эргене-хатун — вдова Алгуя — возвела на престол Мубарек-шаха — своего сына от Хара-Хулагу. Хубилай не мог смириться с этим, так как прежде претендент на Чагатайский улус назначался им. Он выдал ярлык на право владения улусом потомку Чагатая Бараку (Борак) — сыну Есун-Тувы: "Ведать Бараку улусом, пока не вырастет Мубарек-шах". Приехав к Мубарек-шаху, Барак скрыл ярлык Хубилая и просил у него разрешения собрать своих людей, что ему и было разрешено. Сам же Мубарек-шах с братьями направился в долину Сурхан-дарьи, в свой родовой юрт. Здесь он привлек на свою сторону монгольскую знать и начал совершать набеги на местных жителей.

Весной 1269 г. монгольские царевичи собрались на свой первый курултай в Средней Азии на луговьях Таласа и Кенджека. Участники курултая заключили между собой договор, "что впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять райатам (крестьянам. — *О.К.*) несправедливые требования". Однако взятые обязательства выполнялись царевичами недолго. Например, Барак некоторое время соблюдал их и даже содействовал наведению порядка и восстановле-

нию земледельческой культуры, но в скором времени снова стал грабить и чинить насилия над оседлым населением.

В письменных источниках отсутствуют какие-либо сведения о провозглашении Хайду ханом на курултае в 1269 г. Тем не менее, судя по некоторым историческим фактам, он считался главой Чингисидов — владетелей улусов Угэдэя и Чагатая. Благодаря своему организаторскому и полководческому таланту он сумел создать обученное войско. Направляя послов к другим Чингисидам, Хайду разъяснял им свои права как наследника Угэдэя, первого преемника Чингисхана.

В это время Хубилай подготовил свою армию для выступления против претендента. В целом войска Хубилая на Саяно-Алтае действовали более удачно, чем войска Хайду. Но зато военный успех сопутствовал Хайду и чагатайцу Дуве в Джунгарии и Восточном Туркестане. Они сорок один раз успешно сражались с Хубилаем, а на сорок втором потерпели поражение. В последнем походе (в 1301—1302 гг.) Хайду заболел и по пути домой умер. Центральной частью владений Хайду была территория в междуречье Чу и Таласа. Похоронен Хайду в долине р. Талас.

В XIII в. монгольские ханы и царевичи не имели цели взять в свои руки управление культурными областями улусов, ограничиваясь получением податей от их населения. Так, Угэдэй управление Мавераннахром поручил богатому купцу и откупщику Махмуду Ялавачу. Он жил в г. Ходженте и при помощи расквартированных в Мавераннахре монгольских отрядов собирал подати с населения этого края, причем гораздо больше, чем было положено.

Преемник Угэдэя — его сын Масуд-бек — провел денежную реформу. Все монетные дворы Чагатайского улуса выпускали серебряные дирхемы одинакового веса и пробы. После Масуд-бека оседлыми областями и городами Чагатайского улуса и государством Хайду правили его сыновья Абу-Бекр, Сатылмыш-бек и Суюнуч.

Преемник Хайду — его сын Чапар — не владел отмеченными качествами отца и оказался под влиянием Дувы, превратившегося теперь из вассала в опору государства Хайду. Чапар

воевал с войсками каана в районе Иртыша и Алтая. Среди его воинов и царевичей возникло недовольство. В результате измены царевичей и бегства воинов у Чапара осталось всего 300 всадников. В сопровождении их он отправился к Дуве, который ласково принял его и отвел ему особую юрту. Все братья Чапара также выразили покорность Дуве.

Возрождение Чагатайского улуса. Как видим, без кровопролитий главенство в Средней Азии и во владении Хайду перешло в руки Дувы – потомка Чагатая. Но правил он недолго – в 1307 г. умер от паралича. В местности Себкун-Кала, около г. Алмалыка, на престол Чагатайского улуса был возведен сын Дувы Куньджек. При нем шла острая борьба за власть. Правление Куньджека длилось всего год, он умер в Юлдузе в 1308 г. Трон захватил один из потомков Угэдэя (по Рашид-ад-Дину – сын Чагатая) престарелый Талика. Он был привержен исламу, носил мусульманское имя Хизр. Талика преследовал сыновей Дувы и их сторонников. Его отряды успешно действовали против царевичей, но их поддерживали сыновья Чапара. В 708/1308–09 (или следующем) году Талика созвал курултай. На него прибыла и часть мятежных царевичей, и один из них – Кебек, сын Дувы, ночью с отрядом в 300 всадников напал на шатер узурпатора и убил его. В 1309 г. по предложению Кебека был вновь созван курултай, на котором был возведен на престол его старший брат Эсен-Бука. При нем началось нашествие войск великого каана в долину Таласа. В войне с кааном Эсен-Бука потерпел поражение. Он потерял ряд пограничных районов Турфанского оазиса и юго-западных территорий Монгольского Алтая. На западе Эсен-Бука и Хулагуиды обменялись грабительскими походами. Эсен-Бука умер около 1318 г. Его трон занял Кебек. Новый хан был ярким выразителем устремлений Чагатайского дома и монгольской знати, поддерживавших процесс перехода к оседлости и городской жизни. Он и его сторонники пытались взять в свои руки власть над культурными областями Мавераннахра. Другая группа чагатайских царевичей и монгольская военная аристократия, отрицательно относившиеся к исламу, старались сохранить кочевые традиции и прежнюю откупную систему по взиманию налогов и податей.

С именем Кебека связана административная и денежная реформы в Чагатайском улусе. До него все монгольские ханы улуса были государями кочевых масс, они не вмешивались непосредственно в управление городами и культурными областями, а ограничивались сбором в них воинов на случай войны, а также налогов и податей. Во главе культурных областей и городов стояли местные правители из тюркских династий домонгольского происхождения. Кебек поделил свой улус на военно-административные округа (в областях Самарканда и Бухары они назывались тюменами, а в Кашгаре – орчин), возглавляли их предводители из тюрко-монгольской кочевой знати. Тем самым были ликвидированы автономные права местных меликов и садров. Теперь правители культурных областей и городов подчинялись Кебеку. Его административная реформа являлась выражением тенденций централизации. С этой же целью и для более интенсивного развития торговли Кебек провел денежную реформу: вместо выпускаемой ранее серебряной монеты теперь чеканились большие динары того же достоинства и малые дирхемы. Эти общегосударственные монеты (называвшиеся по имени хана "кебеки") выпускались в крупных городах Средней Азии. Они создали более благоприятные условия для внутренней и внешней торговли. Умер Кебек в 1326 г.

После него на троне Чагатайского улуса поочередно сидели его братья – Ильчигидай и Дурра-Тимур (Дува-Тимур). Но они правили страной менее года. Преемник Дурра-Тимура Тармаширин (1326–1334) продолжал политику Кебека по централизации власти. Он перенес столицу улуса в Бухару. Тармаширин стал пренебрегать кочевыми традициями, ни разу не ездил в г. Алмалык, не пригласил царевичей на курултай. Все это вызывало недовольство у военно-кочевой знати, раскол среди монгольских родов против Тармаширина как нарушителя "Ясы" Чингисхана. В 1334 г. вспыхнуло восстание, которое возглавил Бузан – сын Дурра-Тимура. Тармаширин бежал в Газну, но в пути его схватил правитель Балха Янги, сын Кебека, и выдал Бузану. После Тармаширина правили Бузан, Женкши – сын Дувы, его брат Есун-Тимур и др. Последним самостоятельным ханом Чага-

тайского улуса был Казан, убитый эмиром Казаганом в 1346 г.

§ 3. Государство Моголистан

Со времени образования империи Чингисхана его потомки, монгольская феодальная и военная знать представляли собой как бы группы. Первые (например, Чагатай, Гуюк, Барак) защищали кочевой образ жизни, монгольский быт и обычаи. Их политикой были грабежи и насилие над оседлым населением, горожанами, превращение культурных областей в пастбища. Другие (Мунке, Масуд-бек, Кебек) считали, что грабительские действия не принесут ожидаемых доходов, и стояли за создание централизованной ханской власти, содействие развитию сельского хозяйства, ремесла, торговли и городов, выступали против грабежа культурных областей и произвольных поборов с населения. Сторонники первой тенденции сосредоточились в северо-восточных областях Чагатайского улуса, главным образом в Семиречье, а второй — в Мавераннахре. В результате развития столь противоположных тенденций в течение первой половины XIV в. создавалась почва для разделения улуса на два самостоятельных государства. Поводом для этого было убийство эмиром Казаганом в 1346 г. последнего хана Чагатайского улуса Казана. После этого в Мавераннахре сначала существовало несколько мелких владений тюркских эмиров, затем образовалось государство Тимура. В восточной части Чагатайского улуса сложилось государственное объединение Моголистан. Начало его существования ведет отсчет с возведения на трон в 1348 г. в Аксу дуглатским эмиром Пуладчи Чагатаида Туглук-Тимура (Тоглук-Тимура).

На территории Чагатайского улуса обитали в основном тюркские и отюреченные монгольские племена и роды. Название "чагатай" сохранило за собой население Мавераннахра, а кочевники Моголистана называли себя монголами, или "посреднеазиатски" — моголами (могулами). В XVI в. этноним

"могол" стал собирательным наименованием всего населения государства Моголистан.

Первые ханы Моголистана. После убийства хана Казана в восточной части Чагатайского улуса усилились центробежные силы. В такой ситуации один из дуглатских эмиров – Пуладчи – решил найти потомка Чагатая и под его именем создать новое независимое государство. В 1348 г. он привез из долины р. Или – Аксу царевича Туглук-Тимура и посадил его на престол, объявив внуком чагатайского хана Дувы.

В управлении Моголистаном главенствующую роль играли братья эмира Пуладчи. Один за другим они стали улус-беками (первыми эмирами, визирями, министрами) страны. Столицей государства Моголистан являлся г. Алмалык (развалины на берегу р. Кегень, приток р. Или) – бывшая ставка многих чагатайских ханов.

Власть Туглук-Тимура фактически или номинально распространялась на все тюрко-монгольские племена восточной части улуса. Мухаммед Хайдар писал, что Моголистаном называют территорию "как в длину, так и в ширину на семь восемь месяцев пути: на востоке она граничит со стороной калмаков – это Барскуль, Эмиль и Иртыш; на севере она ограничена Кукче-Тенгизом (т.е. Балхашом. – *О.К.*), Бум-Лишеш и Караталом; на западе ее находится Туркестан и Ташкент; а на юге – область Ферганы, Кашгар, Чалыш и Турфан". При Туглук-Тимуре эта территория представляла собой северную половину государства Моголистан, а в XVI в. (т.е. при жизни Мухаммед Хайдара) являлась самостоятельным владением кыргызов и казахов под тем же наименованием.

Туглук-Тимур решил расширить и укрепить свою власть. В 24-летнем возрасте он принял ислам и вскоре объявил его государственной религией, причем насаждал ислам среди подданных насильственным путем. Мухаммед Хайдар и Абу-л-Гази сообщают, например, о факте принятия новой религии в один день 160 тысячами человек. И тем не менее ислам не имел здесь такого успеха, как в Караханидском каганате. Хотя население Моголистана было знакомо с исламом с X в., большая часть его оставались язычниками. В XV в. среди

жителей Турфанского оазиса были и последователи буддизма и ислама.

В 50-х годах XIV в. в Мавераннахре существовало несколько владений, во главе которых стояли враждующие между собой эмиры, предводители тюркских и отюреченных монгольских племен. Туглук-Тимур, укрепив свою власть в стране, в 1360 г. отправился с войском для завоевания Мавераннахра. Не доходя до Ташкента, он выслал отряд, который возглавили Улуг-Тиктимур, Хаджибек и Бекчик, к городу Шахрисябзу, владетель которого Хаджибек, а также эмир Баязет, владетель племени джалаир, бежали за Амударью. Остальные владетели, в том числе эмир Тимур, изъявили покорность, за что последний получил удел в г. Кеш. Но военачальники Туглук-Тимура стали грабить оседлое население и из-за дележа добычи между ними возникли раздоры. Узнав об этом, хан отстранил их от командования войсками. В ответ на это военачальники подняли мятеж и направились в Моголистан. Хан также вернулся в Моголистан и подавил этот мятеж. Так безрезультатно закончился первый поход Туглук-Тимура в Мавераннахр.

В 1361 г. Туглук-Тимур снова направился с войском на запад. На этот раз он подчинил себе всю территорию бывшего Чагатайского улуса до Амударьи. Оставив своего сына Ильяс-Ходжу в Самарканде, хан вернулся к себе. Правление Ильяса-Ходжи в Мавераннахре длилось недолго. Его военачальники также стали на путь грабежа и насилия над местным населением, а затем выступили против Ильяс-Ходжи и его соправителя эмира Тимура. Воспользовавшись ситуацией, Тимур покинул Самарканд и при поддержке недовольных могулами народных масс и местной феодальной верхушки начал борьбу за власть в Мавераннахре.

В 764/1362–63 г. Туглук-Тимур умер. Ильяс-Ходжа возвратился из Самарканда и занял трон отца. В следующем году с многочисленным войском он направился в Мавераннахр. В местности Лай, что между Ахангераном и Чирчиком, его встретили эмиры Хусейн и Тимур со своими войсками, но потерпели поражение. После этой победы Ильяс-Ходжа предпринял поход на Самарканд. Хусейн и Тимур, бросив город на

произвол судьбы, бежали за Амударью. Но горожане во главе с сербедарами ("висельниками") оказали упорное сопротивление. В конце концов Ильяс-Ходжа вынужден был снять осаду Самарканда и уйти, ограничившись разграблением окрестностей города. Неудача еще больше усилила недовольство ханом среди эмиров, кочевой феодальной знати Моголистана, которые стремились быть самостоятельными владетелями. Воспользовавшись политической дезорганизацией в стране, дуглатский эмир Камар ад-Дин в 765/1363–64 г. внезапно напал на ставку Ильяс-Ходжи и убил его во время послеполуденного сна. Им были убиты 18 членов семьи хана и он преследовал его сторонников. Правителем Моголистана Камар ад-Дин назначил своего старшего брата Шамс ад-Дина. Но многие эмиры, кочевая феодальная знать не хотели подчиниться карачу ("человеку из черни", т.е. не ханского происхождения) Камар ад-Дину и были против возвышения его рода дуглатов. Например, против Камар ад-Дина и его сторонников выступал Хаджибек-аркенут. Таково было положение в Моголистане перед походами Тимура.

В 1360–1370 гг. на политической арене Мавераннахра большую роль играли внук Казагана эмир Хусейн и эмир Тимур. Последний то воевал с первым, то мирился с ним, сражаясь с его противниками. В 1370 г. Тимур поднял восстание против Хусейна и казнил его в Балхе. Но всю свою жизнь Тимур не смел объявить себя ханом. Он правил завоеванными им народами от имени подставных лиц из потомков Чингисхана. Так, в 1370 г. Тимур объявил ханом Мавераннахра царевича Суюргатмыша.

Походы Тимура на Моголистан. Он многократно совершал грабительские походы (с 1370 г.) на Моголистан, ханы которого каждый раз после поражения (или при приближении врага) уходили в глубь степей Джунгарии. Расскажем только о двух походах Тимура.

В 791/1388–89 г. Тимур решил выступить против Токтомыша, но эмиры и военачальники советовали ему: "Правильнее [было бы], если бы мы сначала пошли на Инга-тюрю и устранили бы его зло, а затем направились бы в сторону узбеков". Тимур согласился с ними и, разделив свое войско на

30 отрядов, направился на восток. Этот поход Тимура был самым разрушительным, его воины, преследуя бежавших кочевников, проникли в глубь Моголистана, вплоть до Черного Иртыша. Тимуридские историографы (Шами, Йезди, Самарканди) подробно описали пути следования завоевателей, приведя большое количество географических названий, местоположение многих из которых сейчас трудно установить.

Войска Тимура на пути в Дешт-и Кипчак повернули в местность Ал-Кошун и на северо-восток. Они прошли через перевалы, местности и степи Бури-Баши, Тубалик-Курук (Тупалык-Курук), Ур-Так, Узнак, Аткан-Сури, Тограуут (Тугра-Отлыг), Улаг-Чарлык и Айгыр-Йалы (Чапар-Айгыр). В последнем сторожевые отряды Тимура встретили тысячи всадников Енгетора.В этой битве могулы потерпели поражение, а пленные при допросе сообщили: "Инга-тюра не ведал о вас, расположился в степи Урунг-Йар". Тимур тотчас послал отряд, чтобы застать противника врасплох, а сам с остальными силами двинулся вслед. Но его проводник сбился с пути, они прошли через Сан-Салыг, Кийан-Кази, Кок-Сали (Куль-Сали) и на четвертый день достигли местности Ай-Акуз (Пай-Акуз). Здесь Тимур послал отряды во главе с Омар-шейхом налегке (без обоза) на поиски врага, а сам двинулся на Кара-Гучур, прошел местности Кара-Тау, Шира, Шипар-Тау, Кой-Мурач, Кураган и Йарлагу (Буурлагу). В конце похода Тимур в Улуг-Юлдузе устроил большой пир, а затем (9 августа 1389 г.) возвратился в Самарканд.

В 1390 г. Тимур направил двадцатитысячное войско, возглавляемое несколькими эмирами, для опустошения Моголистана и преследования Камар ад-Дина. Они проследовали через Ташкент, долины рек Таласа и Чу, к Иссык-Кулю. Здесь к ним присоединился пятитысячный андижанский отряд, высланный Омар-шейхом. Далее они направились к Кок-Тобе, прошли Алмалык, переправились через реку Или и пришли в юрт Енге-Торе в долине Каратала, где до этого произошла битва между отрядами Камар ад-Дина и Улджа-Буга-мучалкачи из племени каучинов. На поле битвы был обнаружен раненый воин из племени минлагу (миналагу), который сооб-

щил, что Камар ад-Дин ушел в направлении степи Ични-Бучни (Ачунай-Бичунай). Войско Тимура отправилось по его следам, прошло Ични-Бучни, Укар-Китачи (Акур-Кайтаджи) и достигло берегов Иртыша. Но Камар ад-Дин до этого переправился через Иртыш и ушел в горы Тюлес (Монгольский Алтай). В письменных источниках нет данных о возвращении его в Моголистан. Как пишет Мухаммед Хайдар, Камар ад-Дин в конце своей жизни заболел водянкой и пропал без вести в лесах, а Муин ад-Дин Натанзи (XV в.) писал, что его разбил паралич и он скончался от этого. Воины Тимура переправились через Иртыш, несколько дней пробыли в лесах (здесь они оставили свои клейма и тамги). Когда кончились припасы, они отправились в обратный путь через Алтун-Курка, мимо озера Атрак-Куль (Балхаш) и возвратились в Самарканд. Этот поход Тимура на Моголистан длился более шести месяцев.

Походы Тимура на Моголистан принесли его населению бедствия, еще больше ослабла государственная власть, усилилась междоусобица, затормозился процесс этнического сплочения тюркских племен. Тимур нанес огромный ущерб хозяйству, сократилась численность населения, усилилась феодальная раздробленность. Но в целом и население, и его государственная организация сохранились.

В письменных источниках нет данных, когда ханом Моголистана стал Хызр-Ходжа, сын Ильяс-Ходжи. Он упоминается в 1377 и 1389 гг. во время похода Тимура. О правлении его также нет сведений. Известно, что Хызр-Ходжа умер в 1399 г. После него Моголистаном правили один за другим его потомки Шам-и Джахан, Мухаммед-хан, Нахш Джахан, Вейс-хан, Шер-Мухаммед и вновь Вейс-хан.

В 1425 г. поход против Моголистана совершил Улугбек под предлогом, что Шер-Мухаммед, укрепив свою власть, "водрузил знамя независимости". Поход Улугбека принес большие бедствия Моголистану, часть его населения, где проходило войско Тимурида, была истреблена, рассеяна или уведена в плен. Но он не мог сделать своим ставленником Шер-Мухаммеда или заменить его другим. Моголистан продолжал оставаться самостоятельным государством.

Ойроты (калмыки) начали вторгаться в восточные районы Моголистана в конце XIV в. По данным восточных авторов, Вейс-хан, внук Хызр-Хаджи, шестьдесят один раз сражался с ними и только один раз одержал победу. Он дважды попадал в плен к Эсен-Тайши, сыну и наследнику Тогона — правителя ойротов.

После смерти Вейс-хана борьбу за престол Моголистана вели два его сына. В результате одержали верх сторонники (в том числе новый улусбек страны Сейид Али) Эсен-Буки, совершеннолетнего сына Вейса. Группировка, поддержавшая его старшего брата — наследника Юнус-хана, решила просить помощи у Улугбека.

Эсен-Бука, его улусбек и двор стали преследовать сторонников Юнус-хана. В результате часть не ушедших в Самарканд вместе с Юнус-ханом племен баарын и чурас откочевала на восточные окраины Моголистана и признала власть ойротского предводителя Амасанджи-тайши, сына Эсен-тайши. Племена калучи и булгачи ушли в Центральный Казахстан — к Абу-л-Хайр-хану. В результате в стране наступили хаос и раздробленность. Могольские эмиры, вожди, беки родов и племен правили своими областями и улусами совершенно самостоятельно.

Ойротский предводитель Уз-Тимур-тайши в 1457 г. совершал набеги на присырдарьинскую область и города. Он прошел через Моголистан с многочисленным войском. Навстречу ойротам выступил из Сыгнака (город в среднем течении Сырдарьи) Абу-л-Хайр-хан, основатель государства кочевых узбек-казахов. Они встретились около Кок-Кашане (5—8 км к юго-востоку от Сыгнака), где в сражении Абу-л-Хайр-хан потерпел поражение и укрылся за стенами Сыгнака. По предложению Уз-Тимур-тайши был заключен унизительный для Абу-л-Хайра мир. Но до заключения мира ойроты основательно разграбили население Туркестана, Шахрухии и Ташкента. После этого "Уз-Тимур-тайши впереди войска через Сайрам направился к берегам реки Чу-буйи, где находились его дети и домочадцы, и оттуда со всем войском подался в сторону калмыков, к своей (главной) ставке". После этих событий потомки правителя Ак-Орды Урус-хана Джаныбек и Гирей с

частью населения Дашт-и Кипчака, зависимого от них, откочевали в Моголистан. Хан Эсен-Бука охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши — западную окраину Моголистана. По свидетельству Махмуда ибн Вали (XVII в.), Джаныбек и Гирей отказались признать власть Абу-л-Хайр-хана, мотивируя это тем, что являются законными наследниками трона в Ак-Орде.

В 866/1462–63 г. умер хан Эсен-Бука. Юнус-хан, сидевший в Жетикенте, с помощью Тимурида Абу-Саида занял северную часть Моголистана. Сын Эсен-Буки Дост Мухаммед стал владетелем восточной части страны со столицей Аксу. Дост Мухаммед умер в 873/1468–69 г. После этого Юнус-хан занял Аксу. Эмиры, оставшиеся преданными семье Дост Мухаммеда, увезли его сына Кебек Султана в Турфан, но в 1472 г. он умер. Это дало возможность Юнус-хану распространить свою власть на весь Моголистан. Однако в том же году ойроты вынудили его бежать на запад. Причины их вторжения в Моголистан Мухаммед Хайдар описывает так: "Сестра Эсен-Буки-хана, жена Эсен-тайши Махтум-ханум подвластных ей людей ... обратила в мусульманство, а двух своих сыновей назвала Ибрахимом и Ильясом. На этой религиозной почве между ними и их сводным братом Амасанджи-тайши возникли враждебные отношения. Последний, бежав от них с тремя сотнями тысяч человек, отправился в Моголистан". В долине р. Или произошло сражение. Поражение потерпел Юнус-хан. В этой битве многие могольские эмиры были убиты, тогда как другие попали в плен к калмыкам. Юнус-хан бежал к берегам Сыр-Дарьи, но после ухода ойротов вернулся в Моголистан. Он вел борьбу с Тимуридами за присырдарьинские города. По соглашению между ними Ташкент достался Юнус-хану. Умер Юнус-хан в 1487 г. и похоронен в Ташкенте.

На престол Юнус-хана вступил его сын Махмуд-хан. Еще во время борьбы Юнус-хана за присырдарьинские города на пути в Сайрам его эмиры и кочевая феодальная знать, не желавшие селиться в городах и земледельческих районах Ахмед-хана (старшего сына Юнус-хана), бежали вместе с ним в Моголистан. "Ему потребовалось около десяти лет, прежде

чем он смог должным образом править всеми теми могулами, которые оставались в Могулистане". Ахмед-хан уничтожил многих предводителей, эмиров племен, не признававших его власть и выступавших против него. Например, был такой случай. Однажды ночью вожди племен калучи напали на ставку Ахмед-хана, были убиты многие из его людей, даже сам хан ранен. Но сторонники хана оттеснили нападавших. После того как Ахмед оправился от ран, он преследовал тех вождей, расправлялся с ними как мог, а оставшиеся в живых вынуждены были бежать к калмыкам.

Как пишет Мухаммед Хайдар, Ахмед-хан дважды сражался с Эсеном-тайши и оба раза одержал победу. Хан совершал набеги на владение калмыков, в результате которых погибло множество людей. Поэтому калмыки называли его "Алачи-хан" (т.е."убивающий хан").

В 909/1503–04 г. Ахмед-хан умер. Как пишет Мухаммед Хайдар, между его сыновьями Мансур-ханом, Султан Саид-ханом и Халил-Султаном начались междоусобные столкновения. Мансур-хан, правивший восточной половиной Кашгарии, выступил против братьев Султана Саид-хана и Халил-Султана, которые были ханами кыргызов и остатков моголов в Семиречье. В битве, которая произошла в междуречье Чарына и Чилика, притоков р. Или, Мансур-хан победил братьев. Халил-Султан бежал в Фергану (где был убит андижанским хакимом), а Султан Саид-хан – в Кабул, к Бабуру, сыну Омор-шейха.

Мансур-хан насильно переселил всех кыргызов и другие племена и роды в Чалыш и Турфан. "Так как кыргызы стали зачинателями всех смут в Могулистане, он коварным образом перебил большую часть их. И только небольшое число их бежало в Могулистан". Совершал он набеги на владения калмыков.

Население. При нашествии Чингисхана в Среднюю Азию, во время существования Чагатайского улуса и государства Хайду из Центральной Азии и Южной Сибири в междуречье Иртыш – Или переселилось большое количество тюрко-монгольских племен и родов. Именно в этом регионе размещались ставки трех сыновей Чингисхана: Джучи, Чагатая и Угэдэя,

что способствовало увеличению числа кочевников на территории от Иртыша до Восточного Туркестана.

В письменных источниках почти нет данных по этнической истории Чагатайского улуса и государства Хайду. Но состав их населения существенно не изменился во времена Моголистана, о родоплеменной структуре которого имеются данные в трудах историографов Тимуридов, особенно местных историков Мухаммеда Хайдара и Шах-Махмуда Чураса.

Арканут (аркануд) — племя, жившее в Моголистане; по-видимому, тюркского происхождения. В источниках они названы в числе могольских племен.

Арлат (аралат, арулат) — одно из основных отюреченных монгольских племен Моголистана. В Средней Азии и Семиречье появились еще при жизни Чингисхана, который при распределении завоеванных им территорий между сыновьями отдал Чагатаю часть (четыре тысячи воинов коренных монгольских войск) из арлатов. Позднесредневековые авторы относят арлатов к могольским племенам.

Барлас (барулас) — отюреченное монгольское племя Моголистана. Также появились в Средней Азии и Семиречье в связи с выделением Чагатаю его отцом одной тысячи барласских воинов.

Баарын (баарин, байрин, бахрин, нарин) — отюреченное монгольское племя. Переселились в Чагатайский улус после раздела Чингисханом завоеванных им земель между сыновьями. Баарыны упоминаются в трудах восточных авторов. Их эмиры активно участвовали в политической жизни Моголистана.

Балук — происхождение племени трудно установить.

Балыкчи (баликчи) — судя по этнониму, тюркское племя.

Бекчик (бикчик) — тюркское племя.

Булгачи (булгачи-далкар, булгачи-вилкар, булгачи-салуджи) — отождествляются с монгольским племенем булгачин, обитавшим в местности Баргунджин-Токум, на востоке от енисейских кыргызов. Во второй половине XIV в. булгачи кочевали на территории где-то между реками Юлдуз и Эмиль. Их эмиры играли существенную роль в политиче-

ской жизни Моголистана. Остатки их в родоплеменной структуре кыргызов именуются булгачи-найман (на юге Кыргызстана).

Долон (долан) – тюркское племя. Впервые упоминается местонахождение их в районе Барчук. Сами они свое происхождение связывают с кыргызами.

Дуглат (дуклат, доглат) – крупное монголоязычное племя Моголистана. Переселились в Чагатайский улус в XIII в. Основная часть их обосновалась в Восточном Туркестане. Наряду с другими племенами кочевали также в Семиречье и в Тянь-Шане. Впоследствии вошли в состав кыргызского (дуулат) и особенно казахского (дулат) народа.

Духтуй (дохтуй) – впервые упоминается в составе войск Султан Саид-хана.

Итаржи (итарчи) – известны со времен Хызр-Ходжи-хана. В дальнейшем именуются также барак и ак-барак. Барак встречается в родоплеменной структуре кыргызов.

Кадаки – Абд ар-Раззак Самарканди назвал их могольским племенем.

Калучи – по-видимому, тюркское племя.

Карлук – крупное тюркское племя Моголистана. В этнической структуре кыргызов имеется карлукское племя бостон в составе ичкиликов.

Катаган (катакин) – монголоязычное племя. Переселились в Чагатайский улус в XIII в. В этнической структуре кыргызов в составе бугу имелась группа катаган.

Каучин – монгольское племя.

Керейит (керати, керей) – монгольское племя. В этническом составе кыргызов имеется этноним керейит.

Курлаут – монгольское племя.

Кушчу – тюркское племя. Входит в состав левого крыла кыргызов.

Казахи – тюркские племена.

Мекрит (меркит) – монголоязычное племя Моголистана. В этническом составе кыргызов известны как меркит.

Минлагу (миналагу) – происхождение неизвестно.

Нойгут – племя монгольского происхождения. У кыргызов среди ичкиликов имеется племя нойгут.

Сулдуз – монгольское племя.

Татары – тюркское племя.

Уйгуры – древнетюркское племя.

Урдабиги (ордабиги) – по-видимому, местное тюркское племя.

Чурас (чорос) – монгольское племя. Переселились в Чагатайский улус в XIII в. Основная их масса обосновалась в Восточном Туркестане.

В числе основного населения Моголистана были и кыргызы.

Сведений о социально-экономическом развитии Моголистана в письменных источниках очень мало. Нашествие Чингисхана в Среднюю Азию принесло большое разрушение, привело к упадку городской жизни и оседло-земледельческой культуры. В XIV в. оседло-земледельческие районы Семиречья постепенно превратились в степи и пастбища. В следующем столетии здесь жили исключительно кочевники. В ином состоянии было земледелие в Восточном Туркестане. В целом там оно играло главную роль, тогда как скотоводство стояло на втором месте. В хозяйственной жизни населения края большую роль играли бахчеводство и садоводство. Основным занятием населения Моголистана являлось скотоводство. Оно носило в основном полукочевой характер. Но в некоторых горных и степных районах было отгонное и кочевое экстенсивное скотоводческое хозяйство.

Данные о классах, налогах и эксплуатации трудового населения Моголистана отрывочны. Господствующий класс составляли феодалы различных групп.

Перед нашествием монголов на территории современного Кыргызстана и Семиречья существовало множество городов разной величины. Наиболее крупными являлись Тараз, Баласагун, Алмалык, Каялык и Илибалык. Они существовали и при правлении чагатайских ханов и Хайду, но

постепенно теряли былое экономическое и политическое значение.

О торговых путях нет никаких известий. Судя по маршрутам походов Тимура на Моголистан, действовали прежние северная и южная ветви Великого шелкового пути.

В Чагатайском улусе население исповедовало христианство, буддизм и ислам. Последний считался государственной религией Моголистана.

О языке населения Моголистана нет никаких известий. Несомненно, говорили здесь на различных тюркских диалектах.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Разделение Чингисханом между сыновьями завоеванных народов и земель. Чагатайский улус.
2. Государство Хайду и его борьба с Чагатаидами. Борьба Хайду с Хубилаем за всемонгольский престол.
3. Возрождение Чагатайского улуса. Реформа Кебека.
4. Причина разделения Чагатайского улуса на две части.
5. Тоглук-Тимур и Ильяс-Ходжа — первые ханы Моголистана. Их походы в Мавераннахр.
6. Узурпатор Камар ад-Дин.
7. Походы Тимура в Моголистан. Отрицательное воздействие их на хозяйственную жизнь местного населения.
8. Особенность похода Тимура на Моголистан в 791/1388—89 г.
9. Правители Моголистана первой половины XVI в.
10. Эсен-Бука.
11. Поход Уз-Тимур-тайши в Среднюю Азию.
12. Правление Юнус-хана в Моголистане.
13. Ахмед-хан и междоусобная борьба между его сыновьями.
14. Халил-Султан — хан кыргызов.
15. Этнический состав населения Моголистана.

ЛИТЕРАТУРА

Байтур Анвар. Кыргыз тарыхынын лекциялары. 1-2-китеп. — Бишкек, 1992.

Бабур. В 2 кн. — Ташкент, 1982.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия// Собр.соч. Т. 5. — М., 1963.

Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов//Собр. соч. Т. 5. – М., 1963.

История Киргизской ССР. Т. I. – Фрунзе, 1984.

Караев О. Чагатайский улус, государство Хайду и Могулистан. – Бишкек, 1995.

Материалы по истории кыргызов и Киргизии. Вып. I. – М., 1973.

Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. – М., 1992.

Пишулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. – Алма-Ата, 1977.

ГЛАВА 6

ОБРАЗОВАНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ НАРОДНОСТИ

§ 1. О взаимоотношениях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня

В восточных письменных источниках содержатся данные о кыргызах, обитавших и в Минусинской котловине (со второй половины I тыс. до н.э.), и на Тянь-Шане (с IX в. н.э.). В настоящее время существуют разные точки зрения об этногенезе кыргызов[1].

Как о наиболее важных из них можно говорить о следующих.

Н.Я.Бичурин впервые выступил с критикой положения о переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань. По его мнению, они назывались монгольским термином "киргиз" и явились отоком калмыков; буруты же именовались тюркским словом "кэргыз" и издавна кочевали в горах на юге Хотана, а в IV в. н.э. появились на занимаемой ими ныне территории под китайским наименованием: болу, булу, болюй, полу, пулу, что соответствует наименованию "бурут" и означает последний этноним названия кыргызов.

По мнению же Ч.Ч.Валиханова, енисейские кыргызы в древние времена кочевали до Тянь-Шаньских гор. Отделение от них тянь-шаньских кыргызов могло произойти при Чингисхане или до него, во время движения уйгуров. Енисейские и тянь-шаньские кыргызы – один и тот же народ. "Непремен-

---

[1] Историю вопроса с подробной библиографией см.: *Петров К.И.* Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе, 1963; *Караев О.К.* Исследователи о взаимоотношениях енисейских и тянь-шаньских киргизов // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе, 1989.

ная связь их по одному только имени уже очевидна. Это не пустое этнологическое сходство и созвучие". Следовательно, Ч.Ч.Валиханов полагает, что часть енисейских кыргызов появилась на Тянь-Шане в IX или XIII в. Затем они стали перекочевывать (в летнее время) с Тянь-Шаня на север до Хангая, пока не образовалось владение ойротов между Алтаем и Восточным Притяньшаньем. В то же время Ч.Валиханов утверждает, что тянь-шаньские кыргызы с давних времен обитали на территории между Андижаном и оз. Иссык-Куль. Летом они перекочевывали до Урумчи, Иртыша, Алтая и Хангая.

В.В.Радлов сначала относил переселение части енисейских кыргызов на Тянь-Шань в IX–X вв., но впоследствии, говоря о местах расселения кыргызов на Саянских горах и Восточном Алтае, считал, что часть их перекочевала на иные занимаемые ими территории в XII в. (под давлением киданей) и в XIII в. (при Чингисхане).

Н.А.Аристов выступал против гипотезы о переселении енисейских кыргызов в X, XII и начале XIII вв. на Тянь-Шань. Но считал саянских кыргызов частью енисейских кыргызов. Они, полагал он, сначала переселились с Енисея в Западную Монголию и Джунгарию, а затем – на Западный Тянь-Шань.

В.В.Бартольд высказал несколько предположений о переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань. В последнем из них он писал: "По-видимому, после утраты киргизами великодержавного могущества никаких киргизов на юго-западе не осталось. Столь же маловероятно, чтобы киргизы были здесь в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами. Возможно, что в калмыцком движении приняли участие некоторые племена киргизов и что эти киргизы после ухода калмыков остались на западе, в Тянь-Шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится". Следует отметить, что В.В.Бартольд никогда не сомневался в этногенетических связях енисейских и тянь-шаньских кыргызов.

Как считает А.Н.Бернштам, енисейские кыргызы переселялись на Тянь-Шань несколько раз, в течение всего древнего и средневекового периодов. Первая группа их пришла в Среднюю Азию в 49–47 гг. до н.э. и осела в долине р. Талас.

Следующая группа проникла на Тянь-Шань в VI–VIII вв., массовое переселение енисейских кыргызов на занимаемую ими ныне территорию произошло в IX–X вв.

По мнению С.М.Абрамзона, хотя енисейские кыргызы и могли участвовать в сложении тянь-шаньских кыргызов, но не составляли этнического ядра последних. По этнографическим данным, этноним "кыргыз" был широко распространен в X–XI вв. среди населения, обитавшего на территориях, соседствующих с Минусинской котловиной, особенно на Саяно-Алтае. В результате тесных экономических, политических и этнических связей жителей этого района сложилось первоначальное ядро кыргызского народа. В XI–XV вв. на северо-востоке Тянь-Шаня и поблизости от него скопилось большое количество смешанных тюркских и монгольских племен. Они и явились основными компонентами кыргызского народа. В первой половине II тыс. н.э. в Среднюю Азию пришел с востока народ, говоривший на кыргызском языке. Он постепенно ассимилировал местные, а также пришедшие из других регионов племена. Кыргызский народ сложился главным образом в пределах территории от Алтая, Восточного Туркестана до Памиро-Алая на базе местных тюркоязычных племен.

К.И.Петров считает, что предки современных кыргызов пришли из Енисейско-Иртышского междуречья в XIII–XV вв. По мнению автора, кимакско-кыпчакские племена консолидировались с кыргызскими племенами в монгольское время, причем в Или-Иртышском междуречье. Следует отметить, что кыргызы Енисейско-Иртышского междуречья, по мнению К.И.Петрова, обитали на тех же территориях, на которых обитали енисейские кыргызы в IX–X вв.

В "Истории Киргизской ССР" (т. I, 1984) предложена новая концепция о кимакско-кыпчакском происхождении кыргызов, суть которой заключается в следующем: значительная часть енисейских кыргызов в X в. проникла на Горный Алтай и в междуречье Оби и Иртыша и там создала самостоятельное княжество во главе со своим иналом. Постепенно они были ассимилированы местными кимакско-кыпчакскими племенами. Но этноним "кыргыз" получила в название сложившаяся новая этническая группа. Во второй половине XV в. она

переместилась на Тянь-Шань и сыграла определенную роль в образовании кыргызского народа.

Теперь суммируем мнения исследователей: Ч.Валиханов, В.Радлов, Н.Аристов, В.Бартольд и А.Бернштам подтверждали или предполагали, что часть енисейских кыргызов переселилась (в разные времена) на Тянь-Шань. Такой точки зрения придерживались также исследователи Г.Миллер, Е.Фишер, И.Георги, Ю.Клапрот, А.Левшин, К.Риттер, Г.Грумм-Гржимайло и А.Арзыматов. Как видим, преобладающее большинство ученых не отрицают этногенетические связи тянь-шаньских кыргызов с Енисеем.

В настоящее время в исторической литературе заслуживают наибольшего внимания две основные, противоположные гипотезы: первая — об этногенетических связях тянь-шаньских кыргызов с Алтаем, вторая — с Енисеем. Попытаемся подтвердить обоснованность второй точки зрения, которую в настоящее время отстаивают такие ученые, как Ю.Худяков, Д.Савинов, О.Караев, В.Бутанаев, И.Молдобаев, Т.Чоротегин, М.Кожобеков, К.Табалдиев, Т.Бейшеналиев и другие.

§ 2. Переселение части енисейских кыргызов на Тянь-Шань

После взятия енисейскими кыргызами в 840 г. Орду-Балыка значительная часть уйгуров принца Пан-тегина и министра двора Сачжи ушла в западные районы Восточного Тянь-Шаня. По данным восточных авторов, енисейские кыргызы преследовали их и проникли в Восточный Тянь-Шань. Посланник кыргызского хакана Табу Хецзу, прибывший в ноябре 843 г. в столицу Китая, сообщил, что им подчинились пять племен Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дада (татары) и другие. В другом источнике это известие повторяется. В связи с этими событиями в биографии первого министра китайского двора Ли Дзюя говорится: "Кыргызы прислали посла и сообщили, что они атаковали и заняли Аньси и Бэйтин. Император пожелал получить эти районы от кыргы-

зов". В апреле 843 г. в ставку ажо (правитель) кыргызов был направлен китайский посланник Чжао Фань. По возвращении к себе, он докладывал, что "кыргызы атаковали наместничество Аньси и Бэйтин, поэтому надлежит послать войска для оказания помощи". Исходя их этого сообщения, японский ученый Т.Ханэда пришел к выводу, что под натиском кыргызов уйгуры ушли из района Кучи и Бешбалык на восток, в Притяньшанье.

О военных действиях енисейских кыргызов в Восточном Туркестане сообщает автор сочинения "Худуд ал-алам": "Пенчул (совр. Уч-Турфан. – *О.К.*) расположен в стране каллук, но раньше он управлялся от имени тогуз-огузов, а теперь занят кыргызами". Если верить автору, то кыргызы заняли г. Пенчул в конце X в., в период написания сочинения в 982 г. Но В.В.Бартольд это событие относит к концу IX в. В сочинении "Худуд ал-алам" встречаются и другие сведения о кыргызах в пределах Семиречья, Восточного Туркестана и на ныне занимаемой ими территории. "Кашгар, – пишет его автор, – относится к области Чинистан, ... расположен на границе между Йагмой, Тибетом, хырхызами и Чином". Необходимо отметить, что, по данным этого источника, карлуки, ягма, тухси, чигили и тогуз-огузы (уйгуры) располагались в пределах Средней Азии, Южного Казахстана и Восточного Туркестана. Это свидетельствует о продвижении енисейских кыргызов на запад от Уч-Турфана до Кашгара и об обитании их по соседству с ягма, которые в X в. жили на р. Нарын.

Данные письменных источников о проникновении енисейских кыргызов на Тянь-Шань в период их политического подъема в IX–X вв. подтверждают археологические находки. В 1961 г. близ г. Текели, в Джунгарском Ала-Тоо, в захоронении обнаружено 76 предметов из железа и бронзы. Среди них стрелы, пряжки и другие вещи, характерные для захоронений VIII–X вв. Археологи, изучавшие эти находки, пришли к следующему выводу: наиболее близкие им параллели встречены в кимакских захоронениях из Восточного Казахстана. Не менее близкие аналоги имеются среди находок из Северного Кыргызстана, Южной Сибири и в захоронениях енисейских

кыргызов в Минусинской котловине. Большой научный интерес представляет набор наконечников стрел в захоронении близ г. Текели. Так, подобные трехпластные и трехгранные наконечники стрел найдены в кыргызских курганах Зевакинского и Бобровского могильников в Восточном Казахстане. Л.Р.Кызласов при раскопках городища Ак-Бешим близ Токмака обнаружил удила и псалии, датируемые им первой половиной IX в. Выделяется псалий в виде горных козлов типа капчальских и уйбатских находок Минусинской котловины.

При исследовании данного вопроса большой научный интерес представляют талласские древнетюркские рунические памятники, датируемые исследователями периодом между V–XII вв. И.В.Кормушин в связи с новой датировкой им суджинской, енисейской и талласской рунических надписей пишет о проникновении их носителей – кыргызов Минусинской котловины в IX в. на Тянь-Шань, что, на наш взгляд, кажется правдоподобным. На четырех талласских камнях встречается надпись "отуз оглан" ("тридцать сыновей или юношей"). В легенде, записанной в сочинении XV в. "Шаджарат ал-атрак" ("Родословная тюрок"), рассказывается о происхождении кыргызов от сорока монгольских девушек, а отуз-огул (отуз уул) – от тридцати их сыновей. По данным Сейф ад-Дин Ахсикенди (XV–XVI вв.), у Отуз огула были сыновья Адине (Адигине), Мингкуш (Мунгуш), Кара Багыш и Тагай, а от шести сыновей последнего произошли племена йадгар (жедигер), бугу, сарыбагыш, солто, бостон и саяк. Нельзя забывать, что по историко-этнографическим данным племенная группа отуз-огул связывается с формированием кыргызского народа, она объединяла правое крыло. Кроме того, вряд ли случайно, что именно в долине Таласа была сосредоточена весьма значительная часть кыргызов, относивших себя по происхождению к левому крылу группы отуз-огул. В совокупности эти факты свидетельствуют о проникновении енисейских кыргызов в IX–X вв. в долину Таласа. Вполне возможно, что отуз-огланы были родом или племенем енисейских кыргызов во главе с Кара Чуром, называемых в талласских памятниках.

По данным восточных авторов – Ван Яньдэ, ал-Марвази, Джувейни, Махмуда ибн Вали и Абд ар-Раззака ас-Самарканди, кыргызы в X–XV вв. продолжали кочевать в Восточном Тянь-Шане, главным образом на территории между долинами рек Манас и Кульджа на севере, Куча и Аксу – на юге.

В 981-983 гг. китайский посол Ван Яньдэ побывал в Турфанском княжестве уйгуров. Он сообщает: "Под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные туцзюэ, большие и малые чигили, ягма, кыргызы, барман, геты, урунгу". Ван Яньдэ пришлось ехать до г. Бешбалыка, где отдыхал владетель уйгуров. И он видел сам или слышал от осведомленных лиц то, о чем писал. По его свидетельству, западная граница Турфанского княжества простиралась до Кучи, что соответствует исторической действительности, ибо дальше от него лежала территория государства Караханидов. Все названные Ван Яньдэ племена обитали в пределах Турфанского княжества уйгуров. Интересно и важно упоминание кыргызов наряду с чигилями и ягма. Чигили и ягма играли ведущую роль в образовании Караханидского каганата во II половине X в. в Центральном Тянь-Шане. Известно, что ягма, являвшиеся "передовой ветвью тогуз-огузов" (уйгуров), были выходцами из Турфанского оазиса, а чигили зарегистрированы в Восточном Тянь-Шане при династии Мин (1368–1644). Поэтому упоминание в перечне племен Вань Яньдэ ягма и чигилей можно рассматривать как факт наличия группы их, в силу тех или иных причин отколовшихся от основной массы и оказавшихся в X в. в составе Турфанского княжества уйгуров. О соседстве кыргызов, чигилей и ягма в Центральном Тянь-Шане и Семиречье уже говорилось. Енисейские кыргызы, захватив в 840 г. Бешбалык, в начале II половины X в. под давлением уйгуров оставили его и обосновались в долине р. Манас и дальше на запад. Это предположение подтверждается сообщениями Джувейни (XIII в.) и Абд ар-Раззака ас-Самарканди (XV в.) о кыргызах, обитавших в окрестностях Бешбалыка (см. ниже).

Арабский автор ал-Марвази (XI–XII вв.) пишет: "К числу

тюрок относятся хирхизы, многочисленный народ, живущий между востоком (северо-востоком) и севером. Кимаки [живут] к северу от них. Ягма и харлухи – к западу, а Куча и Арк [расположены относительно них] между зимним западом (юго-западом) и югом". Кыргызы вполне могли быть южными соседями кимаков, которые в VIII–IX вв. "прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот". Город Арк отождествляется с Карашаром. Ал-Марвази сообщает, что карлуки раньше жили на Алтае, потерпев поражение от тогуз-огузов, переселились на юг, в страну тюргешей, обитавших в Семиречье, в Чу – Таласской долине. Следовательно, кыргызы кочевали восточнее территорий ягма и карлуков, северо-восточнее Карашара и Кучи, примерно в районе между верховьями р. Или и долиной р. Манас.

"У хирхизов, – пишет далее ал-Марвази, – в обычае сжигание умерших; они утверждали [при этом], что огонь очищает и делает их чистыми. Таким был их обычай в прошлом, но когда оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых". В связи с этим сообщением необходимо отметить, что енисейские кыргызы в IX–X вв. труп сжигали, через год кости переносили на место погребения, где помещали в могильных камнях, затем сооружали курганы юртообразной формы. Китайский автор об этом пишет так: "При похоронах не царапают лиц, только оборачивают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его, собранные кости через год погребают. После чего в известные времена производят плач". Енисейские кыргызы никогда непосредственно не общались с мусульманами, а в XI–XII вв. к югу от них жили найманы, которым был чужд ислам. Ко времени написания сочинения ал-Марвази мусульманская религия не могла проникнуть дальше долины р. Или. Махмуд Кашгари, написавший свой труд на 46 лет раньше ал-Марвази, сообщает, что граница распространения ислама на юго-востоке простиралась до Черчена, а на северо-востоке – до р. Или. В Караханидском каганате ислам стал государственной религией. Восточная граница владений Караханидов проходила по линии от Черчена, западнее Кучи до оз. Сасык-Куль, Ала-Куль и Балхаш. По мнению В.В.Бартольда, местность Чугучак, в долине

р. Эмиль, "оставалась и в XII в., как в XI в., вне влияния ислама". Следовательно, соседями мусульман могли быть только кыргызы, проживавшие на территории Восточного Тянь-Шаня. Под влиянием ислама они постепенно отказались от прежнего обряда трупосожжения и стали хоронить мертвых.

По сообщению Джувейни, часть киданей (кара-китай) во главе с гурханом Елюй-Даши бежала от чжурженей на запад (в 1120 г.), подошла к границам владений кыргызов и напала на них, но, встретив сильное сопротивление, направилась в долину р. Эмиль. Далее он пишет, что гурхан киданей после покорения Кашгара и Хотана "послал войска к пределу киргиз, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык". Вполне возможно, что Елюй-Даши направил отряд для наказания кыргызов, кочевавших поблизости от Бешбалыка, за их прежнее противодействие.

В 1450 г. калмыцкий предводитель Уз-Тимур-тайши совершил поход в глубь Средней Азии. На пути в долину р. Чу он, оставив обоз и домочадцев, вблизи г. Сыгнака нанес поражение хану Абу-л-Хайру и, заключив с ним унизительный для него мир, вернулся к себе с награбленными богатствами. Вслед за этими событиями сыновья белоордынского хана Барака Джаныбек и Гирей с соплеменниками и сторонниками бежали от Абу-л-Хайра в Моголистан, правитель которого Эсен-Бука отвел им долины рек Таласа и Чу. Махмуд ибн Вали (XVII в.) об этом пишет: "Так как в первое время после вселения в Моголистан они производили набеги на племена калмыков и кыргызов". Подвластные Джаныбеку и Гирею племена не могли совершать набеги на север, на Саяно-Алтай. Объектом их грабежа могли быть западные районы Джунгарии. В то время кыргызы, упоминаемые Махмудом ибн Вали, продолжали кочевать, как и прежде, в тех же областях северо-восточного Притяньшанья. Районы их расселения временами попадали под власть калмыков. Поэтому Мухмуд ибн Вали показал кыргызов и калмыков как соседей и союзников. Далее тот же автор сообщает, что Абу-л-Хайр выступил в поход на Моголистан, вернее, на юрты кыргызов и калмыков, но в пути умер в районе современной Алматы.

Согласно сведениям, сообщенным Махмудом ибн Вали, войска этого хана шли через долины р. Таласа, Чу и на северо-восток, в Семиречье. Это подтверждает факт проживания кыргызов во второй половине XV в. в Восточном Притяньшанье, скорее всего, между средневековыми Бешбалыком и Алмалыком (вблизи Кульджи) и далее на север. Нельзя считать случайным и то, что здесь имеются город и река с именем народного героя кыргызов Манаса. Эти географические названия могут свидетельствовать о пребывании в далеком прошлом их в этом регионе.

Абд ар-Раззак ас-Самарканди (XV в.) также упоминает кыргызов в этом регионе. По его рассказу, внук Тимура Искандер на рубеже XIV и XV вв. совершил поход в Моголистан и послал в дар своему деду "несколько десятков из периликих алмалыкских (в долине р. Или), хотанских красавиц и кыргызских, пишбалыкских чаровниц". Следует отметить, что поход Искандера на восток не выходил за пределы Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Вполне возможно, что отряды Искандера грабили г. Бешбалык и захватили в плен в его окрестностях "чаровниц"-кыргызок.

В совокупности приведенные выше и другие исторические факты подтверждают высказывание видного советского этнографа кыргызоведа С.М.Абрамзона, который процесс формирования северо-кыргызского круга племен связывает именно с Восточным Притяньшаньем. Он писал, что группы кыргызского населения на большой территории к востоку от границы СССР до р. Кунгес и долин р. Большой и Малый Юлдуз можно увязать со сведениями исторических источников о появлении кыргызов в IX–X вв. на территории современного Синьцзяна. Переселившаяся в этот период часть енисейских кыргызов обосновалась на Восточном Притяньшанье и в Семиречье и составила ядро кыргызского народа.

Основываясь на этих и других данных восточных авторов, можно полагать, что тянь-шаньские кыргызы этногенетически больше связаны с Енисеем, чем с Алтаем.

Теперь рассмотрим другую точку зрения – о происхождении кыргызского народа из среды кимак-кыпчаков.

§ 3. Кимакские и кыргызские племена Алтая в IX–XIII вв.

Этническая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии и Южной Сибири к середине IX в., определялась появлением здесь нескольких новых крупных тюркоязычных племен, создавших свои государственные образования. Наиболее значительными из этих объединений были: карлукский союз племен, включавший также чигилей и ягма, в Семиречье и на Тарбагатае; кимакско-кыпчакский союз племен в Верхнем и Среднем Прииртышье и Северо-Восточном Казахстане; объединение тюркских племен Среднего и Верхнего Енисея, возглавляемое кыргызами Минусинской котловины. Одно из этих объединений – енисейские кыргызы и союзные с ними племена Тувы и Приангарья – в результате разгрома Уйгурского каганата в 840 г. заняли Северо-Западную Монголию, а после переселения уйгуров в Восточный Туркестан и Южную Джунгарию некоторое время соперничали с ними в борьбе за земли и города Восточного Притяньшанья. Западным соседом государства енисейских кыргызов стало государство кимаков и кыпчаков, возникшее во второй половине IX в. из племен, некогда входивших в Западнотюркский каганат: собственно кимак, объединение тогуз-огузов (эймуры, байандуры и татары) и кыпчаков.

Границей между владениями енисейских кыргызов и кимакско-кыпчакских племен были степные предгорья Северо-Западного Алтая и, возможно, левобережье верховий Оби. В конце X в. отношения между государствами кыргызов и кимаков не были мирными. Правители обоих государств, принявшие титул "каган", в Джунгарии и Восточном Притяньшанье, где они пытались утвердиться, соперничали в борьбе за "уйгурское наследство". И кимаки, и кыргызы сумели захватить или взять под свой контроль несколько городов и прилегавших к ним обширных территорий Джунгарии и Таримского бассейна. Впрочем эти завоевания были недолговечны, так как кыргызы вскоре покинули Восточное Притяньшанье, а кимаки, не сумев там утвердиться, ограни-

чивались набегами на пограничные города тогуз-огузов — Уйгурского государства с центром в Турфане. Столь же наступательной была в IX — начале X в. политика кимакского кагана в отношении всех своих соседей. Ал-Идриси, автор XII в., сохранивший раннюю историческую традицию кимаков, пишет о политических амбициях кимакского владетеля: "Царь кимаков — один из великих царей и один из славных своим достоинством — тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся от его набегов", так как они уже знали и испытали от него раньше подобные действия.

Столь же определенно сообщает Идриси о вражде между кимаками и кыргызами. "Все города страны кыргызов расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные степями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями".

Однако в начале X в. положение на кимакско-кыргызских рубежах существенно изменилось. Натиск тюркских племен, появившихся в Северо-Восточном Казахстане с востока, после образования государства киданей в Северном Китае, ослабил кимакский племенной союз, привел к его расколу и миграции кыпчакских племен на запад — в Приаралье, на Северный Кавказ и к границам Киевского государства. Воспользовавшись ослаблением кимаков, енисейские кыргызы распространили свою власть на Алтай, Прииртышье и Приобье. Тем самым они нанесли еще один удар по государству кимаков, которое вскоре после этого (в конце X в.) перестало существовать. Оставшиеся на прежних землях в Южной Сибири и на Алтае, кимакско-кыпчакские племена создали новые племенные союзы. Но этот новый этап их этнической интеграции осуществлялся в сфере политического влияния енисейских кыргызов.

Появление значительных групп енисейских кыргызов на Северном Алтае (вплоть до Приобья) и в Прииртышье (в зоне расселения кимакско-кыпчакских племен) подтверждено рас-

копками крупных курганов-могильников в Северо-Восточном Казахстане и Приобье. В меньшей части погребальных сооружений обнаружены останки кыргызских воинов, погребенных по древнему енисейскому обряду. "Они поклоняются огню и сжигают мертвых", – говорит о хирхизах персидский источник X в. У енисейских кыргызов этот обряд сохранялся вплоть до XVIII в., между тем как кимаки и кыпчаки никогда не практиковали сожжения покойников.

По существу в конце IX-X вв. материальная культура кимаков и енисейских кыргызов, во всяком случае на Алтае и в Прииртышье, была чрезвычайно сходной. Преобладание получили элементы материальной культуры и обычаи кимаков. Именно к X–XI вв. относится начало этнической ассимиляции кимаками кыргызских этнических групп к западу от Оби. Источник X в. "Худуд ал-алам" свидетельствует о равных культурных взаимовлияниях между кимаками и кыргызами. Так, в нем сообщается, что одно из кыргызских племен (этнических групп) к западу от Оби "по одежде напоминают кимаков", а в области, принадлежащей кимакам, жители следуют "обычаям кыргызов".

Иное положение фиксирует источник начала XII в. "Табаи ал-хайаван" Марвази. В разделе о тюркских племенах он сообщает: "К ним относятся кыргызы: многочисленный народ, проживающий между летним востоком и севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки на западных пределах кыргызов, тогда как Куча и Арк расположены на юго-западных границах кыргызов. Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает, однако это их старинный обычай. После того, как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли к захоронению умерших".

Изменение погребального обряда – явление не слишком частое в традиционных культурах Азии. Оно связывается либо с принятием новой религии, либо с изменением этнического облика народа. По свидетельству археологических данных, никакого изменения погребального обряда у енисейских кыргызов, сохранивших древние религиозные верования и традиционную этническую культуру, по крайней мере в течение тысячелетия со времени образования их государства в VIII в.,

не произошло. Следовательно, сообщение Марвази не может быть отнесено к собственно енисейским кыргызам.

В приведенном отрывке имеются два указания относительно мест обитания той группы кыргызов, чей погребальный обряд изменился: во-первых, они были соседями мусульманских областей, а также соседями ягма и карлуков; во-вторых, они жили южнее кимаков. Соседями ягма и карлуков и одновременно мусульманизированного Семиречья и Кашгарии могли быть только группы кыргызов, обитавших на Алтае, Черном Иртыше и в Северо-Восточном Казахстане. О непосредственном соседстве кыргызов с "гэлолу", т.е. с семиреченскими карлуками, сообщает также "Тан шу". Естественно, севернее их жили прииртышские кимаки. Марвази лишь пытается объяснить мусульманским влиянием смену погребального обряда. Действительно, после XI в. кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея исчезают, но они вытесняются не захоронениями по мусульманскому обряду, а кимакско-кыпчакскими захоронениями в грунтовых ямах и подбоях, часто с конем. Тот же процесс смены обряда археологически фиксируется и в Новосибирском Приобье, где кыргызские племена в XI в. полностью ассимилируются местным тюркским населением. Следовательно, Марвази, фиксируя важный этнокультурный факт исчезновения обряда трупосожжения, дает ему неверное объяснение. В этом случае требуют объяснения два обстоятельства: 1) почему на территории между Обью и Или преобладал кимакско-кыпчакский, а не кыргызский погребальный обряд и 2) почему Марвази называет население этой области кыргызами?

Первое обстоятельство имеет достаточно логичное объяснение: численное соотношение между кимакско-кыпчакскими племенами и группами енисейских кыргызов здесь было явно не в пользу последних. Они оказались полностью ассимилированными внутри кимакско-кыпчакской племенной структуры, что могло произойти только вследствие их политического отделения и культурного отрыва от основной этнической территории и прежних политических центров на Енисее.

О группе кыргызов, отделившейся от основного этнического массива и жившей к западу от него, достаточно ясно сообща-

ется в "Худуд ал-алам". Персидский автор X в., чья информация исходит из уйгурской среды, в главе "Об области тогуз-огузов и ее городах" так определяет местоположение Уйгурского (Турфанского) государства: "...на запад от нее (области тогуз-огузов. – *О.К.*) – некоторая часть хырхызов и на север – также хырхызов, [они] селятся вдоль ее границ". Севернее Турфана и Бешбалыка, столиц уйгурского идикута, находятся Северо-Западная Монголия и Тува, принадлежавшие в X в. енисейским кыргызам. А жившей на западе, точнее на северо-западе, "некоторой частью хырхызов" могла быть алтайско-иртышская группа кыргызов. О той же локализации отдельной группы кыргызов столь же явно свидетельствует еще одно место в цитируемом разделе "Худуд ал-алам": "На север от тогуз-огузов расположена пустыня (пески Дзосотын-Элисун. – *О.К.*), [она] простирается между тогуз-огузами и хирхизами до области кимаков". Здесь речь идет об алтайско-иртышских "хырхызах", так же , как и в случае, когда "хырхызы" локализуются к северу от чигилей, живших на Тянь-Шане и в Джунгарии. Об отдельной группе кыргызов (одном из кыргызских племен) говорится как о соседствующей на востоке с прииртышскими, или алакольскими, кимаками. Все эти указания сводятся к утверждению о существовании уже в X в. обособленной группы кыргызских племен, населявших Северный и Горный Алтай и приалтайские степи в Обь-Иртышском междуречье.

Расселение и обособление группы енисейских кыргызов на Алтае и в Прииртышье вполне четко фиксируется археологическими исследованиями: раскопками целой серии кыргызских погребений с трупосожжениями в Кош-Агачском районе Республики Алтай; убедительно определенными как древнекыргызские погребениями, раскопанными в конце XIX в. В.В.Радловым на р. Бухтарме (Западный Алтай); открытием крупной серии кыргызских курганов с трупосожжениями.

Рашид ад-Дин был первым, кто ясно и недвусмысленно сообщил о нескольких кыргызских владениях, которыми правили самостоятельные и независимые друг от друга правители, хотя и связанные между собой общей исторической традицией и союзническими отношениями. Описывая полити-

ческую ситуацию в Южной Сибири накануне монгольского завоевания, т.е. в конце XII – начале XIII в., этот наиболее информированный историк монгольской эпохи называет две кыргызские области, владетели которых носили титул "инал": Кыргыз и Кэм-Кэмджиут. Эти области, связанные между собой больше исторической традицией, нежели политической реальностью, управлявшиеся иналами, были, как считает Л.Р.Кызласов, остатками более обширной федерации кыргызских княжеств. Судя по сообщению "Сокровенного сказания" о победе меркитов над кыргызами, захвате их страны и овладении "всеми пятью родами" кыргызов, кыргызских княжеств могло быть пять, но, очевидно, ко времени похода меркитов в 1207 г. некоторые из них "существовали", скорее, только в исторической памяти (которую и отражает стереотипная формула "пять родов"), чем в действительности. Как показал Л.Р.Кызласов, самое южное из кыргызских княжеств, существовавшее в Северо-Западной Монголии, было разгромлено найманами в середине XII в., после чего граница между кыргызами и монгольскими племенами установилась по хребту Танну-Ола. "Сокровенное сказание" сообщает о трех кыргызских послах к Чингисхану и трех кыргызских князьях, выразивших покорность хану Джучи. Возможно, сообщение об одном из кыргызских княжеств не попало в труд Рашид ад-Дина, хотя некоторые намеки, указывающие на существование такого княжества, там содержатся.

Если обратиться к локализации двух названных Рашид ад-Дином владений – Кэм-Кэмджиут и Кыргыз, то первое из них совершенно очевидно является исконной территорией енисейских кыргызов. Еще в VIII–IX вв. там была ставка кыргызского кагана. Но в XII в. ее правитель носил титул "инал". Очевидно, между X и XII вв. былое единство Кыргызского государства, олицетворяющееся правителем с титулом "каган", было утрачено. О том, что вся кыргызская территория, включавшая не только Минусинскую котловину, но и Туву, называлась Кэм-Кэмджиут, можно судить из фактов употребления этого термина при описаниях монгольских походов в страну кыргызов. Другое княжество, Кыргыз, локализовалось не так просто. Описывая расселение найманов,

Рашид ад-Дин отмечает, что их значительная часть обитает в горах, расположенных между р. Иртыш и областью Кыргыз. Так как найманы жили в горах Монгольского Алтая (Йике Алтай – по Рашид ад-Дину), то область Кыргыз – это Горный Алтай и Верхнее Приобье, т.е. область расселения кимакско-кыпчакских племен, как о том свидетельствуют археологические памятники, представленные погребениями часовенно-горского типа, генетически связанные с предшествующей сросткинской (кимакской) культурой. О той же локализации области Кыргыз свидетельствует местоположение летних и зимних ставок Арик-Буки – владетеля Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтайского нагорья в 50-х годах XIII в. Как пишет Рашид ад-Дин, "его летнее становище было на Алтае, а зимнее – в Теке и Кыргызе. Между ними [расстояние] в три дня пути". Поскольку здесь речь идет о северной части Монгольского Алтая, то зимняя ставка Арик-Буки должна быть локализована в 90-100 км от нее ("три дня пути"). Во всех случаях эта ставка не могла быть в долине Енисея и, следовательно, княжество Кыргыз было расположено западнее Кэм-Кэмджиута.

Таким образом, к началу XIII в. на горном Алтае и в Прииртышских степях Обь-Иртышского междуречья уже более 200 лет существовала группа кимакско-кыпчакских племен с общим самоназванием "кыргыз". Эта племенная группа унаследовала от енисейских кыргызов не только самоназвание, но и некоторые элементы материальной культуры, а также постепенно исчезавшую традицию рунической письменности, получившую ограниченное распространение в кимакской среде. В тексте одной из немногих сохранившихся на Алтае рунических надписей-эпитафий даже упомянут этноним "кыргыз". Глава алтайской этнополитической группировки кыргызов носил древнетюркский титул "инал" и в начале XIII в. поддерживал союзнические отношения с другими кыргызскими княжествами, лишь одно из которых – Кэм-Кэмджиут (Верхний и Средний Енисей) было населено собственно енисейскими кыргызами, потомками и наследниками древнекыргызской этнической общности и предками хакасского народа.

Данная концепция поддерживается такими учеными, как С.Кляшторный, А.Мокеев, В.Мокрынин и В.Плоских. Как отмечает Ю.С.Худяков, многие частные положения и их гипотезы не соответствуют современным археологическим данным. Так, в XI–XII вв. кимаки не обитали на Алтае, кыпчаки Горного Алтая еще с X в. начали мигрировать на запад. В исторический регион "Алтай" нужно включить и Монгольский Алтай, где жили, наряду с кыргызами, разные тюркомонгольские племена.

§ 4. Формирование кыргызского народа

Кыргызский народ формировался на основе двух этнических массивов: центральноазиатско-южносибирского и местного среднеазиатского. Этнический состав кыргызского народа сам по себе подтверждает, что преобладающий его компонент центральноазиатского и южносибирского происхождения. Как сообщают письменные источники, на территории Центрального Тянь-Шаня и Семиречья с древнейших времен до XIII в. (т.е. до переселения части енисейских кыргызов) встречаются следующие этнические названия: сак, усун, юечжи, хунн, дулу, нушиби, тюргеш, тухси, аз, карлук, согдийцы, чигил, ягма, аргу, кыпчак, канглы, кара-китай и найман. Часть из них могла участвовать в сложении кыргызского народа, другие, сохраняя свои этнические наименования, вошли в его состав. Кратко остановимся на древнем и средневековом населении Тянь-Шаня и Семиречья, в той или иной степени имевшем отношение к образованию кыргызского народа.

Следы обитания человека в Семиречье и на Тянь-Шане прослеживаются с древнекаменного века. Степные племена эпохи бронзы являлись непосредственными предшественниками сакских племен в этих регионах.

Саки, населявшие Тянь-Шань и Притяньшанье в первой половине I тыс. до н.э., обладали определенной общностью языка, хозяйства и единообразной кочевнической культурой. Они относились к европеоидному расовому типу, но имелась небольшая монголоидная примесь центральноазиатского происхождения. Большое количество археологических памятни-

ков сакского народа свидетельствует о резком увеличении численности народонаселения Кыргызстана. Сакские племена были в основном ираноязычными.

Усуни кочевали на западной окраине территории, подвластной хуннам, вблизи Восточного Туркестана. В середине II в. до н.э. они переселились на Тянь-Шань и в Семиречье и, "усилившись, подчинили себе многие другие владения". Но основную массу населения этих краев составляли местные сакские племена. Ставка правителя усуней Чигу находилась на восточном побережье Иссык-Куля. Археологические исследования показали, что между погребальными памятниками двух последовательных этапов – сакского и усуньского наблюдается очень большое сходство, в чем было усмотрено свидетельство длительного непрерывного развития одной и той же культуры в пределах северо-восточных областей Средней Азии и Семиречья. Этнокультурно-языковая принадлежность усуней пока не установлена. Одни считают их тюркоязычными, другие – ираноязычными.

Юечжи – кочевники, говорившие на языке восточноиранской группы. Они проникли в Среднюю Азию из Центральной Азии и создали Кушанское государство. На территории владений усуней кроме саков кочевала и часть юечжи.

Следовательно, начиная с II-I вв. до н.э. происходил процесс смешения местного сакского и в прошлом родственного по этническому составу центральноазиатского населения. В целом этническая история Семиречья, Тянь-Шаня до нашей эпохи развивалась в направлении тюркизации ираноязычного населения. В это же время заметно увеличивается монголоидный элемент в Средней Азии.

На рубеже нашей эры на этнопроцессы в северо-восточных областях Средней Азии и Семиречья оказывали влияние центральноазиатские *хунны (сюнну)*. Этнокультурный состав их обширного политического объединения был неоднородным. На северо-востоке включались тунгусо-монголоязычные племена, на юго-западе – тюркоязычные, отдельные группы которых проникли на Западный Тянь-Шань. Разные типы одновременных погребений с неодинаковым физическим обликом погребенных на рубеже нашей эры иногда в одних и

тех же могильниках на Тянь-Шане (до Таласа – Кетмень-Тюбе) говорят о разнообразии материальной культуры и неоднородности населения.

В IV–V вв. н.э. в Среднюю Азию вторгались хионитy (белые хунны), кидариты, эфталиты – кочевники центральноазиатского происхождения, в составе которых были ираноязычные и тюркоязычные племена.

Переселение различных племен из Южной Сибири и Центральной Азии в Среднюю Азию и Семиречье в VI–XI вв. играло существенную роль в отюречивании населения этих регионов и формировании кыргызского народа.

С образованием Тюркского каганата в середине VI в. на Саяно-Алтае начался новый период этнополитической истории Тянь-Шаня, Восточного Туркестана и всей Средней Азии.

Термин "тюрк" ("турк") в разные периоды имел неодинаковое значение. Первоначально он употреблялся как название родоплеменной верхушки, затем – подвластных ей племенных группировок, а позднее – государственного объединения (каганата). Входившие в последнее племена (например, карлуки, чики, енисейские кыргызы и др.), сохраняя самоназвание, не причисляли себя к тюркам. После распада тюркских каганатов к середине VIII в. традиционный термин "тюрки", употреблявшийся мусульманами, приобрел значение собирательного названия многих тюркоязычных народов.

Завоевавшие в 50-х годах VI в. Семиречье и Тянь-Шань тюркские племена Саяно-Алтая имели название "народ десяти стрел" ("он ок бодун"). Из них пять "стрел" – племен под общим названием *дулу* занимали территорию к востоку от р. Чу, другое пятиплеменное объединение с названием *нушиби* – к западу от нее. В научной литературе их государство именуется Западнотюркским каганатом, существовавшим до начала VIII в. В VI–VII вв. происходило постоянное взаимодействие трех социально и политически неравноправных этнических массивов: тюркских племен, недавнее прошлое которых было связано с Центральной Азией и Южной Сибирью; дотюркского автохтонного скотоводческого населения (потомков сако-усуньских племен), частично тюркизированного хуннами; согдийского (восточноиранского) населения,

переселившегося в Семиречье из оазисов Средней Азии. Этнические контакты и взамовлияния в это время, хотя и имели общую направленность тюркизации автохтонного скотоводческого и в какой-то мере оседло-земледельческого населения, протекали замедленными темпами.

Впервые название племени *тюргеш* упоминается в связи с их нахождением на территории юго-запада Монгольского Алтая. Они входили в конфедерацию дулу. В период борьбы Восточного и Западного Тюркских каганатов (на рубеже VI и VIII вв.) тюргеши были оттеснены на юго-запад и сосредоточились в основном в пределах Семиречья и современного Северного Кыргызстана. В начале VIII в. усилилась деградация Западнотюркского каганата, его каган был убит в 704 г. в городе Кулане (совр. ст. Луговая). Власть в Семиречье и Центральном Тянь-Шане перешла к тюргешским вождям. Тюргеши подразделялись на "желтых" и "черных". В середине VIII в. обессиленные междоусобицами тюргеши не смогли оказать сопротивления карлукским завоевателям, но при их господстве оставались жить на тех же местах. В IX–X вв. вместо племенного этнонима тюргеш чаще встречаются наименования их родов – *тухси* и *аз*.

Карлуки в VII–VIII вв. кочевали в Джунгарии, на Западном Алтае и по берегам Иртыша. В 746 г. основная их масса под давлением Уйгурского каганата двинулась на юго-запад и заняла территории тюргешей, со столицей г. Суяб в долине Чу. Об этом впервые упоминается в Терхинской надписи: "В год собаки уч карлуки, замыслив измену, бежали. На западе в страну народа десяти стрел они пришли". Как видим, в то время карлуки состояли из трех племен. В трудах арабских авторов IX–X вв. Кудама ибн Джафара, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси, Абу Дулафа содержатся историко-географические сведения о карлуках, обитавших на территории современного Кыргызстана. Они активно участвовали в образовании и политической жизни государства Караханидов. Впоследствии в состав кыргызского народа вошли карлукское племя бистан, или бостан (ср. кырг. бостон), род ябагу (ср. кырг. жабагы) и группы карлуков мажак (ср. кырг. мачак в составе племени чонбагыш и саруу), гилет (ср. кырг. килет в составе племени

чонбагыш). Остатки карлуков под тем же наименованием ныне живут на территории Узбекистана и Таджикистана.

В Центральном Тянь-Шане и Семиречье под властью Западнотюркского, Тюргешского и Карлукского каганатов жили *согдийцы*, иммиграция которых из Согда в этот край началась еще в V в., но основная их масса переселилась в VII–VIII вв. Впоследствии они были подчинены главным образом тюргешскими и карлукскими родами. Во времена Махмуда Кашгари население Чуйской долины на запад до г. Исфиджаб (Сайрам) говорило по-согдийски и по-тюркски (в результате возникло неправильное произношение в их языке). Согдийцы-переселенцы, хотя и утрачивали постепенно свой язык и национальные традиции, но продолжали оказывать влияние на дальнейшее развитие ремесел, торговли и земледелия. Потомки согдийцев вошли в состав кыргызского народа под названием саадак.

Чигили составляли одну из наиболее значительных частей населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX–X вв. Если отождествление чигилей с чиками, упоминаемыми в древнетюркских надписях, верно, то они принадлежали к племени теле (тогуз-огузов) и в раннесредневековье жили на территории современной Западной Тувы, где вели борьбу в союзе с другими народами Саяно-Алтая против господствующих каганатов в Центральной Азии, что отражено в материалах орхоно-енисейской письменности. В результате этой борьбы основная масса чиков, как и многие другие племена Южной Сибири, продвинулась на юго-запад и пришла на Тянь-Шань и в Семиречье.

В письменных источниках содержится ряд сведений о расселении чигилей на территории современного Кыргызстана. Неизвестный персидский автор (X в.) сочинения "Границы мира" упоминает в качестве района их расселения г. Сикуль (Иссык-Куль). Другие его сообщения также подтверждают расселение чигилей в Центральном Тянь-Шане.

В X в. чигили играли решающую роль в составе государства Караханидов. В то время они жили в Иссык-Кульской котловине. В XI в. часть их расселилась в долинах рек Или и Талас.

Этноним *ягма* впервые встречается применительно к Тянь-

Шаню. В.В.Бартольд называет ягма "передовой ветвью тогуз-огузов". Основная масса их в IX–X вв. обитала в Центральном Тянь-Шане, соприкасаясь на севере (по р. Нарын) с карлуками. Как пишет автор "Границ мира", ягма состояли из 1700 колен. В IX в. часть их наряду с другими племенами жила в долинах рек Или и Талас. Передвижение части племени ягма на север, в Семиречье и Талас, можно связывать с завоеванием этих краев Караханидами.

В "Диван лугат ат-тюрк" ("Словарь тюркских наречий") Махмуд Кашгари страной Аргу называет в одном месте территорию между Баласагуном (ныне развалины "Бурана" близ г. Токмака) и Исфиджабом (совр. Сайрам), а в другом – территорию между Баласагуном и Таразом (совр. г. Джамбул). Он же приводит большое количество примеров на языке *аргу*, что подтверждает существование особой группы населения под этим названием. Если термин "аргу" у Махмуда Кашгари тождествен современному слову "аргын" (в значении "смесь", "метис"), то аргу произошли в результате метизации согдийского и тюркского населения, прежде всего тюргешских и карлукских родов. Остатки аргу вошли в состав кыргызского народа под наименованием "оргу".

Кыпчаки упоминаются еще в VIII в. в уйгурском памятнике в честь Моюн-Чура. В то время они обитали на Саяно-Алтайском нагорье. В XI–XIII вв. кыпчаки кочевали на территории от Алтая до Крыма и Дуная. В "Словаре" Махмуда Кашгари говорится, что город Кенджек-Сенгир, находившийся поблизости от г. Тараза, расположен на пограничной территории кыпчаков. Кроме того, этот автор упоминает местность "кыпчак" около Кашгара. Впоследствии кыпчаки в числе других вошли в состав кыргызского народа.

Этноним *канглы* (если не связывать их с кангюйцами) в письменных источниках не встречается раньше XI в. В начале XII в. канглы вместе с карлуками угрожали Баласагуну. По данным Абу-л-Гази, после ухода канглов к хорезмшаху на Чу и Таласе их осталось "десять тысяч шатров". Впоследствии канглы в числе других также вошли в состав кыргызского народа.

В 1125 г., когда чжурчжены практически положили конец

империи *кара-китаев* (киданей), часть последних во главе с членом правящего дома Елюй-Даши двинулась на запад. Они проехали через владения уйгуров в Восточном Туркестане и в начале 1130 г. достигли р.Эмиль. Здесь за несколько лет к ним присоединились многие тюрки. Численность подданных гурхана Елюй-Даши достигала 40 тысяч семей. В это время усилились центробежные силы в Западном и особенно в Восточном Караханидском каганате. Воспользовавшись этим, Елюй-Даши занял Баласагун и Кашгар, а в 1141 г. – Самарканд и Бухару. Но основная масса кара-китаев обосновалась в Чуйской, Таласской, Кочкорской, Суусамырской, Чаткальской долинах и Иссык-Кульской котловине. В пользу этого в какой-то степени говорит то, что их остатки до сих пор сохранили свое самоназвание среди населения Северного Кыргызстана. Не случайно, что среди кыргызов Чаткальского района самой многочисленной группой являются кара-китаи (имеются предания, что там когда-то жил их владетель Кюльбесхан).

Найманы, покинувшие Монголию в 1208 г., были разбиты на берегу Иртыша Чингисханом. Остатки их во главе с предводителем Кучлуком бежали в Семиречье. Кучлук поступил на службу к гурхану кара-китаев. Собрав соплеменников и других кочевников, он стал совершать грабительские походы на отдаленные районы владения своего покровителя. В одном из таких походов Кучлук захватил в плен гурхана и власть перешла в его руки. Найманские племена кочевали в основном в Семиречье и на территории современного Северного Кыргызстана. Впоследствии остатки их вошли в состав кыргызского, казахского и других народов Средней Азии.

Во время похода Чингисхана на запад, особенно при образовании улусов его сыновей, в Среднюю Азию, Казахстан и Восточный Тянь-Шань хлынула масса монголо-тюркских племен из Центральной Азии. Большое их количество скопилось в Или-Иртышском междуречье, где были ставки Чингисидов Угэдэя, Чагатая и Орды. Наименования племен и родов этих переселенцев – кочевников из Центральной Азии упоминаются на территории улуса Чагатая, государства Тимура и Могулистана. Впоследствии они были ассимилированы или вошли

в состав народов Средней Азии и казахов. Ныне у кыргызов имеется родоплеменная группа "монолдор" как "остатки" монголов Чингисхана.

Существенную роль в этом процессе играло государство Моголистан. В его состав входила территория от Сырдарьи и восточной части Ферганы – на западе до Турфанского оазиса включительно – на востоке, от Балхаша – Черного Иртыша – на севере до Куэнь-Луня – на юге. Моголистан являлся государственно-политическим объединением местных тюркоязычных и отюреченных монгольских племен и родов. В трудах персоязычных авторов XV–XVII вв. на территории Моголистана упоминаются следующие могольские племена и роды: арлат, аркануд (арканут), баарын (байрын), барлас, балыкчи, бекчик, булгачи, даруга, долан, дохтуй, дуглат (доглат), итарчи (итарчи-барак, ак-барак), йарки (барки), кадак, канглы, карлук, каучин, киканут, кыргыз, кервит, курглаут, кончи-сагырчи, кушчи, манглаут, мекрит (бекрит), минлагу (маналагу), могол, мучалкачи, ордабеги, салучи, сулдуз, татар, узбек, узбек-казак, чурас (чорас), хибат-ширасут и шункарчи (шулкарчи). Из тридцати девяти тюрко-могольских племен и родов (или их групп) более четверти вошли в состав кыргызского народа. А это значит, что в формировании его большую роль играло население государства Моголистан.

Одним из фактов, ускоривших этот процесс, явилось образование государственности кыргызов на рубеже XV и XVI вв. Для определения кыргызской народности как сложившейся имелись основные признаки: этническое самосознание общности, сложившийся к этому времени общенародный язык, общность этнической территории[1].

Этническое самосознание кыргызской народности великолепно документировано в "Тарих-и-Рашиди" Мухаммеда Хайдара в связи с событиями 1510 г., когда "кыргыз" по сознанию этнопринадлежности уже отличал себя от "некыргыза", т.е. конкретно от "других народов" Моголистана. Автор "Тарих-и-Рашиди", принадлежавший к правящему роду Моголистана, формирование этнической общности – кыргызского народа – отмечает уже как завершившийся процесс или явление.

[1] Подобные признаки характерны и для древних этносов, в том числе кыргызов, хунну, усуней.

Подводя итоги, перечислим этнические названия населения Кыргызстана с древнейших времен до XVI в. (в скобках указаны наименования племен, вошедших в состав кыргызского народа): саки, усуни (уйшун), юечжи, хунны, эфталиты, дулу, нушиби, тюргеши-тухси, аз (азык), карлуки (бостон, жабагы, гилет, мачак), согдийцы (саадак), чигили, аргу (оргу), туркмены, кыпчаки (кыпчак, канглы), кара-китаи (кара-кытай), найманы (найман), монголы (могол). Из перечисленных выше тюрко-могульских племен и родов – баарын, булгачи, дуулат, кераит, кушчу – кутчу, меркит и чоро в перечне родов и племен в составе кыргызского народа встречаются тердеш (тардуши), теелес (телес) и черик (черики), которые жили в I тыс. н.э. за пределами Кыргызстана.

Процесс сложения современного кыргызского народа шел с начала II тыс. н.э. и завершился в XV в. в результате взаимодействия двух компонентов – местных древних племен Средней Азии и племен, пришедших из Южной Сибири и Центральной Азии. Енисейские кыргызы, переселившиеся в IX–X вв. (возможно, и в последующие времена при кара-китаях и монголах) на Тянь-Шань, составили ядро при формировании кыргызского народа. По этому поводу известный историк – археолог А.Н.Бернштам писал: "Несомненно, что в образовании современных киргизов Тянь-Шаня основное ядро составляли племена енисейских киргизов. Численность тяньшаньских киргизов увеличивалась не только за счет перекочевки енисейских киргизов, не только за счет естественного прироста населения, но и в значительной степени и за счет населения Тянь-Шаня".

Этнической территорией сложения кыргызской народности являлась территория примерно между долинами рек Манас и Талас и прилегающих к ним южных районов. После XVI в. кыргызы распространились на всей ныне занимаемой ими территории. При этом основной состав пополнялся новыми компонентами из казахов, узбеков, калмыков и других.

Крупная политическая акция, связанная с подчинением и защитой новых территорий, требовала этнического единства и политической стабильности, что привело к созданию дуальной этнополитической системы, унаследованной кыргызами

от древних тюрок правого и левого крыла. Этот важный акт этнической истории кыргызов произошел во второй половине XV – начале XVI в. и знаменовал собой заключительный этап сложения кыргызской народности на Тянь-Шане. К правому и левому крылу кыргызов примкнула также группа племен ичкилик.

Согласно сочинению "Маджму ат-таварих" ферганца Сейф ад-Дина Аксикенди, в состав правого крыла (оң канат) в XVI в. вошли племена солто, джедигер, бугу, сарыбагыш, саяк и группа племен, "родоначальником" которых был Карачоро. По кыргызским преданиям, легендарным предком всех перечисленных племен был Тагай. К основным племенам правого крыла примкнули и потомки "родственников" Тагая, которыми считаются адигине, мунгуш и карабагыш. В это же подразделение вошли племена черик и, возможно, азык. Группу Карачоро по источникам XIX в. составляли племена багыш, суумурун, келдике и баарын. Общим предком всех кыргызских родоплеменных объединений правого крыла (оң канат) считался Ак-уул.

Левое крыло (сол канат) кыргызского объединения в XVI в. составили племена басыз, мундуз, чонг багыш, саруу, кытай, кушчу (кутчи). По источникам XIX в., сюда же входили племена джетиген. Общим предком объединения левого крыла считался Куу-уул. В группу ичкилик в XVI в. входили племена бостон, тейит, жоо-кесек, деелес, кыдырша и канды (канглы). Источники XIX в. включают сюда племена кесек, ават, оргу, найман, нойгут и кыпчак. Предком всех ичкиликов, по преданиям, был Салвасбий Булгачи.

По внешнему облику – антропологическому типу – кыргызы относятся к южносибирской подрасе. Монголоидность кыргызской народности – результат влияния физических предков из Южной Сибири и Центральной Азии.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Мнение исследователей об этногенетических связях енисейских и тянь-шаньских кыргызов.
2. Точки зрения о переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань.
3. Гипотеза об этнографических связях тянь-шаньских кыргызов с населением Минусинской котловины.

4. Гипотеза о происхождении кыргызского народа из среды кимак-кыпчаков.

5. Формирование кыргызского народа на основе двух этнических массивов.

6. Этническая структура кыргызского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л., 1971.

Вопросы этнической истории киргизского народа. — Фрунзе, 1989.

История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе, 1984.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. — Вып. 1. — М., 1973.

Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. — Фрунзе, 1964.

Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — нач. XIII вв. — Фрунзе, 1981.

Табышалиев С.Т. Происхождение кыргызского народа. — Фрунзе, 1991.

Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 3. — М., 1959.

ГЛАВА 7

КЫРГЫЗСТАН В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. Правители Восточного Туркестана и их взаимоотношения с кыргызами

В 1504 г., как уже говорилось, Султан Саид-хан бежал в Кабул, к Бабуру. Во время похода на Мавераннахр Бабур получил известие от Сеид Мухаммеда, сына Мухаммеда Хайдара, о завоевании им Андижана. Бабур посылает в Фергану Султана Саид-хана с моголами. Сеид Мухаммед сдал Султану Саид-хану Андижан. Но под давлением узбекских султанов Саид-хан был вынужден покинуть Андижан. Осенью 1514 г. он захватил Кашгар, а затем занял Янги-Хисар. В это время к нему прибыл Мухаммед-Кыргыз (о нем см. ниже) и по разрешению хана направился в сторону Яркенда. Здесь он узнал, что Абу Бекр (дуглатский эмир, правивший западной половиной Кашгарии) не в состоянии собрать достаточных сил для отражения нападения Султана Саид-хана. Получив это известие, Саид-хан выступил на Яркенд и занял его. В письменных источниках нет сведений о судьбе Абу Бекра. Мухаммед-Кыргыз в этом походе захватил огромную военную добычу. Султан Саид-хан одарил его поясом для сабли, сосудами, золотыми и серебряными чашами и прочими ценными подарками за его труды и старания.

Саид-хан отправил послов в Турфан к старшему брату Мансур-хану с предложением установить дружественные отношения, что с радостью и было им принято. В 1616 г. они встретились между Аксу и Кусаном. По соглашению между ханами Мансур-хан был признан верховным (правда, номи-

нальным) правителем всего государства. Султан Саид-хан обязался бить монету с его именем и читать хутбу (молитва за правящего государя) за Мансурхана.

В это время на политическую арену в Моголистане выходят кыргызы. В начале XVI в. кыргызы кочевали в Семиречье и составляли основную часть подданных Султан-Халила. По Мухаммед Хайдару, в 1517 г. их властителем был Мухаммед-Кыргыз. По-видимому, после победы Мансур-хана над Султан-Халилом и Султан Саид-ханом Мухаммед стал правителем кыргызов и остатков могольских и тюркских племен в Семиречье, Иссык-Кульской котловине и Кочкорской долине. К этому времени следует отнести следующие сообщения Мухаммед Хайдара: "На Моголистан стали претендовать узбеки, [казахи] и кыргызы. Хотя кыргызы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам они отделились от моголов. Все моголы стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а кыргызы, как и прежде, остались [во власти] неверия. По этой причине они отделились от моголов. Следствием этого явилось то, что моголы теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями".

Уменьшение численности моголов Моголистана можно объяснить тем, что в 1502–1503 гг. их часть была переселена в Мавераннахр Шейбани-ханом, в 1508 г. – в Турфанский оазис вместе с кыргызами Мансур-ханом, а в 1514 г. и в 1525–1526 гг. – в Кашгар и Яркенд Саид-ханом. Кроме того, в Моголистане, как и в других странах, завоеванных Чингисханом, над пришлыми монгольскими племенами преобладало местное кочевое тюркское население и постепенно ассимилировало их. Что касается кыргызов, то их численность увеличивалась за счет ассимиляции ими тюрко-могольских племен, во второй половине XV в. они сложились как народность и стали играть первенствующую роль в Моголистане. Но не совсем верно сообщение Мухаммеда Хайдара о том, что кыргызы не были мусульманами. По данным ал-Марвази (XII в.), они где-то в начале II тыс. н.э. приняли ислам. Даже имя их правителя (Мухаммед) в какой-то степени подтверждает, что кыргызы в XVI в. были последователями ислама. Но они

могли быть плохими мусульманами, как и позже, вплоть до Октябрьской революции.

Мухаммед-Кыргыз в 1517 г. совершил набеги на Сайрам, Ташкент, Туркестан и взял в плен правителя Ташкента – узбекского царевича Абдуллу, сына Кучкунча, но потом отпустил его с почестями. Султан Саид-хан, как пишет Мухаммед Хайдар, решил выступить против Мухаммед-Кыргыза, стремясь наказать его за то, что он опустошил мусульманские земли. На самом же деле хан отправился в сторону Семиречья, опасаясь, что правитель кыргызов мог вступить в тайный союз с враждебными ему Шейбанидами. Как проходил этот поход, сведений нет, но известно, что Мухаммед-Кыргыз был схвачен и привезен в Кашгар. Однако он был отпущен, ибо в том же (1517) году сам Саид-хан выступил против него. В местности Кафир-Йар Саид-хан разделил свое войско на две группы: одна во главе с Айман-Ходжой двинулась через перевал Джоука (Джуука – также название реки, впадающей в оз. Иссык-Куль), другая, которую возглавил сам хан, – через Барскаун (Барскоон). В пути были захвачены два кыргыза, которые сообщили, что их соплеменники находятся на берегу Иссык-Куля, в месте впадения в озеро р. Барскаун. Войско Саид-хана остановилось у перехода Худжара. Саид-хан и его воины видели черные юрты кыргызов. На следующий день на рассвете Саид-хан внезапно напал на кыргызов. В полдень связанного Мухаммед-Кыргыза доставили к Саид-хану. Он сказал пленному: "Тебя по обычному праву кочевников следовало бы предать смерти. Но я великодушно прощаю тебя", после чего велел заточить его в оковы. После победы моголы ограбили кыргызов, "весь военный люд обогатился табунами коней, отарами овец, стадами верблюдов".

Саид-хан организовал еще несколько походов далеко на север от Кашгара, но покорить кыргызов так и не смог. Умер он в 1533 г.

Его сын и преемник Абд ар-Рашид назначил своего старшего сына Абд ал-Латифа наместником в Аксу и Уч. Этот царевич одновременно следил за событиями в Моголистане, охранял северные границы от нападений кыргызов и казахов, организовывал против них грабительские походы. Однажды

он напал на ставку казаха Хакк Назар-хана — сына Касыма и захватил богатую добычу. Но на обратном пути царевича настигли кыргызы и казахи. Начальник охраны Токтомыш Йирку из племени балыкчи не предупредил Абд ал-Латифа об опасности и бежал, за что впоследствии все его соплеменники были уничтожены Абд ар-Рашидом. Кыргызы и казахи ночью неожиданно напали на лагерь моголов. Абд-ал-Латиф был тяжело ранен и доставлен к Хакк Назар-хану, где вскоре скончался. Только немногие моголы спаслись бегством.

Абд ар-Рашид привез тело сына и похоронил его в местности Алтун близ Яркенда. Затем он выступил в поход против кыргызов и казахов. В исторических источниках названы разные места, где произошла между ними битва: Артыш, Эмиль, Иссык-Куль. Кыргызы и казахи в этом сражении потерпели поражение, их предводитель Хакк Назар-хан был убит. А Абд ар-Рашид вернулся с огромной добычей. Произошло это между 1551—1556 гг. Абд ар-Рашид в походах на Моголистан ставил цель подчинить кыргызов и казахов, что, однако, ему не удалось. Но он сумел распространить сферу своего влияния на пограничные районы Центрального Тянь-Шаня и Кашгарии. Умер Абд ар-Рашид в 967/1559—60 г.

При правлении его преемника Абд ал-Керима моголы окончательно были вытеснены с Северного Тянь-Шаня кыргызами, которые кочевали на территории от Джалыша до Чу — Таласской долины. Имеются данные, что часть их находилась также в Каракорумской, Сары-Кольской и Алайской долинах.

Последующие правители Восточного Туркестана (Мухаммед-хан, Ахмед-хан, Апак-хан и др.) беспрерывно вели борьбу между собой за престол в Яркенде. В этих междоусобицах участвовали казахские султаны и калмыцкие князья. Наиболее видным правителем Восточного Туркестана являлся Абдаллах, сын Абд ар-Рахима.

Кыргызы в первой половине XVII в. совершали набеги на пограничные районы Восточного Туркестана, а во второй половине века активно вмешивались в политическую жизнь Кашгарии. Об этом свидетельствуют исторические факты.

Мухаммед-хан умер в 1609 г. Как только стало известно об этом, кыргызы в количестве пяти тысяч (или три тысячи)

человек, которых возглавили Тилеке-бий и Бай-Бута-Кара, разграбили Уч (Уч-Турфан). По сообщению Махмуда ибн Вали, царевич Тимур-султан настиг их у перевала Янги-Арт и нанес им поражение, "убил около тысячи человек, а двести человек взял в плен" и освободил пленников из Уча. Об этой битве более подробно сообщал Шах-Махмуд Чурас. Он писал: "Хашим-байрин вместе с Тимур-султаном настигли кыргызов и вступили с ними в схватку. В то же время хаким Уча Хашим Чурас с аксуйскими войсками напал на противника с тыла. Еще до начала битвы Тилеке-бий с двумя тысячами воинов укрылся в одном месте, а Бай-Бута-Кара с тремя тысячами всадников вступил в сражение с моголами, но потерпел поражение. В этом бою были убиты двести тысяч кыргызов. Остальные сдались в плен. Тилеке-бий также пришел на поклон к Тимур-султану с дарами и сказал: " Мы согрешили потому, что его величество Мухаммед-хан покинул сей бренный мир. Когда мы услышали [это], то пришли — вдруг что-либо можем пограбить. А в противном случае разве мы решились бы на такую дерзость". Тимур-султан простил всех кыргызов и позволил им вернуться к себе. Судя по контексту приведенных выше цитат, эти кыргызы кочевали на севере от Аксу — Уча и были независимы от могольских правителей Восточного Туркестана.

К тому времени многие представители кыргызов занимали важные посты в стране моголов. Абдаллах созвал совет эмиров, сановников, где было решено перебить кыргызов.

Шах-Махмуд Чурас кратко изложил все это. Мирза-бек Улчаки бежал с ханской службы. По-видимому, он был придворным вельможей и, узнав о решении совета, успел скрыться. Кыргыз Сати-бий был хакимом Янги-Хисара. Двор сомневался в его искренности, поэтому его доставили в Яркенд. На его должность назначили кыргыза Кара-Кучука, который в скором времени бежал в Андижан. Какому-то Уйтамишу поручили Сати-бия, а он убил его. Другой кыргыз — Каракчи — с приближенными успел бежать на лошадях Айуб-бека (начальника стражи Яркенда). Тот с отрядом из племени татар и байрин преследовал беглеца. Но Каракчи преградил им путь и, убив многих (в том числе Айуб-бека и его сына), спасся.

Сын убитого Сати-бия Аллахйар тоже бежал, его преследовал Шахбаз-бек (хаким Яркенда) с отрядом. Но в битве с ним люди Аллахйара заставили его повернуть назад. Предводители родов чонбагыш и кыпчак Таваккули-бай и Нуртайлак засели в Катлиште, горожане окружили их. В конце концов оба они были схвачены со своими родичами.

Примерно так же сообщает об этом событии и автор "Истории Кашгарии": "Отозвав из Ени-Хисара (Янги-Хисара) Сатым-бия с сан-кыргызами, он назначил вместо него правителем Ени-Хисара Кара-Кучук-бия. Кара-Кучук-бий бежал из Ени-Хисара. Так как кыргызы замышляли заговор против хана, то во главе с Сатым-бием собрались сан-кыргызы, найманы, кыпчаки, канглы и другие, распределили между собой Яркенд, Кашкар, Аксу и Хотан и разместились там. Сатым-бий находился у Утемиш-бека, Каракчи-бий был у Айуб-бека. [Хан] подчинил себе кыргызов во главе с Сатым-бием. Каракчи, проведав [об этом], бежал, Айуб-бек, Шах- Махмуд-шах [и] его сын Муталлиб-ходжа пустились за ним в погоню. Каракчи-бий, повернув назад, атаковал их".

Абдаллах сурово наказал не только отдельных лиц, но и целые роды кыргызов. Хан велел разделить племя булгачи на несколько частей и передать их под контроль военных отрядов. Через некоторое время по приказу хана все они были перебиты. В целом в этой кампании было убито десять тысяч кыргызов.

Спустя два года после этих событий, тот же Уйтамиш (Утемиш) без оснований обвинил кыргызов и их предводителей Кепек-бека, Идрис-бека, Хушай-мирзу, Джамал-бека. Они были вынуждены скрыться и после этого послали Джамал-бека к хану Абдаллаху. Хан пригласил к себе Кепек-бека, Идрис-бека с их спутниками. Хорошо принял их, а Уйтамиш был наказан.

После избиения кыргызов их представители вновь привлекаются ханом на службу. Известно, например, что кыргыз Абдаллах-бек был назначен хакимом Кусана, а затем Аксу.

Правителем Кашгара Абдаллах назначил Тулак Чураса, но он вскоре умер. На его место был поставлен кыргыз Койсары из рода чонбагыш. В Кашгаре большое влияние имели Апак-

бек и другие предводители кыргызского рода кыпчак. Но против них были другие (видимо, могольские) горожане Кашгара. В это время Йулбарс-хан (сын Абдаллаха) при поддержке Очирту-Цецен-хана через селения Артуджа и Аргу подошел к стенам Кашгара. Однако не смог взять города и вынужден был отступить. Об этом узнал Абдаллах, но не поверил известию об уходе сына из страны и решил бежать из Яркенда. К тому времени при хане служили в основном кыргызы. Один из них, предводитель Хайдар-бек, обратился к хану со словами: "Государю столь высокого достоинства, каким ты являешься, не подобает бежать от удачливого сына". Но другой кыргыз Бабак-бек советовал хану совершить хадж в Мекку. Абдаллах направил против Йулбарс-хана около двух тысяч кыргызов. Как только они ушли, хан "забрав своих челядинцев и близких, направился в Хиндустан", где был принят правителем его Аурангзебом. Хана сопровождали в основном кыргызы, в том числе упомянутые предводители их Бабак-бек, Кармишак-бек и другие.

§ 2. Взаимоотношения кыргызов и калмаков в XVII – первой половине XVIII в.

Западные монголы, тюркское название которых – калмаки, в исторической литературе получили известность как джунгары (ойроты). После падения первого их государственного объединения под властью хана Эсена в середине XV в. в борьбе с восточными монголами за выход на китайский рынок и за лучшие пастбища они были вынуждены изменить свой внешнеполитический курс. Лишенные возможности пограничной торговли с Китаем, калмаки видели единственный выход для получения столь необходимой кочевникам продукции оседло-земледельческого хозяйства только в переориентации на запад. Однако и здесь они не добились успеха (ни в военном, ни в дипломатическом отношении). Борьба калмакских феодалов с правителями Моголистана и Восточного Туркестана за овладение Хамийским округом, расположенным на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами

запада, продолжалась в течение XV и XVI вв. с переменным успехом. Одновременно они вели изнурительные войны против кыргызов и казахов за пастбища Моголистана. Источники свидетельствуют, что взаимоотношения калмаков с кыргызами и казахами в начале XVII в. были нестабильными — столкновения между ними сменялись временными союзами.

Первый крупный поход калмакских феодалов (со времени образования Джунгарского ханства в 1635 г.) против кыргызов и казахов состоялся весной 1643 г. Непосредственное участие в нем приняли войска халхасского Алтан-хана и главы части калмаков Хо-Урлюка. На этот раз Батур-хунтайши сначала "взял две землицы алатай-кыргызов ... токмаков тысяч 10". Затем калмаки двинулись на Ташкент и Туркестан, но войско казахского султана Джахангира при поддержке прибывшего на помощь узбекского войска во главе с Яланг-туш-аталыком вынудило их отступить. Джахангир и Яланг-туш не стали преследовать отступающих, что дало возможность Батуру-хунтайши временно закрепиться на захваченных землях.

О вторичном походе калмаков против кыргызов повествует Сакбон Раднабатор — автор биографии видного религиозного деятеля ойротов Зая-Пандиты: "В ту зиму (1652 год дракона), покорив бурутов (кыргызов), прибыл Цецен-хан. В этом походе в семнадцать лет Галдамба поразил Янгир-хана". Следовательно, хотя поход Цецен-хана был направлен против кыргызов, совместно с ними выступили и казахи во главе с султаном Джахангиром, который был убит во время сражения.

В следующем, 1653, году умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайши. С его смертью начались новые междоусобные войны калмакских феодалов за власть. Воспользовавшись этим, против Джунгарского ханства выступили Аштарханиды. По сообщению Сакбона Раднабатора, в 1658 г. 38-тысячное войско Аштарханидов во главе с Абдышукуром прибыло в Таласскую долину и при поддержке кыргызов и казахов в местности Хулан Джилан вступило в сражение с калмаками. Однако в ходе сражения Абдышукур был убит, Аштарханиды были вынуждены отступить, неся большие потери.

В 1678 г. новый хан Джунгарского государства Галдан-Бошокту, в результате многолетней борьбы окончательно упрочив свою власть над всеми ойротскими владениями, начал новые завоевательные походы в Среднюю Азию и Восточный Туркестан.

После взятия Яркенда (1680 г.) Галдан в течение нескольких лет всецело был занят захватническими походами на территорию современных Южного Кыргызстана и соседних областей Узбекистана. В 1681 г. он предпринял попытку взять город Сайрам, но безуспешно. Через два года Галдан вновь окружил Сайрам и опять был вынужден его оставить, но захватил в плен двух казахских султанов. Осенью 1683 г. он отправился в поход с целью покорить кыргызов, кочевавших в окрестностях Андижана. Совместно с узбеками кыргызы оказывали упорное сопротивление калмакским феодалам. Поэтому поход Галдан-Бошокту-хана в 1683 г. на Андижан оказался безрезультатным. Собрав новые силы, он возвращается сюда в следующем, 1684, году. Разграбив Ош, Галдан двинулся на Андижан, однако, натолкнувшись на решительное противодействие кыргызов и узбеков, вынужден был отступить. Летом того же года отряды Галдана разграбили и разрушили город Сайрам, многие жители были уведены в рабство в Джунгарию. Осенью 1685 г. он предпринял последнюю безуспешную попытку овладеть Андижаном.

После этих разорительных, но безрезультатных походов в Среднюю Азию Галдан-Бошокту-хан, изменив свою внешнюю политику, вторгся в пределы Восточной Монголии, преследуя цель объединить все монголо-ойротские ханства. Тем временем, пользуясь отсутствием Галдана, верховную власть в Джунгарии захватил его соперник – Цеван-Рабдан, который вынашивал план захвата новых земель на западе. Несмотря на вынужденную откочевку в Ферганскую долину некоторых северокыргызских родоплеменных объединений, большая часть кыргызов в первой половине XVIII в. оставалась в Южном и Центральном Тянь-Шане. По свидетельству капитана Унковского, кыргызы (буруты) "кочуют около озера, именуемого Тускель (Иссык-Куль) и с казачьей ордою граничат". Считалось, что "этих бурутов" насчитывалось 5000 ки-

биток, и они могли выставить почти трехтысячное войско. А также крупные родоплеменные объединения, такие, как кыпчак, чонбагыш, найман, теелес, кесек и кушчу, прочно закрепившись на южных склонах Терской Ала-Тоо, постоянно соперничали с калмаками за господство в Восточном Туркестане.

Новая волна нападений калмакских феодалов на Кыргызстан и соседние области началась после вступления в 1727 г. на престол Джунгарского ханства сына Цеван-Рабдана Галдан-Церена. Около 1723 г. войска калмакских феодалов совершили нападение на кочевье кыргызских племен в Кетмень-Тюбинской долине. Затем в течение 1736 и 1738 гг. отряды Галдан-Церена трижды проникали в Бадахшан. По возвращении из последнего похода калмакское войско было полностью истреблено кыргызами в районе Каратегина.

Воспользовавшись усилением междоусобной войны за власть в Джунгарии, кыргызские бии около 1747 г. совершили удачный поход на Кашгар. Десятитысячное войско, возглавляемое Акматбием, с победой возвратилось в свои кочевья. С целью мести калмакские феодалы направили против кыргызов десятитысячное войско под главенством зайсана Доржи. Оно было полностью разбито кыргызами, в Джунгарию вернулось только три тысячи человек.

К этому времени кыргызы вновь рассматривались как опасные враги калмаков, поэтому правители Джунгарии вынуждены были постоянно держать наготове крупное войско. Очередной поход калмакских феодалов в Кыргызстан начался выступлением 27000 всадников в мае 1749 г. и продолжался около трех месяцев. Но и этот поход калмаков закончился неудачно, они возвратились, потеряв убитыми 7 тыс. воинов.

§ 3. Участие кыргызов в освободительной борьбе народов Восточного Туркестана против ига Джунгарского ханства

Усиление междоусобной войны в Джунгарии дало толчок к возникновению освободительного движения в Восточном Тур-

кестане против ига калмакских феодалов, при активной поддержке кыргызскими племенами. Это движение видные деятели черногорских ходжей: сыновья Даниял-ходжи – Джаханходжа, Юсуф-ходжа, Низам ад-Дин-ходжа и Абдаллах-ходжа. С начала XVIII в. Даниял-ходжа в качестве вассала Джунгарии формально управлял страной. После его кончины Галдан-Церен назначил названных выше сыновей Данияла правителями городов Яркенда, Кашгара, Аксу и Хотана. Однако их власть над этими городами была номинальной, так как большую часть своего времени они проводили в ставке джунгарских правителей в качестве заложников, в городах же фактически вся власть была в руках поставленных калмакскими феодалами хакимов, которые решительно поддерживали Джунгарское ханство. Кроме черногорцев, были и другие претенденты на власть – потомки главы белогорцев Абакбия – Бурхан ад-дин и Хан-ходжа, которые тоже с начала XVIII в. задерживались в ставке правителя Джунгарии. Оба эти религиозных лагеря рассчитывали на поддержку крестьян, ремесленников и главным образом кыргызов. Но поскольку лидеры белогорцев находились в заточении, стихийное народное движение оказалось в руках черногорцев, которые, благодаря своему сотрудничеству с джунгарскими феодалами, пользовались относительной свободой.

Такова была политическая обстановка в стране накануне открытого вооруженного выступления против господства Джунгарского ханства.

Один из главных организаторов восстания – Юсуф-ходжа – тайно отправил письмо кыргызам-кыпчакам, кочевавшим в долине р. Или, с просьбой оказать помощь в борьбе "за веру против неверных калмаков". При этом, оправдывая себя и других черногорцев, сотрудничавших ранее с калмаками, он писал: "Есть надежды на великого хазрата Господа славного и Всевышнего, что [теперь], когда моя жизнь приближается к концу, я искуплю свою вину и безотказно буду поражать [неверных] мечом ислама. Я отомщу этим неверным за мое [вынужденное] повиновение [им] в течение нескольких лет". Кыпчаки спешно отправились в Восточный Туркестан и прибыли в город Хотан.

Тем временем правитель Джунгарии Даваци, осведомленный через своих ставленников о готовящемся восстании, отправил к Юсуфу-ходже посла, которому было поручено с помощью ишик-аги Кашгара Худояр-бека организовать заговор и убить главарей черногорцев. Но заговор был раскрыт, Худояр-бек казнен, сообщники строго наказаны. Другой ставленник в Яркенде, Гази-бек, схватив Джахан-ходжу, открыто выступил против восстания и вместе со своими сторонниками обратился к калмакскому послу с просьбой о помощи. Однако в обстановке острой борьбы Даваци против Амурсаны калмакские феодалы не смогли оказать своим ставленникам военной поддержки.

Между тем в лагерь восставших прибыли новые отряды кыргызов из соседних районов страны. Садык-ходжа в сопровождении кыргызских войск во главе с Амир-мирзой двинулся в Яркенд и освободил своего отца Джахан-ходжу, который был в плену у Гази-бека.

После этого Юсуф-ходжа обратился к главе андижанских кыргызов Кубат-мирзе из племени кушчу с призывом принять участие в газавате "против неверных". Но в это время началось внезапное наступление со стороны Джунгарии Бурхан ад-Дин-ходжи и Хан-Ходжи с немногочисленным отрядом из маньчжурских и калмакских воинов, который дислоцировался на р. Или. Учитывая политическую обстановку в Восточном Туркестане (1755 г.), цинские власти решили использовать этих белогорских ходжей для захвата Восточного Туркестана. Они выделили им небольшой отряд в надежде на то, что те смогут перетянуть на свою сторону последователей черногорцев.

Расчет маньчжурцев оказался точным: большинство влиятельных лиц, ранее поддерживавших калмаков, перешло к белогорцам. Кроме того, доверенным Бурхан ад-Дина и Хан-Ходжи удалось уговорить всех кыргызов, включая прибывших из Андижана людей Кубат-мирзы, выступить на их стороне. Поддержка белогорцев кыргызскими войсками в решающем сражении в Яркенде предопределила поражение черногорцев.

Однако стоящие за спиной победителей маньчжуры вскоре предъявили свои "права" на Восточный Туркестан. Попытки, предпринятые Бурхан ад-Дином и Хан-Ходжой освободиться от опеки своих прежних покровителей, как и антиманьчжурское восстание Анурсканы в Джунгарии, не имели успеха. В конце 1759 г. страна полностью оказалась под властью Цинской империи.

§ 4. Политическое устройство, социальные отношения, хозяйство, торговля

Социально-экономические отношения и общественно-политический строй кыргызов в XVI—XVIII вв. до сих пор остаются сравнительно малоизученной проблемой историографии средневекового Кыргызстана. Обусловлено это прежде всего скудностью информации в письменных источниках. Учитывая застойный характер производительных сил и соответствующих им производственных отношений в Кыргызстане рассматриваемого периода, при исследовании ее следует привлекать этнографические материалы, сообщения источников XIX в., а также произведения устного народного творчества, где содержатся довольно подробные сведения о хозяйстве и общественных отношениях у кыргызов более ранней поры.

Специфической особенностью господствовавших в кыргызском обществе производственных отношений в период позднего средневековья являлась то, что эти в своей основе феодальные отношения продолжали развиваться под оболочкой патриархальных форм общности (род и племя). Этому во многом способствовали натуральный характер экстенсивного полукочевого хозяйства, упадок городов и слабость внутренних экономических связей.

Политическое устройство и социальные отношения. В XVI—XVIII вв. основной административно-политической единицей кыргызского общества являлись самостоятельные родоплеменные объединения. Консолидировавшись к концу XVI в. в феодальную народность, они еще долго сохраняли родоплеменную структуру. В этот период кыргызы занимали всю современную территорию Кыргызстана, а также некоторые сопре-

дельные районы Узбекистана, Таджикистана и Восточного Туркестана. Наиболее крупными родоплеменными объединениями кыргызов были кыпчак, теелес, кесек, чонбагыш, сарыбагыш, кушчу, найман, саяк, бостон, могол (монолдор), солто, бугу, канглы, кытай, сару, адыгене, басыз, нойгут, черик. Каждое из этих племен в свою очередь делилось на более мелкие подразделения. Однако кыргызские племена позднего средневековья, их родоплеменной состав и сложившиеся у них патриархально-феодальные отношения в корне отличались от первобытнообщинных. Правители отдельных племен, будучи крупными феодалами, принимали целые группы из других родов и племен, и общины являлись не родовыми, а территориальными союзами.

Таким образом, кыргызские родоплеменные объединения состояли из представителей различных групп и уже не представляли собой общности, связанной единым происхождением. Тем не менее со временем эти объединения становились достаточно прочными и это обусловливало создание устойчивой территориально-политической общности.

Родоплеменные объединения в свою очередь входили в состав двух территориально-политических образований — онг ("правое крыло") и сол ("левое крыло"). Генеалогические предания, зафиксированные в "Маджму ат-таварих", такое разделение кыргызских родоплеменных объединений относят к XII в. и приписывают этот акт иману Ибрахиму Заранджишу, который будто бы возглавил борьбу кыргызов против нашествия кара-кытаев. Разумеется, процесс разделения кыргызских родоплеменных объединений на два "крыла" начался в результате действия определенных экономических, политических, этнических и географических факторов.

Хотя эти два территориально-политических образования первоначально соответствовали традиционному делению кыргызских племен на правое и левое "крыло", но уже в середине XVIII в. их родоплеменной состав был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам. В правое "крыло" входили родоплеменные объединения саяк, сарыбагыш, монголдор, бугу, солто, черик, басыз, азык, багыш, беш тамга, кытай, кушчу, саруу, они занимали в основном терри-

торию Северного Кыргызстана. В левое "крыло" входили объединения кыдырша, теит, бостон, жедигер, кесек, найман, ахтачи, окчу, теелес, кыпчак, канглы, мундус, багыш, адыгене, жору, берю, баргы, конурат, нойгут, чонбагыш и карабагыш, проживали они в пределах Южного Кыргызстана.

Каждое "крыло" ежегодно из числа старших биев своих родоплеменных объединений избирало верховного бия (чоң бий), который занимался общим управлением. Но фактически он не располагал значительной и постоянной военной силой, не имел реальной власти над старшими биями — правителями родоплеменных объединений и крупными феодалами.

Каждое родоплеменное объединение, во главе которого стоял старший бий (улук бий), представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу и обязательно имело свою тамгу, а также свой боевой клич — ураан.

В состав родоплеменного объединения входили связанные между собой не столько действительным, сколько мнимым родством многочисленные роды и родовые подразделения. Ими управляли акалакчын бии, которые были в подчинении у старшего бия.

Основное богатство кочевников — скот — находилось в частном владении. По сообщению автора первой половины XVIII в. Мирхал ад-Дина Яркенди, кыргызские феодалы владели большим количеством скота. "Каждый [бий] управляет своей землей и имеет своих подданных", — сообщает источник, относящийся к этому времени. Следовательно, феодальная знать, обладавшая большим количеством скота, фактически распоряжалась и земельными угодьями, хотя владение пастбищами у кыргызов внешне имело общинный характер.

Следует отметить, что на территории Кыргызстана в XVI — первой половине XVIII в. наряду с преобладавшим полукочевым типом хозяйства существовали также типы хозяйства, характерные для южных районов, — полуоседлый и оседлый. Поэтому вопросы собственности на землю в различных местах решались по-разному. Если у северокыргызских родоплеменных объединений право на владение определенной территорией письменно не оформлялось, а традиционно передавалось из поколения в поколение только на основании "обычного"

права, то в южных районах отдельные кыргызские феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от шейбанидских и аштарханидских ханов, получали земельные пожалования за военные заслуги, о чем свидетельствуют документы. При этом и здесь сохранялась внешняя видимость общинного характера пользования землей, так как приобретенные у ханов земельные участки оформлялись, как правило, на имя определенного рода, а не феодала.

Как показывают источники, феодальная верхушка кыргызского общества повсеместно присваивала себе право распоряжения территорией. "Специально выделили места кочевий, и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя. Не позволяли каждому переходить через границу, запрещалось на своих землях вредить друг другу". Следовательно, бии устанавливали границы кочевания для подвластных им групп скотоводов, определяли порядок пользования теми или иными пастбищами. Таким образом, родоплеменная собственность на земельные угодья существовала лишь формально и служила для маскировки феодальной формы земельной собственности.

Частная собственность на средства производства разделяла кыргызское общество на два антагонистических класса: класс феодалов (бии, баи, батыры) и класс эксплуатируемых (чарбадар, кедей, кул).

Самую привилегированную, аристократическую прослойку общества составляли бии. Верховные бии правого и левого "крыла", как уже отмечалось, совмещали эту должность с функцией старшего бия своих родоплеменных объединений и не имели реальную власть над другими старшими биями, относящимися к их "крылу". Исключительно важная роль старших биев в кыргызском обществе заключалась в том, что внутри подвластных им родоплеменных объединений они не только осуществляли административную власть, но и ведали внешними, военными и судебными делами. Старший бий каждого кыргызского племени мог по своему усмотрению совершать набеги на соседей либо оказывать военную поддержку правителям других государств, лично решать важные судебные дела.

Ступенью ниже в иерархии феодальной аристократии кыргызского общества стояли акалакчын бии — правители более мелких родовых подразделений внутри родоплеменных объединений. Так, в первой половине XVIII в. старшим бием родоплеменного объединения кыпчак был Амир-мирза, в его подчинении находились правитель рода тогуз-кыпчак Суфимирза и глава рода таз-кыпчак Хаким-мирза.

Основной опорой власти биев являлась дружина, численность которой обычно составляла 40 и более человек. В случае необходимости бии из числа своих подданных собирали народное ополчение, которое составляло основу кыргызского войска. Бии некоторых кыргызских родоплеменных объединений могли выставлять войско численностью до 7 тыс. человек.

Баи составляли основу класса феодалов и несомненно играли заметную роль в общественно-политической жизни кыргызов, однако они не обладали определенными властными полномочиями даже внутри своего рода. При решении тех или иных вопросов некоторые из них выступали только как советники бия.

Батыр — выделявшаяся по своим качествам между своими сородичами личность. В военных условиях или во времена набегов батыр командовал дружиной. Обычно его "деятельность" начиналась с угона чужого скота. Со временем батыры сколачивали большие богатства, иногда им удавалось узурпировать власть правителя родоплеменного объединения.

О положении рядовых скотоводов источники того времени ничего не сообщают. Только по данным этнографии, языка и сравнительно поздних источников можно судить о положении бедняков в рассматриваемый период.

Основную часть зависимого населения кыргызского общества составляли чарбадар — владельцы сравнительно небольшого количества скота. Бедняки, не имевшие своего скота (кедей), являлись наиболее эксплуатируемой частью кыргызского общества. Их использовали в качестве пастухов овец и коров (койчу, уйчу), табунщиков (жылкычы) и поденщиков (жалчы).

Феодалы использовали различные формы эксплуатации бедняков, так называемую патриархально-родовую "помощь" обедневшим скотоводам. Так, за предоставление во временное пользование небольшого количества коров и овец нуждающимся сородичам-беднякам (с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть скота) феодалы обязывали их выполнять в своем хозяйстве определенную работу: ухаживать за скотом, работать на земле и т.д. Баи предоставляли беднякам также вьючный скот для перекочевки и рабочий скот для обработки полей на условиях отработочной ренты.

Другой вид отработочной ренты, также широко используемый феодалами, позволял им эксплуатировать и скотоводов-середняков — чарбадаров. Его суть заключалась в том, что феодалы, пользуясь правом распоряжаться общинными землями, как бы сдавали в аренду им пастбищные угодья. Чарбадары за право пасти свой скот на пастбищах, фактически находящихся в распоряжении феодалов, были обязаны присматривать и за их скотом.

Таким образом, в эпоху позднего средневековья отработочная рента служила основной формой эксплуатации бедняков и скотоводов-середняков феодальной верхушкой кыргызского общества. Была широко распространена натуральная рента в виде поборов скотом или продуктами. Она ложилась тяжелым бременем на трудящееся население, которое обязано было покрывать всякие расходы, произведенные биями (на прием гостей, пиры, праздники и т.д.).

Самую бесправную прослойку кыргызского общества этого периода составляли рабы (кул). По сообщению Мирхал ад-Дина Яркенди, один из крупных кыргызских феодалов Худайберды-бий имел множество рабов. Прослойка рабов пополнялась из числа военнопленных, преступников, а также попавших в долговую кабалу бедняков. Владельцы рабов распоряжались ими как любой другой своей собственностью: их включали в состав калыма и приданого, выставляли в качестве призов на скачках и т.д.

Источники отмечают существование у кыргызов определенной системы формирования войска, а также своеобразной

тактики ведения боя. "Каждый раз, как неприятель вторгается в [их] границы и готовится сражаться, тотчас собирают соплеменников и назначают предводителей. Он-баши (десятник) — глава десяти человек, жуз-баши (сотник) — глава сотни человек, минбаши (тысячник) — глава тысячи человек".

Судя по сообщениям источников, тактика ведения боя у кыргызов строилась таким образом, чтобы максимально использовать преимущества характерной для территории Кыргызстана горной местности. Так, в сочинении турецкого автора Сейфи о военной тактике кыргызов говорится следующее: "Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи в глубь гор, а сами занимают проходы, чтобы никто не прошел... Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов".

Преобладающими видами вооружения кыргызского войска были: найза — длинная деревянная пика с острым металлическим наконечником и ай балта — боевой топор типа секиры, а также луки, сабли и ружья.

Хозяйство. Ведущей отраслью хозяйства кыргызских племен в XVI—XVIII вв., как и прежде, являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Оно носило экстенсивный характер и полностью зависело от капризов природы.

В большом количестве разводили приспособленных к географическим условиям Кыргызстана животных — лошадей, яков, овец, коз, верблюдов и крупный рогатый скот. Преобладающее значение в хозяйстве имело коневодство. Объяснялось это тем, что в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства содержание лошадей не требовало больших затрат: весной, летом и осенью их выпасали на пастбищах, а зимой они сравнительно легко добывали корм из-под снега.

Без коня трудно представить себе кочевника-скотовода как в повседневной жизни, так и в условиях военного времени. Лошади являлись средством передвижения: на них ездили верхом, их использовали под вьюком, запрягали в волокуши. Конина шла в пищу, из кобыльего молока готовили вкусный и питательный напиток — кумыс. Из конского волоса плели веревки, а из выделанных шкур шили обувь, сбрую, изготавливали сосуды для хранения кумыса и других молочных

продуктов. "Повседневным средством их (кыргызов. — *О.К.*) существования, — пишет историк XVII в. Махмуд ибн Вали, — как в еде, так и одежде являются лошади и овцы, особенно конина и конское молоко, называемое кумыс, шерсть и кожа этих животных".

Овцеводство также давало кочевникам мясо, молоко, шерсть и кожу. Из шерсти и кожи овец кыргызы производили многие предметы первой необходимости и домашнего обихода. Богатые кыргызские феодалы владели большим количеством овец — до 3000 голов.

В высокогорных районах Памира, Алая, Тянь-Шаня разводили яков. Выносливые и неприхотливые, они использовались кыргызами как вьючные животные в труднодоступных горных местностях. Кроме того, яки давали молоко, мясо, шерсть, добротную кожу. Благодаря хорошей приспособленности к горным условиям в отдельных районах яки постепенно вытеснили крупный рогатый скот.

Важное место в хозяйственной деятельности кыргызов занимала охота, которая в основном имела промысловое значение. Для феодальной знати она была развлечением (особенно охота с соколами и ястребами), для бедняков же охота нередко являлась единственным средством к существованию. У кыргызов были распространены обряд посвящения в охотники и заговоры при охоте на различные виды зверей, на дичь.

Несмотря на то, что основная часть земельных угодий Кыргызстана использовалась под пастбища, в XVI—XVIII вв. кыргызские племена наряду со скотоводством занимались и земледелием. Население Кыргызстана издревле выращивало различные виды зерновых культур.

Пришедшие в запустение в период монголо-татарского нашествия предгорные плодородные земли Чуйской, Таласской долин и Иссык-Кульской котловины постепенно были возрождены полукочевым кыргызским населением. Полноводные горные реки Кыргызстана позволяли вести повсеместно поливное земледелие. Орошались поля даже в высокогорных районах Алая и Каратегина.

Особенно было развито земледелие в предгорных районах Ферганы. Несмотря на определенный подъем развития земле-

делия, сельскохозяйственная техника оставалась примитивной. Главным орудием для вспашки полей была деревянная соха – буурсун, с металлическим наконечником. Ею пользовались древние земледельцы Чуйской долины еще в VIII в. н.э. Широко использовались в Средней Азии кетмень и серп. Обмолот зерна производился с помощью лошадей и волов. Зерно мололи вручную каменными жерновами, однако в XVIII в. в Кыргызстане появились и водяные мельницы.

В хозяйстве кыргызов, которое носило преимущественно натуральный характер, значительную роль играло домашнее производство необходимых в повседневной жизни предметов. Почти каждая семья сама производила одежду, пряжу, холсты, войлок и кошмы, деревянные и войлочные части юрты.

Несмотря на то, что ремесло в кыргызском обществе в целом еще не выделилось из сельского хозяйства, существовала профессиональная специализация в металлургии, обработке металла и дерева, производстве войлока.

Торговля. В XVI–XVIII вв. товарно-денежные отношения в Кыргызстане были развиты слабо. Торговля на внешних рынках и с приезжими купцами носила в основном меновой характер. Местные феодалы через своих доверенных лиц поставляли на рынки Ферганской долины и Кашгарии продукты скотоводства, охоты, а также различные ремесленные изделия в обмен на продукцию оседло-земледельческого хозяйства. Купцы из городов Средней Азии и Восточного Туркестана вели оживленную меновую торговлю в кочевьях кыргызских племен.

Характеризуя кыргызские товары, Махмуд ибн Вали называл мех черной лисицы, кошмы, овец, белого сокола, ястреба, тогрела и кречета. Он отмечает, что кашгарские купцы в свою очередь вывозили на рынки других стран кыргызских лошадей, яков, а также невольников.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Основание Султаном Саид-ханом государства Моголистан в Восточном Туркестане.
2. Мухаммед-Кыргыз и военные походы против него Султана Саид-хана.
3. Походы Абд ар-Рашида против кыргыз-казахов.
4. Правители Восточного Туркестана во второй половине XVI в.
5. Абдаллах-хан. Наказание Абдаллахом кыргызов.
6. Наступление калмаков в Среднюю Азию. Участие кыргызов в борьбе против калмаков.
7. Политическое устройство, социальный состав и хозяйство кыргызов.

ЛИТЕРАТУРА

Акимушкин О.Ф. Могулистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. – М., 1969.

Бартольд В.В. Соч. Т.I, II (1). – М., 1963.

История Киргизской ССР. Т. I. – Фрунзе, 1984.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. – М., 1973.

ГЛАВА 8

КЫРГЫЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

§ 1. Завоевание Киргизии Кокандским ханством

При знакомстве с древней историей кыргызского народа невольно задаешься вопросом, как мог в общем-то немногочисленный кыргызский народ в течение долгих семидесяти лет оказывать упорное сопротивление военным притязаниям сильного Кокандского государства? Ведь только в 1762–1832 гг. ханы неоднократно выступали против кочевников, пока не обрушили всю свою мощь и мощь своих вассалов на Киргизию, но и тогда покорили ее лишь временно. Кыргызы и кыпчаки постоянно восставали против чужеземного ига.

Прежде чем ответить на этот вопрос, историки задаются другим: что же представляло собой Кокандское ханство? Ханская династия Минг в течение XVIII столетия традиционными методами сколачивала феодальное государство, поддерживая власть своих правителей вооруженной силой и беспощадным террором. В ханстве, раздираемом межфеодальными усобицами, борьбой за престол, официально существовало рабство, а о налоговой политике все сказано словами, которые превратились в пословицу: "Берсең да бересиң, бербесең да бересиң" ("Дашь – возьмем и не дашь – возьмем"). В составе Кокандского ханства население Южной Киргизии находилось с 1762 по 1876 г., а Северной – с 1825 по 1855–1863 гг.

Основателем кокандской династии Минг считается узбекский феодал Шахрух-бий, захвативший власть в отпавшей от Бухарского ханства Фергане примерно в 1710 г. После того, как во время коронации вассалы торжественно подняли его на белом войлоке "падишахства", этот ритуал становится традиционным.

Первые кокандские правители заигрывали с кыргызскими феодалами, но на их суверенитет не посягали. Так, глава южнокыргызского племени кушчи Кубат-бий (Ковад-мирза) во время похода против правителя государства Ура-Тюбе (крайний запад Ферганской долины) выступал равноправным союзником кокандского владетеля Ирданы-бия, а бухарские хроники называли его "опорой Ирданы". Так ли это?

На землях Ура-Тюбе кочевали кыргызские племена. Они видели, как его правители, лавируя между Бухарой и Кокандом, с огромным трудом сохраняли свою независимость. В середине XVIII в. престарелый владетель Ура-Тюбе Фазыл-бий вступил в союз со слабосильным правителем Хиссара Мадамин-бием для совместной обороны от посягательства Бухары и Коканда. Летом 1754 г. бухарские войска подступили к самым границам Ура-Тюбе с запада, а союзные кокандско-кыргызские — с востока. Фазыл-бий и Мадамин-бий, не располагая достаточными силами для сопротивления, стали действовать хитростью. Подложное письмо, адресованное якобы от имени Кубат-бия правителю Ура-Тюбе, содержало предложение объединиться с кокандцами и кыргызами для совместного нападения на бухарские войска. Специальный курьер "угодил" в руки бухарского караула и подделку доставили прямо к Рахим-хану, который впал в неописуемую ярость. Он давно уже не доверял Ирдане, теперь же обвинил его в прямой измене. И кокандский хан вынужден был прибегнуть к клятве на Коране.

Неизвестно, поверил ей или нет Рахим-хан, но о согласованных действиях против Ура-Тюбе теперь уже не могло быть и речи. Вскоре бухарский эмир отвел свои войска от границ владений Фазыл-бия.

В лагере кокандцев поползли слухи о письме Кубат-бия в Ура-Тюбе. Предводитель кыргызов был возмущен необоснованными обвинениями и открыто разорвал союз с кокандским ханом, кыргызы отказались сотрудничать с Ирданой. Ирдана же не осмелился самостоятельно напасть на Ура-Тюбе. Таким образом, маленькое владение Фазыл-бия на сей раз было спасено от разграбления.

Время шло, но случай с подложным письмом сохранился в

памяти правителя Коканда. Отныне он смотрел на кыргызов только как на объект своих будущих завоеваний. Лишь отвага, готовность кыргызов сражаться за свободу до конца, высокий военный авторитет Кубат-бия сдерживали на первых порах грабительские аппетиты кокандской верхушки, которая была вынуждена лицемерно выказывать уважение кыргызам и их признанному лидеру.

Еще какое-то время Кубат-бий со своими соплеменниками играл заметную роль в жизни Ферганы и Притяньшанья, кокандский письменный источник "Тарих-и Рахим-хани" называл его даже "царем кыргызов". Он от собственного имени – как основной союзник Коканда – направлял послания китайскому императору. И правитель Поднебесной, считавший себя верховным властелином мира – выше английского, французского и прочих монархов, вынужден был прислушиваться к мнению предводителя кыргызских племен, памятуя о их важной роли в политической жизни Кашгарии, на которую с вожделением взирали китайские богдыханы.

Духовные правители Кашгарии – ходжи, возглавлявшие враждующие между собой "белогорскую" и "черногорскую" политические партии, призывали Кубат-бия к борьбе с калмаками, которые еще в середине XVIII в. господствовали в Джунгарии и Северном Кыргызстане. Не исключено, что энергичная деятельность Кубат-бия в Фергане, на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане по объединению кыргызских племен была попыткой создания кыргызского централизованного государства. Однако прямых документальных свидетельств не сохранилось, а сама попытка, как известно, результатов не принесла.

Хорошо знали о Кубат-бие и в России: в сочинении сибирского инженера И.Андреева, опубликованном в "Новых ежемесячных сочинениях" в Санкт-Петербурге в конце XVIII в., он упоминается среди десяти крупнейших кыргызских родоправителей. Бухарские и кашгарские письменные источники единодушны в мнении, что Кубат-бий "был совершенно самостоятельным правителем и в зависимости от личных выгод, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем либо другим правителем".

Можно с уверенностью полагать, что предводитель кыргызов был грамотным: есть упоминания о довольно интенсивной переписке с другими правителями, в кокандских и кашгарских хрониках его часто титулуют "мирзой", а это — обращение к образованному человеку. Нет сомнения и в том, что Кубат-бий был яркой личностью, оставившей заметный след в истории XVIII в. Недаром известный советский востоковед П.П.Иванов характеризовал Кубат-бия как одного из "выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в."

Завоевание южных районов Киргизии. Ирдана, воспользовавшись неудачными попытками кыргызских племен к сплочению, активно укреплял положение Кокандского ханства в Средней Азии. Когда же он увидел, что его позиции достаточно упрочились, союз с кыргызами стал ему в тягость и вскоре между ним и Кубат-бием произошел разрыв. У Ирданы окончательно вызревает мысль о завоевании кыргызских земель. В своем успехе он был уверен: в 60-х годах XVIII в. существовал союз южнокыргызских племен, который возглавлял бий племени адыгене Хаджи: его-то, считал кокандский правитель, и можно было столкнуть с кыргызами Кубат-бия.

Хитро используя раздоры между кыргызами, хан в 1762 г. напал на Узгенд. Когда местные ополченцы под флагом Хаджи-бия отступили, кокандцы захватили Ош, ссылаясь на то, что он издавна принадлежал Коканду, а войска кыргызов оттеснили в горы. Весной 1764 г. Ирдана вознамерился захватить Ходжент, а Хаджи, воспользовавшись тем, что кокандские войска ушли из Восточной Ферганы, напал на Ош. Ошеломленный Ирдана заключил скорый мир с правителем Ходжента Фазыл-беком и бросил основные силы к Ошу. Хаджи-бий был пленен кокандцами, однако Ош и его окрестности оставались некоторое время под контролем кыргызов, которым было очень трудно сохранять свои позиции, поскольку давление Коканда возрастало: он имел неоспоримое преимущество в живой силе, вооружении и организации войск.

Кокандские правители понимали, что подчинить себе кочевников только силой оружия нельзя, поэтому в ход пошли интриги, которые способствовали разжиганию междоусобных распрей кыргызских феодалов. Особенно преуспел в этом ко-

кандский правитель Нарбута-бий (1770–1800 гг.). Он смог привлечь на свою сторону авторитетных кыпчакских и кыргызских феодалов, раздавая им высокие чины и почетные звания, выделяя лучшие пастбища. Коканд стравливал склонившихся на его сторону кыргызских феодалов с теми, кто пренебрегал его милостями.

В результате к 80-м годам XVIII в. в зависимость попали практически все кыргызские земли в Ферганской долине, а также часть предгорных кыргызских племен. Кокандские правители устремили свои взоры на северо-восток – в направлении Ташкента и Северного Тянь-Шаня. Чтобы избежать угрозы порабощения, вожди племен сарыбагышей Атаке и Исенгул отправили послов в Санкт-Петербург и решили заключить военный союз с казахами, отношения с которыми были очень напряженными. В 1786 г. в ответ на приглашение кыргызов казахский султан Хан-Ходжа послал делегацию для переговоров, которую старейшины кыргызов пытались убедить в том, что экспансия Коканда несет угрозу обоим народам, а кроме того напоминали, что "как для вас, так и для нас общие неприятели – китайцы". Но посланники султана выдвинули до того унизительные требования, что кыргызы не могли принять их. Этим вскоре и воспользовались кокандские ханы, перейдя в начале XIX в. к прямой агрессии против казахов и кыргызов на северо-востоке региона.

Первые шаги захватнической политики Коканда в отношении кыргызов совпали с правлением сына Нарбуты-бия Алима (1801–1809), совершившего ряд жестоких грабительских походов. Мулла Нияз Мухаммед – автор апологетического сочинения "Тарих-и Шахрухи" и тот вынужден был признать: хан уничтожал все "кроме камней и земли". Однако попытки покорить кетмень-тюбинских кыргызов войском во главе с лучшим полководцем ханства Идрискул-бием оказались тщетными.

В мае 1806 г. кокандцы захватили Ура-Тюбе. Местное кыргызское население восстало против поработителей. Это позволило бухарскому эмиру Хайдару отбить и присоединить город и его территории к эмирату. В отместку войска недовольного Алим-хана в 1809 г. овладели Ташкентом, вошед-

шим затем в состав кокандских владений и ставшим плацдармом для войн с кыргызами и казахами Таласа и Семиречья. Предпринятые походы, однако, не имели существенных последствий, в чем Алим-хан обвинял и за что жестоко наказывал своих сановников. Те, озлобленные преследованиями, убили Алим-хана, возведя на престол его брата Омара.

Нового хана (1809–1822), энергично продолжавшего завоевательную политику брата, также сильно раздражали неудачные походы против своевольных кетмень-тюбинских кыргызов. Мирза Каландар – автор "Тарих-и Омар-хани" – сообщает, что еще Нарбута направлял целый ряд военных экспедиций против кетмень-тюбинцев, но "сколько ни совещались искушенные в делах [мужи] и воители – столпы государства, обмениваясь мыслями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ (кыргызов. – *В.П.*), способа покорения этой горной местности выявлено не было". Документы свидетельствуют, что в начале XIX в. героическую борьбу кыргызов против поработителей возглавил некто Сатыке, который, видимо, был рядовым в стане своих сородичей, ибо нигде не называется ни "беком", ни "бием".

Мирза Каландар сообщает, что в конце концов Омар-хан собрал советников, которые, соблюдая этикет, молвили: " О государь! Да будет всегда цветущим и радостным розовый цветник твоего могущества, ведь с корнем вырвано колючее древо скверны: люди обмана и казахское племя рассеяны. Да славится величие такой эпохи, как твоя! О шах – покоритель мира! От толп супротивников следа в мире не осталось, кроме Сатыке, скверного пса и бесчестного негодяя, который с некоторым числом кыргызов обратился к подобного рода грабительству и разбою на дорогах, и имя его ославилось в городах и странах. (Видимо, силен был Сатыке, если его так порочили враги, желая ославить в других городах и даже странах. – *В.П.*).

Если хочешь, чтобы этот зловредный разбойник попал в твои руки, очевидно, надо действовать в самые холодные зимние дни, так как зима – бедственное время для кыргызов...

По причине того, что положение кыргызов в это время плохое, ими можно овладеть, приложив небольшие усилия и

старания. Одному из знающих и сильных царских военачальников следует приказать, чтобы ключом хитрости сумел бы открыть врата сего затруднения. [Надобно поступать] таким образом, чтобы назначенный для этого дела военачальник, подойдя с большим войском, скрытно от взгляда посторонних, к этим хитрым разбойникам, учинил внезапное ночное нападение, выполнив основные предначертания сего совещания".

Следуя совету придворных, среди которых, не исключено, были и феодалы-изменники из числа кыргызов, Омар-хан зимой 1821 г. направил на Кетмень-Тюбе отряд наманганского хакима (правителя) Сеидкул-бека, который, с трудом преодолевая снежные заносы, все же сумел пройти перевал и тайно подобрался к крепости, захватив ее защитников врасплох. Ограбив крепость, взяв много пленных, Сеидкул-бек с почетом был встречен в Коканде и получил большие дары от хана.

Кокандские правители умело разжигали, а нередко и сами провоцировали распри между кыргызскими племенами. Так, летом 1821 г. Омар-хан направил главу кыргызского племени Кутлук-сеид Бек-Назара, хакима города Касана, против племени сарыбагыш, кочевавшего на линии Ош – Кашгар, с наказом: "...истребляя все время сарыбагышей никому из ... племени пощады не давать...". В помощь Бек-Назару был придан отряд кокандцев. Поход Бек-Назара всюду сопровождался грабежами и убийствами кыргызов. Омар щедро вознаградил Бек-Назара за верную службу. Так кокандские ханы загребали жар чужими руками, используя в интересах расширения своих владений изменников из среды кыргызской родоплеменной аристократии.

Завоевание Северной Киргизии. Завоевания первой четверти XIX в. значительно расширили территорию Кокандского ханства, границы которого теперь достигали пределов северокыргызских племен. Его правители скотоводческое население Чуйской долины, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккулья рассматривали как объект для получения податей, продовольствия и сырья, лошадей и рабов. Поэтому преемник Омара Мадали-хан (1822–1842) активизировал военные притязания на северо-восточных рубежах ханства.

Тяжелые времена наступили для кыргызов, которые поми-

мо собственных междоусобиц вели напряженную борьбу с казахскими племенами. Естественно, это благоприятствовало намерениям Коканда. В 1825 г. Мадали-хан, узнав о новой вспышке противоречий между племенами солто и сарыбагыш, тут же направил в Чуйскую долину не менее 4 тыс. воинов под командованием опытного начальника Ляшкера-кушбеги. Племя солто и часть сарыбагышей подчинились силе и стали платить кокандцам подати. Другая часть сарыбагышей – сторонники союза с Россией – откочевала на оз. Иссык-Куль: уже было известно, что местные жители направили посольство в Россию, которое должно было вскоре возвратиться.

И кокандцы спешили закрепиться в Прииссыккулье. Вот что по этому поводу доносил очевидец – сибирский торговый приказчик Файзулла Сейфуллин: "Сего года (1824 г. – *В.П.*) апреля в первых числах вышел я с дозволения начальства для собрания долгов за границу к разным киргизцам, кочующим на Семиреках, где, занимаясь оным, находился по сентябрь месяц, а в последних числах по собрании долгов с баранами входил для продажи оных в китайский город Кульджу...

По прибытии моем на Семиреки, известился я от приехавших из-за реки Или киргизцов, что кокандский владелец выслал войска из 4000 человек к дикокаменным киргизцам с тем, чтобы их покорить под свое владение и с требованием с них подати. Киргизцы оные Султу и Арбагашевские (солто и сарыбагыш. – *В.П.*), кочующие по реке Чуе, почему киргизцы убоялись кокандского войска, половина предалась им и на том же разе взнесли требуемую пошлину, а другая половина сарбагышцы дети бия Атеке перекочевали к таким же бугунского рода киргизцам, кочующим при озере Иссык-Куль, к тем биям, которых в недавнем времени дети были в городе Омске. Кокандское же войско последовало для подкрепления себя от идущей в Кашгар прямой дороги через гору Каштак (перевал Кастек. – *В.П.*), обходя нижний конец горы, от оной еще ниже ходом три дни по реке Чуй для укрепления, где, как по слухам носящимся, будет находиться всегда".

Видимо, речь шла об укреплении Пишпек (Бишкек), которое вскоре здесь и было возведено, и в котором надолго остался значительный военный гарнизон. Отсюда кокандские намест-

ники направили письмо кыргызам Прииссыккулья, требуя подчиниться власти хана и выплатить подати. Получив письмо кокандцев, кыргызы, однако, не спешили с принятием решения, хотя признавали свое положение весьма и весьма сложным, так как угроза агрессии была реальной. Не менее ощутимой представлялась опасность и со стороны китайцев, давно посягавших на Прииссыккулье.

Кыргызы большие надежды возлагали на свое посольство в Россию, которое вскоре возвратилось вместе с русской миссией — омским гарнизонным лекарем Ф.К.Зибберштейном и хорунжим Т.В.Нюхаловым, имевшей письма русских властей с конкретными предложениями к предводителям кыргызских племен. Узнав об этом, кокандские власти поспешили направить в Прииссыккулье свою посольскую миссию. Состоялись встречи русских и кокандских послов с кыргызскими манапами, которые были поставлены перед выбором: с кем идти дальше, чье подданство принять? Среди манапов были люди различных политических взглядов, в том числе и сторонники союза с Кокандом, но все они стремились сохранить максимум независимости и свои привилегии.

Ф.К.Зибберштейн отмечал, что ханские посланцы приезжали склонять "родоначальников (племени бугу. — *В.П.*) войти в подданство Кохании, предлагая тем совокупными силами истребить саргазынских (сарыбагышей. — *В.П.*) киргиз". От имени российского посольства хорунжий Т.В.Нюхалов заявил: русские власти готовы одинаково помогать всем кыргызам, для которых польза союза с Россией заключалась в "той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства".

Для принятия окончательного решения о выборе подданства на р. Джергалан состоялась встреча предводителей основных кыргызских родов, кочующих в Прииссыккулье. Споры здесь носили порой горячий характер. Некоторые манапы говорили, что опасность со стороны Коканда острее, поскольку его войска стоят у ворот Прииссыккулья, потому следует принять предложение его послов. Россия же далеко и ждать помощи придется слишком долго. И все же большинство выступило за союз с Россией. Ф.К.Зибберштейн писал: "На-

последок благоразумным внушением хорунжего Нюхалова о той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства, бии Ульжебай (Олджебай) и Епалак (Жапалак) первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекли за собой и всех прочих родоначальников".

Результаты иссык-кульской встречи манапов вызвали сильный гнев Мадали-хана. В 1831 г. он направил против кыргызов сразу две военные экспедиции: со стороны Чуйской долины в Прииссыккулье вторглись войска под командованием кушбеги Ляшкара, а из Ферганы через Кугартский перевал вышли в Центральный Тянь-Шань и двинулись к Иссык-Кулю значительные силы ханского минбаши Хак-кулы. Овладев Прииссыккульем, кокандцы срочно построили военные крепости Барскоон, Конуролен, Каракол и др. Как и прежде, причиной их легкого успеха были крайне обострившиеся феодальные распри между племенами сарыбагыш и саяк, саяк и бугу, сарыбагыш и бугу, ряд биев и манапов которых охотно пошли на союз с завоевателями.

Однако было бы ошибочным полагать, что завоевание кокандцами Прииссыккулья напоминало триумфальное их шествие. Простые кочевники никогда не упускали случая ударить по чужеземцам. Восставали (правда, безуспешно) и нарынские кыргызы племен саяк и черик под руководством братьев Атантая и Тайлака. Ожесточенное сопротивление трудящихся вынуждало поработителей во всех важных стратегических пунктах строить крепости и оставлять значительные гарнизоны, как, например, в крепостях Джумгал и Куртка в Центральном Тянь-Шане.

Одновременно началась экспансия кокандских ханов на юго-запад. В 1834 г. Мадали-хан захватил Каратегин, часть кыргызского племени тейит откочевала на Памир — "Крышу мира". Вскоре, однако, под властью кокандцев оказался и сам Памир. Но следует заметить, что власть ханских ставленников здесь была призрачной.

Походы Мадали вызвали сильную тревогу властей Синьцзяна, был заключен договор, согласно которому кокандский

правитель получил право держать торговых аксакалов во всех шести основных городах Восточного Туркестана.

Удачно развивались события для хана и на северных границах. Ташкентский правитель Ляшкар-кушбеги разбил ополчение племени бугу, оттеснив отступающие отряды вплоть до Илийского округа. В Чуйской долине возникла целая цепь крепостей: Чалдовар, Кара-Балта, Ак-Суу, Пишпек (Бишкек), Токмак, Кастек и др. Много военных укреплений появилось и на южных границах ханства: Таш-Коргон, Кан, Дараут-Коргон, Суфи-Коргон, Кызыл-Коргон. На востоке границы опоясывали крепости Тогуз-Торо, Джумгал, Куртка, Конуролен, Барскоон, Каракол и др. Все они стали административными центрами в завоеванных районах. Анонимный автор 40-х годов XIX в. отмечал: "Границы Кохании прикрыты крепостцами, в которых содержатся постоянные гарнизоны для осмотра проходящих караванов и для наблюдения за кочевыми племенами..."

Кокандские крепости на юге Киргизии одновременно служили преградой для возможной китайской агрессии: после поражения антицинского восстания в Кашгарии остатки отрядов Джангира укрылись на территориях кыргызских племен Алая. Пекин приказал своим военачальникам наказать смутьянов. Однако маньчжуро-китайские войска, 20 дней простояв у стен Суфи-Коргона и Кызыл-Коргона, с позором убрались восвояси.

Кокандские крепости на территории Киргизии были своего рода опорными пунктами при грабительских набегах на местное население. За их стенами в случае возмущения кыргызов укрывались кокандцы, понятно, что слабовооруженные кочевники не могли овладеть ими. В одном из русских документов середины XIX в. указывалось: "Имея эти укрепления, кокандцы грабили и притесняли кыргызов при всяком удобном случае".

Некоторые кыргызские манапы по образу и подобию кокандских укреплений сооружали свои фортификационные объекты. Заметим, что строились крепости и раньше, такие, например, как Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбинской котловине, но очень редко. Поначалу кокандские власти пресекали стро-

ительство, поэтому свидетельств о сооружении кыргызских крепостей в первые годы кокандского владычества нет. Однако по мере роста общественного престижа кыргызских феодалов, их материального состояния число такого рода сооружений постепенно увеличивается. Они строились не только как военные объекты, но в значительной мере являлись административными центрами власти кыргызских феодалов-чиновников, находящихся на ханской службе. Они могли быть и собственными ставками предводителей, которые не связывали себя обязательствами с ханом. Ставки феодалов играли также роль первых очагов оседлости родоплеменной аристократии.

Во всяком случае наличие собственного укрепления значительно повышало авторитет его хозяина. К примеру, собственная крепость в Таласской долине была у кыргызского феодала Нурека Аджибекова, который ташкентским хакимом Азизом-парванчи был назначен правителем таласских кыргызов. В этой же долине возвел укрепление некто Садыр, домогавшийся власти верховного правителя рода саяк.

Уже после разрушения повстанцами-кыргызами кокандских крепостей на Иссык-Куле (1843 г.) известный манап Боромбай на реке Джуука построил укрепление Кызыл-Ункур, превратив его в собственную ставку. Причина, побудившая к этому, состояла, по всей вероятности, в обострении вражды между племенами бугу и сарыбагыш. Крепость занимала стратегически важную позицию, находясь на пересечении караванных путей в Восточный Туркестан. Она имела бойницы, просторные помещения для хранения зерна и имущества. Гарнизон крепости составляли 30 джигитов. В это же время на перевале Санташ возвел крепость верховный манап племени сарыбагыш Ормон, который по размаху строительства словно соревновался со своим бугинским визави. Однако надо сказать, что кыргызские крепости возводились без особого инженерного опыта и старания, потому быстро разрушались. П.П.Семенов-Тян-Шанский, проезжавший в 1856—1857 гг. по этим краям, свидетельствовал лишь об "остатках бурамбаевских укреплений".

Оценивая значение Кыргызстана в противоборстве Кокандского ханства, Цинской империи и России, западносибир-

ский генерал-губернатор Г.Х.Гасфорт в середине XIX в. писал: "Выгодное же положение Дикокаменной орды..., крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный их дух, нежели других киргизских (казахских. – *В.П.*) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав".

Завоевание Киргизии кокандскими ханами заметно изменило обстановку в Средней Азии. Если родоплеменная верхушка склонилась к сотрудничеству с завоевателями, то положение простого народа, оказавшегося под бременем двойного гнета – кокандских властей и собственных феодалов, крайне ухудшилось. В народной памяти этот период отразился черной полосой жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и бесправия. Но история сохранила и многочисленные примеры героической борьбы против кокандского ига, свидетельствующие о том, что гордый и свободолюбивый кочевой народ никогда не мирился с чужестранным угнетением.

§ 2. Под игом Кокандского ханства

"Если ханский зякет-паша будет изображать из себя мост – не переходи через него", – говорили кыргызы о кокандских сборщиках податей. К.Маркс верно заметил: "Главная функция восточных деспотий – выкачивание налогов". Один из путешественников подтверждает эту мысль: "В Кохании злоупотребления чиновников превосходят всякую меру. Народ забит и безгласен. Сам хан правит как тиран: по одному его слову казнят самых больших вельмож, не говоря о простолюдинах".

Особенно тяжелым в Кокандском ханстве был налог со скота – зякет, который должен был взиматься в размере 1/40 части скота, однако "сбор его был сопряжен со столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно 20-й части стад своих". Земельные налоги и воинская повинность (точнее, наборы в ополчение) усугубляли тяжесть ханского гнета. Кокандские власти заигрывали с родовой верхушкой горцев-кочевников. Многие видные кыргызские феодалы, получая от хана придворные чины, начи-

нали играть видную роль в делах ханства и на этой почве вопреки интересам собственного народа объединялись со своими союзниками по классу — узбекскими феодалами.

Набеги ханских зякетчи воспринимались трудовым населением как бедствие, потому что их жестокость и произвол не ведали предела. Кокандский хронист Абу Убайдулла однажды сам был очевидцем, как уже после сбора зякета явились четыре посланца ташкентского наместника Мирзы Ахмеда, которые "стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество". Другой очевидец пишет, что были случаи, когда в бедных кочевьях, не имевших возможности уплатить зякет, сборщики отбирали малых детей для продажи в рабство.

Ханы и беки могли произвольно назначать величину и время сбора податей, а их сборщики-зякетчи (или серкеры) "во чтобы то ни стало обязаны были доставлять требовавшуюся сумму". Налоги подстерегали жителя ханства на каждом шагу, их брали за воду и за соль, за пользование лесом и за сбор колючки, за торговлю на базаре, за свадьбу и похороны и т.д., "собирали со всего, с чего было возможно, — писал посетивший Фергану более ста лет тому назад А.Миддендорф.- Были обложены сбором камыш, хворост, колючки. Наконец, установили налог за право пользования водой каналов, проведенных трудами того же населения, с которого взимали этот налог".

Были даже специальные "изобретатели" новых налогов. Знаток Кокандского ханства В.Наливкин в прошлом веке писал, что при Худояр-хане выдвинулся некий проходимец Иса-Аулиэ: он подал хану бумагу с перечнем новых податей и за это из простого писца быстро выдвинулся в вельможи. Русский востоковед А.Л.Кун, на практике и по документам ханского архива прекрасно знакомый с налоговой системой в Коканде, как бы вослед Радищеву, несколько перефразируя его, восклицал: "Оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего". Помимо тяжелого самого по себе налогового обложения, порочен был и сам метод его сбора. Налоги отдавались или наоткуп, и тогда они возрастали как минимум на одну треть, или же сбор их вменяли в обязанность кыргызским феодальным правителям-манапам.

В самой разнообразной форме выражались подати и повинности в пользу кыргызских феодалов. В архивных источниках и полевых материалах этнографов называются следующие сборы и повинности: союш, чыгым, салык, журтчулук и др. – все они связаны с пользованием пастбищами, прогонными путями или отдачей во временное пользование скота, нередко обусловливались формой "добровольности" пожертвования феодалам. И все это было как бы освящено обычным правом – "нарх", заменявшим институт внеэкономического принуждения.

Русский путешественник по Киргизии конца 50-х годов XIX в. отмечал в связи с этим: "Вообще манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях. Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений влечет за собой такое устройство: корыстному бию или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности". Другой современник – командующий войсками западносибирского округа – заключал, что "между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие". Сами же феодалы нередко или полностью освобождались от налогов, получая специальные ханские "обельные" грамоты, или заносились в особые списки, так называемые "дефтер-и тархани". Полностью освобождались от обложений медресе и вакфы алайского феодала Алымбека-датхи, а после его смерти – и его наследники. От зякета были избавлены таласские феодалы Байзак-датха и Сарымсак-датха.

Тяжелое положение кыргызского народа в значительной степени усугублялось межплеменной враждой. Свидетельства тех лет изобилуют описаниями бесконечных кровавых стычек. П.П.Семенов-Тян-Шанский, возвращаясь из экспедиции по Тянь-Шаню, увидел "мертвое поле" – следы кровавой схватки сарыбагышей с бугинскими родами кыдык и джельден. Кичливый и заносчивый родоначальник кыдыков бий Самсалы, имевший в частной собственности одних только лошадей не менее 3 тысяч голов, поссорился с верховным бугинским манапом Боромбаем и откочевал на юго-восток Прииссык-кулья. Находившиеся в состоянии войны с бугинцами сарыбагыши воспользовались этим и с двух сторон (с одной –

Умбеталы, с другой – Тюрегельды) неожиданно напали на отделившиеся аилы. Бугинцы упорно защищались, но силы были неравны, и сарыбагыши отбили и угнали в верховья Нарына их табуны и стада. "День уже склонялся к вечеру, – пишет П.П.Семенов, – когда мы, обогнув знакомую нам вершину, с ее подножья вышли на "мертвое поле", засыпанное замерзшими трупами, между которыми были и человеческие. Впечатление, произведенное на меня этим полем, было несравненно сильнее, чем впечатление "морга" на Сан-Бернарде. Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: "О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?". Кыдыки потеряли 600 человек убитыми, 1200 было захвачено в плен. Потерял богатства и часть своего семейства и Самсалы.

Подчеркнем, что главными виновниками кровопролитий были кыргызские манапы, которые воевали между собой за право пользования сборами с богатых пастбищ, за первенство между родами, а зачастую руководствовались личными обидами. В широком ходу была "барымта" – набеги на соседние аилы с целью угона скота. Удачливые налетчики прославились на всю Киргизию. За убитых во время стычек мстили, ответом на эту месть была новая месть, и так без конца. Правда, иногда богачи отделывались выплатой "куна", отдавая за убитых деньгами, товарами или скотом. Впрочем, манапы оставались чаще всего живыми, в основном же страдала букара.

Кыргызы в те времена являли собой разрозненную по родоплеменному признаку народность, только иногда связанную кровнородственными узами. Но это были уже не патриархальные объединения, как в древности, а племена и роды, разделенные на эксплуататоров и эксплуатируемых, манапов и баев, с одной стороны, и рядовых дыйкан – с другой. Сохранялось рабство, но, скорее, в "домашней", патриархальной форме, хотя хозяин мог, как и в далекие времена, продать и даже безнаказанно убить своего раба.

Ф.Гельвальд писал: " Кара-киргизы не имеют между собой ни малейшей связи и никаких общих государственных учреж-

дений. Их многочисленные племена совершенно отдалены друг от друга и враждуют между собой, и даже каждое отдельное племя разветвляется в свою очередь на новые подразделения, которые равным образом находятся между собой во вражде. Все их военные поглощены бесконечной внутренней борьбой".

Кокандские ханы, овладев Киргизией, раздували междоусобицы, следуя старому, как мир, принципу: "разделяй и властвуй!". Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направил своего сановника хакима города Касана Бекназар-бия, главу кыргызского рода кутлуг-сеид, против сарыбагышей, кочевавших между Ошом и Кашгаром. Хан приказал "истреблять все время [сарыбагышей], никому из оного злодейского племени пощады не давать", — так повествует об этом Мирза Каландар в сочинении "Шахнаме" (его еще называют "Тарих-и Омархани"). В помощь кыргызскому феодалу был придан кокандский отряд. Не щадя ни женщин, ни детей, завладев крупной добычей — главным образом скотом и пленными, Бекназарбий возвратился в Коканд.

Гнет кокандского хана и своих собственных феодалов возмущал свободолюбивых кочевников. Кыргызов считали самым "неспокойным элементом" в ханстве. П.Ф.Резник, в частности, подчеркивал, что они "не особенно подчинялись хану и среди них всегда были волнения, когда все роды киргиз соединялись для противодействия ханской власти".

Самой простой и распространенной формой протеста была откочевка подальше в горы, но чаще всего произвол вызывал стихийные бунты. Так, кокандский историк Абу Убейдулла пишет, что однажды после вторичного появления ханских сборщиков собрались 200 кыргызских всадников и напали на непрошенных гостей. Другой кокандский летописец — Абди Саттархан-казий — вторит ему: "Кыргызы не согласились на уплату зякета и в разных местах перебили зякетчи".

Стихийные бунты родов жестоко подавлялись ханскими властями. В Кокандских крепостях были построены зинданы (тюрьмы-колодцы), где томилось множество непокорных кочевников. Частые и жестокие казни (сажание на кол, отсечение головы, виселица), а также страшные пытки заключен-

ных должны были устрашить народ. Однако они вызывали обратную реакцию.

Наибольший размах борьба кыргызского народа приобрела в последние годы правления последнего кокандского хана — Худояра. Этот представитель династии Мингов среди длинной вереницы азиатских деспотов выделялся непомерной жадностью и жестокостью. При нем налоговый гнет, и без того тяжелый, усилился многократно.

§ 3. Антикокандские восстания кыргызов

Борьба кыргызского народа против ханской тирании не была обособленной от общего антиханского, антифеодального движения всех народов, населявших Кокандское государство. Кыргызы боролись против деспотизма плечом к плечу с трудящимися массами казахов, таджиков и узбеков — естественными союзниками кыргызов из среды как кочевого, так и оседлого населения. Освободительная борьба народов Коканда знает немало примеров, свидетельствующих об этом.

В 1845 г. вспыхнуло крупное восстание алайских кыргызов, распространившееся вскоре и в окрестностях Ошa. Повстанцев поддержало трудовое узбекское население. Источники не сообщают о конкретных причинах выступления, но основной его удар был направлен против налоговой политики Шералы-хана. Восстание вначале развивалось быстро, поскольку основные военные силы ханства во главе с Мусульманкулом — предводителем кыпчакской знати, находились в это время в Ташкенте, подавляя там очередное антиханское выступление. Поэтому борьбу против восставших кыргызов и узбеков начал хаким Шахриханского вилайета (области) кыпчак Мухаммед-Азар Кур-Оглы, спешно собравший оставшиеся в Коканде войска. Кыргызы оказали упорное сопротивление отрядам шахриханского хакима. Однако подход из Ташкента Мусульманкула с войсками решил исход дела. Повстанцы были разбиты. Кокандцы без труда захватили Ош и устроили там настоящую бойню.

Кокандский автор Мулла Нияз Мухаммед в своей книге "Тарих-и Шахрухи" — самом цельном первоисточнике по

истории Кокандского ханства – так описывает Ошское восстание кыргызов 1845 г.: "Смятение и тревога, овладевшие сердцами кыпчаков (в связи с вестями о восстании в Ташкенте. – *В.П.*) были вызваны [также] тем обстоятельством, что сведения о кыргызском восстании в окрестностях Оша, [охватившем район] до Уч-Коргона и до границы Алая, и об осаде Оша дошли до кыпчаков Шахрихана, которые оповестили Мусульман-Кула.

После получения этого устрашающего известия [кыпчаки], отложив ташкентские дела, занялись отражением кыргызов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они собрали кошун и стали наступать на кыргызов. Кыпчак по имени Кур-Оглы, который был правителем Шахрихана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с кыргызами, обратил их в бегство".

После подавления Ошского восстания множество кыргызов было взято в плен, еще больше пало в неравной борьбе с ханскими карателями. В.Наливкин писал, что пленных отправили в Коканд, где предали жестокому суду. Сам Мусульманкул задержался на некоторое время в Оше, "дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям". Однако кыпчакской верхушке, доминировавшей при дворе Шералы-хана, не удалось полностью стабилизировать положение в государстве. Пока Мусульманкул расправлялся с повстанцами, крупные феодалы – некий Рахматулла-датха и исфаганский хаким Сатыбалды-датха – вступили в сговор с предводителями кыргызов Алая о низложении Шералы-хана. Заговор удался. Шералы-хана "заставили испить напиток мученичества", т.е. убили, а на престол возвели одного из сыновей бывшего кокандского правителя Алим-хана – Мурада. Нет сомнения в том, что заговорщики умело использовали народное восстание в своих целях. Без него заговор едва ли бы состоялся.

Таким образом, несмотря на то, что движущей силой восстания было трудовое кыргызское и узбекское население, плодами его воспользовалась группировка кыргызских и узбекских феодалов, недовольных политикой Шералы-хана.

Вскоре на юге Кыргызстана вспыхнуло новое выступление кыргызов против ханского гнета. На сей раз в 1847–1848 гг. восстали кочевники Наманганского округа. Мулла Нияз Мухаммед кратко сообщает, что кыргызы спустились с гор и в местности Балыкчи сразились с кыпчаками, но потерпели поражение.

В 50–60-х годах XIX в. неуклонно росло возмущение кыргызов и казахов насильственными действиями ташкентского правителя Мирзы-Ахмеда, которое вскоре вылилось в восстание. Вначале повстанцы требовали низвержения и наказания ташкентского хакима, но вскоре выступление было уже направлено против ханской власти в целом. Невольным свидетелем этого события стал известный русский путешественник Н.А.Северцов. В апреле 1858 г. он попал в плен и был привезен в г. Туркестан. Здесь он оказался вместе с ханским гарнизоном в почти месячной осаде города восставшими кыргызами и казахами. Нет сомнения в том, что симпатии русского путешественника были в данном случае не на стороне осажденных.

Антиханские восстания охватили все районы Кокандского государства, но наиболее широкий размах они получили на юге. Здесь инициаторами восстания вновь выступили алайские кыргызы племени адыгене. Они собрали ополчение 40 тыс. человек. Вооружены повстанцы были плохо – лишь некоторые имели огнестрельное оружие, основная же масса имела сабли, боевые топорики, а то и просто палки. Но несмотря на это, они разбили недалеко от Маргелана (в местности Самгар) карательный отряд кокандцев.

Восставшие не имели единого руководства. Отряды ополченцев формировались по родовому принципу и действовали самостоятельно. Однако все были одержимы одной, общей для всех мечтой – сбросить ненавистное иго кокандского хана Худояра. Размах восстания увеличивался и тем, что в нем приняли активное участие трудящиеся массы узбеков, кыпчаков и таджиков. Таким образом, силы восставших росли, они имели реальные шансы одержать победу в своей справедливой борьбе против национального и социального гнета.

Но и на сей раз феодальная верхушка ханства использовала

народное движение в своих политических целях. Она решила низложить кокандского правителя Худояр-хана и возвести на престол его старшего брата – Малля-бека, надеясь при нем еще более укрепить свои позиции. Так оно и случилось. Малля-бек стал очередным правителем Коканда, а кыргызская родоплеменная знать еще более упрочила свое влияние в ханстве. Народ в итоге не получил ничего: феодальный гнет не только не ослаб, но усилился, а налоговая политика ханов стала еще жестче.

Весной 1862 г. в Коканде вновь вспыхнуло народное волнение. Не исключено, что оно было в немалой мере инспирировано представителями кыргызской родо-феодальной знати, поскольку во главе его вскоре стал правитель кыргызских родов Алая Алымбек. "Причиной" к восстанию послужило убийство "неизвестными" заговорщиками Малля-хана. Однако уже тогда сарыбагышский манап Уметалы прямо заявлял, что кокандского правителя "убил один из придворных чинов хана Алымбек из рода Адыгене". Известный русский путешественник А.П.Федченко, побывавший в ханстве в начале 70-х годов XIX в. писал, что как только кыргызы из ханского окружения заметили рост симпатии Малля-хана к оседлой кокандской знати, они убрали его и провозгласили ханом Шах-Мурада – сына Сарымсака (старшего сына Шералы-хана). Несмотря на то, что кыргызская родо-феодальная верхушка добилась своих целей, народное возмущение не утихало еще долго. Повсеместно трудящиеся кыргызы изгоняли ханских наместников, разрушали кокандские крепости, отказывались платить налоги.

Все сказанное еще раз свидетельствует о том, что народно-освободительная борьба кыргызов против кокандского ига нередко использовалась различными группировками враждующей родоплеменной знати в своих целях. Причем сама знать зачастую искусственно подогревала волнения среди рядовых сородичей. И почти всегда основные выгоды от тех или иных народных движений извлекали феодалы. Трудящиеся массы в большинстве случаев оставались ни с чем. Однако нельзя не видеть, что восстания кыргызов против кокандского ига носили не только национально-освободительный характер, но и

содержали в себе заметные элементы социальной борьбы — движения против всех видов эксплуатации и угнетения.

Но в целом классовая борьба трудящихся масс кыргызского народа в то время еще не отличалась достаточным уровнем политической зрелости. Объяснялось это слабым развитием производительных сил, родоплеменной рознью, живучестью пережитков и суеверий, забитостью и темнотой трудового народа. Кыргызская родо-феодальная знать стремилась притупить классовое сознание трудящихся, внушая им мысль об общности родоплеменных интересов всех кыргызов без исключения, независимо от их социального положения и материального состояния. Недовольство трудящихся кыргызов она старалась направить в русло антикокандской борьбы, обвиняя во всем ханские власти. И когда ей это удавалось, она за счет народной борьбы повышала свои политические активы при дворе кокандских правителей и увеличивала свои богатства.

К этому времени, особенно после взятия русскими войсками Ташкента, и само Кокандское ханство попадает в вассальную зависимость от России. Хан оставался на престоле территориально усеченного государства, но внешнеполитические и дипломатические его функции уже переходили к представителям российских властей, в частности, к назначенному вскоре в крае и наделенному огромными административными полномочиями туркестанскому генерал-губернатору. Если прежде симпатии русских властей были на стороне повстанцев, то в новой политической ситуации они коренным образом изменились: туркестанский генерал-губернатор стал активно поддерживать вассала Российской империи — кокандского хана.

В 1867 г. вновь восстали кыргызы Алая. Они были доведены до отчаяния тиранией Кул-датхи — ханского наместника в Кызыл-Коргоне. Повстанцы во главе с неким Садыком Саркером осадили укрепление Кызыл-Коргон и овладели им. Ненавистный наместник был убит. Кокандский правитель послал на подавление восстания карательный отряд, который с большим трудом погасил пламя народного возмущения. Но через три года, в 1870 г., на Алае вспыхнуло еще более мощное восстание. Худояр-хан вынужден был обратиться за помощью к бухарскому эмиру. Объединенными усилиями двум деспотам

удалось лишь временно притушить пламя волнений кыргызов Алая.

Вскоре южные районы Кыргызстана превращаются в постоянный очаг восстаний, переросших в открытую народную войну кыргызов против ханского деспотизма и произвола.

Весной 1871 г. выступили сохские кыргызы Ферганы. Худояр послал против них отряд в 2 тыс. сарбазов под командованием нового "военного министра" Наиба Атабека. Последнему не удалось разбить кыргызов в открытом бою, он лишь оттеснил их в горы. Кокандцы попытались проникнуть глубоко в кыргызские кочевья, но получили жестокий отпор. Тогда Атабек захватил 12 первых попавшихся кыргызов, которые были демонстративно казнены в Коканде в устрашение всем недовольным ханскими порядками.

В связи с тем, что восставшие кыргызы чаще всего укрывались от ханского возмездия в труднодоступных горных районах, Худояр-хан обратил особое внимание на укрепление гарнизонов горных крепостей и сооружение новых военных укреплений в окрестных горах. В частности, им была обновлена крепость Дараут-Коргон и значительно укреплен ее гарнизон.

Правление Худояр-хана (1844–1858; 1862–1863; 1865–1875) вошло в историю как период наиболее жестокого угнетения кыргызского народа. В официальной записке "По поводу волнений в Кокандском ханстве" русский консул в Кашгаре Н.Петровский подчеркивал, что основные причины восстания кыргызов сводились к "жестокому, крайне деспотическому управлению ханством... его правителя Худояр-хана". Худояр-хан, видимо, имел патологическую страсть к жестокости. "Насильственные захваты, отравления, умерщвления целых династических родов ближайших родственников, ночные нападения, утопления, сажание прежних властителей на кол живьем, похищение юных принцев для придания законности восстания, претендентству, регентству и т.д. следовали одно за другим беспрерывною чередою", – отмечал академик А.Ф.Миддендорф. Американец Е.Скайлер, посетивший Коканд в те времена, описывает эпизод, когда после одного из восстаний пятьсот плененных его участников были зверски

казнены на базаре в присутствии огромной толпы. Зарубежные исследователи Е.Росс и Ф.Скрайн, посетившие Туркестан в конце прошлого века, характеризуют Худояр-хана как всеми ненавидимого правителя, из-за которого "часто разгорались мятежи".

С 1873 г. борьба кыргызского народа против тирании Худояр-хана переросла в настоящую войну, которая не прекращалась до тех пор, пока кокандский правитель не покинул трон и не бежал под защиту царских властей. Поводом к восстанию 1873 г. послужило дополнительное налогообложение кыргызов южных районов Ферганской долины. Русский политический обозреватель того времени Ю.Россель писал по этому поводу, что к кыргызам "явились ханские офицеры налагать добавочные подати по три овцы с каждой кибитки и еще новый поземельный налог на обработанную землю в горах". Кыргызы сначала выразили протест мирными средствами, на словах — отказываясь платить незаконные и непомерно высокие подати. Тогда ханские посланцы стали "вразумлять" кыргызов обычными для таких случаев средствами. Возмущенные избиением и пытками ни в чем не повинных людей кыргызы взялись за оружие и вступили в схватку с ханским отрядом. Позже, опасаясь прибытия карателей, они снялись со своих мест и откочевали в отдаленные горные урочища. Их примеру последовали тысячи других кочевых хозяйств. По данным источников, в 1873 г. в целом в горные местности перекочевали 20 тыс. кыргызских семейств и 10 тыс. кыпчакских, т.е. примерно 150 тыс. человек. Все они влились затем в число активных повстанцев. Началось небывалое по размаху всенародное движение угнетенных против ханской тирании.

Главным предводителем повстанцев стал кыргыз из рода бостон Исхак Хасан уулу. Любопытна биография этого человека, которого называли в те времена "кыргызским Пугачевым".

Исхак родился в семье маргеланского мударриса примерно в 1844 г. Окончив сельскую школу, он одно время учился в кокандском, а затем в маргеланском медресе. В 1867 г. он против воли отца бросил учебу и поселился среди соплеменников из рода бостон. Он много кочевал с кыргызами, хорошо

познал их трудную, многострадальную жизнь. Незадолго до начала восстания он нанялся работником к старому сподвижнику Алымкула – мелкому торговцу Абду-Мумину.

Известно, что в начале восстания депутация кыргызов отправилась в Самарканд к внуку Алим-хана Пулату с предложением возглавить ряды восставших, но тот отказался примкнуть к народу. Тогда Исхак сам назвался внуком Алимхана Пулатом и вскоре с отрядом в 200 человек появился на Чаткале. Самозванный Пулат-хан возглавил народное движение против Коканда. Надо сказать, что он не был единоличным руководителем восстания и делил власть с руководителями отдельных отрядов повстанцев, среди которых наибольшей известностью пользовались андижанский кыргыз Мамыр Мергенов и чаткальский кыргыз Момун Шамурзаков.

Весьма характерно, что феодалы, недовольные Худояр-ханом, и в этом случае постарались примкнуть к народному движению, чтобы исподволь подчинить его своим корыстным политическим планам. Они хотели видеть на престоле своего ставленника, который бы правил исходя из их интересов. В сложной политической обстановке родо-феодальная верхушка совершала противоречивые маневры, поддерживая разных претендентов на трон: то сына хана – Насреддина, то самозванца Пулат-хана. Повстанцы неоднократно обращались к туркестанским властям с призывом помочь им. Но те поддерживали своего вассала – кокандского хана и даже беженцев, подвергавшихся репрессиям в ханстве, возвращали обратно.

Эта политика вела к ослаблению притягательной силы России, в которой повстанцы стали видеть власть и союзника хана (и не без основания). Воспользовавшись этим, религиозные деятели, примкнувшие к восставшим, стали призывать, кроме всего прочего, к "газавату" – священной войне против "неверных" – русских, что находило определенный отклик среди повстанцев. Все это накладывало специфический отпечаток на народное движение, придавало ему сложное, иногда внутренне противоречивое содержание. Восставших всеми силами старались отвлечь от борьбы против своих прямых врагов – эксплуататоров – феодалов, навязывали им реакционные политические лозунги. Это явилось причиной непосле-

довательности в действиях многих руководителей восстания, а иногда и их классового перерождения.

В частности, непоследовательно вел себя сам Пулат-хан. После изгнания Худояр-хана и занятия кокандского престола Пулат-хан начал действовать его же методами – грабить трудящихся, жестоко преследовать и карать непокорных, поддерживать непопулярные среди простого народа призывы к "газавату". А это значит, что, захватив власть при помощи народа, он шел против воли того же народа, желавшего соединить свою судьбу с Россией. О том, что восставшие кыргызы искренне стремились к этому, свидетельствуют многие факты. Так, алайские и ферганские кыргызы в ходе восстания получали поддержку чуйских, таласских, центрально-тяньшаньских кыргызов, ставших уже подданными России и призывавших всех кыргызов последовать их примеру. Восставшие ходжентские кыргызы поддерживали постоянные связи со своими токмакскими сородичами, получали от них помощь и переписывались с Шабданом Джантаевым по делам восстания.

Известно, что восставшие кыргызы Коканда неоднократно обращались к русским властям с просьбами о принятии их в российское подданство. Так, еще в начале восстания, в ноябре 1873 г., депутация кыргызов представила русской администрации Туркестанского края список 42 кыргызских родов, члены которых выражали желание принять российское подданство. По оценке (на наш взгляд, несколько преувеличенной) некоторых специалистов, их число достигало полумиллиона человек. В письме русским властям, доставленном депутацией кыргызов, указывалось: "Хан начал выступать против шариата (т.е. против закона. – *В.П.*), за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убежали в горы, оставив кочевья наши. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в гор. Асаке и, по приказанию хана, велел всех посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана". В заключение восставшие просили русские власти помочь им в борьбе против

хана и решить вопрос о принятии всех кыргызов-повстанцев в российское подданство.

Антиханское движение кыргызов не переросло в межнациональную борьбу. Оно было поддержано трудящимися слоями оседлого населения — узбеками и таджиками. Коллежский советник Вайнберг, посланный туркестанской администрацией в Коканд, в 1874 г. доносил в канцелярию генерал-губернатора, что "оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением дел в ханстве, и если между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобы они относились враждебно один к другому: подобные отношения существуют между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами". О солидарности кочевого и оседлого населения Коканда в антиханских настроениях писал осенью 1874 г. военному министру и сам туркестанский генерал-губернатор.

Такая солидарность несла в себе мощный заряд повстанческой энергии и грозила ханской власти полным крушением. Русская администрация это хорошо понимала. Но она была связана договором с Худояром, согласно которому последний, как вассал российского самодержавия, мог рассчитывать в сложный момент на поддержку со стороны сюзерена. Поэтому туркестанские власти не могли удовлетворить просьбы кыргызов о принятии их в российское подданство, хотя понимали сложность положения кыргызов и сочувствовали им. Вместе с тем, русские власти Туркестана не могли не видеть, что при таком размахе народного движения ханская власть обречена и рано или поздно вопрос о подданстве кокандского населения вновь встанет на повестку дня.

В 1875 г. народное движение кыргызов против кокандского господства достигло своего апогея. Кыргызы при поддержке узбекского дехканства успешно занимали кишлаки и города Ферганы. Худояр-хан под защитой русского военного отряда бежал в российские пределы. Ханом был провозглашен его сын Насреддин. Были надежды, что после этого восстание пойдет на убыль. Но оно, напротив, еще более усилилось. Повстанцы не признали Насреддина и провозгласили ханом Исхака Ха-

сан уулу, подняв его по традиции на белом войлоке как Пулат-хана. Отныне Пулат-хан приобретал законные права властителя судеб в государстве.

9 октября 1875 г. повстанческая армия овладела Кокандом. Насреддин, как и ранее его отец Худояр-хан, бежал под защиту туркестанских властей. Царское правительство, исходя из договорных обязательств, вынуждено было ввести на территорию Кокандского ханства свои войска. Эта акция произвела сложное воздействие на психологию многих повстанцев. Еще недавно просившие российского подданства, искавшие помощи у России в борьбе против ханской тирании, они с недоумением следили за продвижением царских отрядов, пришедших на помощь хану. Но в большинстве своем повстанцы отнеслись к факту прихода русских войск сдержанно, не вступая с ними в столкновения. Зато феодальная верхушка и духовенство еще более активно стали призывать к "газавату", организуя вооруженное сопротивление продвижению русских военных формирований.

Пулат-хан в это время, пытаясь удержать власть, пошел на поводу у реакции. Вместе со своими сподвижниками — феодалами Абдуррахманом Афтобачи и Абдуллабеком, сыном бывшего алайского правителя Алымбека-датхи и фактической его наследницы Курманджан-датхи, Пулат-хан пытается противостоять наступлению царских войск, но терпит поражение и под Андижаном, и под Асаке. Отошедшего с пятитысячным войском к Уч-Коргону Пулат-хана настиг отряд полковника Закомельского — далеко не лучшего по своим личным качествам офицера русской армии. Закомельский неожиданно напал на лагерь Пулат-хана. Среди повстанческого войска началось смятение, оно практически прекратило сопротивление. Пулат-хану с небольшим отрядом удалось уйти на Алай. Повстанцы, не желавшие покориться теперь уже русским войскам, боясь репрессий, скрылись в горах.

"Военно-научную" экспедицию по усмирению восстания возглавил полковник М.Д.Скобелев — будущий герой Шипки (в годы борьбы за освобождение Болгарии от турецкого ига). В подробных донесениях о военных событиях в Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 1876 г. командующий отрядом

М.Д.Скобелев признавал, что главным контингентом кокандских повстанческих войск были кыргызы и кыпчаки. Зимняя экспедиция, по мнению Скобелева, должна была нанести им абсолютный разгром. Бороться с хорошо вооруженными царскими войсками разрозненные отряды кыргызских повстанцев не могли и они бегут в горы. По следам беженцев-кыргызов шел отряд Закомельского. Между кишлаками Караянтак и Капрабат настигли обоз повстанцев. "Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены", – рапортовали царские каратели, преследуя Пулат-хана, Абдуллабека и других предводителей уже осколков повстанческого движения, теплящегося пока лишь на Алае.

Пулат-хан надеялся, что алайские кыргызы поддержат его и борьба разгорится с новой силой. Но народ, натерпевшийся в свое время от самоуправства Пулат-хана, остался равнодушным и не оказал ему поддержки. Отказала в ней ему вскоре и алайская родо-феодальная знать, ибо понимала, что сопротивляться русской регулярной армии бесполезно, а потому для сохранения власти и привилегий лучше было скорее заключить мир, пожертвовав самозванным ханом. Раненый Пулат-хан в ночь с 18 на 19 февраля 1876 г. был предательски схвачен своими же соратниками-феодалами и выдан царским властям. 1 марта 1876 г. при большом стечении народа в Маргелане по приговору военного суда Пулат-хан – Исхак Хасан уулу был объявлен преступником и как самозванец казнен (повешен на площади).

Иностранные авторы, оценивая причины последнего антикокандского восстания и жестокость карательных мер, подчеркивали: "Как и во всех восстаниях позднего периода, вожаки этого выступления на этот раз претендентом на трон выдвинули человека со стороны, не из ханского рода, а кыргыза, который занял место представителя династии. Русские посчитали это бунтом против их правления. Они казнили большинство вожаков его, захваченных в плен, и наложили контрибуцию на население районов, бывших центром сопротивления".

Вся территория Кокандского ханства, за исключением Алая, была уже под контролем русских войск.

Перед царским правительством встали сложные политические проблемы. Возникла дилемма: либо сохранить ханство, возведя на престол нового правителя, либо ликвидировать его, присоединив территории Коканда к России. В правительственных кругах России понимали, что сохранение ханской власти вызовет новые волны народного возмущения, новые просьбы о принятии в российское подданство. Поддерживать прогнивший режим ханов и отказывать народу в его искренних желаниях – значило подрывать престиж России в глазах населения Туркестанского края. Поэтому военный министр России Д.А.Милютин и туркестанский генерал-губернатор К.П.Кауфман выступали за ликвидацию Кокандского ханства. Министр иностранных дел России и одновременно глава правительства канцлер А.М.Горчаков был против такого шага, ссылаясь на то, что он вызовет обострение отношений с Англией, которая более чем ревниво следила за успехами России в Средней Азии. По мнению Горчакова, в ответ на этот шаг России Англия могла инспирировать войну на Ближнем Востоке, втянув в конфликт Турцию, недовольную позицией русского правительства в вопросе о Сербии и Черногории. Борьба в правительстве завершилась победой военных, которых поддержал царь Александр II. Д.А.Милютин очень убедительно изложил свое мнение и царь "изъявил согласие на занятие Коканда предстоящей весной", т.е. в 1876 г.

Ликвидация Кокандского ханства прошла без особых осложнений. М.Д.Скобелев легко овладел Андижаном – Абдурахман Афтобачи почти без сопротивления сложил перед ним оружие. Хан Насреддин бежал. 3 февраля 1876 г. Милютин записал в своем дневнике: "Получены довольно важные известия из Коканда: смуты и раздоры дошли до крайнего предела... обе соперничающие партии нашлись вынужденными сложить оружие... Депутации от разных городов просят о принятии ханства в подданство русского царя".

Через несколько дней Д.А.Милютин направил телеграмму исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора Г.А.Колпаковскому, в которой приказывал ему "лично ехать в Коканд и объявить народу, что белый царь, снисходя к его просьбе и желая положить конец его бедствиям, прини-

мает его в свое подданство". 7 февраля 1876 г. Г.А.Колпаковский в воззвании к местному населению объявлял: "Весь кокандский народ, как оседлый, так и кочевой, принят в российское подданство, и земли, им занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи". А 19 февраля 1876 г. последовало "высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Кокандского под именем Ферганской области". Губернатором новой области был назначен "свиты его величества генерал-майор Скобелев", руководивший операциями по ликвидации Кокандского ханства.

С гибелью основного предводителя повстанцев и занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно пошло на убыль. Последний этап восстания показал, во-первых, что в сравнении с регулярными войсками силы повстанцев оказались слишком неравными, во-вторых, исчезла основная причина, вызывавшая столь длительную, многолетнюю борьбу, – гнет Кокандского ханства. Ханство как государство было ликвидировано. Но ему на смену шел новый, колониальный гнет царизма. И трудящиеся пока неосознанно проявляют сопротивление царским войскам, явившимся с первоначальной целью поддержать ханскую власть. Оценивая итоги кокандского похода, туркестанские чиновники сами вынуждены были признать, что пришлось воевать не с ханом, а с народными массами.

В итоге в 1876 г. вся территория Кыргызстана была включена в состав России. Начался новый этап в истории кыргызского народа, завершившийся через 115 лет созданием независимого, подлинно суверенного кыргызского государства.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Взаимоотношения кыргызов с соседями в середине XVIII в.
2. Завоевание Кокандским ханством территории Кыргызстана.
3. Территориально-административное подчинение.
4. Роль кыргызской знати в политической жизни ханства.
5. Налоговая система и другие формы эксплуатации.
6. Восстания против ханского ига и присоединение Кыргызстана к России.
7. Пулат-хан – вождь кыргызских повстанцев.

ЛИТЕРАТУРА

Введение в историю кыргызской государственности. — Бишкек, 1994.

Газиев А. Пулат-хан. — Бишкек, 1995.

Джамгерчинов Б.Дж. Присоединение Киргизии к России. — Фрунзе, 1959.

Джамгерчинов Б.Дж. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). — Фрунзе, 1966.

История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе, 1984.

История кыргызов и Кыргызстана: Уч. пос. для вузов. — Бишкек, 1995.

Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки: Нетрадиционный взгляд на историю и современность. — Бишкек, 1994.

Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. — Бишкек, 1994.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. — М., 1973.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886.

Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977.

Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. — Фрунзе, 1961.

ГЛАВА 9

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КЫРГЫЗСТАНА К РОССИИ

§ 1. Исторические предпосылки сближения кыргызов с Россией

Накануне присоединения края к России трудовые массы Киргизии испытывали двойной гнет — местных феодалов и кокандских властителей. Произвол и насилие кокандских ханов не имели границ. Ханские чиновники грабили коренное трудовое население, избивали и убивали людей, оказывавших им сопротивление, сажали в зиндан, уводили в плен. Они не жалели ни женщин, ни детей, ни юных, ни стариков. Положение усугублялось разорительными и кровопролитными междоусобицами, уносившими сотни, тысячи жизней, а также реальной угрозой захвата и порабощения со стороны соседних государств Востока и Британской империи. Положение народных масс становилось все труднее и безысходнее. В результате кыргызский народ был обречен на голод и вымирание.

В этих сложных условиях кыргызский народ искал выход из создавшегося положения. Он отчетливо видел, что его спасение — в покровительстве со стороны несравненно более могучего и более развитого в общественно-экономическом отношении государства. Таким государством тогда являлась Россия. И не случайно, что именно к ней были обращены взоры кыргызов. Интересы кыргызского народа настоятельно требовали установления и укрепления дружественных отношений с Россией, что могло обеспечить им помощь в борьбе против угрозы чужеземного порабощения, избавление от кокандского ига и прекращение разорительных феодально-родовых междоусобиц. Кыргызский народ стал выказывать твер-

дое желание принять российское подданство, рассматривая его как путь к избавлению от тяжелого положения и тая надежду на лучшую жизнь.

Россия в то время представляла собой крупное, набирающее силу молодое капиталистическое государство, способное оказать положительное влияние на жизнь и судьбы соседних народов, в том числе и кыргызов. И Россия в неменьшей степени была заинтересована в присоединении новых земель и расширении своей территории на юго-востоке. Развитие российского капитализма "вширь", его стремление овладеть новыми обширными рынками сбыта и источниками дешевого сырья для развивающейся промышленности Центральной России играли решающую роль в продвижении царских войск в глубь Средней Азии и Казахстана. В этом отношении Киргизия представляла существенный интерес вследствие наличия богатых сырьевых и природных ресурсов, полезных ископаемых и удобного географического расположения .

Определенное значение в ускорении включения края в состав России имело приближение границ российского государства к территории Кыргызстана. В 1847 г. большая часть казахов Старшего жуза присоединилась к России, что и позволило в следующем году учредить должность пристава Большой Орды для управления населением Семиречья. Вскоре завершился длительный процесс присоединения Казахстана к России. В 1854 г. недалеко от северо-восточной границы Кыргызстана возникло военное укрепление — Верный, ставшее через два года центром Алатавского округа. Теперь заметно участились обращения кыргызов к царским властям с просьбой оказать им помощь и покровительство в их борьбе за мирную и спокойную жизнь, а также принять их в подданство России.

Кстати, и до этого население Северной Киргизии неоднократно обращалось к представителям царской власти, надеясь найти у них помощь и покровительство. Так, в 1757 г. незначительное число тянь-шаньских кыргызов (более 200 человек) вместе с калмыками, разбитые и преследуемые китайскими войсками, двинулись на север — в Россию. Эти кыргызы поселились в Поволжье и приняли российское под-

данство. Неоднократно (в 1812, 1814, 1824 гг.) обращались к западносибирскому генерал-губернатору с просьбой оказать им покровительство и помощь и принять их в подданство России бугинцы. Но по ряду причин усилия их не увенчались успехом. В 1848 г. к генерал-губернатору Западной Сибири с подобной просьбой обратились кочевники, обитавшие в восточной части Чуйской долины, и часть населения Иссык-Кульской долины. О том же весною 1853 г. просили жители Чуйской долины во главе с манапом Джантаем.

В сентябре 1853 г. значительная часть иссык-кульских кыргызов – племя бугу, возглавляемое Боронбаем, через представителей Большой Орды также обращалась с письмом к западносибирскому губернатору. В нем выражалось твердое желание принять подданство России. С согласия императора царское правительство решило принять кыргызов прииссык-кулья в подданство России. 26 сентября 1854 г. по приглашению западносибирского генерал-губернатора делегация иссык-кульских кыргызов прибыла в г. Омск для принесения присяги. 17 января 1855 г. присяга от имени иссыккульцев, составлявших около 10 тыс.семейств, была принесена.

Это первое принятие кыргызами-бугинцами российского подданства открывало новую страницу в жизни народа и положило начало процессу последовательного вхождения (и присоединения) всей территории Киргизии в состав России. С принятием российского подданства, особенно после 1856 г., когда территория Прииссыккулья вошла в состав Алатавского округа, у местного населения усилились уверенность в благополучном будущем и решимость в борьбе против Кокандского ханства и других захватчиков и угнетателей.

Жители Чуйской долины, Центрального Тянь-Шаня, Кетмень-Тюбе и Таласа, как уже говорилось, неоднократно поднимались против ига кокандских ханов.

Так, осенью 1862 г. против кокандского господства восстали кыргызы Чуйской долины. Под руководством Байтик-батыра они, убив ханского наместника, окружили крепость Пишпек (Бишкек) и обратились к представителям царской власти в Верном с просьбой оказать им военную помощь и принять их в подданство России. В конце 1862 г. просьба их была удов-

летворена и тем самым в основном завершился процесс присоединения Чуйской долины к России. Кокандское господство здесь было фактически уничтожено.

И кочевники Центрального Тянь-Шаня один за другим стали принимать подданство России. В апреле 1863 г. кыргызы племени черик (6 тыс. семейств) обратились к начальнику Алатавского округа с письмом: "Мы, по общему совету и согласию, добровольно решились быть подданными великого падишаха (русского царя. – *К.У.*) подобно бугунцам (иссык-кульским кыргызам. – *К.У.*)". 13 октября 1863 г. в Омске в торжественной обстановке их депутация была допущена к присяге на подданство Российскому государству. Эта торжественная церемония завершилась принятием взаимных обязательств.

В следующем году о желании принять подданство России заявило население Кетмень-Тюбе и Сусамыра, в частности, племя саяк, которое возглавлял Рыскулбек. Кыргызы этого племени (10 тыс. семейств) обратились к властям с просьбой о приеме в подданство, на что и было получено согласие. Инициаторами принятия подданства России являлись Атаке-бий Тынай уулу, Качыбек Шераалы уулу, Боронбай Бекмурат уулу, Жантай Карабек уулу, Байтик Канай уулу и некоторые другие представители родоплеменной знати.

Однако не все население северных районов Кыргызстана изъявило желание принять подданство России. В сложных и противоречивых социально-политических условиях при обострении феодально-родовых междоусобиц не могло быть единого мнения в отношении принятия российского подданства. Некоторые манапы проявляли нерешительность, нетвердость в отношениях с Россией. Отдельные из них занимали выжидательную, а иные – и враждебную позицию в отношении России, иногда оказывая явное сопротивление российским военным отрядам.

Так, в июле 1863 г. манап Осмон Тайлаков, придерживавшийся ориентации на Коканд и не желавший принимать российское подданство, со своими джигитами напал на небольшой русский отряд под командованием майора Загряжского, окружил его и держал в осаде всю ночь. На помощь к русским

пришел со своими джигитами манап Шабдан Джантаев, имевший уже тогда звание подполковника царской армии. Вместе они разбили Осмона и тот вынужден был искать спасения за пределами края – в Восточном Туркестане. Лишь через несколько лет, в 1867 г., Осмон вернулся со своими соплеменниками-саяками на родину и изъявил желание принять российское подданство. Он и подвластные ему саяки в числе 3 тыс. семейств стали подданными России.

Против подданства России выступали Муратаалы, Балбай, Джангарач, Адыл, Кёкюм, Маймыл, Чойбек, Чонкарач и другие представители родоплеменной знати.

В середине XIX столетия все северные районы Киргизии присоединились к России. Заметим, что антирусские действия некоторых манапов не могли существенно изменить прорусскую ориентацию северных кыргызов. Последние приняли российское подданство, понимая, что только это могло гарантировать им стабильные мирные условия жизни.

Значительно позже и при несколько иных исторических условиях произошло присоединение к России южной части Киргизии, где еще сохранялось господство Кокандского ханства. Здесь еще не была снята угроза захвата и порабощения коренного населения со стороны отсталых соседних государств Востока и Британской империи. Местное трудовое население несло невыносимый гнет кокандских и своих феодалов. На их положении губительно сказывались борьба узбекской и кыргызской знати за верховенство, за власть, а также кровавые войны между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Двойной гнет, бесконечные феодальные междоусобицы разоряли население, подрывали экономику края, уносили тысячи человеческих жизней.

Все это заставляло южных кыргызов искать выход из сложившегося положения. И южане по примеру своих северных сородичей приняли единственно правильное решение – путь единения с Россией, соединения своей судьбы с судьбой русского народа. Способствовали этому и успехи российских войск при столкновении с Кокандским ханством.

К 70-м годам XIX в. Семиречье, в том числе Северная Киргизия, Юго-Западный Казахстан и другие кокандские

владения, вошли в состав России. Теперь российские войска вступили на территорию самого Кокандского ханства и могли занять его полностью. В январе 1868 г. Худояр-хан вынужден был подписать договор, предложенный ему туркестанским генерал-губернатором, который ставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от Российской империи и превращал его в марионетку. В то же время туркестанский генерал-губернатор, исходя из интересов колониальной власти, принимал под полную защиту кокандского хана. Это существенно осложняло политическое положение южных кыргызов.

Присоединение Южной Киргизии к России неразрывно связано с антикокандскими выступлениями в 1873–1876 гг. и имеет свои особенности. Участники этого народного движения, борясь против феодально-ханского гнета, твердо ориентировались на Россию, искали у нее поддержки, помощи и нередко изъявляли желание принять российское подданство. Это особенно наглядно проявилось на первом этапе (1873–1874 гг.) восстания.

§ 2. Народное восстание 1873-1876 гг.

Восстание началось весною 1873 г. Поводом и непосредственной причиной его послужило прибытие в конце марта – начале апреля к кыргызам, кочевавшим на юго-востоке ханства, сборщиков налога, потребовавших уплаты непомерных зякета и хараджа (размеры их были увеличены в 3 раза). Кыргызы, решительно отказавшись от уплаты этих налогов, избили зякетчи и даже нескольких из них убили. А все, что они успели собрать, было оставлено населению. Известие об этом побудило Худояр-хана направить против взбунтовавшихся кыргызов карательный отряд из нескольких тысяч сипаев (конников), который возглавил верный ему бек Алымкан. Тем временем восстание быстро распространялось по всему Алаю и Гульче. К восставшим кыргызам присоединилась значительная часть кыпчаков. Однако вскоре в жесточайшей битве плохо вооруженные повстанцы были разбиты, а Худояр-хан приказал вырезать бунтующих кыргызов и кыпчаков. Действия ханских карателей были невероятно жесто-

ками: 20 тысяч семей кыргызов и 10 тысяч семей кыпчаков вынуждены были бежать в предгорья Кашгар-Даван, в местности Кирлик и Хазраты, которые считались неприступными для кокандских войск.

Кровавые действия карателей лишь ожесточили повстанцев, дух протеста и гнева которых уже невозможно было сломить. Полные решимости кыргызы и кыпчаки готовились к новому выступлению. Под их влиянием находилось население южной и юго-западной части ханства. С симпатией относились к ним и жители северных районов края. Все это не могло не беспокоить Худояр-хана, и он решил еще раз преподать кровавый урок непокорным. В мае 1873 г. против восставших выступил карательный отряд во главе с главнокомандующим ханскими войсками Абдуррахманом Афтобачи. Однако этот ханский сановник, крупнейший кыпчакский феодал, учитывая силы и боевое настроение повстанцев, не решился предпринять против них прямые военные действия. Выдавая себя за сочувствующего повстанцам и понимающего причины их выступления, он убедил их не выступать открыто против власти Худояр-хана, не проливать кровь, а направить к хану делегацию из 40 человек, которые объяснили бы хану тяжелое положение кыргызов и кыпчаков и попросили бы его о сокращении размеров поборов, в том числе и зякета. Худояр-хан, когда к нему прибыла эта делегация, даже не подумал выслушать представителей повстанцев, а велел перерезать их, что и было исполнено.

Афтобачи еще некоторое время вынужденно оставался в кочевьях повстанцев. Но позднее, когда хан вызвал его, явился к тому, представ в роли ловкого усмирителя восставших. В дальнейшем он продолжал возглавлять карателей.

Повстанцы же, узнав о зверском убийстве своих посланцев и о предательстве Афтобачи, снова поднялись на решительную борьбу. К ним стали прибывать кочевники из других районов ханства. В июне 1873 г. десятки тысяч кыргызских и кыпчакских скотоводов, собравшиеся в местностях Кирлик и Хазраты, двинулись в сторону Ферганы. Без боя заняли Узген — главное укрепление Кокандского ханства, служившее поддержкой ханской власти над Алаем и Гульчой. Ханская казна,

хранившаяся здесь, была захвачена повстанцами, а представители власти во главе с комендантом Алим-кыпчаком убиты. Вдохновленные первыми успехами повстанцы заняли укрепление Сук и уничтожили его гарнизон. Восстание продолжало нарастать.

Обеспокоенный Худояр-хан направил против восставших карательный отряд под предводительством своего брата — бека города Маргелана. В столкновении с повстанцами отряд этот потерпел полное поражение, а его начальник спасся бегством. Видя размах восстания и его успехи, около 3 тысяч (по некоторым сведениям — до 5 тысяч) ханских сарбазов перешли на сторону повстанцев. 300 человек из ханских войск были пленены. Восставшие без боя взяли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Коргон и другие города и кишлаки. Жители их присоединились к восставшим, а беки и старшины вынуждены были спасаться бегством. Бек Булак-Баши, попавший в руки повстанцев, был казнен.

Получив сведения об успешных действиях восставших, Худояр-хан поспешил приехать из Коканда в Маргелан. Против повстанцев было направлено многочисленное войско во главе с Абдуррахманом Афтобачи. Между повстанцами и карателями произошел ряд серьезных столкновений. С обеих сторон имелись значительные потери. Повстанцы, несмотря на плохое вооружение и неорганизованность, сражались храбро. В битве, происшедшей недалеко от Тюре-Коргона, каратели потерпели поражение, ханское войско было разбито, а его "полководцы" бежали в Тюре-Коргон, а оттуда — в Коканд. Восставшие заняли Андижан и часть населения города присоединилась к ним. Вскоре, однако, повстанцы вынуждены были покинуть город.

Разрозненные выступления охватывали все новые и новые районы ханства, особенно на юге Кыргызстана. На борьбу против феодально-ханского гнета поднялись ичкилики, адыгине, тагай, мундуз, кушка, багыш, басым (каманы), карабагыш, кытай и некоторые другие кыргызские племена и роды, а также значительная часть кыпчаков и узбекского населения.

Весною 1873 г. выступили кыргызы-кочевники Андижанского вилайета. Возглавил это выступление Мамыр Мергенов.

Вначале повстанцы, возглавляемые Мамыром, действовали успешно. Им удалось занять г. Ханабад. Однако в битве близ Ханабада повстанцы потерпели поражение и только убитыми потеряли 300 человек. На поле боя осталось много раненых. Было немало и пленных, которых каратели "распределили" между кишлаками (по 5—7 человек) и казнили их там — посадили на кол. По приказу Худояр-хана "убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы".

Преследуемые карателями повстанцы (1700 семей) бежали в высокогорные районы Киргизии, в Тогуз-Торо и Кетмень-Тюбе в границах Токмакского уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, т.е. в пределы владений России. Худояр-хан обратился к представителям колониальной власти с просьбой вернуть кыргызов-повстанцев. Часть их действительно вернулись, но были ограблены ханскими чиновниками и вынуждены были вновь бежать в те же земли, откуда возвратились (особенно в Кетмень-Тюбе). Ханские чиновники успели захватить около 60 из возвратившихся беженцев. При столкновении кыргызов с карателями с обеих сторон имелись потери: было убито 40 повстанцев и 15 ханских воинов.

Мамыр с сотней верных ему повстанцев ушел на зиму в горы в восточной части ханства, в кочевья адыгине. К весне 1874 г. они перешли в урочище Тогуз-Торо, надеясь поднять и местных кыргызов на борьбу против Худояр-хана, но особого успеха не добились.

Стремясь вовлечь в движение против кокандского хана как можно больше людей, Мамыр старался заручиться помощью и поддержкой России. Весной 1874 г. он обратился к туркестанской администрации с просьбой о принятии его и его сподвижников в подданство России. Однако на свою просьбу ответа не получил и преследуемый ханскими карателями перешел в южные районы края, надеясь обрести поддержку местного населения в своих действиях против кокандских правителей, готовясь к новому, более мощному выступлению.

Надо заметить, что после боя у Ханабада восстали кыргызы-адыгине, кочевавшие в горах на востоке ханства. К ним

присоединилась часть кыпчаков. Однако и их выступление не успело принять широкого размаха и вскоре было подавлено.

Стихийные, разрозненные восстания продолжали вспыхивать в разных районах Южного Кыргызстана и на юго-востоке Кокандского ханства. Летом 1873 г. подняли восстание кыргызы племен кутлук-сеит и найман. Во главе их был Исхак Хасан уулу, известный как Пулат-хан. Восставшие заняли кишлаки Ахмат, Нанай и Кок-Яр, жители их присоединились к повстанцам. Выступление быстро разрасталось. Его поддержало и местное узбекское население, также изнемогавшее под ханским гнетом. Повстанцы приближались к г. Наманган. Против них был направлен карательный отряд, возглавил его бек Намангана. Не решаясь сразиться с многочисленными повстанцами, отряд этот два дня стоял у кишлака Сафид-Булан. Тем временем повстанцы напали ночью на позиции отряда между Сафид-Буланом и Ала-Букой. "При виде такой отваги беки одними из первых пустились наутек, за ними бежали их войска". Повстанцы преследовали их, догнали отступавших последними и перебили их, после этого заняли населенные пункты Кукумбай и Юмалакшейх, жители которых перешли на их сторону.

Однако в действиях восставших не было должной организации и они не смогли закрепить успех. Вскоре повстанцы потерпели поражение в бою с ханским карательным отрядом. После поражения самозванный Пулат-хан бежал на Чаткал. Для его поимки был направлен карательный отряд, но Пулат-хану с несколькими сотнями повстанцев удалось уйти от преследователей. Карательный отряд подверг жестокому грабежу кыргызские аилы, жители которых принимали участие в восстании или подозревались в этом.

Почти одновременно с кыргызскими племенами кутлук-сеит и найман восстали кыргызы, кочевавшие к северу от Намангана. Они разбили ханский отряд и тоже приблизились к Намангану, но потерпели поражение и отошли.

Вскоре восстали кочевники Ляйляка. Поводом к их выступлению послужило, как уже говорилось выше, появление в их кочевьях ханских сборщиков податей, требовавших уплаты зякета. Ляйлякцы обратились к главе сборщиков с просьбой

предоставить им семидневный срок для уплаты. Тот же не только не удовлетворил их просьбу, но даже угрожал донести о них хану как о непокорных бунтовщиках. Своим джигитам он приказал разогнать собравшихся кыргызов. Джигиты начали избивать безоружных людей. В ответ на это кочевники убили главу сборщиков зякета и четырех его охранников. Имущество и скот, отобранные у населения, были вновь возвращены ему.

Как всегда в таких случаях, Худояр-хан не замедлил направить карательный отряд с приказом жестоко наказать бунтовщиков. В первом столкновении с карателями повстанцы взяли верх. Тогда хан выслал более сильный отряд из 1000 сарбазов под началом Абдуррахмана Афтобачи. Но тот не решился вступить в открытый бой с восставшими, число которых превосходило численность его войска в несколько раз и, как известно, вновь предпочел прибегнуть к хитрости. На этот раз повстанцы, поверившие Абдуррахману Афтобачи, стали разъезжаться по аилам, чего только и ждали каратели. Они без труда разбили разобщенных восставших. Около 400 человек были пленены и привезены в Коканд, где их казнили.

Разрозненные выступления кыргызов возникали в разных районах Южного Кыргызстана, нередко охватывая и территорию Узбекистана, особенно район Ферганы. На борьбу против ханского произвола поднялись скотоводы, кочевавшие на юге Ляйляка, в местности Кияк-сай. До 4 тысяч человек под руководством Мамыра напали на кокандскую крепость, расположенную недалеко от Андижана, но успеха не добились.

В мае 1874 г. восстали кыргызы, кочевавшие в Кара-Кульдже. Предводимые Мамыром Мергеновым, они заняли кишлак Базар-Коргон, расположенный в 3 верстах от Андижана. 5—6 тысяч повстанцев пытались, но не смогли овладеть Андижаном. Против них был послан карательный отряд из 2 тысяч сарбазов. Ему удалось подавить восстание и захватить сотни пленных, а также немало лошадей и других трофеев. Мамыр бежал в русские владения — в урочище Капка, где 15 июля 1874 г. по просьбе Худояр-хана был задержан токмакским уездным начальником, опасавшимся распространения подо-

бных событий на территории уезда, и отправлен в станицу Лепсинскую.

В июле 1874 г. вновь восстали кочевники Чаткала. Во главе этого выступления стояли Мусульманкул, Момун Шамурзаков и Пулат-хан. Как явствует из документов того времени, восставшие "переманили к себе Момуна с целью употребить его (как русского подданного из Кураминского уезда. — *К.У.*), в случае успеха при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших дружественных отношениях". Около 10 тысяч повстанцев двинулось из Чаткала вниз через ущелье Алабука в направлении города Касана. К ним присоединялись местные кыргызы и число участников выступления увеличилось. Повстанцы взяли в плен одного сборщика податей и некоторых других ханских чиновников. Беки крепостей Чартак и Янги-Коргон пытались остановить наступление восставших у кишлака Сафид-Булан, в 15 верстах от указанных крепостей, сосредоточив с этой целью здесь 400 человек. Однако им это не удалось. Восставшие действовали решительно. 1 августа "киргизы напали на кокандцев и отбросили их обратно в укрепления". Значительные потери понесли как восставшие, так и кокандцы. Повстанцы взяли кишлак Сафид-Булан и крепости Чартак и Янги-Коргон. Без боя они заняли и город Касан, начальник которого бежал в Тюре-Коргон, расположенный недалеко от Намангана. Многие жители названных кишлаков и г. Касана принимали сторону восставших.

Все это грозило перерастанием выступления в мощное народное восстание. Поэтому 2 августа 1874 г. Худояр-хан направил против восстания почти все свои военные силы — 7000 конников, которые возглавили Абдуррахман Афтобачи и высший ханский сановник бек города Шахристан Иса-Аулие. Сражение состоялось у Тюре-Коргона. Несмотря на численное превосходство, плохо вооруженные и неорганизованные отряды восставших были разбиты. Большие потери имели обе стороны. Несколько сотен повстанцев попало в плен. Мусульманкул был убит, Пулат-хан с остатками повстанцев бежал в горы на северо-западе ханства, а Мумин Шамурзаков возвратился на Чаткал.

В горах севернее Намангана, в урочище Кызыл-Тогай, остатки повстанцев пытались дать отпор преследовавшим их карателям, но были окончательно разбиты.

Ханские карательные отряды действовали с неслыханной жестокостью. Они безжалостно грабили и сжигали кыргызские селения. Особенно жестоко расправлялись с кыргызами, кочевавшими по течению рек Алабука, Урюкты и Касан. Не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Было повешено 1000 человек, "за неимением виселиц вешали на деревьях". Имущество и скот повстанцев были разграблены карателями. Путь следования карателей был отмечен погромами, они оставляли за собою сожженные аилы и кыштаки. С захваченной добычей – скотом и имуществом – ханские войска возвращались в столицу – Коканд. За жестокую расправу с кыргызами, кыпчаками и узбеками Худояр-хан пожаловал Абдуррахману Афтобачи высокий титул "парваначи".

Жестокость ханских карателей не смогла сломить свободолюбивый дух кыргызского народа. Она лишь усилила противостояние коренного населения, направив гнев его против тех, кто нес ему неисчислимые бедствия. Однако с наступлением зимы и закрытием горных перевалов кочевники вынуждены были временно прекратить активные действия.

Так закончился первый этап восстания (1873–1874 гг.), продолжавшийся почти полтора года. Несмотря на широкий размах, выступления повстанцев все же продолжали носить во многом локальный и стихийный характер. Они возникали то в одном, то в другом районе Южного Кыргызстана. В них принимало участие почти все местное население, нередко число участников достигало 10 тысяч, а иногда 100 и более тысяч. Движущую силу выступлений составляли кыргызы-скотоводы и земледельцы. Иногда в движении принимали участие и некоторые представители феодальной знати, недовольные ханской властью.

На этом этапе восстание носило ярко выраженный народно-освободительный характер. Оно было направлено против кокандского господства. Участники восстания захватывали кокандские крепости, находившиеся на юге Кыргызстана и разрушали их, уничтожали представителей ханской власти.

Само восстание ограничивалось территорией южных районов Кыргызстана и лишь отчасти (да и то редко) перекидывалось на территорию Узбекистана, трудящиеся массы которого, обездоленные и разоряемые кокандскими властями, сочувственно относились к восставшим кыргызам и потому нередко оказывали им помощь и поддержку, а в ряде случаев принимали участие в этих выступлениях. Это тем более важно подчеркнуть, что вопреки интересам феодальной знати и политике правителей Кокандского ханства, сеявшей вражду между народами, в ходе освободительного движения проявлялась солидарность трудящихся масс кыргызов и узбеков.

Поучительно также то, что несмотря на поддержку, оказываемую колониальными властями кокандскому хану и его окружению (даже преследование некоторых руководителей повстанческих выступлений), кыргызы все же старались, как уже говорилось, сохранять дружественные отношения с русскими.

Повстанцы-кыргызы, что следует еще раз подчеркнуть, видели свое спасение от жестокого преследования их ханскими карателями и поголовного истребления в принятии российского подданства. Вот почему они настойчиво и неоднократно обращались к представителям российских властей в Туркестане. Уже говорилось, что весной 1874 г. часть кыргызов-повстанцев во главе с Мамыром обращалась к туркестанскому генерал-губернатору "с просьбой принять в русское подданство". В апреле того же года более 200 тыс. восставших-кыргызов в письме, адресованном российскому подданному Джурабеку (бывшему в близких отношениях с туркестанским генерал-губернатором и владевшему русским языком), просили его ходатайствовать от их лица о принятии их в подданство России. В частности, они писали: "...если будет возможность, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие". В мае 1874 г. 2 тыс. семей кыргызов племени мундуз послали своих представителей к царскому наместнику, которые передали ему письмо, где говорилось: "Просим ходатайства Вашего высокопревосходительства перед Госуда-

рем Всероссийским о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нашим доверителям места для кочевий...".

Однако, как уже отмечалось, эти и другие попытки не нашли в свое время поддержки у туркестанской администрации. Но все это не могло ослабить стремления кыргызов к единению с Россией. Об этом свидетельствует тот факт, что тысячи семей повстанцев, спасаясь от ханских карателей, уходили из Южной Киргизии в Северную, подвластную России.

Вновь вспыхнувшее в середине 1875 г. народное выступление охватило все ханство и подвластные ему территории, населенные узбеками, кыргызами, таджиками. В исторической литературе это выступление получило название "Кокандского восстания", что не совсем соответствует содержанию, размаху и масштабу его. Как и предыдущие выступления, оно было вызвано резким усилением феодально-ханского гнета.

Волнение, быстро переросшее в открытое выступление против феодально-ханского гнета, началось в районах Узгена и Ляйляка. Возглавил его вновь Исхак Хасан уулу, "служивший знаменем прошлогоднего (1874 г. — *К.У.*) восстания на Чаткале", выступавший, как известно, под именем Пулат-хана. Небывало широкому размаху восстания способствовало повсеместное и всеобщее недовольство трудящихся масс края политикой Кокандского ханства.

Худояр-хан бросил против восставших свои основные военные силы, возглавляемые Абдуррахманом Афтобачи, Исой-Аулие и Халназаром Ишик-Агасы. На подавление восстания было также отправлено из Андижана 5000 человек под началом старшего сына Худояра Насреддина (Хана-заде) с артиллерией. 17 июля ханские карательные отряды, в которых были сыновья узбекских дехкан, кыргызских и кыпчакских скотоводов, перешли на сторону восставших. Увидев широкий размах выступления и численное превосходство повстанцев, к ним присоединились и начальники карательных отрядов, хотя, в отличие от своих подчиненных, они преследовали корыстные цели и пытались использовать восстание в своих интересах.

Повстанцы заняли Ош, Наманган, Андижан, Асаке и другие города, жители которых присоединялись к ним. Вскоре они заняли г. Маргелан. Теперь восставшие приближались к столице ханства – Коканду, в котором также нарастало недовольство Худояр-ханом и окружающей его феодальной верхушкой.

Ненавистный народу хан, лишившись основной части своих войск, направленных на подавление восстания и разбитых повстанцами, не имея поддержки даже со стороны своего близкого окружения, не мог уже своими силами погасить народного волнения. Он искал помощи у своих покровителей – царской колониальной администрации. 20 июля он обратился к туркестанскому генерал-губернатору Кауфману с письмом, где просил о спасении.

22 июля 1875 г. Худояр с семейством (состоявшим из 70 женщин), с 500 приближенными, с казной, погруженной на 42 арбы, охраняемый 2000 сипаев, 4000 сарбазов и взводом из 22 казаков, во главе которого был М.Д.Скобелев, покинул Коканд и направился к Ходженту под защиту царской власти. К нему присоединились 9 русских купцов. Восставшие жители столицы преследовали беглецов, угрожая им физической расправой.

Абдуррахман Афтобачи и близкие к нему феодалы, опираясь на военную верхушку бывшей ханской армии, посадили ханом Насреддина, а руководителя повстанцев Пулат-хана, претендовавшего на ханский престол, арестовали и упрятали за решетку в крепости Махрама, откуда через месяц, 22 августа, ему удалось бежать на Чаткал, где он и скрывался до конца сентября 1875 г. По сути дела Насреддин был марионеткой в руках Абдуррахмана Афтобачи и его приближенных. Повстанцы, убедившись в том, что царские власти враждебно относятся к ним и открыто поддерживают хана и феодалов, против гнета которых они боролись, а также увидев, как казачий взвод под началом Скобелева прикрывает бежавшего Худояр-хана и его вельмож, стали выступать и против колониальных властей.

Понятно, что власти не могли не принять мер. Был быстро сформирован отряд из 5000 солдат и казаков. 12 августа он

был направлен на подавление восстания. Между отрядом и повстанцами произошли серьезные столкновения. Восставшие оказывали сильное сопротивление карателям.

Некоторые царские генералы и офицеры, пытавшиеся сделать военную карьеру и добиться "славы", "отличались" в подавлении восстания. Повстанцы безжалостно уничтожались, сотни их были потоплены в Сырдарье.

29 августа отряд Кауфмана занял столичный город Коканд, жителей которого пытались насильно заставить выплатить харадж, танап и другие подати.

Попытки нового хана и представителей царской власти собрать с населения налоги и подати, набрать войско для хана, а также большую контрибуцию, что ложилось дополнительным тяжелым грузом на плечи узбекских, кыргызских и таджикских трудящихся, жестокость Насреддина поднимали новые выступления и против хана, и против покровительствующих ему колонизаторов. Поводом для нового восстания послужила попытка Насреддина заставить людей идти на военную службу.

Насреддин, не имея возможности подавить восстание своими силами, обратился с просьбой о военной помощи к начальнику Ходжентского уезда. Однако, не дождавшись ответа, вынужден был бежать в Ходжент под защиту царских властей. Весть об успехе повстанцев в Коканде и изгнании Насреддина вскоре распространилась по всему ханству, вселяя надежду на возможность успешной борьбы за социальную и национальную свободу.

Восстание с новой силой разгорелось во второй половине сентября 1875 г. в восточных районах ханства среди кыргызских и кыпчакских полукочевников. Оно быстро распространилось на оседлые районы, населенные узбеками и таджиками. Во главе восстания вновь стали Пулат-хан и Абдуррахман Афтобачи. В конце сентября восставшие заняли г. Андижан, жители которого присоединились к ним, и вместе начали преследовать царский военный отряд. Андижан стал центром восстания. Здесь сосредоточились основные силы повстанцев, число которых доходило до 60—80 тысяч. Сюда стекались узбеки и таджики из соседних кишлаков и некоторых городов,

а также многие кыргызы и кыпчаки из горных и предгорных местностей.

Однако после упорного и кровопролитного сражения к вечеру 2 октября Андижан был занят карательным отрядом, защитники города были жестоко наказаны.

Утром 9 октября многочисленные отряды восставших вновь подошли к Коканду. Горожане открыли им ворота и присоединились к ним. Повстанцы и горожане напали на ханский дворец.

В конце ноября Пулат-хан, несмотря на серьезную рану, полученную им в сражении под Андижаном, переехал из Асаке, где находился около двух месяцев, в Маргелан. Вместе с ним в Маргелан прибыло до 4 тыс. повстанцев-кыргызов с 14 орудиями. Маргеланцы встретили их с радостью. Как писал Скобелев, в конце 1875 г. и в начале 1876 г. восставшие, возглавляемые Пулат-ханом и Абдуррахманом Афтобачи, "располагали... огромным ополчением, сосредоточенным в Маргелане и его окрестностях", а также на левом берегу р. Нарын, на берегах Сырдарьи и недалеко от г. Наманган. В середине декабря 1875 г. в Маргелане, не считая горожан, находилось 8—10 тысяч повстанцев-кыргызов. А общее число повстанцев в этом городе доходило до 80 тысяч. Руководил ими Пулат-хан.

Восставшие готовились к отпору карательному отряду. Для организации обороны Асаке Пулат-хан отправил Абдул-Гафара, а сам 15 декабря прибыл в Коканд. Жители столицы ханства "встретили его с большим почетом... Кроме того, ему сделаны были разные приветствия". По поручению Пулат-хана отдельными группами восставших руководили кыпчак Батыр-Кул, кыргыз Эшбото, узбек Тана-Берди, таджик Исман-Диар и другие.

В ноябре и в первой половине декабря 1875 г. передовые части повстанцев нередко появлялись на Наманганско-Ходжентской дороге и к северу от нее, а некоторые подходили к Намангану. За это время между карателями и повстанцами произошел ряд стычек: 2 ноября — у кишлака Кепе, 12 ноября — у Балыкчи, 18 ноября — в Ашабе, 30 ноября — в Тур-Тюбе, 2 декабря — при Ульджибае и 4 декабря — у Байбачи. В них

участвовало большое число восставших. Например, в столкновениях у Балыкчи участвовало до 20 тыс. человек. Некоторые столкновения превращались в настоящие сражения. Так, 18 ноября "сопротивление жителей (к. Ашаба. – *К.У.*) было отчаянное, – читаем в архивном документе, – били людей из-за баррикад и бойниц. Жители пощады не просили и гибли с оружием в руках: женщины кидались с ножами на солдат и бросали в них камни. Все население кишлака было переколото".

26 января 1876 г. Пулат-хан с оставшимися повстанцами двинулся к Уч-Коргону, где намеревался дать бой царским войскам. 27 января 5000 конных и 100 пеших повстанцев с 5 орудиями расположились на ночлег в Уч-Коргоне. Пулат-хан, его приближенные и сарбазы занимали укрепленный центр, который состоял из двух частей. В первой расположились Пулат-хан и его приближенные, а во второй – его повстанцы. Ночью с 27 на 28 января часть царского карательного отряда – 450 солдат, которых возглавлял барон Меллер-Закомельский, внезапно напала на повстанцев и застала их врасплох. Как отмечал начальник карательного отряда, повстанцы, несмотря на неожиданность нападения, оказали отчаянное сопротивление. Они, "оправившись от нечаянности нападения, бросились частью в Урдун на его защиту, частью на противоположный берег речки, откуда открыли по штурмовой колонне сильный огонь". Однако хотя повстанцы и оказывали упорное сопротивление, они не могли устоять против хорошо вооруженных и обученных солдат, а потому потерпели полное поражение, большинство из них погибло в этом жестоком сражении.

Царская колониальная администрация имела целью окончательное подавление восстания и хотела преподать его участникам такой урок, который запомнился бы им надолго. Началась череда новых схваток и жесточайших расправ с повстанцами и населением районов, которые были охвачены восстанием.

В конце января – середине февраля 1876 г. восстание было подавлено. Однако его участники, особенно на юге Кыргызстана, все еще оказывали сопротивление.

В результате кровавых действий ханских и царских карателей число взрослого населения Южного Кыргызстана и Кокандского ханства резко уменьшилось. Академик А.Ф.Миддендорф, специально обследовавший Ферганскую долину и ее население по горячим следам после подавления восстания, подчеркивал, что "в категориях по возрастам между 15 и 40 годами женщины значительно превосходят число мужчин. Это объясняется тем, что во время усмирения восстания в 1875 г. пало большое число способных носить оружие кара-киргизов".

Несмотря на массовость, широкий размах и продолжительность выступлений, упорство, решительность их участников, восстание не увенчалось успехом. Объясняется это слабой организованностью, стихийностью и плохим вооружением повстанцев, отсутствием единого твердого руководства, ограниченностью социального сознания восставших, изменой некоторых представителей феодальной знати, а также превосходством ханских и царских регулярных войск – карателей в вооружении, организации и обучении.

Рассматриваемое восстание было вызвано феодально-ханским гнетом и направлено против феодальной знати во главе с ханом и против его покровителя и защитника – царизма. Оно носило антифеодальный и народно-освободительный характер. По своей массовости, размаху и продолжительности это восстание являлось самым крупным движением в истории народов Средней Азии до начала XX в. В то же время по своему социальному и национальному составу, целям и характеру это восстание представляло собой одно из сложных исторических событий. Продолжалось оно более трех лет. В нем участвовали сотни тысяч повстанцев. Часто количество участвовавших в выступлениях доходило до 70-80 тысяч и более. А в отдельных выступлениях число борющихся за свою социальную и национальную свободу превышало 200 тысяч.

Движущей силой восстания 1873–1876 гг. были кыргызские, узбекские и таджикские трудящиеся – дыйкане, скотоводы, ремесленники и кустари, обнищавшие и разоренные в результате грабительской политики кокандского хана и его чиновников. В восстании принимали участие и представители

феодальной знати, нередко преследовавшие свои цели и пытавшиеся использовать народное выступление в личных интересах. Некоторые феодалы оказывали свои услуги в подавлении восстания.

Как показывают фактические материалы, восстание 1873–1876 гг. являлось совместным выступлением трудящихся узбеков, кыргызов, таджиков и каракалпаков, угнетаемых кокандскими феодалами во главе с ханом. Общность исторических судеб, все усиливающийся гнет, поддержка его царскими властями объединили и подняли трудящихся братских народов на борьбу за социальную и национальную свободу. Национальная вражда и недоверие между народами, которые усиленно насаждали кокандские ханы и их приспешники, а также местные феодалы, не могли помешать объединению трудящихся масс на общую борьбу против угнетателей.

Народное восстание 1873–1876 гг., хотя и кончилось поражением, имеет большое историческое значение и составляет яркую страницу в истории народов Средней Азии. В конечном счете оно объективно привело к уничтожению Кокандского ханства и присоединению всей его территории и подвластных ему регионов, в том числе и Южной Киргизии, к России. Царизму – покровителю кокандских ханов не удалось восстановить власть ни Худояр-хана, ни Насреддина. Царское правительство, не желавшее ранее по практическим соображениям принять в подданство России южных кыргызов, теперь, напуганное размахом восстания, было вынуждено ликвидировать Кокандское ханство и присоединить его территорию к России. Вот что сказано по этому поводу в рапорте туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 2 февраля 1876 г.: "Не видя возможности успокоить население другим способом, Государь Император соизволил ныне же принять ханство (Кокандское. – *К.У.*) в подданство его Величества", т.е. России. И действительно, 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство и подвластная ему южная часть Кыргызстана были присоединены к России. Образовалась Ферганская область, вошедшая в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Присоединение Ферганской долины и прилегающих к ней

предгорных и горных районов к России произошло путем завоевания. Не составляла исключения и Южная Киргизия, хотя ее население и раньше ориентировалось на Россию, искало у нее помощи и поддержки, изъявляя добровольное желание принять российское подданство.

Горные районы Южного Кыргызстана (в частности, Алай и некоторые другие местности) еще оставались за пределами подвластных России владений. Их население при продвижении отрядов российских войск оказывало им открытое сопротивление. Так, 26 марта 1876 г. в местности Кара-Кия южнее кыштака Сох произошло столкновение 800 кыргызов с военным отрядом, которым командовал полковник Н.К.Корольков. Однако, потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными, кыргызы вынуждены были отступить. Противились присоединению Алая к России и Абдуллабек, Оморбек и другие сыновья Алымбека-датхи и Курманджан-датхи. В апреле 1876 г., возглавив отряд из местных жителей, они разбили российский отряд под началом капитана Исполат-бека.

Это беспокоило администрацию Туркестанского края, в связи с чем была организована специальная "экспедиция на Алай" – отряд из 380 солдат и офицеров. Во главе его был поставлен генерал-майор М.Д.Скобелев.

Тем временем около 1500 кыргызов, которыми командовали сыновья Курманджан-датхи, заняли важную труднодоступную позицию в высокогорной местности Жанырык, в 25 верстах от Гульчи. 25 апреля они вступили в схватку с отрядом Скобелева. Туркестанский генерал-губернатор вынужден был признать, что "неприятель (кыргызский отряд. – *К.У.*) дрался хорошо и ... выказал большую стойкость". Бой продолжался целый день. Но все же отряду Скобелева удалось вытеснить кыргызов с занимаемой ими позиции. Потери были большие, особенно со стороны кыргызского отряда.

В первой половине июля 1876 г. вновь выступили кочевники Алая и Гульчи: 2000 человек заняли удобную позицию на берегах реки Турука Шота. Руководили ими Абдуллабек, Оморбек и другие. В ночь на 12 июля в урочище Гульча часть кочевников напала на небольшой царский отряд, был тяжело ранен его начальник капитан А.Н.Куропаткин. В место стол-

кновения был направлен отряд под началом генерал-майора М.Д.Скобелева. Кыргызы "открыли по отряду сильный ружейный огонь и стали учащенно бросать громадные камни". Как отмечал полковник Вигенштейн, только "после упорного и ожесточенного боя позиция (кыргызов. – *К.У.*) была взята". Российскому отряду существенную помощь оказали манап Шабдан Джантаев со своими джигитами. Шабдан, сочувственно относясь к местному населению, старался уладить дело мирным путем и спасти сородичей от кровопролития. Кыргызы отступили, потеряв более 50 человек.

После поражения Абдуллабек с братьями Мамытбеком, Асанбеком и другими своими сподвижниками бежал за кордон, где вскоре умер. Курманджан-датха с сыном Камчибеком и племянником Мирзапаясом на границе были задержаны отрядом Витгенштейна, который затем доставил ее в Маргелан к военному губернатору Ферганской области М.Д.Скобелеву. Скобелев в лице влиятельной и мудрой Курманджан-датхи видел одного из крупных представителей коренного населения. Он тепло принял Курманджан-датху, как и подобало принимать царицу Алая, одарил ее парчовым халатом и предложил ей уговорить сыновей перейти на службу к царским властям, на что она согласилась.

Территория Алай – Гульча, где проживало 17380 семей, была теперь присоединена к России. Здесь было образовано 5 волостей: Кичи-Алайская, Наукатская, Гульчинская, Узгенская и Ак-Буринская, все они входили в состав Ошского уезда. Управляли ими сыновья Курманджан-датхи: Камчибек, Мамытбек, Асанбек и Батырбек. Завершился процесс завоевания и присоединения края к России.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Когда и как произошло присоединение Северной и Южной Киргизии к России?
2. Характер присоединения Кыргызстана к России.
3. "Кокандское восстание" и его характер.
4. Руководители восстания 1873-1876 гг.
5. Исторические последствия присоединения Кыргызстана к России.

ЛИТЕРАТУРА

Джамгерчинов Б.Дж. Присоединение Киргизии к России. — Фрунзе, 1959.

Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX в. — Фрунзе, 1966.

История Киргизской ССР. Т. 1. — Фрунзе, 1968.

История Киргизской ССР. Т. 2. — Фрунзе, 1986.

Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977.

Усенбаев К.У. Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1960.

Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов (вторая половина XIX — начало XX в.) — Фрунзе, 1980.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). — М., 1965.

Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX века. — Фрунзе, 1961.

ГЛАВА 10

КЫРГЫЗСТАН В СОСТАВЕ РОССИИ

§ 1. Колониальная политика царизма и административно-судебная система

Колониальная эпоха Кыргызстана в новом периоде продлилась в целом около 60 лет. В проведении своей колониальной политики царизм руководствовался прежде всего принципом "постепенности, поэтапности и последовательности". Процесс осуществления административно-правовой и социально-экономической политики российского правительства делится на два больших периода.

Первый, так называемый "подготовительный", период включает 60–80-е годы XIX в. (1867–1886), то есть охватывает время от образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. до введения постоянного "Положения" 1886 г. об управлении Туркестанским краем, в котором окончательно определялись права местного населения во всех сферах жизни. Для этого периода характерны изучение местных условий, подготовка неутвержденных проектов "Положения" (1871, 1875, 1881 гг.) по управлению краем. Хотя в рамках этого периода краевой властью уже были сделаны определенные практические шаги, но все же окончательно были выработаны основные принципы всей колониальной политики царизма в Туркестане только в середине 80-х годов XIX в.

Второй период – проведение в жизнь основных принципов колониальной политики самодержавия в Туркестане, в том числе в Кыргызстане. Это время с 80-х годов XIX в. до

1917 г. Почти все стороны колониальной политики – административная, аграрная, переселенческая, торговая, промышленная, социальная, духовная и иные – имели более или менее четкие принципы и постепенно осуществлялись на практике вплоть до начала Февральской революции. Общие начала организации административно-правовой системы в Туркестане, в том числе в Кыргызстане, были разработаны еще Степной комиссией (1865 г.) и отражены в проекте "Временного положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства" (1867 г.). Они заключались в неразделенности военной и административной власти, в организации местного управления, идентичного с управлением в остальной части империи, в предоставлении права внутреннего управления, кроме политических дел, местной выборной администрации, в оставлении в силе местного закона – шариата, обычного права – адата до времени окончательного перехода к "русским" порядкам.

Руководствуясь указанными принципами, царская администрация по мере закрепления своих политических и экономических позиций ввела в Кыргызстане общую для империи систему административного управления. Сначала кыргызы Прииссыккулья, Чуйской и Кеминской долин, Внутреннего Тянь-Шаня, принявшие российское подданство в середине 50 – начале 60-х годов XIX в., были включены в Алатавский округ Семипалатинской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1865 г. указанные территории, а также Таласская и Кетмень-Тюбинская долины вошли в состав Туркестанской области, подчиненной Оренбургскому генерал-губернаторству.

В 1867 г. учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с двумя областями: Семиреченской (куда входили кыргызы Чуйской и Суусамырской долин – Токмакский уезд; Иссык-Кульской котловины и Тянь-Шаня – Иссык-Кульский уезд) и Сыр-Дарьинской (в нее входили кыргызы Таласской, отчасти Чаткальской долин – Аулие-Атинский уезд). 11 июля 1867 г. было утверждено "Временное положение об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях", которое функционировало вплоть до 1886 г.

После завоевания Российской империей Кокандского ханства указом от 19 февраля 1876 г. была образована Ферганская область, куда входила южная часть Кыргызстана. Первоначально управление ею осуществлялось в соответствии с неутвержденным "Положением об управлении Туркестанским краем" (1873 г.). Однако с 1886 г. действует уже окончательное "Положение", по которому Туркестанское генерал-губернаторство было преобразовано в Туркестанский край. Семиреченская область в 1882 г. была присоединена к Степному генерал-губернаторству, а в 1899 г. вновь влилась в состав Туркестанского края.

Территория современного Кыргызстана входила тогда в следующие области и уезды: Пишпекский и Иссык-Кульский уезды – в состав Семиреченской области с центром в г. Верном; Таласская долина – в состав Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области с центром в г. Ташкенте; юг Кыргызстана – в состав Ферганской области с центром в г. Новый Маргелан (позже г. Скобелев); небольшая часть нынешнего Ляйлякского района была отнесена к Ходжентскому уезду Самаркандской области.

Таким образом, территория Кыргызстана была в составе четырех областей и девяти уездов. Такая административная структура крайне отрицательно сказывалась на процессе этнической, хозяйственной, политической и духовной консолидации кыргызского народа, складывании внутреннего рынка. При образовании административных единиц царские чиновники руководствовались единственным критерием – как легче "управлять", исходя из принципа "разделяй и властвуй". Языково-культурные, этнические признаки абсолютно не учитывались. В законодательных актах управления основным являлся военно-колониальный принцип. Верховная власть в крае была полностью сосредоточена в руках генерал-губернатора. Военные губернаторы областей осуществляли как гражданскую, так и военную власть. Они правили областями с помощью распределительного, хозяйственного и судебного отделов, во главе которых стояли старшие советники. А всем областным правлением руководил вице-губернатор области. Уездные начальники подчинялись областным губернаторам и

имели по два помощника, младший из которых мог быть представителем местной феодальной верхушки. Все назначаемые должности: генерал-губернатор края, военный губернатор области, уездный начальник, в особых случаях приставы обязательно должны были представлять военное ведомство, быть офицерами высшего и среднего ранга, русскими по национальности.

В качестве местной власти выступало двухступенчатое "народно-общественное" управление. Существовали волости (волость – территориально-родовая единица, состоящая из 1000–2000 тутунов – кибиток или дворов). Волости в свою очередь разделялись на кочевые и оседлые. В кочевых волостях функционировало айыльное старшинство (айыл – территориально-хозяйственная единица, состоящая из 100–200 кибиток), в оседлых волостях – сельское аксакальство, в городах – квартальное аксакальство. Это и были низшие ступени местного управления. Они считались гражданскими властями из коренного населения и выбирались сроком на три года.

Вся система краевого управления называлась "военно-народным" управлением и имела далеко идущую цель. Туркестану придавалось стратегическое значение, поэтому все рычаги военной и гражданской власти находились в руках русских военных чиновников – представителей дворянско-помещичьей верхушки государства на местах, призванных составить главную опору царизма.

Учреждение так называемого "народно-общественного управления" в лице волостных управителей, старшин и аксакалов означало стремление царизма привлечь к себе местных феодалов, создать видимость классовой солидарности, показать "демократичность" системы местной власти. Такая тактика имела точный расчет – рассеивать силы национально-освободительных движений, тормозить консолидацию местного населения и помешать созданию предпосылок возможных восстаний. Последняя цель достигалась тем, что в процессе выборов в волостные управители кандидатуры нередко выдвигались по родовым признакам, борьба в ходе избирательной кампании сопровождалась подкупами, дачей крупных взяток

царским чиновникам, враждой группировок, иногда доходившей до массовых стычек и драк.

Организация судопроизводства регулировалась существующими законами России, "Положениями" 1867 и 1886 гг., а также местным обычным правом – адатом и шариатом. А это значит, что параллельно сосуществовали как русское, так и местное судопроизводство. В Кыргызстане, как и по всему краю, создавались русские уездные суды и военно-судебные комиссии, которые руководствовались действующими законами империи. Местное население подлежало судебной ответственности по общим уголовным имперским законам (кроме дел о насильственном угоне скота – барымте). Дела об убийстве должностных лиц, выступлении против правительства, нападении на казенные транспорты и почту рассматривались в военных судах.

Для местного населения оставались в силе обычное право и старые правовые организации. Для кочевого населения были сохранены суды биев, для оседлого – суды казиев, которые разбирали дела, не входившие в ведение уездных и военных судов. Суд биев руководствовался нормами обычного права (адата), а суд казиев – нормами шариата. В конце XIX в. с возникновением необходимости укрепления колониального режима в условиях роста национально-освободительных движений в крае учреждаются мировые и областные суды, рассматривавшие уголовные и гражданские дела. Создавался следственный аппарат. Следствие вели судебные следователи, мировые судьи и их помощники.

Штаты русских судов назначались из представителей колониального чиновничества, часто из числа имевших военный чин. Местные же судьи являлись выборными. В кочевых волостях в айылах, а в оседлых – в кыштаках выбирался бий или казий сроком на 3 года. Они утверждались военным губернатором.

Таким образом, административно-судебная политика российского правительства целиком соответствовала принципам колониальной системы самодержавия.

§2. Экономическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX - начале XX в.

Земельный вопрос и состояние сельского хозяйства. По мере присоединения Россией отдельных регионов края важной задачей являлось определение земельных прав местных народов. Согласно законодательным актам, земли коренного населения были объявлены государственными, что имело большое политическое значение. Российское правительство с первых же дней управления краем практически осуществляло свою функцию верховного собственника земли. В процессе изучения земельных отношений Туркестана центральным был вопрос о форме землевладения. По этому вопросу у российских властей наметилось два мнения. Одни правительственные чиновники предпочитали решить земельный вопрос в пользу государственной собственности, другие склонялись к поддержке капиталистической собственности на землю, что отвечало интересам буржуазии.

В изучении края участвовал широкий круг людей. Были образованы специальные комиссии для подготовки земельной реформы. Комиссии и отдельные исследователи подготовили несколько проектов реформы (которые многократно возвращались для доработки). При военном министерстве в январе 1884 г. была организована комиссия под председательством члена Государственного совета графа Н.П.Игнатьева с участием представителей от 9 министерств и ведомств, от местных властей. В их распоряжении был богатый материал – результат 20-летнего изучения земельных отношений в Туркестане. Комиссией Игнатьева был выработан новый (шестой по счету) проект "Положения об управлении Туркестанским краем", который был рассмотрен в Государственном совете и утвержден императором 12 июня 1886 г.

Таким образом, только в 1886 г. юридически были определены земельные отношения коренного населения Туркестана, которые отражали сущность земельной политики в Кыргызстане.

Главный вопрос земельных отношений в "Положении" 1886 г. был решен компромиссно, что характеризует лавирующую политику царского правительства между дворянством и буржуазией. Хотя земля в целом объявлялась государственной собственностью, однако в статье 255 "Положения" говорилось: "За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях", что явилось частичным признанием права частного владения землей. Половинчатое решение вопроса о частном землевладении все же юридически оформляло курс правительства на ограничение и ликвидацию местной частной собственности на землю и постепенное развитие нового, капиталистического, землевладения. Мильковые привилегии (мильк — местная частновладельческая земля) ликвидировались. Что касается вакфных земель (вакф — форма землевладения мусульманского духовенства), то они продолжали существовать. Однако образование новых вакфов допускалось только с разрешения генерал-губернатора.

"Положение" предусматривало и образование нового типа землевладения. Оседлому населению разрешалось продавать и покупать земли как по местным обычаям, так и по российским порядкам (по крепостям). Право приобретения земельных угодий имели лица, принадлежавшие к русскому подданству, исповедующие христианство, а также местное население.

По вопросу о поземельном устройстве кочевого населения мнение властей в основном было едино: здесь руководствовались принципом признания земель кочевников государственной собственностью, что имело прямую связь с переселенческой политикой самодержавия. Так, военный губернатор Семиреченской области Аристов писал, что "при признании земель собственностью киргизов невозможно... увеличение русских поселений", так как тогда все земли кыргызов станут их "собственными пастбищами, запретными для переселения за отсутствием свободных земель". "Положение" предоставляло кочевому населению землю в наследственное пользование в трех видах: зимовки, летовки и обрабатываемые земли. Отведенные для подкочевья земли и скотопрогонные

дороги предоставлялись во всеобщее пользование населения края.

В 1887 г. областным правлением были направлены "Правила поземельного устройства в Туркестанском крае" и "Инструкция о правилах введения поземельно-податного устройства в оседлых местностях Туркестана", которая действовала до 1890 г.

В Ферганской области поземельно-податные работы были начаты весной 1890 г. В каждом уезде были образованы поземельно-податные комиссии, задача которых была двоякой: поземельное устройство оседлого населения и организация податного дела. Кроме того, комиссии выявляли свободные земли для заселения русскими переселенцами. Межевые работы были проведены в Андижанском (1890–1893 гг.), Маргеланском (1894–1897 гг.), Наманганском (1897–1900 гг.), Кокандском (1899–1903 гг.) уездах.

Таким образом, начали осуществляться основные мероприятия земельно-податной реформы. Однако встречающиеся затруднения в практике применения правил "Положения" 1886 г., медлительность поземельно-податных комиссий и неравномерность в распределении налогов обусловили необходимость еще раз рассмотреть этот вопрос и создать новую комиссию, разработавшую новый закон, который был утвержден 10 июня 1900 г. В соответствии с этим законом за оседлым населением закреплялись земли, "находящиеся в его постоянном, потомственном владении, пользовании и распоряжении, искусственно орошаемые, богарные и необрабатываемые". Означенные три категории земель не просто закреплялись за населением, но и облагались поземельным налогом, хотя третья категория (необрабатываемые) земель по существу не приносила населению никакой экономической пользы. В новом законе откровенно проявлялась первостепенность интересов казны, которым подчинялись интересы крестьянства.

На основе закона 1900 г. в течение 1901–1910 гг. в уездах Ферганской области были проведены дополнительные поземельно-податные работы. Реформа охватила некоторые волости, ранее не подвергавшиеся землеустройству. В Ошском

уезде, например, реформа была целиком проведена на основе нового закона (с апреля 1903 г. до весны 1905 г.).

На 1 января 1910 г. земельная реформа в Туркестане, продолжавшаяся 24 года (в Ферганской области – 20 лет), считалась законченной. С 1 июля 1911 г. в законодательном порядке были упразднены поземельно-податные учреждения в Ферганской области. Что касается кочевых волостей Кыргызстана, то они вплоть до 1917 г. оставались незатронутыми реформой. Причинами столь длительного осуществления земельной реформы царизмом в Туркестане были противоречивость земельной политики самодержавия, споры в правящих кругах по этому вопросу. Два фактора – интересы казны и господствующих классов, а также страх перед недовольством коренного населения – обуславливали противоречивую политику царизма. Эта противоречивость прослеживается в ряде законов и инструкций, которые часто не согласовывались друг с другом.

Подчиненность земельной реформы финансовым интересам государства доказывается тем, что богарные и необрабатываемые земли составляли 64,4% всей земли, закрепленной за населением (в Ошском уезде этот показатель доходил до 73,1%). Чем больше закреплялось за населением богарных и необрабатываемых земель, тем сильнее оказывался налоговый гнет. Означенные категории земель приносили малый доход крестьянству или почти не приносили никакого.

Сенатор К.К.Пален, ревизовавший Туркестан в 1908-1910 гг., указывает три типа населения по занятиям: земледельческое; переходное (со смешанным хозяйством); скотоводческое. По данным материалов земельно-податной реформы, в Кыргызстане в конце первой декады XX в., особенно в южной части его, преобладало земледельческое население. Большинство кыргызов, не отрываясь от кочевания и занятия скотоводством, активно занималось и земледелием. Земледелие у кыргызов не носило равномерный характер, но посевные площади из года в год расширялись. Они выращивали пшеницу, ячмень, овес, просо, кукурузу, клевер. В долинах и предгорьях кроме указанных видов земледелия кыргызы за-

нимались хлопководством, рисоводством, овощеводством, бахчеводством, садоводством, а также шелководством.

Источники подтверждают, что в Кыргызстане развивалось товарное земледелие. Широкое развитие "торговых" посевов хлеба стало возможным благодаря тесной экономической связи торгового земледелия на окраинах с развитием промышленности в центральных районах России. Товарный характер земледелия подтверждается наличием большого числа мельниц.

Наряду с традиционными орудиями труда, приемами и навыками коренное население стало использовать новые сельскохозяйственные орудия (серпы, косы, железные плуги, бороны, каменные катки, жнейки, конные грабли, сенокосилки, молотилки, телеги, сани и др.).

Одним из основных занятий коренного населения Кыргызстана оставалось скотоводство. В горных местностях и особенно на высокогорье было выгодно вести подвижное скотоводство, основанное на использовании подножного корма и связанное с меньшими, чем при оседлом образе жизни, затратами труда. Кыргызы разводили овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, а также яков, верблюдов, ослов. Кыргызское скотоводство в основном было экстенсивным. Однако многие новшества (заготовка сена и кормов на зиму, сочетание подножного содержания скота со стойловым и т.п.) свидетельствуют о движении в начале XX в. скотоводства Кыргызстана как отрасли хозяйства в сторону интенсивности его характера. Одним из важных изменений было приспособление отрасли к интересам потребителей, то есть усиленное разведение тех видов скота, на которые имелся спрос на рынке. По сравнению с началом колониального периода активнее стало разведение овец улучшенной породы. Начало проникновения в Кыргызстан научной ветеринарии, появление лечебно-ветеринарных пунктов способствовали развитию интенсивного скотоводства.

Таким образом, сельское хозяйство Кыргызстана за колониальный период развивалось как под воздействием аграрной политики России, имевшей цель получать как можно большую ренту в казну, так и с развитием капитализма вширь, постепенно вовлекавшим отсталый край в "водоворот мирово-

го хозяйства". Начало зарождения товарного земледелия, промышленного скотоводства и элементов формирования внутреннего рынка характеризует миссию капитализма, который разрушал патриархальность и замкнутость хозяйства и созидал новые буржуазные товарно-денежные отношения.

Оседание кочевников. Социально-экономические изменения, происходившие после присоединения Кыргызстана к России, усилили процесс оседания кыргызов, в результате чего к 90-м годам XIX в. на юге его появились вполне оседлые поселения — кыштаки.

В ходе проведения поземельно-податной реформы в Фергане большинство кыргызских волостей землеустраивалось на оседлых началах. Что касается северной части Кыргызстана и Таласской долины, то там даже не планировались подобные работы. В 90-х годах XIX в. и в начале XX в. беднейшая часть населения почти всех волостей Кыргызстана, не охваченных землеустройством, изъявляла желание перейти на оседлость. Число прошений о переводе на оседлость было довольно большим, однако они не носили массового характера. Многие кочевники еще не могли открыто заявить о своем желании, так как феодалы всячески препятствовали переходу своих сородичей к оседлому образу жизни. 4 апреля 1898 г. впервые в Чуйской долине 33 хозяйства Талкановской волости образовали оседлое селение Таш-Тюбе. Им было выделено 770 дес. земли.

Практически действия русских властей по переводу кочевников на оседлость заключались в следующем. Из оставшихся неустроенными кыргызских волостей Ферганской области в период поземельно-податной реформы ни одна не была дополнительно землеустроена. Была проделана незначительная работа по оседанию на севере Кыргызстана. Село Таш-Тюбе юридически было оформлено только в 1912 г. Была образована новая Байтиковская оседлая кыргызская волость, включавшая два селения: Таш-Тюбе и Чала-Казаки в Пишпекском уезде. С 1910 г. началось землеустройство Восточно-Сокулукской кыргызской волости Пишпекского уезда. К январю 1915 г. были окончательно оформлены 10 оседлых кыргызских волостей, в которых было образовано 67 селений с 8267 двора-

ми. В Пржевальском уезде было образовано 5 кыргызских селений, которые были причислены к русским волостям. До начала 1916 г. землеустройство закончилось еще в 4 волостях Пишпекского уезда.

Необходимо отметить, что процесс оседания кыргызов тормозился противодействиями феодалов, а также бюрократизмом и волокитой местных властей, разногласиями в правительстве. Тем не менее он шел, и оценивать его надо как явление прогрессивное.

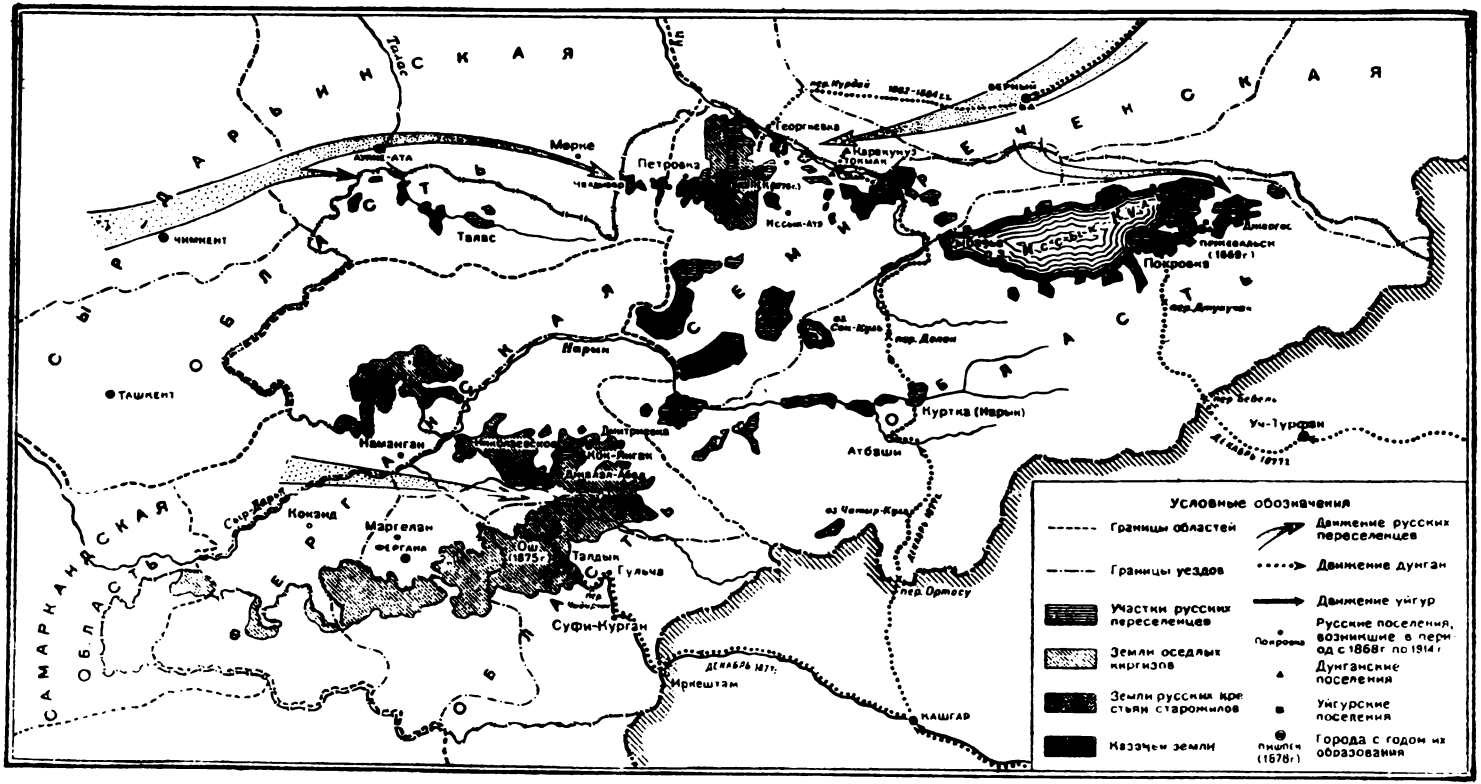
Классовая направленность действий самодержавия, невнимание к интересам местного населения приводили к тому, что на словах поддерживалось оседание кочевников, но долго не осуществлялось землеустройство последних. Такая политика проводилась преднамеренно с целью изъятия у кочевников как можно больше "излишков" земли в переселенческий фонд.

Переселенческая политика. Для государства переселенческая политика имела как политическое, так и экономическое значение. До конца 80-х годов XIX в. в политике правительства преобладал военно-политический фактор. Царизм стремился использовать переселенцев как силу против возможного волнения местного населения и "для широкой задачи, с целью ... водворения гражданственности и ... обрусения края". Именно эта цель преследовалась в начале переселенческого движения в Кыргызстане.

Первое русское поселение здесь было образовано в 1866 г. около укрепления Токмак выходцами из сибирских губерний и европейской части России. А в 1867 г. близ г. Пишпек (Бишкек) возникло село Лебединовское, в котором обосновалось 40 человек.

Переселенческое движение развивалось постепенно. В 70-е годы XIX в. уже возник ряд сел вдоль военно-торговых дорог: из Таласской долины по Чуйскому тракту до Иссык-Кульской котловины. Устройство русских селений проводилось по строгому плану. Генерал-губернатор Кауфман писал, что русские селения приобретут настоящую силу только тогда, когда "разовьются и будут иметь непосредственную связь между собой, будут расположены по линии удобных сообщений", составляя "непрерывную, по возможности, сеть оседлых посе-

РАССЕЛЕНИЕ РУССКИХ, ДУНГАН, УЙГУР В КЫРГЫЗСТАНЕ В КОНЦЕ XIXи НАЧАЛЕ XX в.в.

лений". Более того, эти села должны были состоять из зажиточных крестьян.

С 80-х годов XIX в. переселенческое движение получило более широкий характер. Теперь в нем большое значение приобретает экономический фактор.

В начале 90-х годов XIX в. в связи с постигшим европейскую часть России неурожаем и голодом в Туркестан хлынула небывалая волна переселенцев-самовольцев, после чего начинается переселенческое освоение юга Кыргызстана. В 1893 г. в Ошском уезде было образовано с. Покровское (Куршаб.-*Т.К.)*, состоявшее из 20 семей. В 1897 г. образованы три поселка. В 1899 г. возникло с.Благовещенское, которое положило начало колонизации Кугартской долины.

Широкий размах самовольческого переселенческого движения нарушил планы царского правительства. Стремясь достичь своей основной цели – создать на окраинах социальную опору за счет зажиточных крестьян и в то же время как-то ослабить аграрный кризис в центре страны, царизм пытался найти новые пути урегулирования земельного вопроса. Сначала местные власти намеревались остановить волну самовольных переселенцев, насильно возвращая их в места прежнего проживания. Однако Министерство внутренних дел в документе от 17 апреля 1895 г. разъяснило, что "нельзя ожидать пользы от обратного возвращения на родину отдельных крестьянских семейств". Центральные власти предпочли оставить "неблагонадежных лиц" подальше от центра, на окраинах.

Главным отличием переселенцев 90-х годов XIX в. от предыдущих было то, что подавляющая часть их была беднейшим крестьянством, самовольно покинувшим родные места. С этого времени начинаются самые драматические события в переселенческом движении. Возникает ряд таких неотложных проблем, как "изыскание свободного земельного фонда для водворения переселенцев", "установление нормы надела", "оформление новых поселений" и так далее.

Решение этих вопросов сопровождалось мероприятиями, которые раскрывали реакционную сущность, антинародный характер политики самодержавия. Для царизма основной задачей оставалось ослабление аграрного кризиса в центре

путем "выкидывания" беднейшей части крестьянства на окраины. Эта линия, получившая отражение в законах от 10 июня 1903 г. и 6 июня 1904 г., окончательно оформилась в годы столыпинской аграрной политики 1906–1910 гг.

В ходе переселенческого движения местные власти не успевали землеустраивать вновь прибывающих из центральных губерний крестьян, что вызывало неудовольствие как переселенцев, так и коренного населения. Переселенческая политика царизма не оправдала надежд на создание социальной опоры самодержавия на окраинах и решение аграрного вопроса в стране.

Торговля и ее эволюция. С присоединением Кыргызстана к России в крае наблюдаются интенсивные социально-экономические изменения. Так, если до этого торговля носила меновой характер, то теперь происходит изменение ее от меновой, случайной, к ярмарочно-сезонной, а затем к постоянной. Определенному типу хозяйства соответствовала та или иная форма торговли: кочевому – меновая, полукочевому – ярмарочная, оседлому – стационарная. Но они не существовали в "чистом виде". При каждом типе хозяйства имели место все три формы торговли при явном преобладании одной из них.

На первых порах русские власти придерживались политики невмешательства в дела торгующих. Но с образованием Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.) перешли к активизации своей деятельности в торговой политике. Так, все торговцы, как русские, так и азиатские, были обязаны получить торговые свидетельства, при этом русские купцы, торговавшие в Туркестанском крае, пользовались определенными льготами (в частности, освобождались на срок до 15 лет от гильдийских пошлин, от рекрутских и государственных повинностей).

В Туркестане постепенно осуществлялись мероприятия, способствовавшие оживлению местной торговли и промыслов. С 1879 г. городским и сельским жителям края было разрешено в базарные дни вести беспошлинную разносную торговлю местными кустарными изделиями. В Ферганской области существовала зякетная система (зякет – определенный торговый сбор с торговой выручки купца), но в 1885 г. она была отменена

и здесь также были распространены действовавшие в империи правила.

В 1889 г. было введено Положение о государственном промысловом налоге, тем самым все торговцы, включая и степных, облагались промысловым налогом.

По решению Государственного совета от 30 апреля 1884 г. в Туркестане в течение 3-5 лет заменялись старые формы и виды клейм, мер и весов на новые, русские. Постепенно изымались из обращения "коканы" и "теньга" (денежные единицы, существовавшие в период Кокандского ханства), были введены русские денежные знаки.

Под влиянием интенсивного развития товарно-денежных отношений, социально-экономических изменений и оседания населения кыргызских айылов меновая торговля все более теряла свое значение. При поощрительной политике русской администрации развивались прогрессивные формы торговли - ярмарочная и стационарная. Так, на степных ярмарках продавались промышленные и ремесленные товары как российского, так и местного, а также "кашгарского" происхождения. Здесь купцы приобретали не только скот и продукты скотоводства, но и промышленные и ремесленные изделия с целью их последующей перепродажи. Самой большой в Туркестанском крае была Аулие-Атинская ярмарка. Ее оборот иногда достигал 4 млн.руб. Важное значение имела также Атбашинская ярмарка, но с открытием Каркаринской ярмарки (1893 г.) оборот Атбашинской ярмарки стал падать.

В целях улучшения торгового значения городов и большего привлечения в них кочевников учреждались ярмарки и в городах. Так, были открыты Пржевальская, Пишпекская и Токмакская городские ярмарки. В первые годы они имели успехи. Такие ярмарки не препятствовали развитию стационарной торговли, наоборот, постепенно сливались с ней и превращались в постоянно действующие "торговые точки".

Стационарная торговля существовала в оседлых местностях Кыргызстана еще до присоединения края к России – в форме базара. Они устраивались еженедельно, но на базарной площади торги проходили ежедневно. В начале 80-х годов XIX в.

в городах Ферганской области началось регламентирование работы базаров.

По Положению о государственном промысловом налоге 1889 г., базар рассматривался как особый местный вид постоянной торговли и облагался налогом, установленным для торговых предприятий. В начале XX в. центрами торговли становятся города Пишпек, Пржевальск, Токмак, Ош, Узген и др. Многие районы юга Кыргызстана тяготели к торгово-промышленным центрам Ферганской области. Важное торговое значение приобретают многие селения как на юге, так и на севере. В 1913-1914 гг. только в 36 населенных пунктах Кыргызстана, исключая города, было около 3 тыс. торговых лавок. В Пишпеке, Пржевальске и Оше существовало соответственно 139, 171 и 1300 торгово-промышленных заведений. Торговые лавки открывались и в горных кочевьях.

Развитие внутренней торговли в Кыргызстане, особенно с начала XX в., способствовало оживленному товарообмену между кочевым и оседлым населением. Сравнительная малочисленность торгово-промышленного, даже земледельческого, населения северной части Кыргызстана привела к тому, что скотоводы стали сбывать свои продукты в хлопководческие и промышленные районы юга. Скот и продукты скотоводства туда поставлялись через ярмарки или путем организации перегона через горные перевалы. Так в начале XX в. в Кыргызстане зарождалось промышленное скотоводство. В Северном Кыргызстане в торговый оборот поступали и продукты земледелия. Большинство их сбывалось на месте, но определенная часть уходила и за пределы области. Значительная часть в производстве продуктов земледелия приходилась на долю кыргызов.

Что касается Южного Кыргызстана, то здесь издавна существовали оживленные торговые связи между кыргызскими айылами, узбекскими и таджикскими селениями.

После 80-х годов XIX в. в Ферганской долине происходят расширение посевных площадей под техническими культурами (прежде всего под хлопчатником) и появление промышленного населения. Это обусловило рост потребности оседлого населения в продуктах питания. Это обстоятельство повлияло

на ускорение процесса оседания кыргызов и увеличение у них посевов. В Ошском уезде одним из главных видов вывозимых продуктов был хлеб. Так, в 1897 г. в уезде было собрано около 4,2 млн. пудов зерна, часть которых вывозилась в соседние уезды.

Таким образом, торговая политика правительства способствовала развитию товарно-денежных отношений в Кыргызстане, помогала ("наряду с объективными факторами") переходу от случайного, менового обмена к сезонно-ярмарочному и от него — к постоянной торговле. Являясь главным стимулом развития товарного земледелия, торговля (особенно в начале XX в.) дала сильный толчок к развитию внутреннего рынка в Кыргызстане. Однако следует сказать, что из-за "разделения" Кыргызстана между несколькими областями он оказался в составе двух региональных рынков — Ферганского и Семиреченского, центры которых находились вне территории Кыргызстана. Это обстоятельство затрудняло формирование внутреннего рынка, но тем не менее можно представить себе его контуры в рамках территории Кыргызстана.

Мелкотоварное производство и промышленность. В колониальный период в Кыргызстане медленно, но развивалось мелкотоварное производство. Однако постепенно, с развитием капитализма вширь, некоторые виды местных промыслов все более сокращались, часть их, например изготовление бытовых металлических и деревянных изделий, утратила свое былое значение. Потребности кыргызов теперь могли удовлетворяться заводскими изделиями, привозимыми из России.

Тем не менее продолжали существовать многие виды домашнего промысла, которые были тесно связаны с кочевым и полукочевым бытом местного населения. Производимые изделия были здесь вне конкуренции с промышленными товарами из России. Поэтому с присоединением края к России наблюдалось даже некоторое развитие таких промыслов. Об этом свидетельствуют данные роста числа ремесленников в Кыргызстане.

Что касается развития мелкотоварного производства, то правительством не были приняты регулирующие эту сферу законы. Исключение составляют "Правила о торговле и про-

мыслах", которые были введены в крае в 1899 г. Они обязывали предпринимателей получать соответствующие свидетельства и билеты и поощряли мелкотоварное производство. Согласно им от выплаты пошлин освобождались мелкотоварные заведения, имевшие не более 16 рабочих и не применявшие паровые двигатели, а также ветряные и водяные мельницы. Подобные поощрительные меры в отношении кустарных заведений давали определенный стимул к развитию мелкотоварного производства. В отдельных его видах наблюдались изменения в организации труда, что нашло отражение в применении некоторыми ремесленниками наряду с трудом членов своей семьи и наемного труда. Однако мелкотоварное производство в Кыргызстане в целом не смогло перерасти в капиталистическое промышленное производство.

С 80–90-х годов XIX в. в городах и больших селениях Кыргызстана возникают мелкие предприятия, обрабатывающие преимущественно сельскохозяйственное сырье. За 30 лет (1883–1913 гг.) количество их возросло с 165 до 569. Это были предприятия перерабатывающей, добывающей промышленности, крупные мельницы и т.д. В большинстве случаев они основывались на применении ручного труда. Для многих предприятий кустарной промышленности была характерна сезонность работы.

В начале XX в. как в обрабатывающей, так и добывающей промышленности появились сравнительно крупные капиталистические предприятия. Это связано с проникновением российского и отчасти иностранного капитала. По своим технико-экономическим показателям они соответствовали капиталистическому предприятию фабрично-заводского типа в центре страны. Это хлопкоочистительные заводы в селах Араван и Найман, пивзаводы, кожзаводы и несколько шерстомоек в Пишпеке, Пржевальске и Оше, а также крупные рудники по добыче каменного угля и нефтепромыслы на территории Кыргызстана.

Выше отмечалось, что в колониальной политике царизма в связи с процессом развития капитализма вширь наглядно проявилось противоречие между военно-феодальным империализмом (царизмом) и современным международным капита-

лизмом (имеется в виду российский и иностранный капитал). Перед угрозой захвата экономических рычагов в Туркестане иностранным капиталом интересы царизма и российского (великорусского) капитала совпадали: и тот и другой не хотели допустить вмешательства иностранного капитала в эксплуатации окраины.

Этот принцип нашел отражение в официальном законодательстве. С 90-х годов для российского, а также международного капитала Туркестан с его богатыми сырьевыми и людскими ресурсами представлял большой интерес как объект приложения капитала. Осуществлялся на практике принцип ограничения проникновения иностранного капитала в экономику Туркестанского края. В 90-х годах XIX в. был отклонен ряд ходатайств на разрешение приобретения земельных участков для строительства промышленных заведений, а также для разработки недр земли. Например, ходатайство француза Алоизи о строительстве паровой шелкомотальни, ходатайства текстильных обществ "Заверпе", "Нейфельд и К^{0}", страховой компании "Надежда" в Петербурге, торгового дома "Братья Шлесберг" и др.

Итак, политика в отношении крупной промышленности (как обрабатывающей, так и добывающей) была в основном стеснительной для иностранного капитала, чем сдерживалось развитие горной промышленности. Правительство стремилось к тому, чтобы природные ресурсы края использовали преимущественно русские капиталисты. Тем не менее некоторая часть иностранцев-предпринимателей и акционеров все же проникала в Туркестан. Обычно это осуществлялось посредством участия иностранного капитала в составе акционерных обществ, созданных в России, или в составе обществ, большинством членов которых были российские подданные. Таким образом в начале XX в. стали активно действовать в крае такие фирмы, как "Правление Андреевского торгово-промышленного товарищества", "Волжско-Камский банк", "Товарищество мануфактур Людвиг Рабенек", Ферганское нефте-горнопромышленное акционерное общество "Чимион", Акционерное общество "Кызыл-Кия" и ряд других.

В 1913 г. на территории Кыргызстана находились 32 пред-

приятия различных отраслей: 7 каменноугольных копей (занято около 1 тыс. рабочих), 2 нефтепромысла, 2 хлопкоочистительных завода, 7 шерстомоек, 2 маслобойных завода, 2 пивоваренных завода, 5 вальцовых мельниц и несколько других предприятий. Из них наиболее крупными были шерстомоечные заводы в Токмаке (100 рабочих) и в Пишпекском уезде (235 рабочих), пивоваренный завод в Оше (84 рабочих), 2 угольные шахты: в Кызыл-Кия (598 рабочих) и в Сулюкте (207 рабочих).

Если в целом в крае по своим размерам и технико-экономическим показателям доминирующей была обрабатывающая промышленность, то на территории Кыргызстана – горная. Капиталы большинства действовавших в Кыргызстане акционерных обществ (а их здесь было более 10 и обороты их составляли около 10 млн.руб.) были вложены в горное дело. На его долю приходилось 50% продукции и 59% рабочих.

Пути сообщения. Период развития путей сообщения в Кыргызстане условно делится на 2 этапа – 1860–1900 и 1900–1917 гг. Для первого характерно функционирование таких категорий дорог, как кочевые скотопрогонные, проселочные, караванно-вьючные, торгово-почтовые тракты и колесные пути. В 1868 г. было налажено сообщение по торгово-почтовому тракту Ташкент – Верный – Кастек – Токмак и далее до укрепления Ак-Суу через перевал Санташ. В 1870–1871 гг. устанавливается почтово-торговое сообщение Верный – Каракол через перевал Курдай, Пишпек, Токмак и далее вдоль северного побережья озера Иссык-Куль. А в 1872 г. была проложена дорога через Боомское ущелье, связующая Пишпек с Караколом прямым колесным сообщением.

В 1872–1873 гг. была построена дорога Токмак – Нарын через ущелье Жоон-Арык. Превращенный в колесную дорогу этот тракт играл очень большую роль в транзитной торговле Семиреченской области с Кашгаром. С 1880 г. начал функционировать Кутемалдинско-Нарынский почтовый тракт.

К началу 80-х годов XIX в. на севере Кыргызстана была создана сеть дорог (вокруг Верненско-Ташкентского тракта), соединяющая все крупные населенные пункты Пишпекского и Пржевальского уездов. Они дополнялись проселочными,

караванными, кочевыми и скотопрогонными путями местного значения, игравшими существенную роль в жизни населения.

В Южном Кыргызстане дорожные работы велись с конца 70-х годов XIX в. Первоначально специальные отряды с помощью местных жителей расчищали бывшие караванные тракты, вьючные тропы и перевалы, а также занимались строительством новых дорог. К началу XX в. на юге Кыргызстана существовали следующие пути сообщения: Андижан – Ош, Джалал-Абад – Узген, Ош – Куршаб, Ош – Гульча, Наманган – Кетмень-Тюбе – Нарын, Фергана – Уч-Курган – Алай – Каратегин, Ош – Хорог. Вьючные дороги от Джалал-Абада и Узгена на север проходили через перевалы Чангыр-Таш, Кугарт, Яссы. Крупным торгово-перевалочным пунктом являлся город Ош, связанный дорогами со всеми соседними уездами, а также имеющий транспортную связь с Каратегином, Куршабом и Кашгаром.

В начале XX в. были предприняты усилия для строительства колесных путей сообщения, соединяющих южные районы Кыргызстана с северными. В 1900 г. были проведены изыскательные работы по строительству колесно-вьючного пути Андижан – Ош – Узген – Яссы – Нарын. Дороге придавалось большое экономическое и политическое значение, она играла важную роль в обеспечении обмена продуктами земледелия и скотоводства между двумя регионами, в развитии торговли и в переселении русских крестьян в глубь Тянь-Шаня. Строительство тракта было в основном закончено в 1904 г. Кроме того, заканчивалось начатое еще в 1898 г. строительство колесно-вьючного торгово-почтового пути Ош – Гульча – Иркештам – Кашгар. Прокладка дорог осуществлялась дармовым трудом русских солдат и трудовой повинностью кыргызов. А ремонт и содержание целиком возлагалось на местное население.

На втором этапе (1900–1917 гг.) появляются новые, невиданные прежде здесь пути и средства сообщения – железнодорожный, автомобильный и водный транспорт. Со строительством транссибирской магистрали железные дороги в Туркестане действительно "открывали" Центральную Азию для российского капитала.

Первые железные дороги в Кыргызстане – узкоколейные подъездные пути от угольных копей к железнодорожным станциям (от Кызыл-Кия до ст. Скобелево, от Сулюкты до ст. Драгомирово), построенные в 1908-1911 гг. В эти годы проектировалось строительство ряда подъездных путей из хлопкосеющих районов к существующим уже железнодорожным линиям. Однако до конца колониального периода было закончено строительство (1913-1916 гг.) ширококолейной линии от Андижана до Джалал-Абада.

В 1916 г. в Оше была открыта автомобильная станция для доставки грузов от Оша до станции Коргон-Тюбе. Такое же автохозяйство действовало в ведении управления по орошению Чуйской долины (Чупр) – в нем было 5 автомашин. Новым видом транспорта являлось судоходство на Иссык-Куле. К 1916 г. по озеру уже ходило 6 грузовых лесовозных баркасов и столько же парусников для перевозки зерна и шерсти.

Связь. Одним из важных средств осуществления интересов торгово-промышленной буржуазии России было налаживание почтовой связи и сооружение телеграфной линии. Сначала в Кыргызстане учреждались почтовые конторы в центрах уездов, почтовые станции и отделения в ряде населенных пунктов. Однако почтовое сообщение развивалось крайне медленно. Так, накануне первой мировой войны в Кыргызстане действовало немногим более десятка учреждений связи. Первая телеграфная станция была открыта в Пишпеке 9 мая 1873 г. Хотя проектировалось проведение нескольких телеграфных линий, а строительство их затягивалось. Так, запроектированная к строительству в 1887 г. Пишпекско-Каракольская телеграфная линия была построена только в 1900 году. В 1880 г. была открыта телеграфная станция в г.Ош, но ее продолжение до укрепления Гульча было завершено только в 1894 г.

С 1915 г. функционировала единственная в Кыргызстане телефонная линия, обслуживавшая 11 точек вдоль железной дороги от Пишпека в сторону ст. Арысь.

Города и населенные пункты. Города Ош, Узген, а также крупные селения Джалал-Абад, Сузак, Кербен, Араван, Уч-

Коргон, Гульча и другие существуют со средних веков. Многие другие города и селения возникали и развивались в период господства Кокандского ханства и Российской империи. Например, Пишпек (Бишкек), Токмак, Каракол, Кара-Балта, Куртка, Ат-Баши и другие населенные пункты возникли в 20–30-е годы XIX в. как кокандские крепости и укрепления. Постепенно вблизи их вырастали торгово-ремесленные слободки. С приходом русских эти места становились военно-административными и пограничными пунктами колониальных властей и лишь со временем – городами в их прямом значении.

В 1864 г. возле разрушенной Кокандской крепости Пишпек (Бишкек) был построен русский военный пост (пикет). Впоследствии около пикета возникло торговое место, строились дома первых русских переселенцев. В 1878 г. разросшийся пикет стал центром Токмакского уезда и с этого времени именуется Пишпек. С этого же года, выступая в качестве административного центра уезда, согласно законам империи он называется городом. Выгодное географическое положение и новый политический статус Пишпека способствовали его быстрому развитию. В начале XX в. он стал уже самым крупным торгово-промышленным, политическим и культурным центром Кыргызстана. Соответственно росло и его население. Пишпек был многонациональным городом: в нем жили русские, украинцы, кыргызы, казахи, дунгане, узбеки, татары. Население занималось как торгово-промышленной деятельностью, так и сельскохозяйственной. Пишпек играл также важную роль в транзитной торговле между Семиречьем и Туркестаном.

Бывшее укрепление Токмак стало называться городом в 1867 г. – как центр уезда. С переводом в 1878 г. администрации уезда в Пишпек Токмак был переименован в селение Большой Токмак. Он был вторым населенным пунктом в Чуйской долине как в экономическом, так и политическом и культурном отношении.

В 1870 г. было заложено новое русское укрепление Каракол, впоследствии получившее статус города. (В 1889 г. переименован в Пржевальск в честь путешественника Н.М.Пржевальского). Население этого города состояло из русских, кыргызов,

уйгуров, узбеков, татар, а также дунган-беженцев, переселившихся в Иссык-Кульскую котловину в 1877 г. Торгово-экономическая роль города заключалась в том, что он являлся центром торгово-скупочных операций в Прииссыккулье и играл заметную роль во внутренней и внешней торговле Кыргызстана.

В течение колониального периода в северных районах Кыргызстана возник ряд крупных селений и торговых слободок. Большинство из них были образованы по указанию русских властей на первом этапе переселенческой политики (60–90-е годы XIX в.). Эти селения назывались "старожильческими" и располагались вблизи рек и торговых трактов. Селения, образованные после 90-х годов, назывались "новосельческими", заселены они были в основном самовольно переселившимися русскими крестьянами, равно как и отделившимися от старожильческих.

Старожильческие селения обычно являлись хозяйственно-культурными центрами и отличались большой населенностью. К ним относились селения Чалдовар, Кара-Балта, Беловодское, Ново-Троицкое (Сокулук), Лебединовское (Аламедин), Ивановское – в Чуйской долине; Сазановское, Алексеевское (Ойтал), Преображенское, Теплоключенское, Покровское – в Прииссыккулье; Покровское, Дмитриевское, Александровское, Ключевое, Грозное – в Таласской долине. В начале XX в. из более чем 100 населенных пунктов крупных селений на севере Кыргызстана было всего 19 (в том числе 5 новосельческих), в 10 из них насчитывалось от 2000 до 4800 жителей. Помимо русско-украинских селений на севере Кыргызстана существовали 2 дунганских селения: Мариинское – на Иссык-Куле (с 2500 жителями в 1912 г.) и Александровское – в Чуйской долине (с 3200 жителями), а также немецкие: Николайполь, Владимировка, Андреевка, Романовка, Орловка в Таласской долине, в каждом из которых проживало от 100 до 500 человек.

Основным занятием жителей русско-украинских, дунганских и немецких поселений было земледелие. Помимо этого они занимались скотоводством, пчеловодством, торговлей, извозным и другими промыслами.

В 80-е годы XIX в. в Центральном Тянь-Шане возникли две торговые слободки – селения полугородского типа: Нарынская и Атбашинская. Нарынская слободка находилась рядом с одноименным укреплением, построенным в 1868 г. Она стала центром хозяйства, торговли и культуры в высокогорном Тянь-Шане. Население было многонациональным, в 1913 г. проживало здесь 1600 человек. Ат-Башинская слободка находилась на караванном пути в Кашгар, здесь были таможенный пост и организовывалась Ат-Башинская ярмарка.

В начале XX в. возник ряд кыргызских оседлых поселений, в которых было от 50 до 100 дворов: Кара-Арча, Жайылган, Уч-Коргон (Таласская долина); Чала-Казак, Таш-Тобо (Чуйская долина); Темировка, Чон-Орукту, Тепке, Чырак, Ак-Кочкор, Даркан (Прииссыккулье).

На юге Кыргызстана, поскольку подавляющее большинство населения было здесь оседлым (не говоря об узбеках и таджиках, здесь даже более 57% кыргызов в конце XIX в. считались официально оседлыми), речь шла не о возникновении в колониальный период городов и населенных пунктов, а о их развитии. Самым большим городом в Южном Кыргызстане был Ош – древнейший из городов Центральной Азии, центр одноименного уезда. Он делился на две части: старую – где размещались махалля, базар и другие заведения местного хозяйственного, торгового и культурного назначения, и новую – с благоустроенными, прямыми улицами с домами европейского типа, где располагались органы уездного управления, казармы, лазарет, почта, разные учреждения и усадьбы чиновников, купцов, промышленников и мещан. В 1914 г. в "новом городе" было 140 дворов и 1200 жителей, а в "старом" – свыше 6300 дворов и более 46000 жителей. Национальный состав горожан был очень пестрым. Ош играл большую экономическую, политическую и культурную роль в жизни населения восточной части Ферганской долины.

В конце XIX – начале XX в. возникают рабочие поселки, прежде всего около угольных шахт: Кызыл-Кия, Сулюкта, Таш-Кумыр, Майли-Сай и возле нефтепромысла Майли-Сай. Население их было многонациональным. Основная часть его работала на шахтах и нефтепромыслах, добывая уголь и

нефть, но среди жителей поселков были и люди, занятием которых являлись торговля, кустарно-ремесленное производство.

В Ферганской области в начале XX в. было 486 оседлых поселений, во многих из них насчитывалось более 500 жителей. Это Бужум, Баткен, Сулюкта, Кара-Багыш, Конур-Жаз, Жаны-Арык, Жапалак, Толойкон, Исфана, Кара-Булак, Кара-Кульджа, Кербен, Масы, Даргаз, Мады, Ачы, Ала-Бука, Кетмень-Тюбе и многие другие. Основными занятиями населения их были земледелие и скотоводство. В некоторых селениях развивалось мукомольное и маслобойное производство. Среди других занятий жителей можно назвать традиционное производство ковров, паласов (таар), капов, арканов, кошм, головных уборов и одежды для рынка.

Во многих селениях существовали свои базары. В южных районах Кыргызстана сложились и торговые селения, находились они на перекрестках караванных путей, удобных местах традиционного товарообмена между оседлым и кочевым населением. К таким селениям относятся Араван, Исфана, Узген, Базар-Коргон, Масы, Кара-Суу, Уч-Коргон, Ноокат, Джалал-Абад, Сузак и др. Они были многонациональными (кыргызы, узбеки, уйгуры, таджики и др.) и в каждом из них проживало от 1000 до 5700 человек. Определенная часть жителей помимо торговли занималась выращиванием зерновых, хлопководством, садоводством, скотоводством. В этих селениях было широко развито ремесло, а в некоторых (Араван, Кара-Суу и др.) — промыслы фабрично-заводского типа.

Переселенческие поселки на юге Кыргызстана начали возникать в 90-е годы. Первым было с.Покровское (Куршаб), затем — Успенское, Благовещенское, Спасское, Михайловское, Мырзаке и другие. Основные занятия жителей, политический статус и хозяйственное положение и культурное развитие этих селений были такими же, как у переселенческих селений в Северном Кыргызстане.

§ 3. Социальные отношения и формы классовой борьбы в Кыргызстане в конце XIX в. Андижанское восстание 1898 г.

Социальные отношения. В колониальный период в Кыргызстане существовало два основных и два неосновных класса, в соответствии с теми общественно-экономическими укладами, которые формировались под воздействием патриархальных, феодальных и капиталистических отношений. К первым — основным — классам относились: феодалы — манапы, беки, баи, бии, казии, соодагеры; букара — крестьяне-земледельцы (дыйкане), скотоводы (малчы), кедей, жарды, жалчы и т.д. К неосновным классам относились представители новых, зарождавшихся, классов — буржуазии и пролетариата (как местного, так и переселенческого населения).

Наиболее существенную часть класса феодалов представляли собой манапы. В колониальный период вследствие изменения социально-экономических отношений постепенно роль манапства снижалась, однако оно приспособилось к новым условиям (перейдя на службу царской администрации). На юге Кыргызстана не было института манапства. Эту категорию феодалов здесь заменяли беки, датхи, акимы. Хотя царская администрация не признала эти кокандские титулы, однако носители их и их потомки, перейдя на службу к колониальным властям, продолжали осуществлять свои социальные функции.

Важными представителями класса феодалов являлись бии и казии (местные судьи). По российским законам эти должности перестали быть наследственными и стали выборными. Однако биями и казиями могли быть только манапы, беки или баи. Реально они претендовали на эти должности, имея возможности привлечь на свою сторону больше выборщиков, даже прибегая к подкупу. Бии и казии вершили суд по указанию манапов, волостных управителей, состоятельных людей и русских властей.

С развитием товарно-денежных отношений среди феодалов все более выделяются баи — зажиточные представители мест-

ного населения, имевшие большие богатства (как скот, так и другие материальные ценности).

В конце XIX в. появляется новая прослойка эксплуататоров – аткаминеры. Они служили джигитами у манапов, биев и баев, переводчиками у русских чиновников, выполняли различные поручения властей.

В кыргызском обществе начала XX в. зародилась и национальная буржуазия. Она еще не имела самостоятельности, не было еще четко определено ее экономическое влияние на хозяйство тех или иных регионов. Сохраняя пережитки патриархализма, а иногда ловко прикрываясь этим, кыргызская национальная буржуазия не успела выделиться из класса феодалов до конца колониального периода.

Основную массу непосредственных производителей составила букара – рядовые земледельцы и скотоводы. Существовали различные группы: жакыры (беднота), малай и жалчы (наемный сельский работник), жатакчы (земледелец, получивший землю для обработки от богатых сородичей в летний период), чайрикеры (издольщики), шерики (компаньоны по обработке поля), мардикеры (поденщики). Так, малай, жалчы были связаны со скотоводством, чаще всего они нанимались к крупным баям, манапам в качестве пастухов (койчу, жылкычы, малчы) и т.д. Жатакчы, чайрикеры были малоземельные или безземельные крестьяне, которые не имели рабочего скота. Получая у феодалов землю, инвентарь и семена, обрабатывали поля на условиях получения в конце сезона части урожая. Чайрикерами являлись также так называемые каранда и кошчу. Шерики были не чайрикерами, а компаньонами по ведению хозяйства. Обычно шериками становились малоземельные крестьяне, которые объединяли скот и силы в одно хозяйство. В зависимости от доли вложения в общее хозяйство (земля, инвентарь, рабочая сила) шерики получали от 1/3 части до половины урожая. Мардикерами становились самые бедные, разорившиеся дыйкане, которые нанимались на короткий срок (даже на один день) к богатым земледельцам. Труд мардикера широко применялся в разгар полевых работ, особенно во время сева и обработки полей, поливной и убороч-

ной кампании. Плату за работу мардикеры получали не натурой, как чайрикеры и шерики, а деньгами.

В начале XX в. во многих районах Кыргызстана была широко распространена купля-продажа наемной рабочей силы. Так, по данным за 1913 г., 603 крупных кыргызских байских хозяйства в Ферганской области держали 772 годовых и 118 сезонных сельскохозяйственных рабочих, а 378 крупных переселенческих кулацких хозяйств в Пишпекском и Пржевальском уездах имели 817 годовых и 8028 поденных рабочих.

Кроме того, в начале XX в. возникает отходничество. Из-за нехватки объектов приложения рабочих рук в своем айыле часть батраков нанималась к переселенцам — кулакам, представителям казачьей верхушки, устраивалась на сезонные работы на фабрично-заводских предприятиях, на каменноугольных копях.

Если мардикеры и частично чайрикеры-каранда фактически уже являлись сельскохозяйственным пролетариатом, то отходники постепенно превращались в рабочий класс, способствовали усилению хозяйственных, политических и культурных контактов между местным и пришлым населением. У кыргызов-отходников росло политическое сознание, появилась классовая солидарность.

Налоговая система и другие формы эксплуатации. Налоговая система начала функционировать с первых же дней колониального периода. По обложению налогами и отбыванию повинностей все население края официально делилось на две категории — на кочевое и оседлое, фактически же их было четыре: а) кочевое кыргызское; б) оседлое кыргызское, узбекское и другое; в) переселенческое — русско-украинское, немецкое, дунганское и уйгурское — кашкари и таранчи; г) городское. Налоговая система и различные денежные и натуральные сборы и отбывание повинностей для указанных категорий населения различались своими размерами и формой.

До 90-х годов XIX в. в северных районах Кыргызстана функционировала налоговая система, введенная "Временным положением 1867 г." На юге же с 1876 по 1886 г. была

введена система, разработанная неутвержденным "Положением 1873 г.", она считалась временной, переходной, так как в ней многое было заимствовано из налоговой системы Кокандского ханства. С принятием постоянного "Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г.", и особенно с 90-х годов XIX в., характер и формы налоговой системы для всего Кыргызстана были едиными.

Все налоги и повинности можно разделить на 2 группы: 1) официально-обязательные, имеющие законодательную силу и зафиксированные в актовых документах, и 2) неофициальные – различные повинности и сборы. Основным видом официально-обязательного налогового обложения кочевого населения являлась так называемая кибиточная подать (окладной сбор). Размер ее сначала составлял 2 руб.75 коп., а с 1882 г. она была увеличена до 4 руб.

В период первой мировой войны сумма кибиточной подати совместно с другими сборами достигала 15 руб. с одного кибитковладельца. Айыльное старшинство само организовало сбор кибиточной подати с каждого кочевого хозяйства. Кочевое население с 1880 г. платило земский сбор – 25 коп., а в 1908 г. он увеличился уже до 1 руб. 50 коп.

С кочевого населения взимался еще сбор на образование общественного продовольственного капитала (запаса) – по 8 коп. с кибитки.

Существовал и так называемый общественный обязательный сбор на содержание айыльной и волостной администрации, размер его определялся местной властью. Непомерно тяжелым грузом ложились на плечи населения неофициальные сборы и повинности, часто устанавливаемые местной администрацией по своему усмотрению. Существовали так называемые необязательные общественные сборы на строительство дорог, общественных сооружений, школ и на другие различные работы.

Кочевое население отбывало также натуральные и земские повинности: исправление дорог, арыков, мостов, почтовых трактов, предоставление перевозочных средств и топлива для воинских частей, содержание последних при длительном пребывании в пределах тех или иных айылов, борьба с саранчой

и многое другое. Причем богатые чаще откупались или выставляли за себя наемников.

Кроме этих повинностей в кыргызском обществе существовал еще ряд феодальных повинностей. Например, чыгым – взимаемый с населения для покрытия расходов местной администрации, связанных с выборами волостных управителей, айыльных старшин, угощением царских чиновников, подношением подарков влиятельным лицам. Также существовали такие повинности, как кошумча, журтчулук, союш, которые собирались для восполнения материальных трат манапов, баев и биев во время похорон, при проведении аша (поминки), тоя (пир, свадьба), ущерба, понесенного в результате барымты и в других случаях. К своеобразной форме феодальных повинностей можно отнести и ашар – отработку под видом помощи богатому соседу или сородичу в строительстве жилья, уборке урожая, в ходе перекочевок и т.д.

Для местного оседлого населения основным обязательным налогом был харадж – поземельный налог, размер которого достигал 10% от условного урожая и взимался натурой. Харадж существовал до 1886 г., а потом был заменен поземельным налогом. По закону теперь дыйканин платил 10%-ный натуральный налог от возможного валового дохода с земли, которая могла быть использована как посевная, независимо от того, обрабатывается она или нет. Такое решение соответствовало природе царизма как главного субъекта феодализма и все более растущим аппетитам имперской казны.

Другим видом налога с оседлого населения являлся танапный сбор (танап – местная единица системы мер площади). Танапная подать взималась с населения за землю, используемую под сады, огороды и бахчи. Размер танапного сбора определялся главным начальником края и составлял сначала 30 коп. с десятины пахотноспособной земли. По "Положению 1886 г." танапный сбор стал называться оброчной податью. Оба указанных вида официального налога постепенно увеличивались за счет обложения не только годных к земледелию площадей, но даже пустующих земель.

Оседлое население платило (деньгами) и земский сбор – в размере 33% от оброчной подати (ранее – танапный сбор), а

также сбор на образование общественного продовольственного капитала. Что касается неофициальных сборов и отбывания натуральных повинностей для оседлого населения, то их тяжесть была несколько меньше, чем для кочевого населения, однако и оседлое население несло почти все виды неофициальных поборов и повинностей.

Третья категория населения – русские, украинские, немецкие переселенцы, дунгане, уйгуры-таранчи, а также население некоторых так называемых торговых слободок (Нарын, Ат-Баши и др.) – облагалась, как и оседлое сельское население, поземельным налогом, который начислялся на сельские общества, а затем внутри их распределялся по дворам. "Раскладкой" налога занимались сельские старосты. Размер подати для рассматриваемой категории населения был идентичным размеру поземельного налога для оседлого местного населения. Земский сбор, сбор на образование общественного продовольственного капитала, другие неофициальные сборы и повинности также имели силу и в отношении к русским, украинским, немецким, дунганским и уйгурским переселенцам.

Для горожан – г. Пишпек (Бишкек), Пржевальск (Каракол), Ош – главным налогом считался налог с недвижимого имущества, который взимался с 1885 г. с мещан и посадских людей. Сумма его определялась ежегодно областным начальством. Городское население облагалось также государственным промысловым налогом, он взимался с торговцев, купцов, ремесленников-кустарей и промышленников взамен ранее существовавшей зякетной системы. Горожане, как и кочевое и оседлое население, выполняли различные повинности и платили земские сборы.

С 1905 г. местное население платило воинский налог – в размере 5% кибиточной подати, 10% государственного поземельного налога или 15% оброчной подати. Кроме того, существовали акцизный сбор, гербовый сбор, таможенная пошлина, пошлина за переход имущества от одного лица к другому, всевозможные штрафы и вычеты с работников и т.д. От центральных российских властей не отставали и местные феодалы. Помимо указанных выше феодальных повинностей вследствие изменения социально-экономических отношений в

крае в начале XX в. была широко распространена эксплуатация дыйкан посредством орточества (издольщина, чайрикерство, мардикерство и др.). Многие виды феодальной эксплуатации выдавались за родовые традиции – это коңшулук (соседство), тууганчылык (родство), ынтымак (сплоченность), жардам (помощь), кошумча (материальное вложение), ашар – саан берүү (дача бедному родственнику дойной коровы), мингич ат берүү (дача бедному родственнику лошади во временное пользование) и многие другие. Фактически бедняки под видом указанных "традиций" отрабатывали феодальную ренту. Были широко распространены и такие формы, как малай жүрүү (тип наемной сельской работы), жигит болуп жүрүү (служба в дружине бая за бесплатное предоставление одежды, коня и питания), которые по сути представляли собой нещадную эксплуатацию бедноты. Бии и казии в угоду феодалам даже за мелкие нарушения присуждали простых людей к тяжелым штрафам. Обычным и широко распространенным явлением были подкуп и взятка.

Таким образом, налоговая политика царизма и различные формы эксплуатации являлись составными частями колониальной политики России. Они вели к пауперизации (обеднению) дыйкан и кочевников, обогащению русских колонизаторов и местных феодалов, что способствовало всеобщему росту поляризации классов имущих и бедных и, следовательно, возникновению социальных конфликтов.

Формы классовой борьбы. В условиях колониального Кыргызстана проявлялись противоречия между эксплуатируемыми массами и местными феодалами, с одной стороны, и между трудящимися и колониальными властями – с другой. В клубке этих противоречий действующими силами могли быть: местные трудящиеся массы, переселенческое население, рабочие группы промышленных заведений, зарождающиеся сельскохозяйственные пролетарии, а также местные феодалы и российские колонизаторы. В зависимости от остроты и глубины противоречий между этими политическими силами в Кыргызстане развивались следующие формы классовой борьбы.

а) **Пассивное сопротивление.** Оно проявлялось в нежелании трудящихся масс выполнять решения, приказы и распоряже-

ния местных властей и русских чиновников, в неуважении тех законов, прав и инструкций, которые служили интересам феодалов и колонизаторов, "неблагожелательном" отношении к представителям местных властей, отказах от уплаты налогов, различных сборов, отработки повинностей и т.д. Одной из пассивных форм социального протеста была откочевка рядовых кочевников в другой айыл, даже в другой район, чтобы избавиться от произвола местного бая. Среди кыргызского населения такая форма протеста была довольно распространенной. К этой форме борьбы трудящихся можно отнести и попытки выдвинуть на должность местного управителя вместо ненавистного кандидата человека из своей среды, хотя обычно они заканчивались кровавыми стычками и редко достигали цели.

б) Активная борьба. К этой форме классовой борьбы можно отнести убийства наиболее жестоких, ненавистных народу представителей местной феодальной знати и русских чиновников. Убийство, избиение феодалов сопровождались иногда групповыми выступлениями, особенно они участились в конце XIX в.

В период с 1896 по 1899 г. в Туркестане произошло 647 народных выступлений, в том числе в Ферганской долине — 286, причем подавляющее большинство их — среди кочевого населения.

В качестве одного из ярких примеров активной классовой борьбы следует назвать восстание 1898 г., известное как Андижанское. Оно явилось первым восстанием трудящихся юга Кыргызстана против русских колонизаторов. Основными причинами восстания были усиление эксплуатации местного населения колонизаторами, налоговый гнет, острота земельного вопроса, связанного с образованием "переселенческого фонда" за счет выселения местных жителей с лучших земель и т.д. Духовенство и некоторые феодалы, используя недовольство народных масс, всячески муссировали идею "газавата" против русских в течение нескольких лет.

Идейным руководителем восстания был Магомед Али Халиф Мухамед-Сабыр Оглы (сокращенно Мадали Ишан, Дукчи Ишан), житель с. Мин-Тюбе Маргеланского уезда (совр. с.

Мархамад на границе с Узбекистаном и Араванским районом Ошской области). Мадали Ишан был особенно популярен среди кыргызского населения. По его словам, основная часть его многочисленных мюридов – кыргызы. Еще в 1896 г. из-за обострения отношений с русскими зажиточными переселенцами в Кугартской долине состоялся сбор представителей окрестного кыргызского населения, даже отдаленной Кетмень-Тюбинской долины, на котором было решено выступить против колонизаторов. Однако Мадали Ишан уговорил кыргызов воздержаться от выступления до того момента, когда к "выступлению будут готовы и горожане". Весной 1897 г. под руководством волостного управителя Чыйбыла Абдуллабиева и Наиба Рахматуллы состоялся еще один стихийный сбор, в котором участвовали 1000 человек из кыргызского населения. В этом же году Мадали Ишан собрал в Мин-Тюбе многих представителей населения разных районов Ферганской долины для определения плана и сроков выступления. Из-за неявки на этот сбор представителей крупных городов Ферганы начало восстания было отложено до мая 1898 г. Перед выступлением был составлен тайный договор, в котором дали клятву верности идее "газавата" более десяти руководителей восстания, он был скреплен тринадцатью печатями.

О подготовке восстания знали почти все жители крупных городов и селений не только Ферганской долины, но и Южного Казахстана. Организация нападения на г.Ош была поручена Оморбек-датхе Бекмуратову, на Маргелан – ичкиликскому волостному управителю Бакиру Нурматову, на Андижан – самому Мадали Ишану, Кайыпу Назару и мулле Зиятдину. Кроме того, в Кугартской волости Андижанского уезда под руководством волостного управителя Чыйбыла Абдуллабиева и Атакул-пансата Ханназарова местные повстанцы должны были напасть на с. Кара-Куль, перебить стоящий там отряд казаков, захватить их лошадей, уничтожить живущих в горах лесников и двинуться к Андижану. Такие же отряды предполагалось создать в Асаке, Намангане. Как видим, восстание было задумано очень широко. Его поддержали вся выборная местная администрация, кочевое и оседлое население, а также горожане.

Однако из-за предательства некоторых волостных управителей план восстания был раскрыт. 17 мая 1898 г. около полудня к ошскому уездному начальнику Зайцеву прибыл ошский волостной управитель Карабек Асанбеков и доложил о готовящемся восстании. Зайцев, приказав ошскому батальону готовиться к бою, отправил гонца в Маргелан, а сам вечером выехал с несколькими джигитами в сторону Нооката. К нему с известием о готовящемся восстании навстречу направлялся волостной управитель Казыбай.

Сбор повстанцев для нападения на Ош был назначен на 23 часа в Тамчи-Булаке, в 12 верстах от Оша. К полуночи там собралось более 500 человек, в том числе 300 мюридов — кыргызов из Кыркоол-Сая, Ак-Терека и других мест. Но в это время прискакал пятидесятник Таш Ятсаиб с известием о том, что в сторону восставших выехал уездный начальник. Повстанцы, поняв, что план восстания раскрыт, частично разошлись. Однако ночью ими было предпринято три безуспешные попытки захватить пороховой погреб около Оша.

Известие о намерениях Мадали Ишана получил от мин-тюбинского волостного управителя Низама Магзум-ходжи также асакинский пристав Еникеев.

Главным ядром восстания стал отряд самого Мадали Ишана. 17 мая вечером повстанческий отряд в 800 человек (большинство которых были кыргызы-мюриды), вооруженных ножами, булавами, палками, выехали из Мин-Тюбе. По дороге к ним примкнули еще несколько отрядов. Таким образом, группа Мадали увеличилась до 1500 (по некоторым данным до 2000) человек. В 3 часа ночи они напали на один из бараков андижанского гарнизона. Было убито 22 солдата, несколько человек ранено. Разбуженные криками солдаты из других бараков успели отразить нападение. Вскоре неся большие потери, повстанцы разбежались. 18-19 мая велись поиски и арест подозрительных людей. Сам Мадали Ишан был схвачен спустя несколько дней по пути в Казанды-Мазар Базар-Коргонской волости.

Повстанцы из Кугартской долины, напав на казаков, захватили провиант, убили лесника и готовились выехать в Андижан. Однако, узнав о поражении Мадали Ишана, оста-

новились. В третьей декаде мая выступили жители Кетмень-Тюбинской долины и Суусамырской волости Андижанского уезда, возглавил их Шадыкан Калпа. Высланный из Андижана карательный отряд, подавив выступление, арестовал 29 человек.

Таким образом, Андижанское восстание было быстро подавлено. Причины этого – отсутствие четкой организации, плана действий, единого руководства, а также какого-либо огнестрельного оружия. Однако это выступление произведо колоссальное впечатление на колониальную администрацию. Российские власти еще раз убедились, что Туркестан не так покорен, как казалось им до сих пор. Царь указом от 21 мая 1898 г. повелел наказать виновных самым строгим образом. Правительство подозревало в заговоре всех жителей не только Ферганы, но и отдаленных районов Семиречья. Известно, что акын-демократ Токтогул Сатылганов тоже был сослан в Сибирь по обвинению в участии в восстании, хотя на самом деле никакого отношения к этому событию не имел.

Российская администрация жестоко наказала восставших, были повешены 22 человека, многие отправлены на каторгу в Сибирь, население заставили выплатить большую контрибуцию – 130556 руб., а селения Мин-Тюбе, Тажик и Дон-Кишлак были уничтожены, жители их выселены, и на месте этих сел создано русское село Мархамат.

Восстание 1898 г. было многонациональным. Об этом свидетельствует национальный состав привлеченных к суду: кыргызов – 257, узбеков – 112, тюрок – 20, уйгуров – 17, кыпчаков – 3, таджиков – 5, каракалпаков – 1, всего 417 человек.

Итак, как видим, в конце XIX в., как и ранее, классовая борьба и национально-освободительное движение в Кыргызстане носили стихийный и локальный характер, возникали в разное время и в разных районах, не имели единого руководства и организации. Только Андижанское восстание 1898 г. имело в определенной степени целенаправленный характер и оставило глубокий след в политическом развитии трудящихся масс.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Колониальная политика царизма.
2. Административно-судебная система.
3. Земельный вопрос, оседание кочевников.
4. Торговля, промышленность.
5. Города, поселения.
6. Социальные отношения.
7. Андижанское восстание 1898 г.

ЛИТЕРАТУРА

Введение в историю кыргызской государственности: Курс лекций для вузов. — Бишкек, 1994.

Вяткин М.П. Монополистический капитал в Средней Азии. 3-е изд. —М., 1967.

Галицкий В.Я. Товарно-промышленное развитие Киргизии в конце XIX — начале XX в.: к истории социально-экономических укладов Кыргызстана. — Фрунзе, 1972.

История Киргизской ССР. Т.2. — Фрунзе, 1986.

Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. — Бишкек, 1995.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России//Полн.собр.соч.Т.3.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.3. — СПб., 1906.

Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925.

Фозилбек Отабек Огли. Дукчи Эпиан вакеаси. — Тошкент, 1991.

Чормонов Б.Ш., Сидоров А.П. Промышленный прогресс Киргизской ССР. — Фрунзе, 1963.

ГЛАВА 11

КУЛЬТУРА НАРОДОВ КЫРГЫЗСТАНА В XIII – НАЧАЛЕ XX в.

§ 1. Культура кочевников в позднем средневековье

Характер господствовавшего хозяйственного уклада – кочевое скотоводство и патриархально-родовой быт наложили глубокий отпечаток на материальную культуру кыргызов. Типы поселений и жилища, одежда, состав и характер пищи, система и модель питания, домашняя утварь, транспортные средства и т.п. всецело определялись необходимостью частых передвижений, отсутствием прочной оседлости, сезонным характером хозяйственной деятельности.

Ценные сведения о материальной культуре кыргызов позднего средневековья содержатся в китайских источниках XIII в. "Сиюй вэнь цзян лу" ("Описание виденного и слышанного в Западном крае") Чунь Юаня (1777 г.) и "Циньдин хуанчао вэньсян тункао" ("Свободное обозрение из классических текстов и позднейших пояснений"), составленном при Цинской династии. В этих источниках кратко описываются основные элементы материальной культуры кыргызов, их переносное жилище (войлочные кибитки), традиционная пища, одежда и т.д.

Господствующим типом жилища кыргызов с древности и почти до начала XX в. была юрта (бооз үй, кара үй, кыргыз үй). Кыргызские племена, издревле занимавшиеся кочевым скотоводством в горах, выработали наиболее удобный для этих условий тип переносного жилища, которое можно было легко разбирать и перевозить на вьючных животных.

По своему хозяйственному и культурному значению кыргызские юрты делились на: юрты, служившие жилищем; юрты парадные, предназначенные для торжественных случаев, для приема гостей; юрты походные. Кроме того, были юрты кухонные и юрты, использовавшиеся в качестве складов и сараев.

Основу юрты составляет деревянный остов, собираемый из нескольких частей: складных решетчатых стенок (кереге), придающих юрте круглую в плане форму; укрепленного над ними купола, состоящего из деревянных жердей (уук), упирающихся наверху в массивный обод (түндүк, чаңгарак); дверной рамы (босого таяк, эшик). Образующееся наверху отверстие служит для выхода дыма и освещения. На дверную раму навешивается двустворчатая дверь или же вход закрывается циновкой из чия, обшитой войлоком. Вокруг стенок ставятся чиевые циновки, после чего весь остов юрты покрывается снаружи отдельными войлочными полотнищами специального покроя: туурдук — от основания и до верхнего конца решеток; үзүк — весь купол до верхнего круга (обода) или түндүка; түндүк жабуу — самый верх юрты (им закрывается дымоходное отверстие на ночь, а также в ненастную погоду).

Бедняки жили в небольших прокопченных юртах, покрытых рваным темным войлоком (кара үй). Юрты богатых и состоятельных людей отличались не только размерами, но и качеством войлочного покрытия: они были покрыты белым плотным и тонким войлоком, украшены большим количеством узорных шерстяных (тканых) и войлочных полос. По-особенному отделывались и деревянные части юрты.

Не будет преувеличением сказать, что кыргызы живут в мире орнамента. Нет предмета домашнего обихода, который не украсили бы руки народных художников. Утварь, посуда, оружие, сбруя, одежда — все было орнаментировано.

К лучшим предметам убранства юрты относится чырмалган чий (циновка), узор которого составляют, используя разноцветные шерстяные нити, которыми оплетают каждую камышинку.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни кыргызов определило характер их промыслов, ремесел, а также декоратив-

но-прикладного искусства. Бытовавшие у кыргызов отрасли домашнего производства в большинстве случаев носили массовый, общенародный характер.

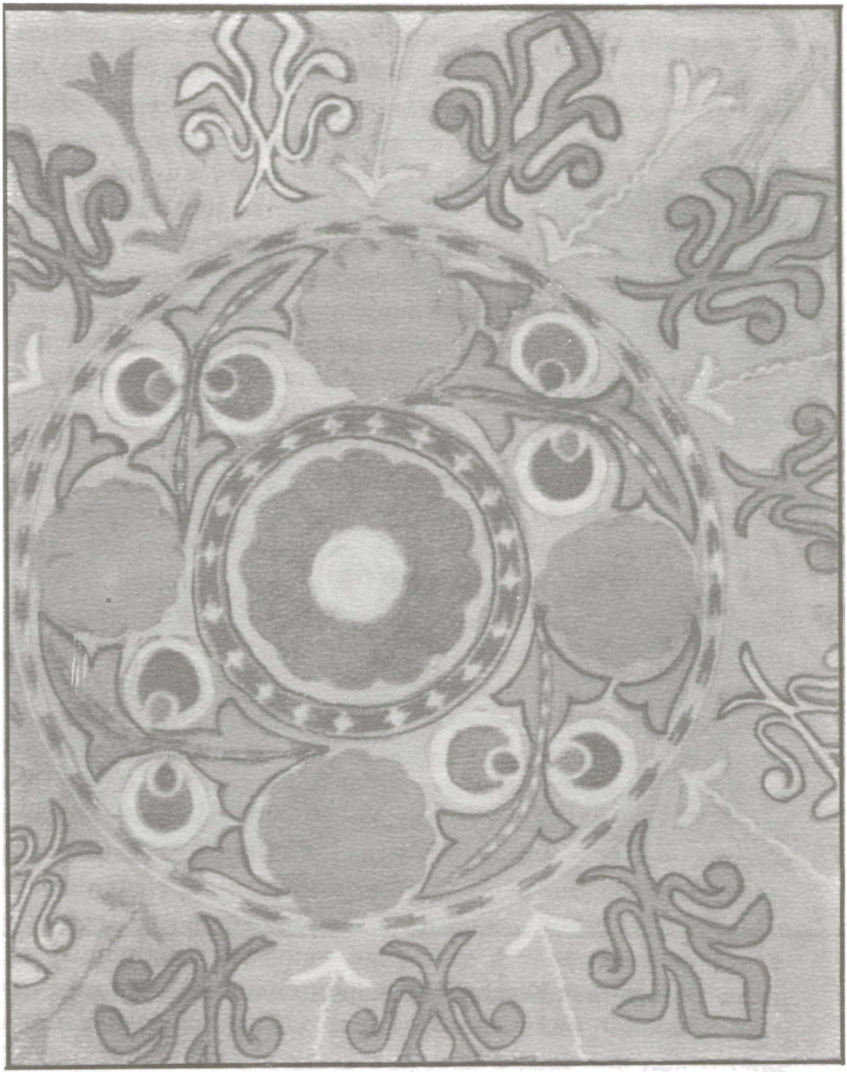
Наибольшее развитие получили те из них, которые обеспечивались в первую очередь местным, главным образом животноводческим и растительным, сырьем. Шерсть, например, использовалась для изготовления узорных войлочных, ворсовых ковров различных типов и мелких ковровых изделий. Она широко применялась в ткачестве, в изготовлении узорных циновок, в вышивке по шерстяной, хлопчатобумажной ткани, войлоку и коже. Обработанная кожа использовалась для изготовления ременно-кожаных частей конского убора, предметов домашней утвари и посуды, поясных ремней, украшенных накладными посеребренными бляхами. Благодаря развитию домашнего производства кыргызская семья имела возможность удовлетворять значительную часть своих потребностей в одежде, жилище, предметах домашнего обихода.

Следует добавить, что в домашнем производстве или производстве бытовых изделий существовало хотя и не ярко выраженное разделение труда на мужской и женский. Так, обработкой скотоводческого сырья, или так называемых мягких материалов, занимались в основном женщины, делая из них войлок, шерстяные мешки, веревки, войлочные калпаки, ковры, предметы одежды и пр. Отличительной особенностью женского домашнего производства являлось и то, что для поделок использовалось сырье, получаемое в своем личном хозяйстве. Но редкая женщина не умела его обрабатывать, изготовлять войлоки, ткать, вышивать, шить. Среди них всегда выделялись наиболее искусные и талантливые мастерицы, которые становились профессионалами своего дела, уважаемыми людьми. Их почетно называли "чебер", "ишмер", приглашали на помощь в другие семьи при подготовке к разным семейным торжествам - для изготовления приданого к свадьбе, подарков и т.п.

Изготовлением бытовых предметов из твердых материалов (металл, дерево, камень, кость и пр.) занимались мужчины. Оно не отличалось массовостью, и мастера работали по какой-либо определенной специальности — ювелирное дело, обработ-

Кожаная утварь.

Вышивка по замше. XIX в.

ка дерева, камня или кости. Мастеров уважительно называли "уста" – "күмүш уста" (или "зергер") – мастер-ювелир, "жыгач уста" – мастер по дереву и т.д.

Каждый мастер в своем деле был универсалом. Например, мастера-деревоотделочники могли изготовить не только деревянный остов юрты, но и музыкальные инструменты, колыбели, деревянные сохи, различные другие поделки из дерева и т.п. А мастера по металлообработке в большинстве случаев были одновременно и кузнецами, и ювелирами, и слесарями, и мастерами по ковке лошадей, и пр. Мастера-мужчины в основном работали на заказ, а сырье или приобретали сами или получали от заказчика.

В основном мастера работали самостоятельно и в одиночку. К найму подсобной рабочей силы не прибегали. И только в таких видах производства, как кузнечное или токарное, где крайне необходима подсобная сила (для раздувания горна, вращения вала токарного станка), мастеру помогал кто-нибудь из членов его семьи или семьи заказчика.

Мужское мастерство, особенно навыки по обработке металла и дерева, передавались из поколения в поколение: от отца к сыну, от дяди к племяннику или по иной родственной линии. Иногда практиковалось и специальное обучение. Будущие мастера овладевали навыками обработки того или иного материала, работая с мастером и помогая ему в течение определенного времени.

Однако, как уже говорилось, разделение труда на мужской и женский не было строго обязательным. Например, вдовы ювелиров нередко продолжали дело своих мужей. А в обработке шкур, кожи, в производстве изделий из них (сундуков, футляров, посуды и пр.) принимали участие и женщины, и мужчины.

В некоторых отраслях домашнего производства, например, при ткачестве, изготовлении войлока, ворсового ковра, то есть в работе, требующей участия большого количества людей, особенно при длительных, однообразных и утомительных процессах, широко использовался древний обычай коллективной помощи – ашар. В таком товарищеском объединении проявлялся народный характер.

В рассматриваемое время процесс отделения ремесла от скотоводческо-земледельческого хозяйства еще не завершился. Развитие домашних промыслов и ремесел у кыргызов было обусловлено не только практическими потребностями домашнего хозяйства и быта, но и духовными запросами, неиссякаемой любовью народа к красоте.

Целое столетие — со второй половины XVIII в. до второй половины XIX в. — история Киргизии была неразрывно связана с Кокандским ханством.

Для определения границ своих владений и для закрепления за собой завоеванных кыргызских земель кокандские владетели начали возводить укрепленные глинобитные сооружения. Так возникли крепости Таш-Коргон на Памире, Суфи-Коргон и Дароот-Коргон на Алае, Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбе, Пишпек и Токмак в Чуйской долине, Тогуз-Торо, Джумгал, Куртка, Каракол, Барскоон и другие на Тянь-Шане и Иссык-Куле [1].

Кокандские крепости по своим размерам и назначению можно разделить на три группы: крупные, средние и мелкие.

Крупные крепости, например, Пишпек и Чалдовар, как правило, располагались в стратегически важных пунктах и хорошо укреплялись. Размеры такой крепости достигали 1,5-2,5 га. Обносилась она двойной или даже тройной крепостной стеной и снаружи — рвом.

Гораздо лучше сохранились укрепления средних размеров. Такие крепости имели площадь от 0,2 до 1 га. Они обносились мощной крепостной стеной, фланкированной по углам башнями. Высота стен достигала 5 м. По верхней части стен шел ряд бойниц. Крепости обычно имели гарнизон примерно из 100—200 воинов. В зависимости от обстоятельств гарнизон мог увеличиваться. Эти крепости в основном контролировали близлежащие районы, караванные пути, являлись сторожевыми форпостами, их гарнизоны собирали с населения налоги. В настоящее время более или менее хорошо сохранились три такие кокандские крепости: Дороот-Коргон на Чон-Алае, кре-

[1] Для характеристики этого раздела использованы материалы книги: *Дуйшеев Б.А.* Память Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1969.

пость Кан на р.Сох и Чолок-Коргон в Центральном Тянь-Шане.

Наиболее многочисленную группу кокандских укреплений составляли мелкие крепости. Сохранившиеся остатки таких крепостей представляют собой небольшие, до 0,2 га, площадки прямоугольной или овальной формы, оконтуренные оплывшими валиками некогда возвышавшихся стен. По имеющимся чертежам, рисункам и описаниям, составленным в 1862 г., можно представить себе общую конфигурацию и внутреннюю планировку крепостей Ак-Суу, Шиш-Тюбе, Таш-Коргон и др. Для таких крепостей были характерны довольно высокие зубчатые стены с выступами или башнями по углам. Снаружи укрепления окружались рвом.

На территории Кыргызстана имелись и собственно кыргызские укрепления и крепости, иногда сооруженные задолго до кокандской колонизации (хотя в исторической литературе высказывалось мнение о том, что кочевники, не имевшие прочной оседлости, не могли иметь и своих укреплений или крепостей). К числу собственно кыргызских укреплений относятся Улуг-Коргон (Кетмень-Тюбе или Узун-Акмат – XVIII в.) в Кетмень-Тюбе, Садыр-Коргон (XVIII в.) в Таласской долине и другие. В кокандское время в Таласской долине собственное укрепление имел местный феодал Нурек Аджибеков. В 1843 г. иссык-кульским манапом Боромбаем в верховьях р.Джуука было построено укрепление Кызыл-Ункур. Возле Пишпека имел коргон манап Байтик; Ормон-хан возвел свой Чон-Коргон на Сан-Таше, манап Рыскулбек – в Кетмень-Тюбе и т.д.

Техника строительства как кыргызских укреплений, так и кокандских крепостей была однотипной и, по мнению А.Н.Бернштама, была воспринята, видимо, от узбекских мастеров.

Гумбезы и мазары – надгробные мавзолеи кыргызов имеют истоки в бытовой архитектуре предшествующих времен. Архитектура эта почти не сохранилась, но она была. С течением времени первоначальные формы гумбезов видоизменялись, приобретая черты типичного жилища кочевников – юрты, элементы которой можно проследить во всех без исключения

кыргызских гумбезах. Отличительной чертой памятников XVI–XIX вв. является их плохая сохранность.

Гумбез – обычное намогильное сооружение, построенное из сырцового или жженого кирпича, имеющее форму от небольшого ступенчатого надгробия (сагана) до большого мавзолея с мощным порталом, украшенным декоративными нишами или фигурной кладкой кирпича.

Мазаром же считается надгробное сооружение, дерево или какой-либо водный источник, являющийся местом поклонения верующих. Не каждый мавзолей можно называть мазаром, термин этот применим лишь к названиям надгробных сооружений, с которыми верующие связывают имена "святых".

Встречаются надгробные сооружения в виде четырехугольной ограды с башенками по углам, иногда имитирующими фонари минаретов. Внутри нее обычно стоит сложенное из кирпичей надгробие (преимущественно на Иссык-Куле). От него несколько отличаются мазары, где к порталу примыкает продолговатое помещение над саганой, перекрытое полуциркулярным сводом (Оттук, Он-Арча).

Все надгробные сооружения Киргизии можно разделить на несколько типов. Самой простой и наиболее распространенной формой надмогильного сооружения у кыргызов были каменные сооружения прямоугольной формы или земляные курганные насыпи до 1 м высотой.

При традиционном обряде над захоронением рядового кочевника возводилось пирамидальное ступенчатое надгробие на прямоугольном основании высотой до двух метров – сагана.

Судя по простоте формы, легкости и дешевизне возведения, оба типа надмогильного сооружения были характерны для беднейших слоев населения – рядовых кочевников-скотоводов.

К отдельной группе можно отнести гумбезы, построенные в виде оградки без купола, иногда с мощным порталом, украшенным декоративными нишами, фигурной кладкой кирпича, а иногда фланкированными по сторонам колоннами с минаретными фонарями. В прямоугольных оградках сказалась прямая преемственность от древних доисламских архи-

тектурных форм. Появление же портала, к тому же украшенного колоннами с имитацией минаретных фонарей, – это уже несомненное влияние исламской культуры.

По архитектурному решению и декору мавзолеи весьма разнообразны. К памятникам сложного типа можно отнести гумбезы комплекса Тайлак (на правом берегу р. Куртка при слиянии ее с р. Нарын), а также гумбезы у сел Ак-Моюн и Терек-Суу в Ат-Баши, гумбез Туура-Суу на Иссык-Куле и многие другие. Такого типа мавзолеи характерны для Северной Киргизии, Центрального Тянь-Шаня, реже они встречаются на юге Киргизии.

К следующему типу намогильных сооружений можно отнести куполообразные мавзолеи непритязательной формы: от обыкновенной глинобитной "юрты" с навершием до сферически низкого купола, возводящегося прямо с земли при помощи тромпов, либо покоящегося на прямоугольном основании в виде оградки. Куполы выложены кольцевой кладкой, арочный проем вписан в небольшой портал либо слегка возвышающуюся фасадную стенку. Фундамент, как правило, отсутствует.

К следующей группе памятников относятся мавзолеи, на первом плане которых выступает мощный портал с колоннами. Это преимущественно крупные гумбезы из самана или жженого кирпича с укоренившимися исламскими архитектурными традициями. Возводились они, как правило, в честь известных местных мусульманских деятелей. Наибольшее распространение такие мавзолеи получили на юге Кыргызстана, соседствующем с мусульманскими культовыми центрами Ферганы. Характерным примером этой группы памятников является мазар Ходжи Биала в Ошской области, сооруженный в конце XVII – в начале XVIII в. на могиле известного местного мистика. Нужно отметить, что надгробных архитектурных сооружений на территории Киргизии множество. Это гумбезы-мавзолеи Чирак-Булак, Ногая, Кырк-Чоро, Тайлака, Ак-Бейит – на Тянь-Шане; Байтика и Ниязбек-Коргон – в Чуйской долине; Балчака – в Иссык-Кульской котловине; Манаса – в Таласской долине; Сафид-Булан, Асаф-ибн-Бурхия, Арслан-боб – на юге Кыргызстана и другие.

Архитектурная композиция указанных типов намогильных культовых сооружений – своеобразное преломление жилой архитектуры в представлении народа, оригинальные произведения народного зодчества, в которых отчетливо видны местные национальные традиции. Историки и архитекторы приходят к выводу, что надгробные сооружения на кыргызских кладбищах имеют совершенно необычные формы и основываются на свободном творчестве народных мастеров, не стесненных канонами, профессиональными традициями, существовавшими в "мусульманском" зодчестве.

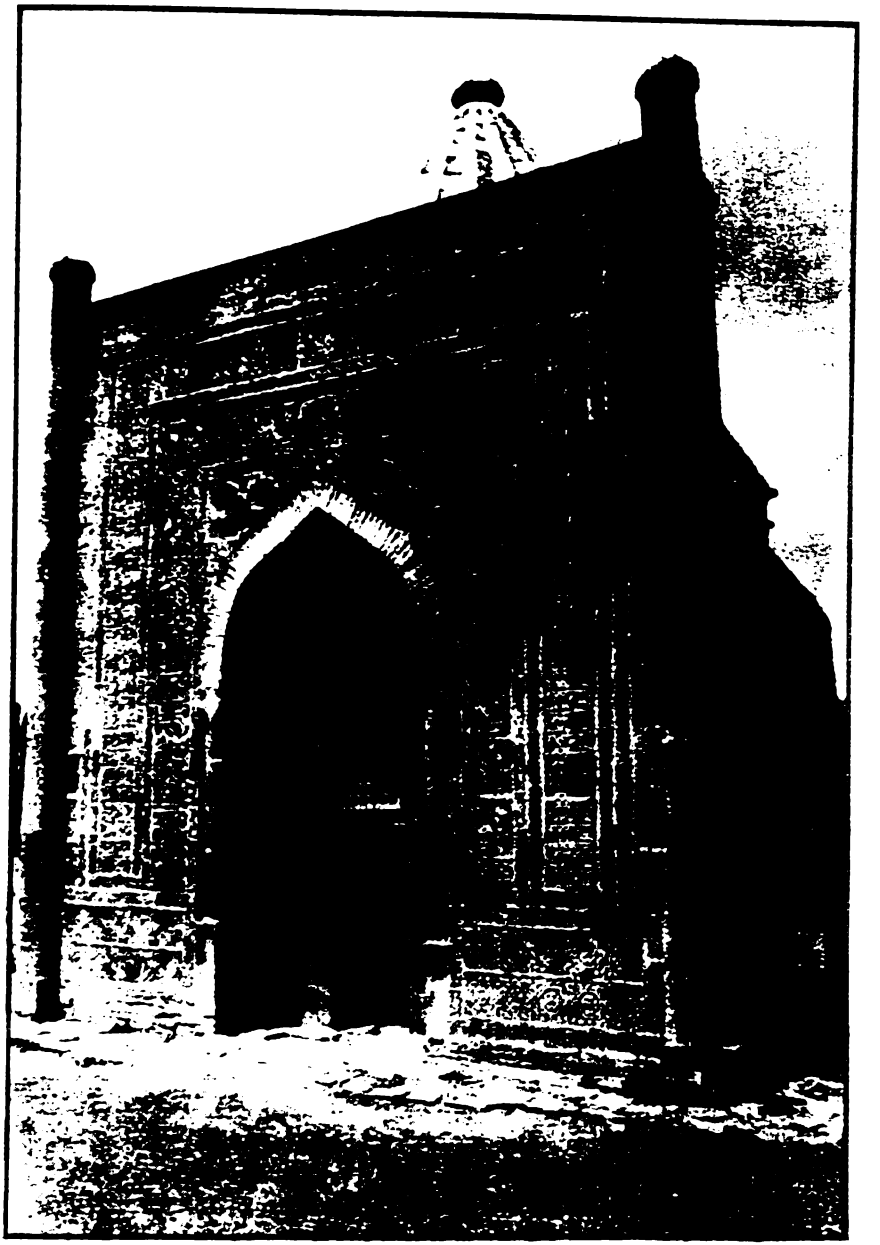
Мавзолей Канизек-хатун, известный как литературно-этнографический музей "Гумбез Манаса", расположен в ущелье Кенкол в Таласской долине.

Сооружение усыпальницы над могилой женщины из правящего рода Чагатаидов в Таласе ученые связывают с принятием ислама могольской знатью. Мусульманские традиции все глубже проникали в среду кочевников-язычников. Надпись на портале памятника свидетельствует о смерти дочери эмира Абуки Канизек-хатун в первый день рамазана 734 г. хиджры (6 мая 1334 г.). Вскоре над ее могилой был возведен мавзолей, позже здесь же были погребены и другие лица. Сейчас гумбез отреставрирован.

Многообразие орнаментов гумбеза находит широкие параллели в народном искусстве кыргызов. Исследователи пришли к выводу, что декор гумбеза куда ближе к узорам кыргызских ширдаков и тушкиизов, чем к орнаменту знаменитых среднеазиатских мавзолеев, заурядным подобием которых он может показаться на первый взгляд.

Из серии южнокыргызских гумбезов заслуживают внимания мавзолей Асаф-ибн-Бурхия в Оше и мазар в Арслан-бобе (Джалал-Абадская область).

Мавзолей Асаф-ибн-Бурхия находится на восточной стороне Сулейман-горы. Сооружение небольшое, имеет в плане форму прямоугольника с размерами внешних сторон 7х10 м. Архитектура мавзолея относится к концу XVIII – первой половине XIX в. В XIX в. с восточной стороны его была построена открытая летняя мечеть Джами. В 80-х годах XX в. памятник отреставрирован.

Гумбез Манаса. XIV в.

Своеобразный памятник культовой архитектуры XIX в. представляет мазар в урочище Арслан-боб. Сам мавзолей был разрушен в 60-х годах XX в., но еще сохраняется стоявшая рядом мечеть.

Мечети имелись в целом ряде кыргызских поселений Ферганской долины (кишлаки Кара-Багыш, Булак-Баши и другие). До середины XX в. сохранялись интересные по своему архитектурному исполнению мечети и медресе, построенные в XVIII – XIX вв. Это две ныне существующие ошские мечети – так называемая мечеть Сыдыкбая (XIX в.) и мечеть Рават Абдулла-хана, что у подножия горы Тахт-и-Сулайман в г. Ош (XVII – XVIII вв.), и др.

Говоря о культуре народов, нельзя не назвать их мыслителей и ученых, имена и деяния которых история хранит не одно столетие. Один из таких великих людей – Бабур Захируддин (1483–1530), сын Омар Шейха, внук Абусаида – основатель династии Великих Моголов в Индии, где правил с 1526 г., происходил из рода Тимуридов. В возрасте около 12 лет унаследовал он от своего отца престол Ферганы, куда входили и южные районы современного Кыргызстана.

Бабур был не только выдающимся полководцем, но и хорошим поэтом. Сохранились его прекрасные стихи на чагатайском (тюркском) языке и фарси и его записки – "Бабур-намэ". Записки Бабура, непосредственно и живо рассказывающие о событиях первой трети XVI в., написаны простым, точным, выразительным языком, без свойственной литературе того времени риторики и патетики, близким к современной ему живой тюркской речи, бытовавшей в Средней Азии. Описания обрядов и обычаев народов Средней Азии (в том числе и юга Кыргызстана, так как Бабур некоторое время жил в Оше, где имел специальный дом для отдыха – ныне это заново отстроенный "Дом Бабура"), Афганистана и Индии, а также меткие характеристики современников делают его записки ценнейшим историко-этнографическим источником. "Бабур-намэ" является важным памятником мировой литературы.

Кроме "Бабур-намэ" до нас дошли "рубаи" (четверостишия) и "газели" Бабура, свидетельствующие, что он прекрасно

владел техникой стихосложения: стихи написаны ясным и образным языком, что выгодно отличает его от большинства современных ему поэтов.

К 40-м годам XVI в. относится творчество видного историка и государственного деятеля Моголистана и Восточного Туркестана, двоюродного брата Бабура, Мухаммеда Мирзы Хайдара (1499–1551 гг.), автора фундаментального труда "Тарих-и Рашиди". В этом сочинении (оно впервые опубликовано в 1895 г. на английском языке) имеются ценные сведения, проливающие свет на социально-политическую историю Кыргызстана XVI – XVII вв.

И сегодня широко известно имя Улугбека Мухаммед Таргай (1394–1449). Старший сын Шахруха и внук Тимура, более известный как Улугбек Гурган (т.е. "зять хана"), правитель Мавераннахра (1409–1449) в составе державы Тимуридов, он был выдающимся математиком. Родился близ г.Султания, воспитывался при дворе Тимура. Знал арабский и персидский языки, писал стихи на чагатайском языке, интересовался медициной. Привлек в свою столицу – Самарканд – выдающихся ученых своего времени Кази-заде Руми, Гийас ад-Дина Джамшида Кашани, Ала ад-Дина Али Кушчи и др.), построил близ Самарканда крупную астрономическую обсерваторию, где под его руководством велись научные наблюдения, приведшие в конечном счете к подготовке весьма точных астрономических таблиц "Зидж-и джедид-и Гургани".

При Улугбеке в Самарканде и Бухаре были построены замечательные архитектурные памятники, в медресе преподавались не только богословские, но и светские дисциплины. Он считал, что просвещение должно быть достоянием как мужчин, так и женщин.

Улугбек не отличался талантами государственного деятеля или полководца. Заслуга его заключалась в той огромной культурной работе, организатором которой он был, а также в его научных трудах.

Алишер Навои (1411–1501) был великим поэтом народов Средней Азии. Он впитал лучшие традиции таджикской, персидской и азербайджанской литературы, владел в совершенстве персидским и арабским языками, а узбекский

язык в его произведениях доведен до совершенства. Алишером Навои были созданы такие великие классические творения, как "Фархад и Ширин", "Лейли и Меджнун", "Семь планет" и другие, а также несколько гениальных лирических диванов – "Чар диван", "Хамсе", "Махбуб ал-кулуб" и другие, которые являются неоценимым вкладом в сокровищницу литературных памятников не только народов Средней Азии, но и мировой культуры.

Навои активно участвовал в политической жизни, боролся с несправедливостью, злом, жестокостью, насилием и угнетением. Свое состояние он тратил на строительство дворцов, мавзолеев, мечетей, медресе, больниц, школ, рабатов, мостов, арыков, дорог и т.д. В основе миропонимания Навои, стоявшего на вершине передовой прогрессивной общественной мысли феодальной Средней Азии, Переднего и Среднего Востока XV в., лежит пантеизм, существенно отличающийся от крайнего суфийского пантеизма.

Джами Нуриддин Абдуррахман (1414–1492) – крупнейший представитель литературы ираноязычных народов в Хорасане. Он был не только великим поэтом своей эпохи, но и имел хорошие знания в грамматике, логике, греческой и восточной философии, естествознании, математике, астрономии и т.д. По некоторым данным, перу Джами принадлежит около 100 книг по самым различным вопросам науки и литературы. В творчестве Джами особое значение имеет разработка всех художественных жанров, что было чрезвычайно важно для дальнейшего развития среднеазиатско-хорасанской литературы. В своих произведениях Джами порицает богатство, призывает к воздержанию, умеренности, молчаливости, проповедует стремление к небытию, единению с Аллахом. Самое крупное и широко известное произведение Джами – "Хафт авранг" ("Семь престолов"), состоящее из семи крупных поэм.

Названные нами мыслители культурных центров Средней Азии занимают выдающееся место в ряду передовых деятелей культуры своей эпохи не потому, что были состоятельными людьми, а потому, что они совершали великие открытия, являлись творцами ценнейших научных трудов и художест-

венных произведений, создавали немеркнущие образы, призывали к добру и справедливости, честности и правдивости, мечтали об идеальном обществе, выдвигали гуманистические общечеловеческие идеи. Нередко по их книгам учились, на их произведениях формировали свои взгляды и передовые кыргызские мыслители (Молдо Кылыч Шамыркан уулу, Ниязалы Молдо Эсенгул уулу и др.).

Известный многим тюркским народам (кыргызам, казахам, каракалпакам и др.) мудрец и мыслитель Асан-Кайгы жил предположительно в середине XIV в., был родом из Прииссыккулья, там он и похоронен. Точные биографические данные его не известны. Он воспевал тяжелую жизнь трудового народа, потому за ним утвердилось прозвище Асан-Кайгы, т.е. Асан-горемыка, Асан-страдалец. Известный казахский ученый Ч.Валиханов охарактеризовал Асан-Қайгы как "знаменитого в народных воспоминаниях кочевого философа". Основа его философских размышлений – мысль о том, что в природе и обществе не должно быть никакого дисбаланса, необходима общая гармония.

Из-за отсутствия письменных данных из его наставлений в памяти народа сохранились лишь некоторые афоризмы: "Жашында берсин мээнетти, карыганда берсин дөөлөттү" ("Когда ты молод, пусть тебе сопутствует труд, когда ты уже стар и немощен, пусть сопутствуют тебе богатство, уважение"), "Дөөлөтүнө ишенбе, мээнетине ишен" ("На богатство свое не надейся, надейся на свой труд") и др. Асан-Кайгы призывал защищать природу, животный и растительный мир. Каждое полезное дело, совершенное человеком, – его положительное качество, плохое дело, совершенное им, – недалекость его ума ("Ар кандай жакшылык иш – адамдык чоң сапат, жамандык иш – акылсыздык"). Асан-Кайгы утверждал, что все живое в природе полезно, нет в ней ничего лишнего. В поисках благодатной земли ("Кой үстүндө торгой жумурткалаган"), равноправного общества он много путешествовал: побывал в Ат-Баши, Нарыне, Ак-Сае, Таласе, Гиссаре, Бадахшане, Ургенче, Кара-Тау, Астрахани, Крыму, на Волге и т.д. Его гуманистические мысли созвучны нашему времени, нашему миропониманию.

Другой мыслитель, критик и акын — Толубай-сынчы, предположительно жил в XIV—XV вв. Как гласит предание, он был сыном Токтогула-ырчы, жившего во времена Жаныбек-хана (хан Золотой Орды в 1342—1357 гг.). Толубай-сынчы был известен как непревзойденный мастер слова (чечен), знаток повадок животных (саяпкер) — он по черепу определял скаковые и боевые качества лошади.

Индивидуальная поэзия у кыргызов, по-видимому, ведет свое начало от искусства акынов-импровизаторов. К числу их относятся Калыгул (Калыгул Бай уулу, 1785—1855 гг.) и Арстанбек (Арстанбек Буйлаш уулу, 1840—1882 гг.), жившие в Иссык-Кульской долине. Подробными сведениями об их жизни мы не располагаем. Но содержание дошедших до нас стихотворений "Тар заман" ("Трудные времена") и "Акыр заман" ("Конец света") дает основание полагать, что мировоззрение Калыгула и Арстанбека, живших при патриархально-феодальном строе, носило религиозно-мистический характер. Эти акыны поддерживали существовавшие до середины XIX в. социально-экономические отношения.

Однако нельзя односторонне оценивать творчество акынов-заманистов, относя их к кругу реакционных деятелей. Из народной памяти не стерлись их прекрасные поучения, в которых они осуждают трусость, безнравственность и воспевают трудолюбие, справедливость, любовь к человеку, бережное отношение к природе и животному миру, взаимопонимание, дружбу, спокойную мирную жизнь.

У кыргызов, как и у любого другого народа, на протяжении многовековой истории выработалась и развилась сумма определенных духовных ценностей, не только составляющих неотъемлемую часть их общей культуры, но и вошедших в историю мировой цивилизации. В их устном народном творчестве широко представлены различные жанры и формы — от пословиц, поговорок и лирических песен до крупных эпических произведений.

Исключительное место в этом богатом арсенале народной поэзии принадлежит эпосу "Манас", где своеобразно, ярко и высокохудожественно отражен сложный исторический путь кыргызов с древнейших времен до позднейших этапов.

Первые сведения об эпосе "Манас" в нарративных источниках встречаются в таджикоязычном рукописном сочинении Муллы Сайф ад-Дина (1503 г.) "Маджму ат-таварих" ("Собрание историй").

Содержание эпоса охватывает все стороны жизни кыргызов – от деталей быта до важных событий в их судьбе. Именно поэтому большинство исследователей эпоса называет его "энциклопедией жизни народа".

"Манас" по своим грандиозным масштабам превосходит все до сих пор известные народные эпические поэмы. Только в варианте, записанном от С.Каралаева, свыше полумиллиона стихотворных строк, что превышает объем "Илиады" и "Одиссеи" в 20 раз, "Шах-наме" – в 5 раз, "Махабхараты" – в 2,5 раза.

Нельзя понять и оценить богатство содержания эпоса, если рассматривать его вне времени и пространства, в отрыве от исторического пути народа. Он создан на основе пережитого, познанного, приобретенного народом. И тем не менее надо помнить, что к его материалам и сведениям необходимо относиться не как к сохранившемуся подлинному документу, а как к художественному произведению, отражающему народную жизнь при помощи обобщенных образов. Вот почему в нем исторические события переплелись с древними преданиями, сказками, мифами, легендами.

События, составляющие содержание "Манаса", представляют как бы множество пластов, что свидетельствует о том, что эпос формировался в течение длительного времени.

Нарисованные в "Манасе" картины жизни дают возможность получить ни с чем не сравнимые, ценные сведения о положении народа в прошлом, о его образе жизни и источниках существования, о верованиях, взглядах, представлениях и др.

Эпические произведения кыргызского народа своими корнями уходят в седую древность.

Эпосы "малых форм", такие, как "Эр Тёштюк", "Эр Табылды", "Курманбек", "Жаныл-Мырза", "Жаныш и Байыш", "Сарынжы-Бёкёй", "Кожожаш" и другие повествуют главным образом о походах богатырей или знаменательных событиях истории и нередко – о любви.

В древнейшей поэзии в определенной мере отображен уклад родового общества, когда одним из основных видов хозяйства была охота. Такова, например, поэма "Кожожаш", главный герой которой — искусный охотник, добывающий своим трудом пропитание для сородичей. В ней проводится мысль, что человек является детищем природы, принадлежит к ней.

Герой же поэмы "Эр Тёштюк" действует в подземном мире. Сюжет и образы этой поэмы перекликаются с сюжетом и героями эпосов народов Алтая. По всей вероятности, эпос "Эр Тёштюк" создан раньше "Манаса". В нем показана дружба человека с меньшими нашими "братьями", подчеркивается тесная связь жизни человека с жизнью остальных живых существ, начиная от муравьев и кончая сказочной птицей Алп кара-куш (буквально: "великан-беркут").

Поэма "Сарынжи-Бёкёй" повествует о более поздних временах. Различные варианты ее отличаются своеобразием композиции и оценки событий. Она интересна тем, что образы героев даются в развитии. В основу положены идеалы патриархально-родового строя.

В качестве примера эпических произведений, отражающих общественные отношения более поздних времен, может быть рассмотрен эпос "Жаныл-Мырза", который подобно каракалпакскому эпосу "Кырк кыз" ("Сорок девушек") воспевает подвиги кыргызской девушки-богатыря. Поэма возникла, по-видимому, в эпоху формирования кыргызов как народности, зарождения феодальных отношений.

В поэмах "Курманбек" и "Эр Табылды" уже отчетливо выражены интересы двух противоположных классов — феодалов и зависимых от них рядовых скотоводов. В этих произведениях, возникших несомненно в народной среде, главные герои наделены чертами защитников народных интересов, выразителей народных чаяний. Нашла здесь отражение и борьба против иноземных захватчиков — калмыцких феодалов. Эпос этого типа характерен для эпохи объединения кыргызских племен в народность.

В поэме "Жаныш и Байыш" воспеваются захватнические

войны. Возникли они в феодально-аристократической среде, заинтересованной в таких войнах.

Поэма "Карагул ботом" оформлена в форме "кошока" — плача по умершему. В основе ее лежат реальные события из жизни кыргызских охотников.

Содержание эпосов настолько широко и они включают в себя такое разнообразие сторон народной жизни, что здесь невозможно сказать об этом, тем более дать их анализ. Для этого потребовалось бы создание самостоятельного специального труда.

На протяжении многовековой истории кыргызы накопили богатый запас эмпирических знаний, которые, в частности, нашли отражение в народном календаре, где представлен оригинальный 12-месячный цикл и крайне древний счет по Плеядам (тогоол). Наряду с этим был распространен и счет по так называемому 12-летнему животному циклу, знакомый не только другим народам Средней Азии, но известный далеко за ее пределами, особенно на Востоке.

В быту кыргызы обычно пользовались традиционными народными мерами длины и расстояния и способами определения времени. Их космогонические представления были связаны с пастушеским образом жизни. Опыт наблюдения за ростом растений, за поведением животных и птиц позволил кыргызам выработать приметы, по которым они пытались определять время наступления сезонов года, предвидеть их характер, предугадывать качество будущего травяного покрова и т.д. Обобщая народный опыт и знания, некоторые знатоки (эсепчи) своими прогнозами и советами существенно облегчали труд скотоводов и земледельцев. Совершенно исключительны познания кыргызов в области живой природы. С глубокой старины им известны сотни различных горных растений, причем хорошо выяснены их ядовитые или лекарственные свойства как для домашних животных, так и для человека. Охотники прекрасно разбирались в повадках животных и птиц. Довольно точны были анатомические познания кыргызов, особенно в отношении домашних животных, хорошо разработана терминология для определения масти домашних животных, их возраста и т.д.

§ 2. Культура народов Кыргызстана второй половины XIX – начала XX в.

Культура Кыргызстана второй половины XIX – начала XX в. преемственно связана с культурой прошлого, с ее лучшими традициями. Кыргызский народ сохранял и развивал традиционные формы материальной и духовной культуры. Вместе с тем под воздействием новых социально-экономических отношений и усилившихся контактов с европейскими переселенцами в нее проникали элементы других культур, в некоторой степени совершенствовались и изменялись и методы ведения хозяйства.

Многовековая кочевая жизнь и патриархально-родовой быт кыргызов наложили глубокий отпечаток на все сферы их деятельности. Главные компоненты материальной культуры – жилище, одежда, пища – по-прежнему изготовлялись из продуктов животноводства и природных даров. Они были испытаны временем и надежны во всех отношениях. При наличии незначительных локальных особенностей, определяемых различными условиями (физико-географические, исторические и хозяйственно-культурные связи с соседями), материальная культура кыргызов была единой и самобытной.

Основным видом жилища у кыргызов оставалась юрта, обладающая уникальными качествами. Ее деревянная конструкция и войлочное покрытие делали ее легко разбираемой, позволяли перевозить ее во время перекочевок, быстро устанавливать на новом месте. При этом, комбинируя складывающиеся решетчатые стенки, можно было увеличивать или уменьшать площадь жилища.

В создании внутреннего интерьера строго придерживались вековых традиций. Лишь в начале XX века в юртах зажиточных семей стали появляться фабрично-заводская посуда повседневного обихода, керосиновые лампы, деревянные столы и кровати. Как говорилось выше, было несколько типов юрт: парадные, гостевые (ак үй), повседневные, для приготовления и хранения пищи, которые обычно имела кыргызская знать. Основная масса кочевников довольствовалась одной юртой.

Животноводы-кыргызы пользовались и другими переносными жилищами сезонного характера, такими, как сайма алачык, алачык (разновидность шалашей) и т.п.

В связи с изменением исторических условий в Кыргызстане появились жилища постоянного типа – глинобитные и деревянные дома. На юге они возводились уже в первой половине XIX в. Преобладали глинобитные, каркасные постройки с плоской или двускатной крышей, характерные для узбекско-таджикских кишлаков.

После присоединения края к России в северной части Кыргызстана стали создаваться военно-административные и пограничные пункты, выраставшие впоследствии в города и торговые слободки полугородского типа. Таковыми были, например, Токмак, Пишпек, Каракол, Нарын и другие. В последней четверти XIX в. в связи с переселением в Кыргызстан русского, украинского, немецкого, дунганского населения появились новые типы селений.

Под влиянием возникших городов и селений в конце XIX в. вблизи кыргызских зимовок в качестве второго жилища возводились постоянные жилые помещения и хозяйственные постройки. Первое кыргызское оседлое поселение (кыштак) Таш-Тюбе было основано в 1899 г. В начале XX в. возник ряд кыргызских кыштаков: Тепке, Чырак, Дархан, Темировка, Таштак, Ак-Кочкор – в Прииссыккулье, Кара-Арча, Жайылган, Уч-Коргон – в Таласской долине, Чала-Казаки – в Чуйской долине. Планировка улиц и домов напоминала русско-украинские переселенческие селения. Строились глинобитные и деревянные дома с высокой двускатной камышовой крышей, крыльцом и окнами на улицу, вдоль прямых улиц высаживались тополя и ивы (которые позже использовались опять-таки для строительства). Воспринимая новое, кыргызы в то же время сохраняли национальные традиции. Дом не делили на внутреннюю и внешнюю половину, не возводили ограждения, рядом с домом ставили юрту. В основном сохранялся и привычный интерьер. Только отдельные известные кыргызские манапы строили капитальные дома с большими усадьбами и множеством хозяйственных построек. Они обставлялись европейской мебелью и служили для приема гостей.

В результате усиления связей с другими народами, развития обмена и торговли некоторые изменения произошли в традиционной одежде кыргызов. Прежде всего получили более широкое распространение привозные ткани. Постепенно сглаживалась недифференцированность мужской и женской одежды, некоторые виды исчезали, в других изменялся покрой, в костюм начали входить заимствованные элементы. Так, вышли из употребления сапоги на высоком каблуке, исчезло нагрудное украшение женских рубах, реже носили кожаные штаны, становились иными по покрою рубахи обоих полов, появилась однобортная, приталенная верхняя одежда – бешмант, в обиход входили отрезные платья (где собранная юбка пришивалась к верхней части платья – бүйүрмө көйнөк). Однако изменения в одежде проявлялись неравномерно. До перехода к оседлости в горных малодоступных районах доминирующей оставалась старинная одежда, выполненная в домашних условиях подручными средствами.

Пища кыргызов характеризовалась традиционными видами, преобладала молочная и мясная. Употреблялись и растительные продукты – просо, ячмень, пшеница, также широко использовались дары природы. Вопреки сложившемуся мнению о скудности и однообразии пищи, заметим, что кыргызы умели готовить десятки вкусных блюд из мясных и молочных продуктов, полезность которых доказана временем.

В начале XX в. оседавшие кыргызы начали возделывать плодоовощные культуры, в их кухню стали проникать национальные блюда соседствующих народов (манты, пельмени, лагман, жаркое и др.).

В процессе постоянного взаимодействия с различными народами выкристаллизовывались и другие компоненты материальной культуры. Отжившие или устаревшие ее элементы заменялись другими, отвечавшими практическим и эстетическим требованиям.

В этот период богатая и самобытная духовная культура кыргызского народа получила новый импульс для дальнейшего развития. Этому способствовали многие факторы: изменение общественно-политической обстановки и хозяйственно-культурные сдвиги в крае, усиление колониального гнета и

обезземеливание коренного населения, открытие светских учебных заведений, появление на арене талантливых творческих личностей, деятельность прогрессивно настроенной европейской интеллигенции, распространение различной литературы и периодической печати и др.

Видное место в духовной жизни кыргызского народа занимало устно-поэтическое творчество, запечатлевшее то, что многие другие народы отобразили в исторических описаниях, в художественной литературе, живописи, скульптуре, театральном сценическом искусстве.

По-прежнему популярными и любимыми были героические эпосы, и прежде всего монументальная трилогия "Манас". Наряду с ним продолжали бытовать эпосы "малых" форм: сказочно-мифические "Эр Тёштюк", "Жаныш и Байыш", героические "Курманбек", "Эр Табылды", "Жаныл-Мырза", социально-бытовые "Сарынжы-Бёкёй", "Олжобай и Кишимжан" и другие.

В сохранении и развитии эпических жанров большую роль играли сказители. Во время исполнения каждый из них вносил в эпос что-то новое в соответствии с историческими условиями, обстановкой и аудиторией. Известными сказителями в этот период были Тыныбек (1846–1902), Найманбай Бекмуратов (1853–1911), Тоголок Молдо (1860–1942), Шапак Рысмендеев (1863–1956), Сагымбай Орозбаков (1867–1930), Чоюке Омуров (1886–1928), а на юге – Чал Садыков (1850–1911), Жаныбай Кожеков (1860-1942) и другие. Среди них следует особо выделить Тыныбека и Сагымбая Орозбакова. Тыныбек был виднейшим носителем сказительских традиций предшествующих поколений и у него училась целая плеяда сказителей конца XIX – начала XX в., в том числе и Сагымбай. С 1898 г. и до своей кончины Тыныбек, записывая свой вариант сказания, успел завершить только "Семетея". Он был опубликован в 1925 г. (арабской графикой). Сагымбай Орозбаков является его достойным преемником и продолжателем. От него записано 180 000 стихотворных строк первой части трилогии. Его вариант отличается художественным совершенством, красочностью поэтического слога, архаические пласты эпоса мастерски сочетаются с поздними наслоениями, в нем

сплелись воедино несколько вариантов. Сагымбай был не только творцом и исполнителем эпоса. Известны его плачи о Шабдан-батыре, социально-философская поэма "Заман", а также дидактические песни.

Следует отметить, что многие талантливые импровизаторы сочиняли и новые эпические поэмы, посвященные конкретным историческим событиям и реальным личностям своего времени. Так, в поэмах "Балбай" и "Осмон-батыр" воспевалась борьба кыргызского народа против царских завоевателей, а поэма "Кыргызские батыры" была поэтическим повествованием о храбрости и благородных деяниях Шабдана, Байтика и других исторических личностей. Поэмы "Ак-Мөөр", "Каптагайдын кызынын арманы" ("Жалоба дочери Каптагая") посвящены конкретным людям середины XIX в., выступавшим против бесправного положения кыргызских женщин и борющимся за свои права. Видимо, это было вызвано влиянием новых общественных условий и изменением самосознания народа. Однако эти и другие, подобные им, творения до конца не отшлифовались и не имели широкого распространения.

В целом кыргызский фольклор отличается большим разнообразием. Наряду с эпическими произведениями значительное развитие получили дидактические, мифические, трудовые, бытовые песни, предания, сказки, пословицы и поговорки. Сохранение и развитие этих жанров в какой-то степени связаны с творческой деятельностью ряда таких ярких личностей, как акыны Женижок Коко уулу (1860–1918), Токтогул Сатылганов (1864–1933), Барпы Алыкулов (1884–1949), Калык Акиев (1883–1953), акыны-письменники Молдо Нияз (1820–1896), Молдо Кылыч (1866–1917), Тоголок Молдо (1860–1942), Токторалы Талканбаев (1869–1943), Алдаш Молдо (1876–1930), Ысак Шайбеков (1880–1957) и другие. Это был период бурного развития акынской поэзии. Так, только в Кетмень-Тюбинской и Таласской долинах в конце XIX – начале XX в. жили более 60 акынов.

Происходившие социально-экономические изменения и сложная обстановка в крае подтолкнули их к духовным исканиям. По своим взглядам, отражавшим основные тенденции развития общественного сознания кыргызского народа, акы-

ны делились на два лагеря – заманистов и демократов. Внимательное изучение произведений авторов этих идейных течений свидетельствует о взаимосвязанности и преемственности их наследия, а не о противоречивости. Но до последних лет в результате чрезмерной идеологизации общества мировоззренческие позиции акынов-заманистов считались консервативными и реакционными, а их бесценные творения преподносились только в негативном плане. Между тем известно, что в их стихах переплетены реально-исторические и религиозно-мистические мотивы. Причем пессимистические идеи занимают незначительную часть и характерны только для отдельных произведений заманистов.

Эта тенденция, возникшая в начале XIX в. под влиянием ислама и восточной литературы, получила дальнейшее развитие после присоединения края к России.

Ведущим заманистом этого времени был Молдо Кылыч, внесший ценный вклад в процесс перехода от устной поэзии к письменной литературе. Еще в детстве он учился грамоте, с жадностью слушал выступления кыргызских акынов, а с 80-х годов XIX в. упоенно читал произведения восточных классиков – Фирдоуси, Навои, Бедил, Рабгузи и других. Впоследствии имел богатую для своего времени библиотеку. Начав творческую деятельность в возрасте 18-20 лет, он всю жизнь искал пути выхода для своего народа из трудного положения. Молдо Кылычу казалось, что он живет в распадающемся мире, когда прервалась историческая связь времен, распадаются родовые связи и в людях появляются новые отрицательные качества: жажда власти и богатства, корысть, жадность и т.п. Он не ратовал за возвращение прошлого, а хотел привить человеку положительные черты, присущие предкам. Через человеколюбивые идеи ислама надеялся воздействовать на морально-этические качества своих соплеменников. В отличие от своих предшественников Молдо Кылыч заметил прогрессивные перемены в обществе и в своих произведениях призывал народ к освоению их, в частности передовых методов ведения хозяйства. В то же время он беспощадно бичевал колониальную политику царско-чиновничьей администрации.

Произведения Молдо Кылыча широко распространялись самыми разными путями. Любимыми среди народа были "Сказ о землетрясении", "Девушка и парень", "Керме-Тоо", "Сказание о Чуйской долине", "Пернатые", "Пир беркута", "Будайык", "Эпоха скорби" и другие. В 1911 г. в Казани была издана его поэма "Кыса-и-Зилзала" ("Сказ о землетрясении") – первое печатное произведение на кыргызском языке.

Известным акыном-письменником был Молдо Нияз, получивший образование в медресе Кашгара. Он объездил практически весь Туркестанский край и был свидетелем важных исторических перемен второй половины XIX в. в Ферганской долине. Известно, что он написал и собственноручно изготовил 7 рукописных книг. Однако до нас дошли только три рукописи – санаты. В них Молдо Нияз в назидательной форме повествует о тяжелом положении в обществе. Источник зла он видит в нарушении человеческой морали и несоблюдении учения ислама. Определенное место в санатах занимают исторические события: борьба кыргызов против произвола кокандцев, бегство кыргызов в Восточный Туркестан, роль Алымкуладатхи в истории ханства, поражение кокандцев в сражении с царскими войсками у Чимкента и Ташкента, дальнейший процесс завоевания царизмом южной части Кыргызстана и т.д.

Санаты Молдо Нияза, несмотря на отсутствие исторических обобщений, являются важным историческим и лингвистическим источником.

Продолжателем традиций заманистов стал акын-письменник, просветитель Алдаш Молдо. Получив начальное образование у местного муллы, он продолжил учебу в татарской новометодной школе г. Каракола. С 1904 г. посвятил свою жизнь просвещению. Работая учителем и занимаясь творческой деятельностью, стремился пробудить общественное сознание. В произведениях "Выборы" и "Хал-заман" высмеивал продажность царских чиновников и местных служителей, хитрость, алчность новоявленных торговцев и ростовщиков. Его поэма "Үркүн" посвящена трагическим событиям 1916 г. – карательным действиям царских отрядов и бегству кыргызов-повстанцев в Китай.

Известным мыслителем – просветителем и историком яв-

ляется Осмоналы Сыдыков (1875–1940). Его биографические данные остаются противоречивыми. До последнего времени считался проводником пантюркистских идей. По свидетельству дочери О.Сыдыкова, он учился в учебных заведениях Бухары, Афганистана и Уч-Турфана. После этого обучал детей и одновременно, заинтересовавшись историей кыргызского народа, более 15 лет собирал материалы – генеалогические предания (санжыра), фольклор и исторические сведения. Обобщив и проанализировав массу разрозненных, зачастую противоречивых фактов, О.Сыдыков подготовил и в 1913 г. (в Уфе) выпустил свой труд "Мухтасар тарых Кыргызыя", который в дополненном и переработанном варианте был переиздан в следующем году под названием "Тарых кыргыз Шадмания". Говоря о значении своих сочинений, автор на первых же страницах пишет, что история "дает единственно верные сведения о человеческом обществе, как они жили и питались, чем занимались, какие государства были и почему они рухнули".

О.Сыдыков освещает историю своеобразно – через призму действия отдельных исторических личностей. Вместе с тем он приводит интересные данные о соседних народах и крупных исторических событиях. В начале XX в. сочинения О.Сыдыкова служили учебниками в мусульманских школах и тем самым содействовали росту общественного сознания кыргызского народа.

Недавно переизданные, после долгих лет забвения, труды О.Сыдыкова представляют источниковедческую и историографическую ценность для кыргызоведения.

Историей тюркоязычных народов долгие годы вплотную занимался Белек Солтоноев (1878–1937). Освоив мусульманскую грамоту, он продолжил учебу сначала в Сазановской русско-туземной, затем – в Пишпекской сельскохозяйственной школе. Историей увлекся с 1895 г. Об этом свидетельствуют его записи, где он пишет: "...с тех пор я начал собирать исторические книги на русском и арабском языках, чтобы изучать волновавший меня вопрос: когда и где произошел кыргызский народ, расспрашивал у старцев и знатоков прошлого, подробно записывал их ответы в тетрадь". Для этого

он имел определенные возможности – работая волостным писарем, часто разъезжал по Кыргызстану, встречался с различными людьми. Везде вел большую просветительскую работу и по мере возможности боролся против переселенческой политики царизма. В архивах сохранились жалобы, написанные Б.Солтоноевым в различные инстанции от имени притесненных и обезземеленных кыргызов.

Видное место в демократическом направлении кыргызской устной и рукописной литературы принадлежит акыну-письменнику, просветителю Байымбету Абдрахманову по прозвищу Тоголок Молдо. В становлении его взглядов немалую роль сыграл дед Музооке – известный акын, комузист и сторонник идей заманистов. Он же обучил его грамоте, знакомил с произведениями Калыгула, Арстанбека и других. На творчество юного Тоголока Молдо большое влияние оказали произведения Молдо Кылыча. Видимо, под впечатлением "Пира беркута" он сочинил поэму "О наземных и водяных птицах", где в виде различных птиц изображает угнетателей и показывает обездоленную жизнь бедняков. Росту мастерства Тоголока Молдо способствовали годы, проведенные в Чуйской долине, где он общался с представителями других народов, читал литературу, учился сказительскому мастерству у прославленного манасчи Тыныбека, а оспопрививанию – у В.М.Фрунзе. По праву он считается основоположником басенного жанра в кыргызской литературе.

В отличие от заманистов Тоголок Молдо не поддается пессимизму, а, наоборот, в героическом прошлом кыргызского народа находит вдохновляющие, жизнеутверждающие примеры. Для него характерны просветительские устремления и демократические идеи, крепнувшие в кыргызском обществе с усилением социальных противоречий. Он был провозвестником дружбы народов, призывал соотечественников учиться у русских передовым способам ведения хозяйства, овладевать знаниями и ремеслами.

Наиболее ярким акыном демократического направления в кыргызской устной поэзии был Токтогул Сатылганов. Испытав с детства все тяготы жизни, он с самого начала своего творческого пути выступал как народный акын, защищая

интересы народа-труженика. В 1898 г. Токтогула якобы за участие в Андижанском восстании на семь лет сослали в Сибирь. Годы, проведенные на каторге, стали школой идейного возмужания и становления демократических взглядов акына. Тесное общение с яркими личностями – представителями других народов развили его поэтическое дарование.

Токтогул был большим мастером айтыша – состязания акынов перед публикой в импровизации песен, а также непревзойденным мастером лирических, назидательных произведений. В его многочисленных песнях выражена мысль о дружбе народов, воспеты труд простых людей, их любовь, честность и стремление к свободе. В то же время он остро бичевал леность, жадность, ханжество и гнусные поступки местных прислужников царской администрации.

В духовной жизни кыргызов заметный след оставил акын-мыслитель Женижок Коко уулу. Он от природы был щедро награжден огромным художественно-философским даром и интуицией. Восприняв демократические идеи современников, Женижок развил их в своем творчестве. Общественный прогресс он связывал с трудовым народом и отводил ему решающую роль в социально-экономических преобразованиях.

Глубокосодержательные, доступные стихи-размышления и назидания Женижока посвящались различным явлениям общества и природы. Например, в стихотворении "Он сегиз мин аалам", посвященном Вселенной, он говорит о бесконечности познавательного процесса, пытается разобраться в таинственных силах Природы и Солнечной системы, приглашая слушателей к раздумьям.

Одаренность Женижока особо ценил Токтогул, считая его своим наставником.

На демократических традициях народных акынов воспитывалась целая плеяда поэтов – Барпы Алыкулов, Калык Акиев, Эшмамбет Толтоев, Коргол Досуев, Алымкул Усенбаев и другие, расцвет творчества которых приходится на новейшее время.

Вторая половина XIX – начало XX в. – период дальнейшего

развития кыргызской народной музыки. Акыны, певцы и сказители являлись практически единственными творцами кыргызской музыки и поэзии, которые постоянно сопутствовали народу во всех жизненных ситуациях, и в горе, и в радости.

Народные музыканты, умеющие обычно играть на двух-трех музыкальных инструментах, сочиняли свои произведения в соответствии с нормами музыкальной ритмики. Причем условно разделяемые музыковедами вокальный и инструментальный жанры кыргызской музыки тесно переплетались, переходя нередко один в другой и дополняя друг друга.

Вокальный жанр развивался в трех направлениях: песенное творчество акынов и певцов, бытовая массовая песня и эпические сказания, зачастую сопровождаемые музыкой. При этом использовались щипковые, смычковые, духовые и ударные инструменты. Наиболее распространенным и любимым в народе инструментом оставался комуз — трехструнный инструмент.

Заметный вклад в развитие кыргызской музыки внесли инструменталисты Куренкей Белеков (1826–1907), Бурулча Осмонбекова (1836–1916), Тойкожо Бучуков (1840–1912), Ниязалы Борошов (1856–1944), Муратаалы Куренкеев (1860–1949), Карамолдо Орозов (1883–1960), Мусулманкул Молдобасанов (1883–1961), Ибрай Туманов (1885–1967) и многие другие народные акыны и певцы-импровизаторы, жившие и творившие на рубеже двух веков. Благодаря им обогащались выразительные средства, образный строй и тематика музыки. В песнях и наигрышах (кюу) ярче проявляются темы социального протеста, звучат призывы к борьбе с несправедливыми законами и произволом царских колонизаторов и их местных прислужников.

Народные музыканты с глубоким уважением относились к музыкальной культуре других народов, заимствовали лучшее и, осваивая и перерабатывая все это на основе национальной музыки, придавали ему новое звучание. Так в репертуаре кыргызских музыкантов появились напевы и наигрыши узбекского, казахского, татарского и русского народов.

С конца XIX в. в музыкальный быт коренных жителей

начали проникать фабричные музыкальные инструменты — балалайка, мандолина, гармоника, баян. Например, Токтогул овладел игрой на балалайке и мандолине, М.Молдобасанов — на гармонике.

В свою очередь переработанные кыргызские мелодии распространялись в среде соседствующих народов. Прогрессивно настроенная часть европейской интеллигенции начала собирать материал по кыргызской музыке, были сделаны первые нотные записи и составлены коллекции музыкальных инструментов.

Народные игры и развлечения кыргызов в этот период сохранили в основном черты предшествующего времени. Они, как и музыкально-поэтическое творчество, сопровождали все народные торжества. В конце XIX в. в празднествах начали участвовать и русско-украинские переселенцы и казаки. Под их влиянием вводились некоторые новшества, например, в спортивные состязания. Так, на скачках соблюдались более строгие правила, а в начале XX в. появились ипподромы, вводились отдельные виды спортивных игр русского народа.

Во второй половине XIX — начале XX в. дальнейшее развитие получило традиционное образование. Стремление к просвещению в народе было велико, в каждом кыргызском аиле старались организовать мектебы, где грамотные люди обучали учащихся мусульманскому вероучению, арабскому письму и основам наук. Занятия велись обычно в юртах, а в оседлых районах — при мечетях.

Более углубленные знания давали медресе — школы высшей ступени. Они обычно находились в городах или крупных центрах оседлых районов. В курсе обучения давались в систематизированном виде религиозное и гражданское право, наука исчислений, медицина и восточная литература. Ученики, успешно овладевшие основами знаний, продолжали самостоятельно изучать заинтересовавшие их предметы, вели исследовательско-просветительскую деятельность. Число кыргызов, окончивших медресе, оставалось незначительным. Но количество мектебов и, естественно, грамотных, в Кыргызстане постоянно увеличивалось. По неполным данным, в 1913–1914 гг. функционировали: в Пишпекском уезде — 59, в

Пржевальском уезде – 128, в Ошском уезде – 229 мектебов. Медресе из-за кочевого образа жизни населения не получили особого распространения. В 1914 г. только в Ошском уезде, где преобладало оседлое население, действовало 88 медресе.

В 1901–1902 гг. под влиянием нарождающейся местной буржуазии открылись новометодные школы в Пишпеке, Токмаке и Пржевальске. В Кыргызстане такие школы начали действовать: с 1909 г. – в Чон-Кемине (медресе "Шабдания"), с 1911 г. – в Джумгале ("Курмандын мектеби"), с 1912 г. – в Кочкорской долине, с 1914 г. – в с. Куртка.

Процесс обучения в новометодных школах отвечал требованиям нового времени. В них преподавались религиозные и общеобразовательные предметы, использовались наглядные учебные пособия и современный инвентарь и оборудование (парты, столы, карты и др.). Выпускники их впоследствии приняли активное участие в просвещении кыргызского народа.

Царское правительство было против новометодных школ и строго контролировало их деятельность. Вместе с тем после присоединения края к России оно приступило к созданию сети русских учебных заведений в Кыргызстане. Определяя основную цель просвещения, отметило, что "главным положением при решении задач народного образования в крае" должно быть принято "развитие в направлении русских интересов", т.е. в интересах царизма. Власти не были заинтересованы в просвещении ни коренного, ни русского трудового населения. Но растущие потребности в грамотных людях, работниках низовой администрации, а также постоянные требования переселенцев вынуждали их пойти на такой шаг.

Первое русское уездное училище (начальная школа) открылось в 1870 г. в Токмаке. Вслед за этим, в 1874-1900 гг., такие училища начали работать в городах и всех старожильческих селениях Кыргызстана.

Одновременно с целью подготовки местных кадров низовой администрации при начальных школах учреждались ученические квартиры (интернаты), содержащиеся на средства кыргызских обществ. Так, в 1874 г. в Караколе, а в 1876 г. – в

Пишпеке открылись "азиатские пансионы", принимавшие в год всего 30 учеников из коренных жителей края.

Русские неполные средние школы были учреждены значительно позже: в 1911 г. – в Пржевальске, в 1916 г. – в Пишпеке и в том же году – женская прогимназия в Пишпеке. Известно, что в 1914 г. в Кыргыстане действовало 107 русских школ, в которых был 7041 учащийся.

В русских учебных заведениях, которые стали первыми рассадниками передовой русской культуры в горном крае, в небольшом числе занимались и кыргызы.

В противовес мусульманским школам царское правительство стало открывать русско-туземные школы, сочетавшие системы обучения русских училищ и местных мектебов. Первая русско-туземная школа была учреждена в 1884 г. в селении Караконуз Токмакского уезда. Школы такого типа были организованы в 1886 г. в Оше, в 1897 г. – в Токмаке, в 1898 г. – в с. Сокулуке и Николаевском (ныне Панфиловское) Талкановской волости, в 1899 г. – в Тынаевской и Джумгальской волостях, в 1900 г. – в Кетмень-Тюбе, в 1904 г. – в с. Александровском (ныне с. Кировское) и с. Дмитриевском (ныне г.Талас), в 1905 г. – в Ат-Баши, в 1906 г. – в г. Пржевальске, в 1911 г. – на Памире.

Перед началом первой мировой войны в Кыргызстане функционировали около 20 русско-туземных школ и 2 интерната при городских школах, в которых обучалось более 800 детей. Эти школы сыграли в целом прогрессивную роль в культурной жизни кыргызского народа, приобщая его к духовным ценностям человечества. Выпускниками русско-туземных школ были Т.Айтматов, Б.Исакеев, А.Осмонбеков, З.Кыдырбаев и другие известные впоследствии в Кыргызстане люди.

Определенную роль в развитии сельскохозяйственных знаний в среде коренного населения сыграли низшие сельскохозяйственные школы, открытые в 1888 г. в Пржевальске и в 1898 г. – в Пишпеке. В них учащиеся наряду с общеобразовательными предметами знакомились с основами агрономии и агротехники, проходили практику по специальностям, осваивали различные ремесла. Выпускниками Пишпекской

сельскохозяйственной школы были Турар Рыскулов и Белек Солтоноев.

Как свидетельствуют факты, со второй половины XIX в. в области просвещения отмечается усиленная ориентация коренного населения на обучение детей в различных учебных заведениях не только Туркестанского края, но и Российской империи.

В середине XIX в. в Кыргызстане отсутствовала система здравоохранения в современном понимании. Однако в кыргызском обществе была развита народная медицина, пользовавшаяся успехом до середины 20-х годов XX столетия. Она постоянно обогащалась и совершенствовалась благодаря жизненному опыту кочевников, а также неустанной деятельности немногочисленных лекарей-табибов, костоправов, фармацевтов и бабок-повитух. Народные врачеватели с целью сохранения и передачи богатого опыта держали при себе учеников, обычно из числа одаренных близких родственников. Являясь практиками-эмпириками, они довольно удачно применяли лечебные средства растительного, животного и минерального происхождения. Более искусные табибы пользовались в народе большим почетом и доверием. Им были известны даже некоторые элементы научной хирургии: они извлекали из ран чужеродные предметы, производили кесарево сечение, лечили переломы и вправляли вывихи. Табибы ставили диагноз по пульсу, назначали диету, лекарства, а в необходимых случаях — тепловые и физиотерапевтические процедуры.

Некоторые способы народного лечения близко примыкают к научной медицине. Кыргызам был известен великий врач Авиценна (под именем Улукман-аке). И сегодня не следует отказываться от рационального зерна народной медицин. После присоединения Кыргызстана к России в городах и приграничных районах появились первые медицинские учреждения — военные лазареты при воинских частях. А в период обустройства городов и переселенческих селений по необходимости открывались врачебные участки амбулаторно-лечебного типа, приемные покои, больницы и аптеки.

Накануне 1917 г. на территории Кыргызстана функционировали 4 городские больницы (в Пишпеке, Токмаке, Караколе,

Оше) на 70 коек, 5 сельских больниц на 30 коек, 9 врачебных участков (4 – в городах и 5 – в селениях), 21 фельдшерский пункт и 5 аптек. На одну больницу в среднем приходилось 144 тыс. человек, а на одного врача – 57600 человек. На здравоохранение выделялись мизерные средства. Врачебно-медицинским обслуживанием в основном пользовались царские чиновники и зажиточные слои населения. Забота царского правительства об охране здоровья народа сводилась к карантинным мерам и недопущению массовых вспышек эпидемий.

В таких условиях, пусть в малой мере, медицинская помощь кыргызскому народу оказывалась благодаря бескорыстной деятельности передовых русских врачей А.В.Пржегодского, Ф.В.Пояркова, Н.М.Барсова, фельдшера В.М.Фрунзе и других.

Высоко оценивая гуманность врача А.В.Пржегодского, его коллега Ф.В.Поярков писал: "Он оказывал любому больному помощь, несмотря на его нацию и имущественное и материальное положение". Такие люди нередко преследовались колониальной администрацией края. Например, известный фельдшер В.М.Фрунзе, обучавший кыргызов (в том числе и Тоголока Молдо) оспопрививанию, в 1895 г. был уволен со службы за лечение в пишпекской больнице "инородцев".

Усилиями врачей-энтузиастов была организована подготовка оспопрививателей из среды коренного населения, проводилась санитарно-просветительная работа, изучались лечебные свойства минеральных источников. Отдельные ученые-врачи пытались исследовать состояние здравоохранения Кыргызстана.

Новый этап научного исследования истории, неселения, экономики и природы Кыргызстана начался после присоединения его к России. Царское правительство, стремившееся вовлечь в орбиту своих военно-политических и экономических интересов народы Центральной Азии, нуждалось в достоверных сведениях об этих "неведомых" странах, их политическом и экономическом положении, природных и трудовых ресурсах, путях сообщения, в оценке их как источников сырья и

рынков сбыта. В этом заключались причины повышенного интереса к изучению края.

Однако следует отметить, что "тайны" Туркестана издавна привлекали ученых всего мира. С присоединением края к России предоставились благоприятные условия для осуществления таких сокровенных замыслов. Этой возможностью воспользовались русские ученые, бескорыстно и самоотверженно служившие русской науке ради прославления ее крупными открытиями. Только во второй половине XIX в. российскими научными обществами и учреждениями в Кыргызстан было направлено около 250 научных экспедиций.

Значительный вклад в первоначальное изучение Кыргызстана внесли такие выдающиеся ученые с мировым именем, как географ П.П.Семенов-Тян-Шанский, зоолог Н.А.Северцов, геоботаник А.П.Федченко, геолог И.В.Мушкетов, историк-востоковед В.В.Бартольд, лингвист В.В.Радлов, ученый-просветитель Ч.Ч.Валиханов и другие. Благодаря им народы многих стран мира получили представление об истории и культуре кыргызов.

Честь открытия для науки Центрального Тянь-Шаня принадлежит путешественнику-географу П.П.Семенову (1827-1914), получившему в 1906 г. почетное прибавление к фамилии – Тян-Шанский. В результате научных экспедиций, совершенных в 1856–1857 гг., он проложил начальные пути в изучении природы Тянь-Шаня, первым подверг сомнению ошибочные представления А.Гумбольдта и К.Риттера о вулканическом происхождении тянь-шаньских гор, а также мнение Гумбольдта о том, что река Чу вытекает из озера Иссык-Куль. В трудах П.П.Семенова-Тян-Шанского имеются ценные исторические сведения о народах Семиречья, об их самобытной культуре, взаимоотношениях с соседями и между собой и т.д.

Особое значение для кыргызоведения имеют исследования казахского ученого, путешественника и просветителя Ч.Валиханова (1835–1865). В 1855–1859 гг. он в составе разных экспедиций несколько раз посещал Кыргызстан и собрал богатый материал о коренном населении горного края, его жизни и быте, вероисповедании, хозяйственных занятиях, взаимоотношениях с соседями, а также об историко-археоло-

гических памятниках. В 1856 г.Ч.Валиханов первым из российских ученых записал отрывок из эпоса "Манас", посвященный поминкам хана Кокетея. Осознав выдающееся значение этого уникального народного творения, он отметил: "Манас" есть энциклопедическое собрание всех кыргызских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени. Это нечто вроде степной "Илиады". Образ жизни, обычаи, нравы, географические, религиозные и медицинские познания кыргызов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее".

Одним из ученых-путешественников, вложивших немало труда в изучение природно-географических богатств Кыргызстана, был Н.А.Северцов (1827–1885). В 1864 г. он исследовал Чуйскую и Таласскую долины, в 1865–1867 гг. – Иссык-Кульскую котловину и Центральный Тянь-Шань, а в 1877–1878 гг. проник в таинственные области "Крыши мира" – Памира. За 23 года работы в Туркестане он совершил девять крупных экспедиций, собрал богатейший ботанический, зоологический и минералогический материал, который послужил основой для глубоких исследований. В его трудах встречается немало и историко-этнографических сведений о народах Туркестана.

Начало научному исследованию южной части Кыргызстана положил известный натуралист и ученый-путешественник А.П.Федченко (1844–1873). В 1868–1871 гг. он обстоятельно изучал состояние сельского хозяйства, местные ремесла и собрал первые сведения о национальном составе, антропологии и размещении местного населения в Ферганской долине. В 1871 г., путешествуя по Кокандскому ханству, он исследовал топографию, флору и фауну Алайской долины, открыл для науки Заилийский хребет и его наивысшую точку. Им была составлена наиболее подробная карта Ферганской долины и окружающих ее гор. Наука обогатилась исключительно полными коллекциями по естествознанию.

Первым проводил геологические исследования Средней Азии знаменитый русский ученый-геолог и путешественник И.В.Мушкетов (1850–1902). Он считался лучшим знатоком геологии и его слава шагнула далеко за границы отечества,

маршруты И.В.Мушкетова пролегли почти через все районы Кыргызстана. Он показал историю развития гор Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Совместно с геологом Г.Д.Романовским составил первую геологическую карту Средней Азии.

В путевых записках ученого нашли отражение не только геологические материалы, но и сведения о коренных жителях края.

Приоритет в изучении кыргызского языка и самобытного поэтического творчества кыргызов принадлежит видному ученому-тюркологу В.В.Радлову (1839–1918). В 1862 и 1869 гг., изучая язык и фольклор кочевников, он записал более 14 тысяч стихотворных строк образцов национальной народной поэзии, которые опубликовал в 1885 г. на кыргызском языке в русской транскрипции, снабдив издание стихотворным переводом на немецкий язык. В вводной статье В.В.Радлов дал высокую оценку эпосу "Манас" и подчеркнул значение устной поэзии в жизни кыргызского народа.

Основы кыргызской историографии заложены крупнейшим востоковедом В.В.Бартольдом (1839–1930). В 1893–1894 гг., являясь участником экспедиции по Семиречью, он обследовал Таласскую и Чуйскую долины, Прииссыккулье и Центральный Тянь-Шань, а в 1902 г. изучал историческое прошлое г.Ош и его окрестностей. Его капитальные труды, внесшие значительный вклад в исследование древней и средневековой истории горного края, написаны на основе огромного исторического, археологического материала и восточных источников.

Значительную лепту в изучение истории и культуры кыргызского народа внесли энтузиасты-краеведы А.М.Фетисов, Ф.В.Поярков, Я.Н.Корольков, В.П.Ровнягин и другие.

С именем А.М.Фетисова (1842–1894) связано и развитие садоводства в Кыргызстане. В 1881 г. он заложил основу большого общественного сада – Карагачевой рощи, а в 1889 г. организовал сельскохозяйственную школу в Пишпеке. Кроме того, А.М.Фетисов проводил археолого-этнографические исследования.

Незаурядным исследователем жизни и быта кыргызов, энтузиастом-археологом и антропологом был врач Ф.В.Пояр-

ков (1851–1910). Непосредственно общаясь с коренным населением, он записывал народные легенды, изучал самобытную культуру кыргызов. Всю жизнь Ф.В.Поярков посвятил бескорыстному служению медицине и востоковедению.

Неутомимым краеведом, общественным деятелем Прииссыккулья был действительный член Русского Географического общества Я.И.Корольков. В 1881 г. он создал первую метеорологическую станцию в Кыргызстане и постоянно вел наблюдения. Активно занимался изучением природы и климата Тянь-Шаня, собирал ботанические и зоологические коллекции. Я.И.Корольков являлся попечителем многих культурных начинаний и содействовал организации научных экспедиций в Кыргызстане. Пользовался большим авторитетом и доверием кыргызского народа.

Русским путешественником и краеведом неоценимую помощь оказывали коренные жители. Кыргызские проводники – знатоки края и охотники были неизменными спутниками русских исследователей, сопровождали их в труднодоступных районах, знакомили с жизнью и культурой соплеменников показывали историко-культурные памятники.

Таким образом, благодаря усилиям передовых русских ученых, а также активной деятельности краеведов при содействии кыргызских знатоков заметно продвинулись научные исследования в Кыргызстане.

Вопросы для повторения и самоконтроля

1. Перечислите основные компоненты материальной культуры.
2. Какие типы жилищ были у кыргызов?
3. Назовите особенности, виды промыслов и ремесел у кыргызов.
4. Какие крепости возводились в Кыргызстане?
5. Какие крупные надгробные мавзолеи построены на территории Кыргызстана?
6. Когда построен "Гумбез Манаса?"
7. Значение "Бабур-намэ" в истории тюркских народов.
8. Какой вклад внесли в развитие духовной культуры средневековые поэты, мыслители и ученые Средней Азии?

9. Что вы знаете об Асан-Кайгы и Толубай-сынчы?

10. Какова роль эпоса "Манас" в жизни кыргызского народа?

11. Какие изменения произошли в материальной культуре кыргызов в конце XIX в.?

12. Назовите известных сказителей и акынов XIX – начала XX в.

13. Значение произведений Молдо Кылыча в зарождении письменной литературы.

14. Жизнь и творчество первых кыргызских историков-просветителей (О.Сыдыков, Б.Солтоноев).

15. Как развивалось просвещение во второй половине XIX в.?

16. Роль народной медицины в жизни кыргызского народа.

17. История изучения Кыргызстана российскими учеными-путешественниками.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон С.М. Очерки культуры киргизского народа. – Фрунзе, 1945.

Абрамзон С.М. Киргизы// Народы Средней Азии и Казахстана. Т.2.– М.,1963.

Айдаралиев А.А. Основные этапы здравоохранения в Киргизии. – Фрунзе, 1958.

Айтмамбетов Д.А. Культура киргизского народа во второй половине XIX – начале XX в. – Фрунзе, 1967.

Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М., 1952.

Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1958.

История Киргизской ССР. Т.2. – Фрунзе, 1986.

Русские путешественники и исследователи о кыргызах. – Фрунзе, 1973.

Мурас: Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч, Алдаш Молдо, Женижок, Токтогул жана башкалар. – Фрунзе, 1990.

Солтоноев Б. Солтонкелди уулу. Кызыл кыргыз тарыхы//Ала-Тоо – 1988. – № 11; 1989. – № 3–4, 6.

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ И ДАТЫ (с древнейших времен до конца XIX в.)

300–100 тыс. лет тому назад	–	нижний палеолит.
100–40 тыс. лет до н.э.	–	мустьерский период.
X–VII тыс. лет. до н.э.	–	эпоха мезолита (среднекаменный век).
VI–III тыс. лет. до н.э.	–	эпоха неолита на Тянь-Шане.
II тыс. лет. до н.э.	–	время создания древнейших наскальных изображений в урочище Саймалы-Таш на юге Кыргызстана.
XVII–VIII вв. до н.э.	–	эпоха бронзы. Распространение памятников андроновской культуры.
XII–VII вв. до н.э.	–	существование общин первых земледельцев (памятники чустской культуры).
VI–III вв. до н.э.	–	сакские племенные союзы на Тянь-Шане.
329 г. до н.э.	–	вторжение войск Александра Македонского в Среднюю Азию.
311 г. до н.э.	–	начало летосчисления по селевкидской эре, принятой несторианами.
IV–I вв. до н.э.	–	шурабашатская культура.
IV–I вв. до н.э.	–	государство Давань в Ферганской долине.
II в. до н.э.	–	начало функционирования Великого шелкового пути между Западом и Востоком.

160 г. до н.э. – сер. V в. н.э.	–	Усуньское государство.
I–II вв. н.э.	–	эпоха "великого переселения народов".
IV–V вв.	–	Кыргызстан в составе Эфталитского государства.
V–VI вв.	–	появление согдийских поселений в Чуйской и Таласской долинах.
552–744 гг.	–	Тюркский каганат.
568–571 гг.	–	война западных тюрок с Ираном.
VII в. (первая половина)	–	возникновение древнетюркского алфавита.
622 г.	–	начало мусульманского летосчисления (хиджра).
629 г.	–	путешествие Сюань Цзана в Индию через Чуйскую долину.
654–683 гг.	–	первые вторжения арабов в Среднюю Азию.
704–746 гг.	–	Тюргешский каганат.
720–738 гг.	–	совместная борьба народов Средней Азии во главе с тюргешами против арабских завоевателей.
744–840 гг.	–	Уйгурский каганат.
751 г.	–	разгром арабами и карлуками китайских войск на р. Талас.
766–940 гг.	–	Карлукский каганат.
840–916 гг.	–	эпоха "кыргызского великодержавия".
940 г.	–	завоевание Баласагуна Караханидами.
942–1137 гг.	–	государство Караханидов.

960 г.	–	провозглашение ислама государственной религией в государстве Караханидов.
Конец X – начало XI в.	–	сложение архитектурно-культового комплекса "Бурана".
1015/16 г.	–	родился Юсуф Баласагуни.
1069 г.	–	создание тюркоязычной поэмы "Кутадгу билиг" Юсуфом Баласагуни.
1072–1077 гг.	–	написание "Диван лугат-ат тюрк" ("Словарь тюркских наречий") Махмудом Кашгари.
XI–XII вв.	–	строительство Узгенского архитектурного комплекса.
XII в. (первая половина)	–	сооружение мавзолея Шах-Фазиль.
1137–1218 гг.	–	государство киданей.
1206 г.	–	провозглашение Темучина (Чингисхана) верховным ханом монголов.
1219–1224 гг.	–	завоевательный поход монголов в Среднюю Азию.
1228–1241 гг.	–	правление хана Чагатая, включение Кыргызстана в состав его улуса.
1251–1259 гг.	–	правление Мунке-хана.
1269 г.	–	курултай монгольских феодалов в Таласе.
1269–1301 гг.	–	правление хана Хайду.
1334 г.	–	сооружение на р. Талас мавзолея Канизек-хатун, известного в народе как "Гумбез Манаса".
1348–1362/3 гг.	–	правление хана Тоглук-Тимура в Моголистане.
1370–1405 гг.	–	правление Тимура.

XV в. (50-60-е годы)	–	государственно-политическая консолидация племен Казахского ханства, временно переселившихся в долины р. Талас и Чу.
XV в. (80-е годы)	–	консолидация самостоятельного политического объединения кыргызов на Северном Тянь-Шане.
XV – начало XVI в.	–	завершение процесса этнополитической консолидации кыргызской народности.
XVI в. (начало)	–	создание сочинения "Маджму ат-таварих", где впервые упомянуты сюжеты эпоса "Манас".
1503/4–1507/8 гг.	–	правление Халил-Султана в кыргызском феодально-государственном объединении.
1524–1550 гг.	–	кыргызско-казахский военный союз.
XVI в. (конец)	–	помощь кыргызских феодалов казахскому Тевеккел-хану в борьбе за господство над районами Ферганы, Ташкента и Самарканда.
1626–1627 г.	–	совместный поход казахов и кыргызов во главе с Ишим-ханом против ойротов (калмаков).
1635 г.	–	образование Джунгарского ханства.
1710–1722 гг.	–	правление в Коканде Шахрухбия.
1735–1751 гг.	–	правление в Коканде Абд ал-Карима, заключившего союз с кыргызами.
XVIII в. (вторая половина)	–	возвращение части кыргызов из Ферганы и Восточного Туркестана на Тянь-Шань.

1762 г.	—	захват кокандскими феодалами Оша и Узгена.
1762–1831 гг.	—	подчинение территории Кыргызстана Кокандским ханством.
1785 г., 23 августа	—	прибытие первых полномочных послов кыргызов Абдрахмана Кучукова и Шергазы в крепость Омск, а 29 декабря того же года - в Санкт-Петербург.
1821 г.	—	захват Кетмень-Тюбе кокандским хакимом Сейидкулбеком.
1821 г.	—	совместное выступление кыргызов Таласской долины и казахов на Сырдарье против гнета кокандских феодалов.
1822–1842 гг.	—	правление Мухаммеда Али (Мадали-хана).
1825 г.	—	поход Мадали-хана против кыргызов Чуйской долины.
1825 г.	—	сооружение кокандских крепостей Пишпек и Токмак в Чуйской долине, Суфи-Коргон и Кызыл-Коргон – на Алае (1827 г.), Джумгал и Тогуз-Торо – в Тянь-Шане (1830 г.), Куртка – на р.Нарын, Таш-Коргон – на Памире (1832).
1830-е годы	—	восстание нарынских кыргызов под руководством Тайлак-батыра и Атантая против кокандских завоевателей.
1842 г.	—	восстание иссык-кульских кыргызов против ханского владычества, изгнание кокандцев из укреплений в Прииссыккулье.
1845 г.	—	восстание алайских и ошских кыргызов против Кокандского ханства.

1847 г.	–	борьба казахов и кыргызов против произвола ханского наместника Азиза-парваначи в Ташкенте.
1847–1848 гг.	–	антикокандское восстание наманганских кыргызов.
1855 г.	–	принятие российского подданства иссык-кульскими кыргызами.
1856 г.	–	военно-научная экспедиция на оз. Иссык-Куль во главе с полковником М.М.Хоментовским при участии Ч.Валиханова, первая запись Ч.Валихановым отрывка из эпоса "Манас".
1856–1857 гг.	–	экспедиция в Кыргызстан П.П.Семенова-Тян-Шанского (1827-1914) и художника П.М.Кошарова.
1860 г., август-сентябрь	–	взятие русскими войсками при содействии чуйских кыргызов кокандских крепостей Токмак и Пишпек.
1860 г.	–	родился Байымбет Абдрахманов (Тоголок Молдо), акын-демократ (умер в 1942 г.).
1862 г., лето и осень -		восстание чуйских кыргызов, обращение их за помощью к русским властям в г. Верный.
1864 г., июнь	–	принятие подданства России кыргызами Чаткала, Суусамыра и Кетмень-Тюбе.
1864 г., декабрь	–	обращение к русским властям нарынских кыргызов с просьбой о принятии в подданство России.
1864–1867 гг.	–	путешествие Н.А.Северцова по Кыргызстану.
1864 г.	–	родился Токтогул Сатылганов, акын-демократ, композитор (умер в 1933 г.).

1865–1875 гг.	–	третье правление Худояр-хана в Коканде (первое – 1844–1858; второе – 1862–1863 гг.).
1867 г.	–	родился Сагымбай Орозбаков, известный манасчи (умер в 1930 г.).
1867 г.	–	восстание кыргызов Алая против Кокандского ханства, взятие ими укрепления Кызыл-Коргон.
1867 г., 11 июля	–	преобразование Туркестанской области (образована 12 февраля 1865 г.) в Туркестанское генерал-губернаторство и образование Туркестанского военного округа, в состав которых входила территория северной части Кыргызстана.
1869 г., 2 июля	–	основание г. Каракола.
1869 г.	–	путешествие В.В.Радлова в Чуйскую долину и Прииссыккулье, запись им отрывков из эпоса "Манас".
1873 г., январь	–	1874 г. – письма южных кыргызов к туркестанской администрации с просьбой о помощи, покровительстве и принятии их в подданство России.
1873–1875 гг.	–	восстание ферганских кыргызов и узбеков против феодально-ханского гнета.
1874 г., 1 октября	–	основание Каракольской кыргызской школы совместного обучения (пансион).
1876 г., 19 февраля	–	ликвидация Кокандского ханства и полное присоединение земель Кыргызстана к России.

1876 г.	–	первое посещение Кыргызстана Н.М.Пржевальским (1839–1888) во время научной экспедиции в Центральную Азию.
1877–1883 гг.	–	переселение дунган и уйгуров в Семиречье.
1878 г.	–	основание г. Пишпек (Бишкек).
1887 г., 15 января	–	открытие в г. Оше русско-туземной школы.
1888 г., 1 октября	–	открытие в г. Караколе сельскохозяйственной школы.
1893–1894 гг.	–	научная экспедиция в Среднюю Азию и Кыргызстан В.В.Бартольда (1869–1930).
1894 г.	–	родился Саякбай Каралаев – талантливый сказитель эпоса "Манас" (умер в 1970 г.).
1897 г.	–	открытие русско-туземной школы в г. Токмаке.
1898 г.	–	открытие каменноугольных копей в Кызыл-Кия и Уч-Коргоне.
1902 г., 14 мая	–	открытие народной библиотеки-читальни в г. Караколе.
1905 г.	–	начало разработок каменноугольный копей в Сулюкте.
1905 г., весна	–	забастовка рабочих в Кызыл-Кия и Сулюкте.
1905 г., лето – 1914 г.	–	образование и деятельность социал-демократических кружков и групп в г. Пишпеке.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: История как наука 3

РАЗДЕЛ I. КЫРГЫЗСТАН С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX в.

Глава 1. Первобытнообщинный строй. Племенные союзы 13

§ 1. Каменный век. Формирование первобытнообщинного строя 13

§ 2. Разложение первобытнообщинного строя 23

§ 3. Племенные союзы эпохи раннего железа и становление классового общества 31

Глава 2. Раннетюркские государства (VI–X вв.) 49

§ 1. Древнетюркские государства 49

§ 2. Каганат (X – нач. XIII в.) 63

Глава 3. Караханидский каганат (X – нач. XIII в.) 77

§ 1. Население Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в X в. Династия Караханидов: этническое происхождение 77

§ 2. Возникновение и начало политического подъема государства Караханидов. Первый и второй походы в Бухару 82

§ 3. Караханидский каганат в первой половине XI в. Восточный и Западный караханидский каганаты 88

§ 4. Борьба Караханидов против киданей и хорезмшахов 93

§ 5. Политический строй, социально-экономические отношения и хозяйственная жизнь 99

Глава 4. Культура Кыргызстана в VI–XII вв. 109

§ 1. Культура кочевого населения 110

§ 2. Культура оседлого населения 128

Глава 5. Кыргызстан в XIII–XV вв. 151

§ 1. Чагатайский улус 151

§ 2. Государство Хайду 152

§ 3. Государство Могулистан 157

Глава 6. Образование кыргызской народности 171

§ 1. О взаимоотношениях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня 171

§ 2. Переселение части енисейских кыргызов на Тянь-Шань 174

§ 3. Кимакские и кыргызские племена Алтая в IX–XIII вв. 181

§ 4. Формирование кыргызского народа 188

Глава 7. Кыргызстан в XVI – первой половине XVIII в. 199

§ 1. Правители Восточного Туркестана и их взаимоотношения с кыргызами 199

§ 2. Взаимоотношения кыргызов и калмаков в XVII – первой половине XVIII в. 105

§ 3. Участие кыргызов в освободительной борьбе народов Восточного Туркестана против ига Джунгарского ханства 208

§ 4. Политическое устройство, социальные отношения, хозяйство, торговля 211

Глава 8. Кыргызы и Кокандское ханство 221

§ 1. Завоевание Киргизии Кокандским ханством 221

§ 2. Под игом Кокандского ханства 233

§ 3. Антикокандские выступления кыргызов 238

Глава 9. Присоединение Кыргызстана к России 253

§ 1. Исторические предпосылки сближения кыргызов с Россией 253

§ 2. Народное восстание 1873–1876 гг. 258

Глава 10. Кыргызстан в составе России 277

§ 1. Колониальная политика царизма и административно-судебная система 277

§ 2. Экономическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX в. 282

§ 3. Социальные отношения и формы классовой борьбы в Кыргызстане в конце XIX в. Андижанское восстание 1898 г. 304

Глава 11. Культура народов Кыргызстана в XIII – начале XX в. 316

§ 1. Культура кочевников в позднем средневековье 316

§ 2. Культура народов Кыргызстана второй половины XIX – начала XX в. 336

Важнейшие события и даты (с древнейших времен до конца XIX в.) 357

118

**ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX в.**

Редактор *Т. К. Песковая*
Технические редакторы *Э. К. Гаврина, С. З. Нурмиева*
Набор и компьютерная верстка *Ю. Горюшкина, А. Котикова, Н. Пак*

Сдано в набор 14.09.95. Подписано к печати 05. 02. 96. Формат бумаги 60×84 1/16. Бумага писчая. «Школьная» гарнитура. Печать офсетная. 23,0 физич. печатных листа. 21,39 условн. печатных листа. Тираж 2000. Заказ № 2015.

Издательство «Илим»
720071, ГСП, Бишкек, проспект Чуй, 265 а
Госконцерн «Акыл»
Кыргызполиграфкомбинат.
720461, ГСП, г. Бишкек, ул. Т. Суванбердиева, 102.